ПРОГРЕССИВНАЯ ЭВОЛЮЦІЯ

СОЗНАТЕЛЬНАГО НАЧАЛА ПРИРОДЫ

КАКЪ ОСНОВА МІРОВОЗЗРѢНІЯ.

Сочин. В. МАЛИНИНА.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1902.

1025

ПРОГРЕССИВНАЯ ЭВОЛЮЦІЯ СОЗНАТЕЛЬНАГО НАЧАЛА ПРИРОДЫ

КАКЪ ОСНОВА МІРОВОЗЗРѢНІЯ.

Сочин. В. Малинина.

...ОЙ
...ОЛОГИЧЕСКОЙ
...АКАДЕМИИ

Нижній-Новгородъ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Сентября 1902 г.

210696

Предлагаемое сочиненіе, по своему содержанію, можетъ разсчитывать только на ограниченный кругъ образованной публики, интересующейся философскими вопросами. Этотъ кругъ не нуждается въ объясненіи научныхъ терминовъ, входящихъ въ сочиненіе; но имѣя въ виду возможность, что имъ заинтересуются нѣкоторые изъ такъ называемой большой образованной публики, мы въ концѣ помѣстили краткое объясненіе этихъ терминовъ.

Оглавленіе.

Глава I.

Стр.

Прошлое человѣчества. Религіозное и философское мировоззрѣнія. Гипотеза Канта-Лапласса. Геологическіе процессы. Развитіе органическаго міра. Сравненіе человѣка съ низшими животными. Языкъ животныхъ и человѣка 1

Глава II.

Сознательное и безсознательное начала природы. Процессы въ мертвой природѣ представляютъ только перераспредѣленіе вещества и переходъ физической энергіи изъ однихъ формъ въ другія. Гипотеза охлажденія солнца Прогрессивная эволюція сознательнаго начала въ геологическіе періоды 17

Глава III.

Дальнѣйшее развитіе сознательнаго начала въ будущемъ. Развитіе познавательной силы Различіе между положительными науками и науками, объектъ которыхъ сознательное начало природы Рефлексъ, инстинктъ и разумъ 33

Глава IV.

Впечатлѣнія, производимыя природою на психику организма. Высшія понятія и чувства, возбуждаемыя въ человѣкѣ природою. Содержаніе жизни Прогрессивная эволюція сознательнаго начала, какъ основа міровоззрѣнія 47

Глава V.

Увеличеніе власти человѣка надъ природою по мѣрѣ увеличенія его знаній. Дальнѣйшій прогрессъ знаній въ области явленій, опредѣляемыхъ сознательнымъ началомъ природы 66

Глава VI.

Масштабъ для нравственной оцѣнки понятій, чувствъ и поступковъ. Практическіе люди и идеалисты. Золотой вѣкъ патріархальнаго быта. Отрицаніе высокаго достоинства новоевропейской цивилизаціи. 78

Глава VII.

Сравненіе естественнаго подбора съ сортирующимъ аппаратомъ. Борьба за существованіе одинаково можетъ вести какъ къ прогрессу, такъ и дегрессу. Борьбою за существованіе нельзя объяснить появленіе и развитіе высшихъ психическихъ элементовъ человѣческаго духа. Деморализующее вліяніе на человѣка борьбы за существованіе. Международныя отношенія. Экономическій гнетъ и его ослабленіе въ будущемъ. 88

Глава VIII.

Законъ Мальтуса. Искусственное регулированіе населенія. Непрактичность способа регулированія, предложеннаго Мальтусомъ, возможность другого, лучшаго способа. Возраженія противъ регулированія населенія; польза регулированія. Постепенный подъемъ нравственнаго уровня въ человѣчествѣ 109

Глава IX.

Развитіе эстетическихъ эмоцій и чувствъ. Пластическое и музыкальное искусства, художественная литература. Недостатки языка. 131

Глава X.

Содержаніе жизни и ея цѣнность; счастье Субъективныя условія счастья человѣка. Низкій уровень счастья у народовъ древнихъ цивилизацій и повышеніе его у народовъ новоевропейской цивилизаціи. 140

Глава XI.

Необходимость имущественнаго и соціальнаго неравенства Главныя условія, опредѣляющія счастье человѣка въ различныхъ возрастахъ его жизни Промышленная реформа. Повышеніе счастья въ будущемъ. Половая любовь 152

Глава XII.

Развитіе религіознаго чувства, Откровенная религія Христіанства. Доказательство творенія вселенной на основаніи данныхъ и выводовъ современнаго естествознанія, возникновеніе жизни на землѣ. Кажущееся паденіе религіознаго чувства въ цивилизованныхъ народахъ 168

Глава XIII.

Бесловесныя животныя не сознаютъ неизбѣжности смерти. Страхъ смерти у человѣка. Воскресеніе и вѣчная жизнь Заключеніе. 195

Объясненіе терминовъ, употребленныхъ въ сочиненіи.

ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	Строка сверху.	Строка снизу	Напечатано:	Должно читать:
25	9	—	больше энергіею	большею энергіею
44	7	—	перестальтическое	перистальтическое
50	13	—	явленія	вліянія
55	24	—	цѣлесообразнымъ	цѣлесообразность
180	—	2	матерьялу	матеріалу

Прогрессивная эволюція сознательнаго начала природы, какъ основа міровоззрѣнія.

Глава I.

Прошлое человѣчества. Религіозное и философское міровоззрѣнія. Гипотеза Канта-Лапласа. Геологическіе процессы. Развитіе органическаго міра. Сравненіе человѣка съ низшими животными. Языкъ животныхъ и человѣка

Пытливый умъ человѣка, въ своихъ поискахъ выяснить прошлое человѣчества, принужденъ довольствоваться вообще матеріаломъ настолько скуднымъ, что нужно много воображенія, чтобы возстановить по аналогіи блѣдныя картины этого прошлаго. Изъ неисчислимо длиннаго періода времени, протекшаго отъ появленія первыхъ слѣдовъ органической жизни на земномъ шарѣ, до настоящаго времени, только послѣдняя, и незначительная часть этого періода, отмѣчается присутствіемъ человѣка на нашей планетѣ, и эта часть, въ понятіи современнаго человѣка науки, должна разбиться на три неравныхъ по величинѣ періода. Первый періодъ, геологическій, съ слабыми слѣдами существованія человѣка, мѣряется сотнями тысячъ лѣтъ; за нимъ слѣдуетъ второй—доисторическій, періодъ такъ называемыхъ каменныхъ и бронзовыхъ орудій, свайныхъ построекъ и кухонныхъ отбросовъ; его надо мѣрить уже, десятками тысячелѣтій, и, наконецъ третій,—ближайшій къ намъ, захватывающій отъ 6—7 тысячелѣтій, сравнительно богатъ историческимъ матеріаломъ.

Какъ ни скудны по содержанію матеріалы, добытые наукою изъ доисторическихъ періодовъ, выводъ, что человѣкъ, со времени своего появленія на земномъ шарѣ, прогрессировалъ въ интеллектуальномъ отношеніи, остается внѣ всякаго сомнѣнія. Немногочисленныя свидѣтельства существованія человѣка въ геологическій періодъ, по своему характеру и виду, таковы, что, въ интеллектуальномъ и культурномъ отношеніяхъ мы должны признать человѣка того періода, стоящимъ ниже наименѣе развитыхъ современныхъ расъ. Сравнительно болѣе богатый и разнообразный археологическій матеріалъ второго, ближайшаго къ намъ доисторическаго періода, явно доказываетъ всесторонній прогрессъ человѣка въ этотъ періодъ и позволяетъ намъ установить приблизительно бытовыя картины тогдашняго

времени; но онъ ничего не даетъ для выясненія историческихъ судебъ народовъ, населявшихъ тогда землю, а проливаетъ только тусклый свѣтъ на порядокъ распространенія по ея поверхности главнѣйшихъ расъ человѣческаго рода. Наконецъ въ третій, историческій, періодъ, благодаря богатству историческаго матеріала, мы можемъ умственнымъ взоромъ охватить прошлое человѣчества за этотъ періодъ, и тутъ намъ представляется величественная картина борьбы, побѣдъ и пріобрѣтеній человѣческаго духа, медленнаго, но неуклоннаго подъема и развитія его психическихъ силъ Перечислять эти пріобрѣтенія значитъ перечислять всѣ науки и искусства, созданныя человѣкомъ, успѣхи гражданственности, культуры и т. д., наконецъ, созданіе могучихъ техническихъ средствъ, давшихъ возможность человѣку, наперекоръ неблагопріятнымъ естественнымъ условіямъ, густо населить обширныя области, представлявшія въ доисторическія времена пустыни съ рѣдкимъ и бѣднымъ населеніемъ.

Если остановиться на послѣднемъ, историческомъ періодѣ, то по качеству историческаго матеріала, его можно разбить на двѣ неравныя части: одна, большая, до изобрѣтенія азбуки и другая, меньшая, отъ этого изобрѣтенія до настоящаго времени. Главнѣйшій матеріалъ первой части— развалины построекъ, небольшое число сохранившихся архитектурныхъ сооруженій, предметы житейскаго обихода, клинообразныя и гіероглифическія надписи. Этотъ матеріалъ даетъ возможность установить только нѣкоторые историческіе факты и создать далеко не полныя бытовыя картины прошлаго, при полномъ почти отсутствіи данныхъ, по которымъ можно бы было судить о религіозныхъ, научныхъ и философскихъ воззрѣніяхъ народовъ, оставившихъ эти памятники. Вторая часть, которую можно назвать письменной, заполнивъ пробѣлы въ первой части миѳическими сказаніями постепенно отъ миѳическаго перешла къ достовѣрному и, что главное, оставила намъ въ литературахъ богатѣйшій матеріалъ, дающій возможность не только твердо установить послѣдовательность историческихъ событій, но и ознакомиться со всѣми проявленіями психики историческихъ народовъ, по скольку она выразилась въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ произведеніяхъ искусства, поэзіи, науки и философіи.

Произведенія литературы древнихъ народовъ дали возможность сравнивать интеллектуальное развитіе передовыхъ расъ современнаго человѣчества съ развитіемъ наиболѣе одаренныхъ народовъ классической древности. Не касаясь пока вопроса, насколько прогрессировало это развитіе за 4—5 послѣднихъ тысячелѣтій, мы въ этомъ періодѣ застаемъ человѣка уже съ такими запросами относительно міровоззрѣнія, которые въ доисторическіе періоды могли существовать только въ зародышѣ. Подъ міровоззрѣніемъ мы понимаемъ болѣе или менѣе стройный складъ понятій, выясняющихъ, что такое природа, міръ, какъ аггрегатъ матеріи, что такое душа человѣка, существуетъ-ли Богъ и если Онъ существуетъ, то каковы Его свойства и способъ отношенія къ міру; за этими вопросами, общаго характера, слѣдуютъ частные, имѣющіе особое значеніе для человѣка,—это вопросы о безсмертіи души и загробной жизни.

Въ духовной жизни человѣка вопросы міровоззрѣнія имѣютъ такое важное значеніе, что передъ ними обыкновенные житейскіе интересы кажутся ничтожными. Дѣйствительно, обратитесь-ли вы къ произведеніямъ людей, выдающихся по генію и таланту, вездѣ, гдѣ они останавливаются на этихъ вопросахъ, или по ходу своихъ мыслей только соприкасаются съ ними, онн напрягаютъ всю силу своего генія и таланта, чтобы проникнуть въ тайны мірозданія; наблюдаете-ли вы тайники души обыкновеннаго человѣка, и тутъ, среди житейской сутолоки и заботъ о поддержаніи своей жизни, въ минуты самоуглубленія, всплываютъ тѣ же вопросы міровоззрѣнія, не какъ праздное занятіе ума, а какъ нѣчто имѣющее рѣшающее и первенствующее значеніе, и напрасны попытки нѣкоторыхъ заглушить въ душѣ возникновеніе этихъ вопросовъ, наполняя ея жизнь содержаніемъ житейскихъ интересовъ, наукою, политикою и т. п., они, эти вопросы, при всякомъ благопріятномъ случаѣ, назойливо напоминаютъ о себѣ и тѣмъ чаще и сильнѣе, чѣмъ ближе подходитъ конецъ жизни, смерть.

Отвѣты на главнѣйшіе вопросы міровоззрѣнія даютъ религіи, при чемъ содержаніе отвѣтовъ соотвѣтствуютъ содержанію вопросовъ, а послѣдніе, въ свою очередь, зависятъ отъ степени развитія человѣка: дикарь—фетишистъ—получаетъ одни отвѣты, передовые по развитію современные народы—другіе, болѣе полные и болѣе высокіе по содержанію. Такъ, христіанская религія, на вопросы міровоззрѣнія даетъ такіе, вполнѣ опредѣленные отвѣты: міръ есть созданіе Высочайшаго Существа, Бога, сущность и свойства Котораго превышаютъ пониманіе человѣческаго разума; Богъ предвѣченъ, созданный Имъ міръ имѣетъ начало и будетъ имѣть конецъ, послѣ котораго, преобразованный, будетъ существовать вѣчно. Человѣкъ, какъ и все въ мірѣ, созданъ Богомъ; физическій организмъ человѣка смертенъ, его духовная сущность, душа, безсмертна.

Вѣра служащая основаніемъ религіи, имѣетъ такіе глубокіе корни въ душѣ современнаго человѣка, что попытки пошатнуть ея похожи на попытки пигмея пошатнуть колоссъ. По мѣрѣ того, какъ развивающійся разумъ человѣка выдѣлялъ его все болѣе и болѣе изъ ряда другихъ существъ органическаго міра, наблюденіе явленій внѣшняго міра и самонаблюденіе душевныхъ процессовъ приводило этотъ разумъ къ постепенно усиливающемуся убѣжденію, что вселенная не есть продуктъ случайности, что въ ея устроеніи дѣйствовалъ Высшій Разумъ, положившій незыблимые законы въ основу физическихъ и духовныхъ процессовъ.

Религія, какъ таковая, отвѣчаетъ и должна отвѣчать на вопросы міровоззрѣнія, поэтому, съ точки зрѣнія современнаго человѣка, всякое ученіе, не удовлетворяющее этому главному условію, не можетъ быть названо религіею.

Польза, приносимая религіею человѣчеству, неисчислима, и чѣмъ совершеннѣе религія, тѣмъ плодотворнѣе ея вліяніе на судьбы человѣчества. Установляя вполнѣ опредѣленное міровоззрѣніе, религія вноситъ миръ въ душу человѣка, даетъ смыслъ его жизни, направляетъ его волю въ сферѣ

нравственныхъ дѣйствій, служитъ стимулирующимъ источникомъ для самыхъ возвышенныхъ настроеній его души, примиряетъ его съ бѣдствіями, причиненными слѣпыми стихійными силами природы, питаетъ въ немъ надежду возстановленія въ загробной жизни справедливости, нарушенной въ этой, земной жизни; проливаетъ цѣлительный бальзамъ на растерзанное сердце, когда ничто въ мірѣ не можетъ дать ему даже малѣйшаго утѣшенія. Потеря религіознаго чувства въ массахъ человѣческаго рода, при настоящемъ состояніи его развитія, лишила бы человѣчество величайшаго блага.

Всякая религія, считая себя единственною хранительницею истины, относится къ другимъ религіямъ отрицательно; крайняя уступка, допускаемая тутъ, можетъ быть только терпимость. Исторія богата примѣрами жесточайшихъ дѣйствій человѣка, вызванныхъ религіозною ревностью: проливались потоки человѣческой крови, сотни тысячъ человѣческихъ существъ умирали въ пыткахъ и на кострахъ, и все это творилось подъ вліяніемъ побужденія сохранить неприкосновеннымъ для человѣчества высшее благо религіознаго міровоззрѣнія. Эти возмущающіе душу факты доказываютъ, какъ сильна въ человѣкѣ потребность въ этомъ міровоззрѣніи и съ какою настойчивостью стремится онъ отстоять его отъ всякихъ покушеній нарушить разъ установленное въ немъ.

За тотъ періодъ исторіи, относительно котораго, по качеству сохранившагося историческаго матеріала, можно дѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя заключенія, развитіе духовныхъ силъ человѣка, въ его различныхъ расахъ и народахъ, шло крайне неравномѣрно. Въ каждый отдѣльный историческій періодъ тотъ или другой народъ выдвигался предъ другими по силѣ, качеству и разнообразію проявленій своей духовной природы; такіе народы по праву могутъ быть названы передовыми.

На фонѣ средняго интеллектуальнаго уровня передового народа, какъ звѣзды на фонѣ неба, нарождались свѣтила человѣческаго духа, творцы науки, поэзіи, искусства.... Свѣтъ этихъ звѣздъ, видоизмѣняясь и пріумножаясь свѣтомъ свѣтилъ народовъ, послѣдовательно выступавшихъ на историческую арену, достигаетъ до насъ могучимъ потокомъ, и не видно предѣловъ, границъ, куда бы не могъ въ будущемъ проникнуть этотъ свѣтъ, чтобы освѣтить тайны мірозданія.

Среди свѣтилъ человѣческаго духа выдѣляется плеяда людей, стремившихся построить міровоззрѣніе, независимое отъ религіознаго; такимъ образомъ явилась наука, философія, понимаемая въ наиболѣе обширномъ значеніи этого слова. Основаніемъ религіознаго міровоззрѣнія служитъ вѣра и идейное чувство, основаніемъ философскаго—вся сумма научныхъ знаній эпохи, освѣщаемая свѣтомъ разума и только разума; при чемъ всякая тенденція, преслѣдующая цѣли, несоотвѣтствующія прямымъ задачамъ философіи, должна быть устранена строгою критикою того же разума.

Философія, какъ наука, не имѣетъ той цѣльности и устойчивости, которыя представляютъ нѣкоторыя другія группы наукъ: естественныя, юридическія, историческія.....; она представляется рядомъ философскихъ

системъ, которыя могутъ быть распредѣлены на нѣсколько группъ, въ своей основѣ рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Благодаря богатому и крайне разнообразному проявленію человѣческаго духа въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, народахъ и расахъ, каждая философская группа находитъ для себя почву, имѣетъ свой raison d'etre. Каждая философская система-отражая въ себѣ умственный складъ своего творца, строитъ свое міровоззрѣніе въ полномъ согласіи съ характерными чертами этого склада, находитъ своихъ послѣдователей и поклонниковъ и затѣмъ, повинуясь суду строгой критики и наплыву новыхъ научныхъ фактовъ и понятій, сходитъ со сцены, чтобы уступить мѣсто слѣдующей за ней системѣ, генетически связанной съ своей предшественницей. Если во всемъ ряду этихъ системъ ни одна не достигла той полноты и высоты содержанія, которыя обезпечивали бы за ней всеобщее признаніе несомнѣнной истины, то причина этому заключается въ трудности основныхъ вопросовъ и задачъ, подлежащихъ рѣшенію философіи. Тѣмъ не менѣе сила благодѣтельнаго вліянія этой науки на психическое развитіе человѣка такъ велика, что въ оцѣнкѣ этого вліянія надо бояться не преувеличенія, а уменьшенія. Обширная область, захватываемая философіею, служила тою лабораторіею, въ которой интеллектъ человѣка могъ проявить всю свою мощь въ сферѣ отвлеченнаго мышленія; изъ этой-то лабораторіи разливался свѣтъ философскаго воззрѣнія на всѣ группы человѣческаго знанія, и предохранялъ ихъ отъ пути исключительнаго утилитаризма и узкости пониманія. Творенія такихъ философовъ, какъ Платонъ-Сократъ, Аристотель, Декартъ, Бэконъ, Гегель, Кантъ....., своимъ воздѣйствіемъ на психику человѣка, отмѣчали эпохи въ его развитіи и хотя это воздѣйствіе направлялось непосредственно на небольшую группу людей, но эта группа стояла въ авангардѣ того всесторонняго прогресса, по пути котораго шло человѣчество.

Практическое значеніе философіи очень велико; покажемъ это на нѣсколькихъ примѣрахъ. У народовъ новоевропейской цивилизаціи законодательство вырабатывается группою образованныхъ людей; но характеръ уголовнаго законодательства въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того или другого взгляда этихъ людей на свободу воли человѣка. Такимъ образомъ судьба сотенъ тысячъ преступниковъ, ежегодно подвергающихся уголовной карѣ, зависитъ отъ теоретическаго рѣшенія вопроса о свободѣ воли, вопроса, подлежащаго компетенціи только философіи. Отъ того же вопроса, или, вѣрнѣе, отъ правильности пониманія его рѣшенія, зависитъ развитіе чувства нравственнаго долга, главнаго стимула, опредѣляющаго поведеніе человѣка. Неправильное пониманіе можетъ повести къ оправданію порочности и нравственной дряблости и къ обезцѣненію заслугъ и нравственныхъ подвиговъ, что, конечно, умаляетъ достоинство совершившихъ ихъ и тѣмъ ослабляетъ силу ихъ стремленій къ творенію добра; правильное пониманіе рѣшенія того же вопроса, поведетъ къ обратнымъ послѣдствіямъ. Далѣе, въ области же философіи съ наибольшею основательностью можетъ рѣшаться вопросъ о предѣлахъ, дальше которыхъ не могутъ итти познавательные и другіе психическіе элементы человѣческой души, какъ въ настоящее время, такъ

и въ будущемъ, и отъ того или другого рѣшенія этого вопроса зависятъ сила и характеръ стремленій человѣческаго духа; одно рѣшеніе можетъ повести къ ослабленію этихъ стремленій и къ пессимизму, другое—къ возбужденію духовныхъ силъ человѣка и къ оптимизму идеализированнаго будущаго; а то или другое настроеніе души значительно вліяетъ на то, что мы называемъ счастьемъ человѣка, и опредѣляетъ характеръ и направленіе его общественной дѣятельности. Наконецъ, въ удовлетвореніи одной изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей человѣческаго духа, въ образованіи міровоззрѣнія, философіи принадлежитъ господствующая роль. Въ жизни мы встрѣчаемъ множество образованныхъ людей-спеціалистовъ: натуралистовъ, медиковъ, техниковъ, математиковъ, юристовъ, богослововъ ..; многіе изъ нихъ, если не большинство, составляютъ для себя міровоззрѣніе узкое, одностороннее. Только философія можетъ указать имъ на ошибочность ихъ міровоззрѣній и направить ихъ мышленіе на путь болѣе глубокаго изслѣдованія всего, что доходитъ до нашего сознанія.

Важнѣйшимъ элементомъ всякой философской системы считается теорія познанія, гносеологія, опредѣляющая средства и предѣлы человѣческаго знанія. Отъ характера начальныхъ положеній этой теоріи, полноты, ясности и логической правильности выводовъ изъ этихъ положеній зависитъ характеръ и достоинство какъ всей системы, такъ и ея существенныхъ частей; поэтому то на разработку гносеологической части философіи и направлялась вся мощь человѣческаго мышленія, насколько она могла только проявиться въ геніальнѣйшихъ представителяхъ философской спекуляціи. Постепенно развиваясь съ остальными отдѣлами философіи, гносеологія въ изслѣдованіяхъ знаменитаго Канта достигла той степени полноты, опредѣленности и ясности, какой она не достигала ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ періодовъ, благодаря чему и до сихъ поръ философія Канта пользуется заслуженнымъ авторитетомъ у большинства философовъ, слѣдовавшихъ за этимъ мыслителемъ-гигантомъ, хотя позднѣйшія изслѣдованія внесли сомнѣніе относительно вѣрности нѣкоторыхъ основоположеній Кантовской критики.

Является вопросъ первостепенной важности: слѣдуетъ-ли считать познавательную способность человѣка какъ нѣчто неизмѣнно данное, не мѣняющееся въ своихъ существенныхъ элементахъ въ теченіе всего періода существованія человѣка на нашей планетѣ, и въ такомъ случаѣ несомнѣнный прогрессъ человѣчества надо отнести только къ развитію этихъ элементовъ; или въ познавательной способности человѣка, съ теченіемъ времени, появлялись все новые и новые элементы, изъ которыхъ каждый, начинаясь съ едва замѣтнаго эмбріона, развивался и присоединялся къ другимъ, уже ранѣе существовавшимъ?

Изъ всего многообразнаго матеріала, въ которомъ выразилось проявленіе человѣческаго духа, для рѣшенія поставленнаго вопроса, надо взять тотъ, по которому мы могли бы анализировать это проявленіе, т. е. историческій матеріалъ, переданный намъ письменно, и изъ этого послѣдняго выдѣлить часть, гдѣ познавательная способность являлась бы въ чистомъ

видѣ, не маскируясь, или, вѣрнѣе, не осложняясь элементами, не имѣющими съ нею непосредственной связи, элементами, обусловившими проявленіе человѣческаго творчества въ эстетикѣ, этикѣ, религіозномъ культѣ и культурѣ вообще. Такимъ матеріаломъ по преимуществу являются произведенія древнихъ философовъ, главнѣйше философовъ классическаго міра, которыя и слѣдуетъ сравнить съ произведеніями философовъ новѣйшаго времени. Безпристрастное и вполнѣ объективное сравненіе этихъ произведеній не даетъ достаточныхъ основаній для вывода какого-либо опредѣленнаго отвѣта на поставленный вопросъ, потому что всѣ познавательные элементы человѣческаго духа, открываемые нами въ произведеніяхъ философовъ новѣйшаго времени, мы находимъ и въ произведеніяхъ классическихъ философовъ, и если въ произведеніяхъ первыхъ мы видимъ болѣе зрѣлости и научной обоснованности, то это преимущество надо отнести не къ коренному различію познавательной способности между сравнимаемыми группами мыслителей, а къ болѣе выгодному положенію новѣйшихъ философовъ, имѣвшихъ возможность воспользоваться результатами труда предшествовавшихъ поколѣній во всѣхъ сферахъ знанія, тѣмъ, чѣмъ піонеры философскаго мышленія могли воспользоваться только въ слабой степени.

Но выводъ, основанный на сравненіи философскихъ произведеній новѣйшихъ писателей съ древними, можетъ однако возбудить сомнѣніе относительно его всеобщности: можетъ явиться мысль, что взятый нами историческій періодъ, въ $2^1/_2$ тысячи лѣтъ, слишкомъ коротокъ по отношенію ко всему періоду существованія человѣка; что попытка замѣтить появленіе новыхъ познавательныхъ элементовъ въ человѣческомъ родѣ, въ теченіе этихъ $2^1/_2$ тысячъ лѣтъ, похожа на попытку услѣдить признаки развитія духовныхъ силъ молодого человѣка въ теченіе одного или двухъ дней его жизни, тогда какъ, для замѣтнаго проявленія этихъ признаковъ, надо взять періодъ значительно болѣе длинный, напр. два, три, четыре года. Итакъ, въ поискахъ нужныхъ матеріаловъ, надо отодвинуться назадъ, раньше 3, 4, 5 и т. д тысячелѣтій, считая отъ настоящей минуты, но какъ уже сказано выше, эти матеріалы крайне скудны: изъ клинообразныхъ и гіероглифическихъ надписей можно установить только нѣкоторую связь событій, характеризующихъ внѣшнія проявленія жизни историческихъ народовъ при полномъ отсутствіи данныхъ для сужденія о характерѣ философскихъ воззрѣній этихъ народовъ; еще болѣе ранніе періоды желѣзныхъ бронзовыхъ и каменныхъ орудій, періоды свайныхъ построекъ и кухонныхъ отбросовъ даютъ только возможность констатировать крайне низкій, культурный уровень народовъ этихъ періодовъ, и ничего для рѣшенія поставленнаго вопроса.

Успѣхи естествознанія не разъ оказывали большія услуги философіи давая ей твердыя точки опоры въ сферѣ ея полнаго господства, въ сферѣ отвлеченнаго мышленія. Современное естествознаніе обладаетъ достаточно богатымъ матеріаломъ, чтобы дать опредѣленный отвѣтъ и на нашъ вопросъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ предполагать, что читатель знакомъ съ главнѣйшими положеніями и выводами тѣхъ отдѣловъ естество-

знанія, которые лягутъ въ основу этого труда, почему тамъ, гдѣ будетъ нужно для связности изложенія, мы воспользуемся изъ этихъ отдѣловъ только главнымъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ будемъ вдаваться и въ необходимыя подробности.

Благодаря успѣхамъ астрономіи, современный образованный человѣкъ мыслитъ вселенную какъ безконечное пространство, наполненное до неопредѣленно широкихъ границъ міріадами вѣсомыхъ тѣлъ различной формы и величины, изъ которыхъ главнѣйшую часть, повидимому, составляетъ такъ называемыя неподвижныя звѣзды,—самосвѣтящіяся тѣла, отдѣленныя другъ отъ друга громадными разстояніями, а по своей величинѣ и силѣ лучевой энергіи мало отличающіяся отъ нашего солнца. Около нашего солнца вращаются тѣла разной величины и формы: планеты, астероиды, кометы, аэролиты и болѣе мелкія тѣла, начиная съ массъ въ нѣсколько сотъ пудовъ и кончая космическою пылью. Все сейчасъ сказанное имѣетъ достовѣрность не гипотезъ, а фактовъ, доказанныхъ математическимъ методомъ на основаніи точныхъ астрономическихъ наблюденій и настолько же несомнѣнныхъ данныхъ спектральнаго анализа. Такимъ образомъ наука даетъ намъ твердыя точки опоры, чтобы оріентироваться въ той части безконечной вселенной, которая посылаетъ къ намъ свѣтовые лучи; вся область, лежащая за предѣлами этой видимой части, не только покрыта полнымъ мракомъ, но, какъ безконечная, можетъ быть только мыслима, но не представляема.

Если отъ безконечнаго пространства мы перейдемъ къ безконечному же прошлому вселенной, также только мыслимому, и остановимся на той долѣ этого прошлаго, для которой есть хотя какія-либо данныя для сужденій, то найдемъ, что научныя построенія тутъ имѣютъ уже характеръ не столько теорій, сколько гипотезъ, степень достовѣрности которыхъ опредѣляется степенью согласія ихъ съ фактами настоящаго и тѣми фактами болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, которые установлены какъ несомнѣнные. Блестящимъ образцомъ такой гипотезы является гипотеза Канта-Лапласа, видоизмѣненная Фаіемъ, о происхожденіи нашей планетной системы изъ сильно разрѣженнаго вещества, сгруппированнаго въ массу, вѣроятно сходную съ веществомъ туманныхъ пятенъ, во множествѣ разсѣянныхъ и теперь въ міровомъ пространствѣ. На основаніи законовъ всемірнаго тяготѣнія, механической теоріи теплоты и предположенія, что различныя части туманной массы имѣли относительное движеніе, объясняются всѣ главныя фазы эволюціоннаго процесса, преобразовавшаго эту массу въ солнечную систему въ ея настоящемъ видѣ, при чемъ всѣ планеты, а въ томъ числѣ и земной шаръ, должны были пройти чрезъ фазу раскаленнаго состоянія. Вслѣдствіе постепеннаго охлажденія, огненно-жидкая масса земного шара покрылась корою, достигшею, наконецъ, той степени устойчивости, при которой сдѣлались возможными геологическіе процессы, сходные съ совершающимися и въ настоящее время. Картина этихъ процессовъ, въ

общемъ, представляетъ какъ бы борьбу двухъ могучихъ дѣятелей, плутонизма и нептунизма. Первый изъ нихъ, въ силу реакціи коры земного шара на его неостывшую еще огненно-жидкую массу, стремится избороздить земную поверхность неровностями: онъ въ видѣ складокъ и морщинъ воздвигъ хребты горъ, извергъ и разлилъ по поверхности земного шара громадныя огненно-жидкія массы, современемъ остывшія, поднялъ обширныя области на болѣе или менѣе значительную высоту; другой, пользуясь разрушающимъ дѣйствіемъ атмосферы и воды, стремился сравнять эти неровности: разрушенныя части горъ и возвышенностей, въ видѣ мельчайшихъ частичекъ, снесены наземными потоками и морскими теченіями и отложены горизонтальными слоями на болѣе низкихъ частяхъ поверхности земного шара, образуя такъ называемыя осадочныя породы. Рѣдкая изъ частей суши, обитаемой въ настоящее время человѣкомъ, не покрыта осадочными породами, доказывая этимъ, что наши материки и острова, дѣйствіемъ плутоническихъ силъ, по нѣскольку разъ служили дномъ водныхъ бассейновъ: морей, заливовъ, озеръ ..

Подробное изслѣдованіе строенія земной коры привело геологовъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) что во все время образованія осадочныхъ породъ, за исключеніемъ первыхъ, самыхъ раннихъ періодовъ, на земномъ шарѣ существовали животные организмы, оставившіе намъ, въ видѣ окаменелостей, свидѣтельства своего существованія; 2) что за это же время не было такихъ переворотовъ (катаклизмовъ), которые, захвативъ всю поверхность земного шара, уничтожили бы всю органическую жизнь, современную этимъ переворотамъ; 3) что всѣ процессы, обусловившіе образованіе осадочныхъ породъ, совершаются на поверхности земного шара и въ настоящее время и 4) время, протекшее отъ образованія первыхъ осадочныхъ породъ до настоящаго, надо мѣрить милліонами лѣтъ.

Всѣ эти выводы имѣютъ достовѣрность не гипотезъ, а положеній, настолько же несомнѣнныхъ, насколько несомнѣненъ фактъ.

Въ настоящее время въ животномъ царствѣ намѣчается до 500 тыс. видовъ, не считая разновидностей. Естественно является вопросъ: въ какое время и въ какомъ порядкѣ появились на земномъ шарѣ эти виды? Для мысли человѣка представляются тутъ только двѣ альтернативы: можно предположить, что эти виды, или одновременно, или въ разное время, появились спорадически, или допустить, что они произошли отъ одного или нѣсколькихъ родичей путемъ постепеннаго измѣненія и расхожденія признаковъ. Противъ одновременнаго появленія видовъ говорятъ геологическія данныя, ясно указывающія на постепенность появленія видовъ, родовъ и семействъ; также мало основанія допустить разновременное спорадическое появленіе видовъ, такъ какъ та же геологія открываетъ множество переходныхъ животныхъ формъ, связывающихъ въ одно цѣлое не только виды, но и роды. Кромѣ того въ теченіи той части исторической жизни человѣка, о которой сохранились какія-либо письменныя свидѣтельства, не заре-

гистровано ни одного достовѣрнаго случая спорадическаго появленія какого-либо вида животнаго. Въ виду способности человѣка, даже на низкихъ ступеняхъ его развитія, замѣчать малѣйшія измѣненія во всѣхъ явленіяхъ окружающей его природы, появленіе новаго вида животнаго несомнѣнно засвидѣтельствовалось бы въ письменныхъ памятникахъ и отсутствіе такихъ свидѣтельствъ указываетъ на отсутствіе самыхъ фактовъ, если исключить отсюда фантастическіе разсказы о различнаго вида чудовищахъ и миѳическихъ существахъ. Итакъ остается допустить постепенность развитія животныхъ формъ, и заслуга Дарвина состоитъ въ томъ, что онъ далъ не только планъ, схему, но указалъ и на стимулы этого развитія. Выходя изъ того положенія, что пищевые матеріалы и области, удобныя для заселенія того или другого животнаго вида, ограничены, а стремленіе къ размноженію животныхъ организмовъ неограниченно, онъ считаетъ необходимымъ признать борьбу за существованіе какъ факторъ, регулирующій размноженіе, а морфологическими измѣненіями, вызванными этою борьбою, подборомъ и наслѣдственностью объясняетъ архитектонику всего органическаго міра. Онъ признаетъ, что всѣ организмы животнаго царства произошли отъ одного, двухъ, много трехъ типовъ родичей, стоявшихъ вообще на низкой степени органическаго развитія и, въ силу постепеннаго измѣненія формъ и расхожденія признаковъ міръ животныхъ достигъ насъ во всей полнотѣ своего разнообразія. Схему развитія организмовъ, по теоріи Дарвина, можно представить въ видѣ высокаго дерева, выходящаго изъ земли однимъ или нѣсколькими стволами и имѣющаго коническую крону; только наружная поверхность этой кроны покрыта живыми листьями и вѣтвями въ видѣ отдѣльныхъ группъ, внутренность же ея мертва. Группы зелени представляютъ современные роды животнаго царства, вѣтви—его виды и разновидности; а мертвая внутренность, въ разрозненномъ и далеко неполномъ видѣ, представляется геологическими окаменелостями, число которыхъ, возрастая съ успѣхами геологіи, даетъ возможность постепенно наполнять пробѣлы и пустоты. Вѣтвистые концы сучьевъ, стелящихся по землѣ, представляютъ современные роды и виды, мало поднявшіеся въ развитіи надъ своими родичами; вѣтви сучьевъ, направленныхъ вверхъ, наклонно къ горизонту, изображаютъ роды и виды, испытавшіе эволюціонный процессъ, и чѣмъ выше, тѣмъ сильнѣе; вершина кроны представляетъ человѣческій родъ.

Теорія Дарвина по своему строго научному методу, полнотѣ содержанія, обилію и разнообразію матеріала, подтверждающаго ея главныя положенія, можетъ по праву занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду созданій человѣческаго ума, чѣмъ и объясняется почти всеобщее признаніе ея между людьми науки. Если въ ней и есть пробѣлы, особенно въ сферѣ психической архитектоники, то наука, въ своемъ дальнѣйшемъ прогрессѣ, вѣроятно только заполнитъ эти пробѣлы, не нарушая общаго строя теоріи. Поэтому и мы, въ дальнѣйшемъ развитіи нашей главной мысли, будемъ опираться на эту теорію, какъ на научный базисъ.

Изъ современныхъ организмовъ, населяющихъ земной шаръ, наивысшимъ по духовному развитію признается человѣкъ. Человѣкъ не только существуетъ, но и сознаетъ свое существованіе; въ то же время онъ признаетъ возможность и безсознательнаго существованія, потому что на себѣ испытываетъ его во время глубокаго сна, не сопровождаемаго сновидѣніемъ. Вотъ это то свое, временное, безсознательное состояніе человѣкъ переноситъ на всѣ предметы неодушевленнаго міра, признавая для нихъ это состояніе постояннымъ, присущимъ имъ предвѣчно, и такимъ образомъ приходитъ къ двумъ основамъ началамъ бытія во вселенной: матеріальному, опредѣляющему всѣ физическія явленія съ пассивною необходимостью физическихъ законовъ и духовному, опредѣляющему явленія, содержащія въ себѣ признаки свободы, разума, чувства и творчества. Этотъ взглядъ присущъ большинству развитой части современнаго человѣчества и ясно выражается въ его религіозныхъ міровоззрѣніяхъ.

Въ сферѣ же философскаго мышленія основные вопросы бытія далеко не встрѣчаютъ того единомыслія, какое существуетъ внѣ этой сферы. Здѣсь съ первыхъ же шаговъ философская мысль наталкивается на обстоятельства, заставляющія ее не давать полной вѣры всему, что доходитъ непосредственно до нашего сознанія, почему она и стремится въ своей спекуляціи стать выше даннаго въ сознаніи, чтобы установить истинную точку зрѣнія на сущность бытія; но вслѣдствіе крайне разнообразныхъ индивидуальныхъ особенностей духовнаго склада мыслителей, является цѣлый рядъ понятій о бытіи, начиная съ крайняго идеализма и кончая крайнимъ матеріализмомъ. Мы въ своемъ трудѣ, не касаясь основныхъ вопросовъ онтологіи, постараемся только на основаніи научныхъ данныхъ установить такую точку зрѣнія на всѣ явленія во вселенной, которая была бы по возможности далека отъ внушеній антропоморфизма, сознавая однако, что полное устраненіе послѣдняго невозможно, потому что разумъ человѣка есть единственное орудіе въ его поискахъ истины, а изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ существъ разумъ, способный философски мыслить, принадлежитъ только человѣку.

Психологія и логика установили въ душѣ человѣка слѣдующія группы сознательныхъ актовъ. Первая группа,—интеллектуальная; въ нея входятъ ощущеніе, представленіе, понятіе, сужденіе, умозаключеніе и, какъ высшій актъ группы, отвлеченное мышленіе; 2) группа этическихъ актовъ; 3) группа эстетическихъ, и наконецъ, 4) группа эмоцій и аффектовъ. Общимъ, связующимъ цементомъ, обусловливающимъ возможность психическихъ актовъ, является память. Цѣль раздѣленія на группы чисто дидактическая; въ дѣйствительности элементы группъ, взаимно переплетаясь, образуютъ непрерывную цѣпь психическихъ процессовъ, сознаваемыхъ общимъ центромъ какъ бы недѣлимаго и всегда себѣ тожественнаго «я». Сознаніе «я» появляется въ человѣкѣ уже въ дѣтскомъ возрастѣ и, постепенно развиваясь, достигаетъ высшей формы, называемой *самосознаніемъ*.

Изъ животныхъ наиболѣе близкими къ человѣку по своему умственному развитію считаются слонъ и нѣкоторые виды обезьянъ; но въ нашихъ

широтахъ эти животныя почти недоступны для общаго наблюденія, почему мы, для сравненія съ человѣкомъ, возьмемъ собаку, животное, издавна знакомое намъ, о которомъ мы уже установили опредѣленное понятіе. Изъ психическихъ актовъ, несомнѣнно присущихъ собакѣ, можно принять слѣдующіе: ощущеніе, представленіе, память и нѣкоторые виды аффектовъ и эмоцій; что касается понятій и наиболѣе простыхъ сужденій, то изъ боязни внести антропоморфическій элементъ при оцѣнкѣ относящихся сюда интеллектуальныхъ проявленій, мы будемъ считать эти акты въ психикѣ собаки недостаточно доказанными и предоставляемъ каждому прійти тутъ къ тѣмъ или другимъ выводамъ, на основаніи или личныхъ наблюденій, или фактовъ, приводимыхъ въ спеціальныхъ сочиненіяхъ о психикѣ животныхъ. Перебирая другихъ животныхъ изъ класса млекопитающихъ, мы встрѣчаемся, напр., съ овцою и достаточно поверхностнаго наблюденія, чтобы увѣриться въ болѣе низкомъ интеллектуальномъ развитіи этого животнаго по сравненіи съ собакою, а продолжая этотъ переходъ отъ высшихъ формъ къ низшимъ, изъ класса въ классъ, мы, наконецъ, доходимъ до такихъ видовъ животнаго царства, въ которыхъ психика проявляется только въ ощущеніяхъ, да и то крайне бѣдныхъ по содержанію, какъ напримѣръ, въ земляныхъ червяхъ, полипахъ, губкахъ.....; тутъ вся психическая жизнь животнаго исчерпывается чувствами осязанія, вкуса, обонянія, высшія же формы ощущеній, зрѣніе и слухъ или совсѣмъ отсутствуютъ или находятся только въ зачаточномъ состояніи.

Если человѣкъ сдѣлаетъ попытку представить въ своемъ воображеніи форму и степень сознанія, присущаго тому или другому виду животнаго, то такая попытка дѣлается для него крайне трудною, почти невозможною, потому что въ непрерывной цѣпи психическихъ процессовъ, совершающихся въ душѣ человѣка, взаимно переплетаются элементы его психики, а слѣдовательно входятъ и тѣ, которые у однихъ животныхъ находятся только въ зародышѣ, а у другихъ вполнѣ отсутствуютъ. Сдѣлаемъ однако такую попытку и начнемъ съ сравненія психики человѣка и собаки въ группѣ только интеллектуальныхъ актовъ: ощущенія, представленія, понятія.....

Коренное различіе между собакою и человѣкомъ, въ сферѣ интеллектуальныхъ актовъ, состоитъ въ томъ, что собака изъ представленій можетъ перейти только къ конкретнымъ понятіямъ, почему для нея дѣлаются невозможными отвлеченныя понятія, составляющія основной матеріалъ для проявленія духа человѣка во всей его полнотѣ и силѣ. Она видитъ и слышитъ не хуже человѣка, обоняетъ гораздо лучше его, прекрасно оріентируется въ своихъ самыхъ быстрыхъ движеніяхъ между окружающими ее предметами, слѣдовательно съ точностью представляетъ ихъ взаимное расположеніе, но всѣ ея понятія конкретны: она видитъ круглую монету, круглую тарелку, кругъ полнолунія, но создать изъ этихъ представленій отвлеченное понятіе круга она не можетъ; тѣмъ болѣе невозможны для нея отвлеченія высшаго порядка. Косность ея интеллекта служитъ причиною, что ея мысль возбуждается только присутствіемъ стимулирующаго объекта, или внутреннимъ чувствомъ: она не можетъ, подобно человѣку, по своему

произволу выдѣлить изъ цѣпи представленій и понятій ту или другую группу и остановиться на ней, какъ на матеріалѣ для другихъ, высшихъ актовъ мышленія. То же надо сказать и о ея памяти: здѣсь представленія возникаютъ у нея подъ вліяніемъ какого-либо стимула, пассивно ассоціализируются съ другими представленіями и тухнутъ съ прекращеніемъ стимула. Косность интеллекта собаки иногда наблюдаетъ въ себѣ и развитой человѣкъ. Всякій, испытавшій на себѣ хотя разъ въ жизни состояніе сильнаго физическаго утомленія, знаетъ силу подавляющаго вліянія этого утомленія на интеллектъ. Когда утомленіе достигло крайней степени, между тѣмъ необходимость заставляетъ продолжать движенія, вызвавшія это утомленіе, тогда умъ человѣка рѣшительно отказывается мыслить и нуженъ сильный стимулъ, чтобы заставить его рѣшить даже простую ариѳметическую задачу. Подобное же состояніе подавленности интеллекта испытываютъ европейцы, поселившіеся на берегахъ Декана, при наступленіи лѣтнихъ, тропическихъ жаровъ.

По мѣрѣ перехода отъ собаки къ животнымъ, стоящимъ на низшихъ ступеняхъ развитія, для воображенія человѣка увеличивается и трудность представить родъ и степень сознанія, присущаго этимъ животнымъ, поэтому на нижеслѣдующую картину надо смотрѣть только какъ на подобіе, а не какъ на вѣрное изображеніе дѣйствительности.

Положимъ, что человѣкъ, на разсвѣтѣ начинающагося дня, постепенно пробуждается отъ глубокаго сна, и пусть онъ чувствуетъ на кожѣ своего лица какое-нибудь раздраженіе, произведенное, напр., ползающимъ насѣкомымъ. Въ это время въ человѣкѣ еще вполнѣ отсутствуютъ высшія чувства, зрѣніе и слухъ и онъ ощущаетъ только какое-то неопредѣленное раздраженіе, въ которомъ и не даетъ себѣ отчета, такъ какъ его психика находится въ состояніи почти полнаго бездѣйствія. Вотъ подобное то состояніе сознанія исчерпываетъ всю психическую жизнь самыхъ низшихъ формъ животнаго царства: грегаринъ, корненожекъ, губокъ.....

По мѣрѣ пробужденія, человѣкъ уже начинаетъ слабо сознавать, что раздраженіе произведено насѣкомымъ и дѣлаетъ болѣе или менѣе сознательное (рефлекторное) движеніе, чтобы согнать съ лица это насѣкомое; но высшія чувства, зрѣніе и слухъ, продолжаютъ еще бездѣйствовать, а въ психикѣ степень сознанія хотя нѣсколько и поднялась, но, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, ограничилась только ощущеніемъ накожнаго раздраженія. Въ подобномъ состояніи сознанія, надо полагать, находятся полипы, гидромедузы, морскія, звѣзды, морскіе ежи, голотуріи, моллюски.....

При дальнѣйшемъ пробужденіи человѣкъ открываетъ глаза, и въ полумракѣ разсвѣта начинаетъ получать смутныя свѣтовыя впечатлѣнія, въ которыхъ онъ постепенно начинаетъ отдавать себѣ отчетъ, но не настолько еще полный, чтобы ясно сознавать мѣсто, гдѣ онъ находится; въ это время и слуховой органъ начинаетъ дѣйствовать, доставляя его сознанію неопредѣленныя звуковыя впечатлѣнія. Подобное состояніе сознанія, вѣроятно присуще, какъ постоянное, животнымъ съ зачатками зрительныхъ и слуховыхъ органовъ, червямъ, каракатицамъ.....

Дальнѣйшее сравненіе сознанія пробуждающагося человѣка, съ сознаніемъ животныхъ высшихъ порядковъ, дѣлается невозможнымъ, такъ какъ въ психикѣ человѣка, по мѣрѣ его дальнѣйшаго пробужденія, начинаютъ дѣйствовать акты сознанія или вполнѣ отсутствующія у другихъ животныхъ, или находящіяся только въ зачаткѣ.

Коренное различіе между человѣкомъ и наиболѣе развитыми безсловесными животными составляетъ различіе въ ихъ психикѣ, различіе настолько значительное, что по общему признанію оно представляетъ какъ бы непроходимую пропасть. Въ сферахъ этической и эстетической еще можно найти точки сравненія между человѣкомъ и животными, но въ сферѣ интеллектуальной, по скольку она выразилась въ наукахъ и художественной литературѣ, нѣтъ ни одной черты для такого сравненія. Анализируя научныя и художественныя произведенія, мы видимъ, что основнымъ матеріаломъ для нихъ служатъ отвлеченныя понятія, отсутствующія въ интеллектѣ животныхъ.

Если принять теорію Дарвина о происхожденіи видовъ безусловно вѣрною во всѣхъ явленіяхъ эволюціи органическаго міра, то представляется возможнымъ объяснить постепенный переходъ отъ конкретныхъ понятій животнаго къ отвлеченнымъ понятіямъ человѣка, принявъ, что орудіемъ такого перехода служило слово, рѣчь.

Животныя, обладающія способностью производить звуки, пользуются ими для выраженія своихъ ощущеній и эмоцій, характеръ которыхъ понимаетъ иногда и человѣкъ. Такъ, мы хорошо отличаемъ свирѣпый или сердитый лай собаки отъ радостнаго, во время игры, или безразличнаго,—когда собака, въ теченіе нѣсколькихъ почныхъ часовъ, равнодушно лаетъ, какъ бы побуждаемая единственнымъ желаніемъ упражнять свой голосовой аппаратъ. Любители собакъ, по звуку, издаваемому этими животнымъ, умѣютъ отличать болѣе тонкія оттѣнки психическихъ состояній собаки, а псовые охотники, по лаю собакъ, опредѣляютъ видъ животнаго, услѣженнаго ими. Надо полагать, что при взаимныхъ сношеніяхъ собакъ, они звуками и другими знаками могутъ передавать и такія психическія состоянія, которыя выходятъ изъ сферы наблюденія человѣка. Переходя къ другимъ видамъ животнаго царства, мы находимъ, что при взаимныхъ сношеніяхъ, кромѣ звуковыхъ знаковъ, они обладаютъ и другими способами для передачи своихъ намѣреній, требованій, желаній и ощущеній, хотя въ большинствѣ эти способы не открыты еще человѣкомъ. Согласныя дѣйствія муравьевъ, пчелъ, волковъ и другихъ хищниковъ, устраивающихъ засады, доказываютъ существованіе этихъ способовъ, которые въ цѣломъ можно назвать *языкомъ животныхъ*. Но какъ бы ни были разнообразны эти способы, звуковые знаки имѣютъ за собою преимущество дѣйствовать быстро и на значительныхъ разстояніяхъ, а не требуютъ непосредственной близости одного животнаго къ другому, чтобы помощью органовъ, напр., усиковъ у муравьевъ, установить требуемую психическую связь. Попытаемся на основаніи теоріи Дарвина выяснить, что звуковые же знаки дали возможность

развиться интеллекту человѣка до высоты, опредѣлившей кажущееся коренное развитіе между человѣкомъ и безсловеснымъ животнымъ.

На основаніи вѣскихъ научныхъ соображеній полагается, что ближайшимъ безсловеснымъ родичемъ человѣка былъ одинъ видъ изъ отряда четверорукихъ, по интеллектуальному развитію превосходившій всѣ современные намъ виды того же отряда. По закону, установленному Дарвинымъ, выживаютъ преимущественно виды, наиболѣе расходящіеся по признакамъ, а виды промежуточные, въ большинствѣ случаевъ вымираютъ; видъ—родичъ человѣка вымеръ, оставивъ послѣ себя нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ и произошли различныя расы человѣческаго рода. Этотъ видъ заселялъ тропическія области, жилъ обществами и какъ большинство четверорукихъ, пользовался преимуществами лазящихъ и ходящихъ по землѣ животныхъ. Главнѣйшіе интересы, наполняющіе жизнь животнаго въ дикомъ состояніи, составляютъ заботы о пріисканіи пищи, спасеніе отъ враговъ въ случаяхъ трудности или невозможности борьбы съ ними и, наконецъ, половыя отношенія. На почвѣ этихъ интересовъ могли явиться первыя попытки означать предметы наиболѣе простыми членораздѣльными звуками; такъ, смышленному вожаку, стоящему во главѣ отдѣльной общины, могло прійти на мысль произнести какой-нибудь членораздѣльный звукъ, напр. „ба“ и указать при этомъ рукою на стоящее вдали дерево, покрытое съѣдобными плодами, чтобы тѣмъ побудить общину къ движенію въ указанномъ направленіи. Этотъ звукъ могъ быть совершенно произвольнымъ и вызванъ единственно легкостью его произношенія въ моментъ стимулирующаго агента, или имѣть сходство съ звукомъ, издаваемымъ животными при ѣдѣ этого плода. Точно также, при приближеніи замѣченнаго вожакомъ врага, весьма важно дать знать объ этомъ общинѣ не только крикомъ, предупреждающимъ вообще объ опасности, но такимъ звукомъ, который указывалъ бы на свойство врага, т. е. угрожаетъ-ли четвероногій хищникъ, могущій двигаться только по землѣ, или лазящій и по деревьямъ, змѣя-ли, или хищникъ крылатый, особенно опасный для малолѣтокъ, и т. под. Указаніе на природу хищника важно для общины потому, что отъ этого зависитъ способъ уклоненія отъ опасности. Весьма вѣроятно, что въ этихъ случаяхъ постепенно входили въ практику односложныя слова, напоминающія звуки, издаваемые опасными животными, или производимые ими при ихъ движеніи.

Выработанный первоначально лексиконъ былъ, конечно, крайне ограниченъ и состоялъ только изъ нѣсколькихъ односложныхъ словъ; но даже если число этихъ словъ не превышало одного или двухъ десятковъ, польза, приносимая ими, была такъ осязательна, что дальнѣйшее развитіе лексикона составляло только вопросъ времени, такъ какъ трудность иниціативы была уже побѣждена и оставалось только пользоваться знакомымъ уже способомъ. Одновременно съ прочно укрѣпившимися звукоподражательными словами начали появляться односложныя и двусложныя слова произвольнаго характера, при чемъ изъ синонимовъ укоренялись только тѣ, которые въ общинѣ находили большее сочувствіе или въ силу ихъ болѣе легкаго произношенія, или по какой-либо другой причинѣ. Такимъ образомъ явились кор-

ни словъ, означающихъ не только предметы, но главнѣйшія дѣйствія, состоянія и простѣйшія отношенія.

Значеніе языка, даже въ его зародышевомъ состояніи, въ дѣлѣ развитія интеллекта, громадно Дѣйствительно, безсловесное животное созерцаетъ предметъ только при наличности послѣдняго, или когда представленіе предмета вызвано въ немъ стимулирующимъ чувствомъ; языкъ вызываетъ это представленіе независимо отъ наличности самаго предмета и заставляетъ работать мысль для уясненія смысла отношеній. Возьмемъ для примѣра случай изъ періода самаго ранняго появленія рѣчи: пусть одно животное, показывая рукою въ одномъ направленіи, говоритъ другому: «ви—ба», желая этимъ выразить мысль, что оно видѣло бананы; при этомъ допустимъ, что значеніе словъ „ви“ и „ба“ уже достаточно укрѣпились въ языкѣ общины. Говорящее животное, прежде чѣмъ произнести свою фразу, должно въ своемъ умѣ вызвать представленіе дѣйствія „видѣть“ и предмета „бананъ“; къ тому же побуждается и животное слушающее. Это-то усиліе одного животнаго вызвать въ другомъ представленія предмета и дѣйствія, безъ наличности послѣднихъ, съ другой стороны, не меньшее усиліе понять, что хотятъ выразить, и послужило первымъ, сильнѣйшимъ орудіемъ для развитія мышленія. При дальнѣйшемъ развитіи языка дѣлается возможнымъ корневыми звуками выражать болѣе сложныя мысли и отношенія, напр.: „я ѣлъ сладкіе апельсины“ или „пойдемте къ ручью, тигръ ушелъ“. Въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ сложности фразъ, должна была увеличиваться и сложность мыслительныхъ процессовъ въ умѣ какъ говорящаго, такъ и слушающаго. Такимъ образомъ языкъ явился могучимъ орудіемъ для развитія интеллекта и самъ въ свою очередь развивался подъ вліяніемъ послѣдняго. Въ силу такого взаимодѣйствія языка и интеллекта, при дальнѣйшемъ ихъ развитіи, и совершился переходъ отъ словъ, выражающихъ качество предмета къ словамъ, означающимъ общее понятіе, а отсюда одинъ шагъ до выраженій отвлеченныхъ понятій.

Возможность существованія въ прошломъ видовъ животнаго царства на столько умственно развитыхъ, что въ средѣ ихъ могли явиться зачатки рѣчи, доказывается значительнымъ развитіемъ душевныхъ качествъ въ нѣкоторыхъ современныхъ видахъ изъ отряда четверорукихъ. Наблюденія натуралистовъ, заслуживающихъ наибольшаго довѣрія, надъ образомъ жизни прирученныхъ гориллъ, шимпанзе и орангутанговъ дали богатый матеріалъ для заключеній о степени умственнаго развитія этихъ животныхъ. Перечислимъ наиболѣе характерные факты. Прирученныя обезьяны, вышеозначенныхъ видовъ, могли отодвигать дверные задвижки, отпирать ключемъ замки, чистить и мыть мокрыми тряпками свои помѣщенія и вообще домашнюю мебель хозяевъ, сидѣть за столомъ въ ряду людей, ѣсть пищу ложкою и пить изъ стакана, чокаясь съ сосѣдями, наливать вино въ стаканъ, приносить чашку съ блюдцемъ, класть въ чашку сахаръ, наливать въ нее чай и пить, давши ему остыть, и тому под. Только заранѣе составленное предубѣжденіе рѣшится объяснить всѣ эти дѣйствія одною только способностью механическаго подражанія, не руководимаго соотвѣтствующимъ психическимъ про-

цессомъ, подобнымъ тому, какой при этомъ происходитъ въ умѣ человѣка; вѣрнѣе приравнять ихъ къ подражательнымъ дѣйствіямъ дѣтей человѣка, нѣмыхъ отъ рожденія и потому лишенныхъ возможности пользоваться рѣчью.

Тѣ виды животныхъ, въ которыхъ проявилась способность пользоваться членораздѣльными звуками, какъ рѣчью, въ борьбѣ за существованіе имѣли подавляющее преимущество передъ видами, лишенными этой способности, въ силу значительнаго перевѣса интеллектуальнаго развитія первыхъ передъ вторыми. По закону Дарвина, о расходимости признаковъ выживающихъ видовъ и вымиранія видовъ промежуточныхъ, тотъ первоначальный видъ, въ которомъ проявились первые зачатки рѣчи, вымеръ; той-же участи подверглись и промежуточныя звѣнья цѣпи, соединяющей современнаго человѣка съ этимъ первоначальнымъ видомъ, такъ что современныя человѣческія расы представляютъ группы существъ, унаслѣдовавшихъ въ большей или меньшей степени сумму развивающаго дѣйствія рѣчи на интеллектъ, накопившуюся въ теченіи прошедшихъ сотенъ тысячъ, а можетъ быть, и милліоновъ лѣтъ.

Сравнительное языкознаніе удостовѣряетъ, что коренные языки, отъ которыхъ произошли языки современные, обособились уже значительно ранѣе 8—9 тысячъ лѣтъ, предшествующихъ самымъ древнимъ цивилизаціямъ стараго материка, что и служитъ доказательствомъ отдаленности отъ насъ эпохи расчлененія языка на его главныя вѣтви; а этой эпохѣ долженъ предшествовать длинный періодъ развитія языка изъ его зачаточнаго состоянія. Изученіе современныхъ группъ языковъ въ лексическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ, позволяетъ распредѣлить ихъ въ рядъ, начиная съ наиболѣе развитыхъ языковъ арійской группы до низко стоящихъ формъ негрской вѣтви, настолько слабо развитыхъ, что помощью ихъ не представляется возможнымъ передать значительной доли понятій, составляющихъ умственное достояніе цивилизованныхъ націй. Соотвѣтствіе между степенью развитія языка той или другой человѣческой расы и высотою ея культурнаго уровня можно принять за общее правило, что служитъ яснымъ указаніемъ на силу вліянія языка въ дѣлѣ развитія психики человѣка, силу настолько значительную, что даже интеллектъ наименѣе культурныхъ народовъ она могла поднять на высоту, недоступную для безсловеснаго животнаго.

Глава II.

Сознательное и безсознательное начала природы. Процессы въ мертвой природѣ представляютъ только перераспредѣленіе вещества и переходъ физической энергіи изъ однихъ формъ въ другія. Гипотеза охлажденія солнца. Прогрессивная эволюція сознательнаго начала въ геологическіе періоды.

Міръ явленій, предъ сознаніемъ человѣка, распадается на двѣ, рѣзко разграниченныя группы: психическую и физическую. Такъ какъ человѣкъ, въ своемъ сознаніи, чувствуетъ и умственно созерцаетъ только явленія, а не вещи въ себѣ, то въ установленіи метафизическихъ основъ, обусловли-

вающихъ эти группы, между философами не могло быть единомыслія, на общую причину чего и было указано нами выше. Для цѣлей нашего труда нѣтъ надобности въ предварительномъ установленіи метафизическихъ основъ съ какими-либо опредѣленными свойствами; для насъ достаточно только принятія такого положенія: все доходящее до нашего сознанія есть проявленіе чего то, какъ своего первоисточника или своей первопричины. Въ дальнѣйшемъ, изложеніи то, что необходимо обусловливаетъ группу психическихъ явленій, назовемъ *сознательнымъ началомъ*, а обусловливающее физическія явленія—*началомъ безсознательнымъ*, матеріею, веществомъ; но это различеніе началъ дѣлаемъ чисто для діалектическаго удобства, не предрѣшая, что въ природѣ дѣйствительно существуютъ только два начала, слѣдовательно, вопросъ о ихъ числѣ оставляемъ открытымъ.

Сознательное начало на земномъ шарѣ, поскольку то извѣстно наукѣ, проявляется только въ организованныхъ существахъ; въ веществѣ же неорганизованномъ нѣтъ ни одного явленія, которое дало бы право заключить о проявленіи въ немъ сознательнаго начала; здѣсь всѣ процессы, доступные опыту и наблюденію, совершаются по неуклоннымъ физическимъ законамъ и характеръ ихъ не имѣетъ ничего общаго ни съ однимъ изъ психическихъ актовъ. Конечно, возможно предположеніе, что и мертвому, неорганизованному веществу присущи сознательные акты, но такое предположеніе, недоказанное ни фактами, ни дедукціею изъ какой-либо группы явленій, будетъ лишено всякаго научнаго значенія. Итакъ, оставляя за субстратомъ матеріи названіе безсознательнаго начала, вкратцѣ изложимъ понятія, установившіяся о немъ въ современной наукѣ, при чемъ само слово понятіе показываетъ, что тутъ рѣчь идетъ о матеріальномъ мірѣ не какъ вещи въ себѣ, а только о томъ, что мы мыслимъ о немъ.

Химія и физика заставляютъ принять, что вѣсомое вещество не заполняетъ сплошь пространства, а состоитъ изъ частицъ, атомовъ, разъединенныхъ пустыми промежутками и соединенныхъ въ разнообразныя группы, называемыя молекулями. Атомы различны по своимъ химическимъ свойствамъ, и число такихъ различныхъ атомовъ равно числу простыхъ тѣлъ или химическихъ элементовъ, извѣстныхъ современной наукѣ, т. е. не многимъ болѣе 70. Весьма возможно, что разложеніемъ химическихъ элементовъ число простыхъ тѣлъ уменьшится и даже дойдетъ до одного; тогда все разнообразіе химически-сложныхъ тѣлъ будетъ объясняться только разнообразіемъ группировки атомовъ. Опытно доказывается, что вѣсомое вещество не уничтожается и не создается. Кромѣ вѣсомой матеріи, наука признаетъ существованіе вещества невѣсомаго, эфира, наполняющаго междупланетныя пространства и вообще всю ту часть вселенной, до которой проникъ вооруженный взоръ человѣка; эфиромъ же проникнуты и всѣ вѣсомыя тѣла. Свойство невѣсомости надо понимать относительно, такъ какъ несовершенство относящихся сюда опытовъ и теоретическихъ изслѣдованій могло произвести иллюзію, подобную той, по которой вода, погруженная въ водяную среду, теряетъ свой вѣсъ, по извѣстному закону Архимеда, почему и кажется невѣсомою.

Частицы матеріи обладаютъ свойствомъ притяженія и отталкиванія. Въ нѣкоторыхъ группахъ явленій законы дѣйствія этихъ силъ открыты; такъ, извѣстны закона всемірнаго тяготѣнія, законы дѣйствія электричества; законы же частичнаго притяженія и отталкиванія въ явленіяхъ, опредѣляющихъ физическое и химическое состояніе тѣлъ, до сихъ поръ не открыты еще наукою. Матерія обладаетъ свойствомъ инерціи, на основаніи которой объясняются различныя формы такъ назыв. *кинетической энергіи.* Когда при движеніи матеріи перемѣщеніе ея частей доводится внѣшними чувствами до нашего сознанія, также въ формѣ перемѣщеній, тогда имѣемъ обыкновенный видъ кинетической энергіи, называемой механической; когда же приходятъ въ относительное движеніе атомы и молекулы, тогда мы имѣемъ различные виды молекулярной кинетической энергіи. Движенія частичекъ вещества въ этихъ случаяхъ недоступны непосредственному воспріятію внѣшнихъ чувствъ въ формѣ движенія, тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, человѣкъ ясно представляетъ себѣ характеръ этихъ движеній, строитъ соотвѣтствующія механическія теоріи и удостовѣряется въ вѣрности послѣднихъ изъ ряда провѣрочныхъ наблюденій и опытовъ. Къ числу такихъ теорій принадлежатъ: теорія волнообразнаго движенія эфира, объясняющая группу явленій, сопровождающихъ передачу энергіи отъ одного тѣла къ другому въ формѣ лучей солнечнаго спектра; кинетическая теорія газовъ и нарождающаяся теорія для объясненія электрическихъ явленій. Но въ наукѣ сдѣланы только попытки создать теоріи для объясненія характера атомныхъ и молекулярныхъ движеній въ твердыхъ и жидкихъ тѣлахъ, въ зависимости отъ температуры; тоже надо сказать и о теоріяхъ частичнаго движенія при химическихъ процессахъ.

Энергія можетъ принимать формы какъ бы запаса, и въ такихъ случаяхъ она называется *потенціальной*; для полученія ея необходимо затратить эквивалентное количество кинетической энергіи. Поднятый на нѣкоторую высоту грузъ, натянутая пружина, скрытый теплородъ физическаго состоянія тѣла, разъединенные элементы химически сложнаго тѣла и т. дал., представляютъ примѣры потенціальной энергіи. Всѣ физическіе процессы природы, разсматриваемые съ механической точки зрѣнія, представляютъ только переходы энергіи изъ одной формы въ другую, при чемъ, подобно веществу, общая сумма энергіи во вселенной остается неизмѣнной, что и составляетъ законъ *сохраненія энергіи.* Прослѣдимъ одну цѣпь такихъ процессовъ. Молекулярная кинетическая энергія раскаленной солнечной фотосферы передается окружающему эфиру, который въ формѣ волнъ распространяетъ ее во всѣ стороны; ничтожная часть этой волнообразной энергіи, достигнувъ листьевъ растеній земного шара, разлагаетъ воду листьевъ и углекислый газъ нашей атмосферы, и тѣмъ преобразуется въ потенціальную энергію кислорода и углеводовъ, скопляющихся въ древесинѣ растенія; при сжиганіи послѣдней въ топкѣ парового котла, мы потенціальную энергію углеводовъ и кислорода преобразуемъ въ молекулярную кинетическую энергію химическаго процесса, а эта, принявъ форму теплоты, одною частью преобразуется въ молекулярную кинетическую энергію пара; по-

слѣдній, въ паровой машинѣ, переводитъ эту энергію въ механическую энергію вращающагося вала машины, откуда энергія можетъ быть передана динамо-машинѣ, преобразующей ее въ кинетическую энергію гальваническаго тока; послѣдній, въ вольтовой дугѣ электрическаго фонаря, даетъ ей форму кинетической молекулярной энергіи до бѣла раскаленнаго тѣла, т. е. форму первоисточника изъ фотосферы солнца.

Животные организмы, разсматриваемые съ точки зрѣнія физической энергіи, представляютъ аппараты, по своему совершенству, далеко превосходящіе аппараты и машины, изобрѣтенные человѣкомъ; такъ, въ лучшихъ паровыхъ машинахъ человѣкъ преобразуетъ въ высшую форму энергіи, механическую, только 20% теплоты, остальное остается непреобразованнымъ, тогда какъ животное можетъ утилизировать, при такомъ же преобразованіи, до 90%; въ лучшихъ свѣтовыхъ приборахъ человѣкъ утилизируетъ не болѣе 0,05% энергіи; нѣкоторыя свѣтящіяся морскія животныя утилизируютъ ее безъ замѣтной потери. Только въ послѣднее время удалось преобразовать въ свѣтовую форму большой процентъ другихъ формъ энергіи.

Понятіе о преобразованіи различныхъ формъ физической энергіи установилось въ наукѣ въ теченіе только послѣдняго, 19, вѣка, а въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій открыты законы динамики, давшіе возможность создать строго научныя теоріи для объясненія нѣкоторыхъ формъ проявленія кинетической энергіи; такъ создались теоріи волнообразнаго движенія капельно жидкихъ тѣлъ, звуковыхъ волнъ, волнъ эфира для элементовъ солнечнаго спектра; недавно открытые рентгеновское лучи и электрическіе волны Герца принадлежатъ къ группѣ также эфирныхъ волнъ и установленіе для нихъ соотвѣтствующихъ теорій составляетъ только вопросъ времени.

Наука, опираясь на извѣстныя ей свойства различныхъ формъ физической энергіи, стремится не только объяснить всѣ физическіе процессы настоящаго и отдаленнаго прошлаго, но и предсказать ходъ міровыхъ процессовъ въ будущемъ. Результаты, достигнутые ею въ этомъ стремленіи, имѣютъ различную научную цѣнность, начиная съ теорій, имѣющихъ достовѣрность математическихъ истинъ и кончая еще недостаточно обоснованными гипотезами. Такъ, въ объясненіи происхожденія нашей солнечной системы изъ туманной массы, припятая гипотеза Канта-Лапласса, пріобрѣтаетъ все большую и большую достовѣрность по мѣрѣ развитія знаній. Гораздо больше сомнѣній возбуждаетъ гипотеза о конечныхъ процессахъ во вселенной, ведущихъ послѣднюю къ постепенному охлажденію всѣхъ существующихъ самосвѣтящихся тѣлъ, а въ томъ числѣ и нашего солнца, послѣдствіемъ чего явится прекращеніе органической жизни во вселенной. Въ геологіи установленъ, какъ неоспоримый фактъ, что послѣ цѣлаго ряда геологическихъ эпохъ, измѣряемыхъ милліонами лѣтъ, въ четвертичный періодъ, непосредственно предшествующій современной эпохѣ, наступали два и болѣе періода сильнѣйшаго охлажденія климата на земномъ шарѣ, такъ назыв. ледниковые періоды, раздѣленные промежутками сравнительно высокой температуры. Объяснить ледниковые періоды одними теллурическими причинами, или пре-

цессіею, невозможно, и мы такимъ образомъ имѣемъ фактъ, не вяжущійся съ гипотезою постепеннаго ослабленія лучеиспусканія солнца на земную поверхность.

Исторія научнаго прогресса полна примѣрами, что человѣкъ, для объясненія той или другой группы явленій, сразу не нападалъ на путь для правильнаго построенія соотвѣтствующей гипотезы или теоріи. Такъ, прежде чѣмъ построить истинную теорію движенія тѣлъ солнечной системы, онъ долженъ былъ пройти цѣлый рядъ ложныхъ теорій; между тѣмъ задача, представляемая тутъ, была сравнительно проста, такъ какъ приходилось имѣть дѣло съ очень не сложными движеніями тѣлъ, и слѣдовало только отрѣшиться отъ иллюзіи неподвижности земного шара. Принципъ сохраненія энергіи, при переходѣ ея изъ однихъ формъ въ другія, установленъ въ наукѣ такъ недавно, такъ много остается еще не выясненнымъ въ механизмѣ относящихся сюда частичныхъ движеній, что крайне рискованно признать существующія гипотетическія предсказанія о будущемъ вселенной достаточно обоснованными, тѣмъ болѣе, что человѣку приходится имѣть тутъ дѣло съ весьма сложными физическими процессами, въ которыхъ не мало неизвѣстныхъ X—совъ. Къ числу такихъ X—совъ относятся новыя, еще неизвѣстныя намъ формы физической энергіи, могущія быть открытыми въ будущемъ, блестящимъ же примѣромъ подобныхъ открытій представляетъ энергія въ формѣ электричества. Въ теченіе послѣднихъ тысячелѣтій, цивилизація у нѣкоторыхъ передовыхъ народовъ достигала не разъ высокой степени развитія, между тѣмъ понятіе объ энергіи въ формѣ электричества совершенно отсутствовало въ сознаніи человѣка. Издавна извѣстныя проявленія этой энергіи: притяженіе янтаремъ легкихъ тѣлъ, молнія грозовыхъ тучъ, сѣверныя сіянія и др. стояли въ понятіи человѣка не связными фактами, возбуждавшими въ немъ только удивленіе и страхъ. Въ настоящее время доказано, что нѣтъ ни одного физическаго процесса въ природѣ, который не сопровождался, или не обусловливался бы проявленіемъ электричества; мало того, человѣкъ воспользовался этою формою энергіи для своихъ наиболѣе поражающихъ умъ изобрѣтеній и для созданія такихъ могучихъ двигателей, передъ которыми слабы даже сильнѣйшія паровыя машины. И все это совершилось въ послѣднія два столѣтія, т. е. въ періодъ настолько малый по сравненію съ временемъ существованія человѣка на земномъ шарѣ, насколько 1 часъ малъ передъ годомъ.

Возможность существованія въ природѣ еще неизвѣстныхъ намъ формъ энергіи подтверждается и позднѣйшими открытіями лучей Крукса и Рентгена и открытіемъ свойствъ радія. Кромѣ того, формы физической энергіи изслѣдуемыя человѣкомъ на земномъ шарѣ, едва-ли исчерпываютъ всѣ ея проявленія въ процессахъ вселенной; для этого достаточно указать на фактъ сильнаго измѣненія магнитнаго состоянія земного шара при особо сильномъ развитіи протуберансовъ на солнцѣ, когда въ его атмосферу выбрасывается часть матеріи, ничтожная по сравненію съ массою всего солнца.

Гипотеза о сравнительно быстромъ охлажденіи солнца основана на наблюденіи охлажденія части поверхности земли и атмосферы ночью и въ зимнее время, на гипотетическомъ предположеніи охлажденія огненно-жидкой массы земного шара послѣ образованія его изъ туманной массы и, наконецъ, на опытахъ лучеиспусканія, произведенныхъ на поверхности земли, когда лучеиспускающее тѣло окружено вѣсомыми тѣлами. Но является вопросъ: можно-ли открытые при этихъ опытахъ законы распространить на всѣ случаи, когда тѣло находится въ міровомъ пространствѣ, окруженное только эфиромъ? И если этотъ вопросъ рѣшится утвердительно, то является новый: куда же дѣвается громадная часть солнечной энергіи, не утилизированная планетами? Единственно мыслимый для насъ отвѣтъ на него таковъ: энергія поглощается эфиромъ, который при этомъ или нагрѣвается, или претерпѣваетъ какія либо другія измѣненія въ расположеніи своихъ частичекъ, или, другими словами, когда въ его массѣ совершается работа частичнаго перераспредѣленія. Но ни возможность нагрѣванія эфира, ни поглощеніе энергіи работою его частичнаго перераспредѣленія не доказаны наукою, поэтому вопросъ о сравнительно быстромъ охлажденіи солнца находится въ зависимости отъ нѣсколькихъ еще нерѣшенныхъ наукою вопросовъ. Съ другой стороны, дѣлается возможнымъ и такое предположеніе, что вся энергія нашего солнца, за исключеніемъ незначительной доли, утилизированной тѣлами солнечной системы, сохраняется во вселенной въ формѣ, могущей произвести всѣ другія извѣстныя намъ формы энергіи и что въ этой формѣ происходитъ только взаимный обмѣнъ энергій между всѣми солнцами вселенной. Для оправданія и поясненія такого предположенія приведемъ слѣдующіе два примѣра изъ опытной физики.

Если плоскій сосудъ, эллиптической формы, наполнить какою-либо капельною жидкостью, лучше всего ртутью, и въ одномъ изъ фокусовъ возбудить волнообразное движеніе, то распространившіяся отъ этого фокуса волны, отразившись отъ стѣнокъ сосуда, сконцентрируются въ другомъ фокусѣ, откуда, слѣдуя обратному движенію, по прошествіи нѣкотораго времени, соберутся въ первомъ фокусѣ; отсюда онѣ снова распространятся по первымъ путямъ, чтобы собраться во второмъ фокусѣ и такой переходъ энергіи отъ одного фокуса къ другому будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока вся энергія, въ формѣ волнообразнаго движенія, не перейдетъ въ другую форму, теплоту. Если въ двухъ фокусахъ одновременно возбудить волнообразное движеніе, но различной силы, то фокусы будутъ мѣняться своими энергіями: обладавшій большею энергіею передастъ ее другому фокусу и взамѣнъ получитъ отъ него меньшую, чтобы въ слѣдующій затѣмъ періодъ опять помѣняться энергіями, и т. д.

Опишемъ другой опытъ. Круглый вертикальный стержень, 1″ въ діаметрѣ и длиною около 30″, своимъ нижнимъ концомъ прочно укрѣпляется въ массивной подставкѣ, а на верхнемъ концѣ его, перпендикулярно къ стержню, укрѣпляется кругъ. Если взять два изохронныхъ маятника въ видѣ равныхъ гирекъ, подвѣшенныхъ на тонкихъ проволокахъ, и точки

привѣса ихъ помѣстить въ двухъ діаметрально противоположныхъ точкахъ окружности круга, то, приведя одинъ маятникъ въ колебательное движеніе, замѣтимъ, что и второй маятникъ начнетъ качаться съ постепенно увеличивающеюся амплитудою своего размаха. По прошествіи нѣкотораго времени, амплитуды обоихъ маятниковъ сравняются и затѣмъ первый маятникъ, постепенно уменьшая амплитуду своего качанія, придетъ въ покойное состояніе и въ этотъ моментъ амплитуда второго маятника достигнетъ максимума. Въ послѣдующій затѣмъ періодъ, второй маятникъ постепенно и тѣмъ же порядкомъ передастъ всю свою кинетическую энергію первому, а этотъ, достигнувъ максимума амплитуды, начнетъ опять передавать свою энергію второму, и т. д. Въ этомъ явленіи замѣчательна та фаза, когда передача энергіи отъ одного маятника къ другому продолжается въ томъ же направленіи и послѣ того, какъ оба маятника сравняются въ своихъ амплитудахъ; эта фаза доказываетъ возможность передачи энергіи отъ тѣла, обладающаго меньшею кинетическою энергіею, къ тѣлу съ сравнительно большею энергіею. Если на окружности круга, на равныхъ, или неравныхъ разстояніяхъ, подвѣсить нѣсколько изохронныхъ маятниковъ, напр., 10, то, приведя одинъ изъ нихъ въ движеніе, замѣтимъ, что по прошествіи нѣкотораго времени и остальные маятники придутъ въ движеніе; при этомъ процессъ передачи энергіи выразится въ явленіи гораздо болѣе сложномъ, чѣмъ это было въ случаѣ двухъ маятниковъ, а именно: по прошествіи нѣкотораго времени отъ начала опыта, одинъ изъ маятниковъ, напр., 4, будетъ обладать значительно большею энергіею, чѣмъ каждый изъ остальныхъ; черезъ нѣкоторое время, относительный максимумъ энергіи перейдетъ уже на другой, или одновременно на нѣсколько, напр., 5, 8 и 10 и т. д.; произойдетъ, слѣдовательно, очень сложная игра передачи энергіи во всей системѣ.

Вообразимъ эллипсоидъ вращенія, въ одномъ изъ фокусовъ котораго помѣщено наше солнце, а въ другомъ Сиріусъ, и предположимъ, что отъ внутренней поверхности эллипсоида отражается, по извѣстнымъ законамъ отраженія, энергія въ неизвѣстной намъ формѣ, излучаемая обоими свѣтилами; тогда между ними установится обмѣнъ энергій, подобный тому, какой происходилъ въ опытѣ съ жидкостью въ сосудѣ эллиптической формы. Если бы въ природѣ существовали только два свѣтила, наше солнце и Сиріусъ, тогда было бы возможно наступленіе момента, когда вся энергія передастся отъ одного свѣтила къ другому, какъ это было въ опытѣ съ двумя маятниками, и тогда свѣтило, потерявшее энергію, временно бы потухло, чтобы по прошествіи нѣкотораго времени снова засіять при процессѣ передачи энергіи въ обратномъ направленіи. Но какъ въ дѣйствительности число только видимыхъ звѣздъ достигаетъ 30 милліоновъ, то построивъ въ нашемъ воображеніи эллипсоиды вращенія отдѣльно для каждой пары звѣздъ, получимъ такихъ эллипсоидовъ громадное число, тогда и обмѣнъ энергій между солнцами приметъ очень сложный характеръ и будетъ подобенъ обмѣну энергій въ опытѣ съ нѣсколькими маятниками, и вѣроятность потуханія одного изъ солнцъ падетъ до нуля; но для каждаго изъ нихъ дѣлаются возможными всѣ степени концентраціи энергіи и силы излученія,

начиная съ краснаго Арктура до ярко бѣлаго Сиріуса, при чемъ для каждаго изъ свѣтилъ, наступленіе той или другой степени концентраціи энергіи можетъ повторяться неопредѣленное число разъ, а это дастъ возможность объяснить чередованіе на земномъ шарѣ ледниковыхъ періодовъ съ болѣе теплыми промежутками. Можно при этомъ допустить, что нѣкоторые изъ большихъ тѣлъ вселенной, подобно планетамъ, и не входятъ въ общую систему обмѣна міровой энергіи и поэтому охлаждаются до низкихъ температуръ.

Можно вопросъ о потерѣ энергіи солнцемъ освѣтить еще иначе: можно солнце уподобить громадному индуктору съ перемѣннымъ токомъ, построенному такъ, что линіи магнитныхъ силъ выходятъ какъ бы изъ центра солнца и равномѣрно распространяются въ міровомъ пространствѣ въ видѣ лучей. Тогда напряженіе магнитнаго поля на единицѣ шаровой поверхности, концетричной съ солнцемъ, будетъ обратно пропорціонально квадрату радіуса этой поверхности. Если планеты и всѣ другія тѣла нашей солнечной системы мы будемъ разсматривать какъ замкнутыя индукціонныя спирали, то гальваническіе токи, развитые въ нихъ, поглотятъ нѣкоторую часть энергіи солнца и преобразуютъ ее въ другія формы энергіи, но количество поглощенной энергіи будетъ ничтожно передъ тѣмъ, какое могъ бы передать могучій индукторъ—солнце. Тогда житель земли, увѣрившись изъ своихъ наблюденій, что и другія тѣла нашей планетной системы, получаютъ отъ солнца энергію въ той же формѣ, въ какой ее получаетъ наша земля, можетъ прійти къ заключенію, что солнце расточаетъ свою энергію во всѣ точки пространства съ одинаковою силою, чего въ дѣйствительности не будетъ. Далѣе, жителю земли можетъ показаться, что часть электрической энергіи, переданной земному шару, и неутилизированная теллурическими процессами, пропадаетъ безслѣдно, въ дѣйствительности же она сохраняется въ общей экономіи природы и можетъ возвратиться къ своимъ первоисточникамъ, солнцамъ; такой же возвратъ возможенъ и для солнечной теплоты, не утилизированной на земномъ шарѣ и излученной имъ въ теченіе ночей и зимнихъ періодовъ, также какъ и для теплоты, выдѣлившейся изъ огненно-жидкой массы земного шара въ періодъ его охлажденія.

Считаемъ нужнымъ оговориться, что на описанные нами способы, какъ взаимной передачи энергіи между солнцами при посредствѣ эллипсоидовъ, такъ и на экономную утилизацію энергіи, испускаемой солнцемъ-индукторомъ, надо смотрѣть не какъ на вѣрное изображеніе дѣйствительности, еще скрытой отъ насъ, а только какъ на указатели возможности существованія такихъ неизвѣстныхъ намъ процессовъ во вселенной, которые, будучи открыты, совершенно измѣнятъ наше представленіе о космическихъ явленіяхъ. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что извѣстные намъ случаи перехода энергіи изъ высшихъ формъ въ низшія, также какъ и циклъ Сади-Карно, какъ явленія, совершающіяся на поверхности земного шара, могутъ быть только частными случаями проявленія общей міровой энергіи, данной въ природѣ въ особой, неизвѣстной намъ формѣ, или въ

формахъ хотя и одинаковыхъ съ наблюдаемыми на землѣ, но дѣйствующихъ при неземныхъ условіяхъ, а потому и могущихъ повести не къ тѣмъ результатамъ, какіе мы ожидаемъ, опираясь на наши наблюденія и опыты; можетъ быть, въ міровомъ пространствѣ возможны эквивалентные переходы энергіи изъ низшихъ формъ въ высшія безъ всякаго остатка, также и переходъ теплоты изъ тѣла съ низшею температурою къ тѣлу болѣе нагрѣтому, подобно тому, какъ въ опытѣ съ двумя маятниками, въ одной его фазѣ, кинетическая энергія тѣла переходитъ почти безъ остатка къ другому, обладающему больше энергіею.

Если наука будущаго, въ той или другой мѣрѣ, подтвердитъ приведенныя нами соображенія, тогда существующія предсказанія о долговѣчности солнечнаго лучеиспусканія окажутся невѣрными. Дѣйствительно, по гипотезѣ быстраго охлажденія, солнце, до своего потуханія, должно еще въ теченіе 16 милліоновъ лѣтъ посылать на планеты энергію почти въ томъ же количествѣ, въ какомъ оно посылаетъ ее теперь; но такъ какъ планеты поглощаютъ только $\frac{1}{227,000000}$ часть всей энергіи, излучаемой солнцемъ, то если мы, увеличивъ эту часть въ 10 разъ, допустимъ, что остальная сохраняется въ формѣ энергіи высшаго порядка, и никуда не расходуется, то всей солнечной энергіи хватитъ на 3600 милліардовъ лѣтъ, что въ практическомъ отношеніи равносильно вѣчности.

Относительно главныхъ вопросовъ космогоніи для насъ мыслимы только двѣ альтернативы: или мы должны признать твореніе вселенной, или отрицать его. Оставляя вопросъ о твореніи пока не рѣшеннымъ, мы предположимъ, что творенія не было, тогда вселенную мы должны мыслить какъ предвѣчно существующую, а ея жизнь—какъ непрерывный рядъ процессовъ, въ которомъ каждый предыдущій членъ ряда обусловливаетъ существованіе послѣдующаго. Но каково бы ни было число процессовъ, совершившихся нѣкогда во вселенной, если бы они стремились къ установленію какого-либо окончательнаго status quo, въ формѣ, напр., уравненія температуры всѣхъ тѣлъ вселенной, то такой status quo давно бы уже насталъ въ теченіе безконечнаго прошлаго вселенной, въ настоящую же минуту мы находимъ вселенную далекою отъ окончательнаго status quo

Итакъ, принявъ во вниманіе недостаточность еще нашихъ знаній относительно всѣхъ формъ міровой энергіи, возможность коренныхъ ошибокъ въ нашихъ заключеніяхъ о міровыхъ процессахъ по тѣмъ явленіямъ, которыя мы наблюдаемъ на земномъ шарѣ, мы полагаемъ, что еще рано на научныхъ основаніяхъ предсказывать будущее вселенной вообще и нашей солнечной системы въ частности Съ другой стороны, выходя изъ тѣхъ общихъ соображеній, что во вселенной все безконечно велико: безконечно пространство, безконечно велико количество вещества, также какъ и количество энергіи въ различныхъ ея формахъ, что трата послѣдней ничтожно мала тамъ, гдѣ мы можемъ допустить ее съ полною увѣренностью, мы склонны признать, если не безконечную, то неопредѣленно большую продолжительность и процессовъ, могущихъ совершаться во вселенной прежде чѣмъ она достигнетъ окончательнаго status quo, т. е. такого со-

стоянія, при которомъ прекращаются всѣ процессы, сопровождаемые переходомъ энергіи изъ однихъ формъ въ другія.

Въ одной изъ послѣдующихъ главъ, говоря о твореніи вселенной, мы покажемъ, что вселенную настоящаго времени можно понимать какъ находящуюся въ состояніи динамическаго status quo, далекаго отъ окончательнаго status quo. Охватывая общимъ взглядомъ прошлое вселенной и ея настоящее, мы приходимъ къ заключенію, что всѣ міровые процессы имѣли одно направленіе—привести вселенную изъ состоянія неопредѣленнаго и неустойчиваго въ состояніе опредѣленное и устойчивое, и послѣднее въ формѣ динамическаго status quo должно продолжаться неопредѣленно долгое время; при этомъ во всѣхъ процессахъ мы ничего не видимъ какъ только перераспредѣленіе вещества и переходъ физической энергіи изъ однихъ формъ въ другія.

Если изъ небесныхъ пространствъ спуститься на сравнительно безконечно малую частичку вселенной, на земной шаръ, то строеніе его коры представляетъ достаточно данныхъ для сужденія о характерѣ процессовъ, совершавшихся на землѣ милліоны лѣтъ тому назадъ. Это строеніе ясно указываетъ, что физическіе процессы самыхъ древнихъ геологическихъ эпохъ въ сущности одинаковы съ происходящими и теперь на земномъ шарѣ. Вслѣдъ за образованіемъ перваго слоя застывшей коры земного шара начали уже дѣйствовать вулканическія силы, измѣнившія его однообразную поверхность: образовались возвышенныя части, одни вслѣдствіе изверженія огненно-жидкихъ массъ, другіе дѣйствіемъ упругихъ газовъ и водяныхъ паровъ и третьи явились въ видѣ складокъ и морщинъ въ корѣ, произведенныхъ уменьшеніемъ объема внутренней огненножидкой массы, продолжавшей охлаждаться. Къ вулканическимъ дѣятелямъ впослѣдствіи присоединился новый, гидатоморфизмъ, проявившій не меньшую энергію въ поднятіи возвышенностей. Источникъ вулканическихъ силъ находится въ неостывшей еще огненно-жидкой массѣ земного шара, источникъ гидаторморфизма есть энергія, посылаемая солнцемъ на землю, слѣдовательно и послѣ окончательнаго охлажденія внутренности земного шара будутъ продолжаться измѣненія въ рельефѣ его поверхности до тѣхъ поръ, пока не прекратится излученіе солнцемъ энергіи.

Выдвинутыя выше поверхности водныхъ бассейновъ участки суши, подвергались разрушительному дѣйствію воздуха, атмосферныхъ осадковъ и теплоты, и продукты разрушенія, снесенные водными потоками, отлагались на днѣ водныхъ бассейновъ. Образованные такимъ образомъ осадочные слои дали рядъ налегающихъ другъ на друга напластованій, число которыхъ надо считать сотнями, а мощность, т. е. толщина у нѣкоторыхъ, достигаетъ до 3 верстъ (нижній отдѣлъ лаврентьевской системы). Цѣлые хребты горъ, въ размельченномъ видѣ, были унесены водою и отложены на днѣ бассейновъ, при чемъ энергія размыва, въ среднемъ, не превышала той, какая наблюдается и въ настоящее время на земной поверхности. Изъ этихъ фактовъ можно заключить о громадности времени, затраченнаго для произведенія такихъ, поражающихъ умъ, эффектовъ. Если относитель-

но энергіи размыва нѣтъ основаній предполагать, что она въ прежнія времена превышала современную намъ, то относительно вулканическихъ силъ несомнѣнно, что съ теченіемъ времени ихъ дѣйствіе понижалось. Изверженныя огнежидкія массы геологическихъ эпохъ, по своей мощности, значительно превосходятъ массы, извергаемыя современными вулканами, число которыхъ замѣтно убывало съ теченіемъ времени, что доказывается нахожденіемъ множества уже потухшихъ вулкановъ. Въ будущіе геологическіе періоды слѣдуетъ ожидать еще большаго ослабленія вулканическихъ силъ и тогда въ измѣненіи рельефа земной коры главнѣйшая роль будетъ принадлежать гидатоморфизму, источникъ энергіи котораго находится въ солнцѣ. Такимъ образомъ и въ прошломъ земного шара явно выступаетъ направленіе процессовъ, совершавшихся въ немъ, это—привести его изъ состоянія неустойчиваго и неопредѣленнаго, какое онъ имѣлъ въ видѣ туманной массы, къ состоянію устойчивому и опредѣленному. И тутъ во всѣхъ процессахъ мы ничего не открываемъ, какъ только перераспредѣленіе вещества и переходъ физической энергіи изъ однихъ формъ въ другія.

Установленіе въ наукѣ двухъ принциповъ, неуничтожаемости вещества и сохраненія энергіи, приводятъ къ такому представленію о физической природѣ вселенной и процессахъ въ ней: вещество разсматривается какъ данное, независимо отъ способа его происхожденія. Въ безконечномъ прошломъ совершился во вселенной рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ процессовъ, изъ которыхъ только о фазѣ, непосредственно предшествующей современной, наука даетъ схему въ видѣ гипотезы Канта-Лапласа. Во всѣхъ процессахъ прошлаго и настоящаго, какъ космическихъ, такъ и теллурическихъ, поскольку они доступны изслѣдованію, наука не открываетъ ничего другого, какъ только перераспредѣленіе вещества и переходъ физической энергіи изъ однихъ формъ въ другія съ слѣпою и неуклонною послѣдовательностью механическихъ дѣйствій по разъ установленнымъ законамъ, безъ малѣйшихъ проявленій сознательнаго начала: мысли, чувства и воли. Космическій процессъ, въ его цѣломъ, представляется какъ переходъ отъ неопредѣленнаго и неустойчиваго къ опредѣленному и устойчивому, долженствующему продолжаться въ будущемъ неопредѣленно долгое время.

Современная наука стремится свести все разнообразіе процессовъ и явленій физическаго міра къ проявленію нѣсколькихъ основныхъ свойствъ и состояній матеріи: движенію, инерціи, притяженію и отталкиванію; дѣлаются попытки и послѣднія два свойства свести къ двумъ первымъ, и весьма возможно, что въ будущемъ весь матеріальный строй вселенной будетъ объясняться какъ механическій результатъ только движеніе вещества и его инерціи. Если бы субстратъ вещества обладалъ другими основными свойствами, отличными отъ дѣйствительно присущихъ ему, а такое предположеніе разумъ человѣка можетъ допустить, тогда и весь строй вселенной былъ бы въ корнѣ другой, но иллюзорно рисовался бы нашему разуму также гармоничнымъ, какъ и дѣйствительный.

Если отъ міра чисто физическихъ явленій мы перейдемъ къ явленіямъ, въ которыхъ выражается сознательное начало природы, то вмѣсто косности, сравнительной простоты и ясности физическихъ процессовъ, мы находимъ здѣсь міръ таинственнаго, глубокаго, безконечно разнообразнаго и самодѣятельнаго. Этотъ контрастъ между обоими мірами, смутно сознаваемый первобытнымъ человѣкомъ, выступалъ все съ большею и большею ясностью по мѣрѣ развитія человѣчества; всѣ наиболѣе глубокіе и сильные умы классической древности и послѣдующихъ вѣковъ сознавали всю глубину пропасти, раздѣляющей оба міра. Попытки найти какую-либо связь, могущую изъ явленій физическаго міра объяснить явленія міра духовнаго, до сихъ поръ остаются тщетными; напротивъ, по мѣрѣ развитія научныхъ знаній, пропасть, раздѣляющая оба міра, не суживается, а расширяется и углубляется. Не въ планѣ нашего труда обстоятельно излагать научныя основанія для подтвержденія вышесказаннаго, да и нѣтъ надобности въ этомъ въ виду предполагаемаго знакомства нашихъ читателей съ этимъ предметомъ по относящимся сюда спеціальнымъ изслѣдованіямъ, поэтому мы ограничимся указаніемъ только на главныя черты, опредѣляющіе коренное различіе между явленіями физическаго и духовнаго міровъ, поскольку оно выражается, наприм., въ организмѣ человѣка.

Въ физикѣ доказывается, что свѣтъ распространяется въ матеріальной средѣ, эфирѣ, въ видѣ волнъ, при чемъ каждая частичка среды колеблется около положенія своего равновѣсія. Въ сложномъ аппаратѣ человѣческаго глаза волнообразное движеніе эфира преобразуется въ веществѣ зрительнаго нерва въ другой видъ движенія, имѣющій, вѣроятно, также механическій характеръ; послѣднее, распространяясь по нерву съ нѣкоторою, сравнительно незначительною скоростью, достигаетъ головного мозга; здѣсь и заканчивается путь физико-механическаго процесса, но въ тотъ же моментъ появляется ощущеніе бѣлаго, краснаго, голубого ..... свѣта. Это ощущеніе въ нашемъ сознаніи представляется неимѣющимъ ничего общаго ни съ волнообразнымъ движеніемъ эфира, ни съ движеніемъ первнаго вещества; оно есть актъ психическій, а не физическій и нѣтъ малѣйшей возможности изъ представленія одного акта вывести представленіе другого. Подобныя же преобразованія испытываютъ и физическіе процессы, опредѣляющія ощущенія, доставляемыя и остальными чувствами человѣческаго организма, также и ощущенія, зависящія отъ состоянія внутреннихъ органовъ, т. е. ощущенія самочувствія. Итакъ, сознательное начало, получивъ чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ сигналы, преобразуетъ ихъ въ формы, не имѣющія ничего общаго съ природою физическихъ агентовъ, посылающихъ эти сигналы.

Если бы проявленіе сознательнаго начала выражалось только въ ощущеніяхъ, доставляемыхъ органами чувствъ и процессами, опредѣляющими самочувствіе, тогда эту пассивную дѣятельность сознанія можно бы было сравнить съ функціею какого-нибудь сложнаго физическаго аппарата, могущаго воспринимать и преобразовать различные виды физической энергіи и свойства физическихъ тѣлъ въ особыя формы, отличныя отъ формъ сти-

мулирующихъ агентовъ; но проявленіе сознательнаго начала далеко не исчерпывается чувственными ощущеніями: въ немъ пребываетъ какой то самодѣятельный агентъ X, обладающій свойствами и качествами, совершенно устраняющими возможность какого либо сближенія физическихъ процессовъ съ психическими. Этотъ X, получая массу чувственныхъ ощущеній, не позволяетъ имъ безпорядочно грудиться въ сознаніи, а распредѣляетъ ихъ въ соотвѣтствующія группы, персепцируетъ, чтобы составить представленія, и пользуется послѣдними, какъ матеріаломъ, для образованія понятій. Эти понятія онъ опять сопоставляетъ, сравниваетъ, судитъ о нихъ и умозаключаетъ, однимъ словомъ, мыслитъ; реагируетъ на внѣшній міръ, при чемъ чувствуетъ себя тутъ настолько самостоятельнымъ, что основательно или нѣтъ, приписываетъ себѣ полную свободу. Вотъ дѣятельности то этого X нѣтъ ничего, соотвѣтствующаго въ мертвой природѣ.

Если обратить свой взглядъ на прошлое вселенной, насколько современной наукѣ удалось пролить на него свѣтъ, то контрастъ между безсознательнымъ и сознательнымъ началами выступаетъ съ еще большею силою. Остановимъ-ли свое вниманіе на гипотетическихъ объясненіяхъ происхожденія небесныхъ тѣлъ изъ туманной массы, обратимся-ли къ несомнѣннымъ фактамъ геологіи, вездѣ процессы мертвой природы носятъ характеръ косности, неуклонно слѣдующей разъ установленнымъ физическимъ законамъ; нигдѣ не замѣчаемъ мы появленія новыхъ формъ физической энергіи, кромѣ уже извѣстныхъ намъ, или ихъ развитія; если что и мѣнялось въ нихъ, такъ только ихъ напряженіе, но не качества или свойства. Процессы дифференціаціи или интеграціи вещества, тамъ гдѣ они явно выражены, составляютъ только послѣдствія перераспредѣленія вещества, совершившагося по неуклоннымъ физическимъ законамъ, и ничего болѣе.

Другую картину представляетъ исторія сознательнаго начала на земномъ шарѣ. Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ ея.

Наука обладаетъ уже достаточнымъ матеріаломъ для сужденія о степени психическаго развитія человѣка за періодъ нѣсколькихъ десятковъ тысячелѣтій, предшествовавшихъ настоящему времени. Изслѣдованіе верхнихъ слоевъ земной коры показало, что періоду, о которомъ сохранились самые отдаленные историческіе памятники, предшествовалъ продолжительный періодъ, доисторическій, такъ назыв. вѣкъ каменныхъ орудій, свайныхъ построекъ и кухонныхъ отбросовъ. Коллекціи предметовъ, относящихся къ этому вѣку, также какъ и окружающая обстановка въ пунктахъ ихъ нахожденія, неизбѣжно приводятъ къ заключенію, что человѣкъ каменнаго вѣка по образу жизни и культурѣ мало отличался отъ жителей, напр., Огненной земли и другихъ наиболѣе низко стоящихъ дикихъ народовъ современнаго человѣчества; а если допустить, и такое допущеніе будетъ вполнѣ законно, что за періодъ, протекшій отъ каменнаго вѣка до настоящаго времени, психическое развитіе въ той или другой мѣрѣ, захватило все человѣчество, то человѣкъ каменнаго вѣка, по психическому развитію, стоялъ ниже даже современныхъ дикарей Огненной земли. Но уже бѣглое сравненіе дикарей не только каменнаго вѣка, но и современныхъ, съ наиболѣе

развитыми народами современнаго человѣчества, дастъ картину полную поразительныхъ контрастовъ, а сила послѣднихъ выступитъ съ большею яркостью, когда для этого сравненія, изъ всей массы современнаго человѣчества, мы выдѣлимъ ту группу людей, на которой, вслѣдствіе особо благопріятныхъ условій, въ наибольшей мѣрѣ отразилось вліяніе положительныхъ сторонъ новоевропейской цивилизаціи. Что же даетъ намъ сравненіе? Тамъ, у дикаря, необезпеченность въ необходимѣйшихъ средствахъ для поддержанія жизни; здѣсь, у цивилизованнаго европейца, вслѣдствіе регулированнаго труда и предусмотрительности, необезпеченность въ этихъ средствахъ является какъ исключеніе; тамъ жилищемъ служитъ пещера или шалашъ изъ вѣтвей, здѣсь—прочный, комфортабельно устроенный домъ; тамъ—грубыя удовольствія, главнѣйшимъ стимулъ которыхъ—удовлетвореніе животныхъ потребностей, здѣсь—обильный источникъ высшихъ наслажденій, доставляемыхъ религіею, искусствомъ, наукою и общеніемъ съ людьми на почвѣ политическихъ и соціальныхъ интересовъ; тамъ—міровоззрѣніе, полное суевѣрій безъ всякаго проблеска научныхъ знаній, здѣсь—свѣтъ науки, постепенно расширяющій кругозоръ человѣка, по мѣрѣ развитія его познавательныхъ силъ; тамъ полная разнузданность нравственныхъ стимуловъ, уступающая только противодѣйствію, здѣсь—сознаніе нравственнаго долга, часто настолько сильное, что ему жертвуются всѣ блага жизни и даже самая жизнь; тамъ, наконецъ, борьба всѣхъ противъ всѣхъ и полное осуществленіе борьбы за существованіе въ самыхъ безпощадныхъ формахъ, здѣсь—стремленіе основать соціальный строй на чувствахъ симпатіи, на началахъ истины, добра и справедливости. Но содержаніе представленныхъ нами картинъ жизни человѣка есть проявленіе дѣятельности его психики и въ виду сильнаго различія этого содержанія, для двухъ сравниваемыхъ эпохъ, едва ли кто рѣшится утверждать, что въ періодъ, отдѣляющій эти эпохи, психика человѣка осталась неизмѣнною въ составѣ своихъ элементовъ и не пріобрѣла новые.

Какъ ни великъ періодъ, протекшій отъ эпохи каменнаго вѣка до настоящаго времени, онъ малъ по сравненію съ тѣмъ, въ которомъ совершилось выдѣленіе человѣка, какъ существа обладающаго рѣчью, изъ группы безсловесныхъ животныхъ. Въ настоящее время наука не обладаетъ еще данными, опираясь на которыя она могла бы прослѣдить различныя фазы психическаго развитія прародичей человѣка, обитавшихъ землю въ періодъ этого выдѣленія. Причиною этому служитъ почти полное отсутствіе ископаемыхъ предметовъ съ несомнѣнными слѣдами дѣйствія на нихъ человѣка. Дѣйствительно, о степени интеллектуальнаго развитія человѣка каменнаго вѣка мы судимъ по ископаемымъ остаткамъ, представляющимъ несомнѣнные продукты его индустріи, остаткамъ не отличающимся разнообразіемъ и крайне грубымъ по исполненію: это—каменныя орудія, полученныя околкою камней различныхъ породъ, кости съ грубыми рисунками, составленными изъ различно комбинированныхъ прямолинейныхъ чертъ, осколки необожженой глиняной посуды, также самой грубой обработки. Человѣкъ, изъ періода, предшествовавшаго каменному вѣку, какъ сравнительно менѣе развитой, долженъ проявить себя въ произведеніяхъ еще болѣе грубой формы по срав-

ненію съ тѣмъ, что мы находимъ въ остаткахъ каменнаго вѣка, но представить себѣ что либо проще или грубѣе послѣднихъ мы не можетъ; поэтому изъ періода, предшествующаго каменному вѣку, мы находимъ только слѣды существованія человѣка и ничего, говорящаго о его культурѣ; эти слѣды составляютъ различные естественные предметы, обозженные огнемъ, и кости, разбитыя для извлеченія изъ нихъ мозга. Эта скудость остатковъ, и родъ ихъ, указываютъ только, что психическое развитіе человѣка того времени было такъ низко, что онъ не могъ производить даже самыхъ грубыхъ предметовъ для обихода.

Одинъ изъ отдѣловъ геологіи, палеонтологія, дала возможность не только опредѣлить хронологическую послѣдовательность геологическихъ напластованій, но и связать переходными формами многіе виды и даже роды организмовъ, нѣкогда существовавшихъ на земномъ шарѣ и тѣмъ подтвердить теорію Дарвина о происхожденіи видовъ; та же палеонтологія современемъ освѣтитъ и періодъ, предшествующій каменному вѣку, особенно когда геологическія изслѣдованія коры земной будутъ производиться въ большемъ противъ теперешняго размѣрѣ въ тропическихъ странахъ, т. е. въ областяхъ, гдѣ климатическія условія были особо благопріятны для появленія переходныхъ формъ, связующихъ человѣка каменнаго вѣка съ его безсловесными предками. Черепъ, найденный въ пещерѣ Неандерталя и ископаемый скелетъ животнаго, найденный на островѣ Цейлонѣ, указываютъ на существованіе этихъ переходныхъ формъ.

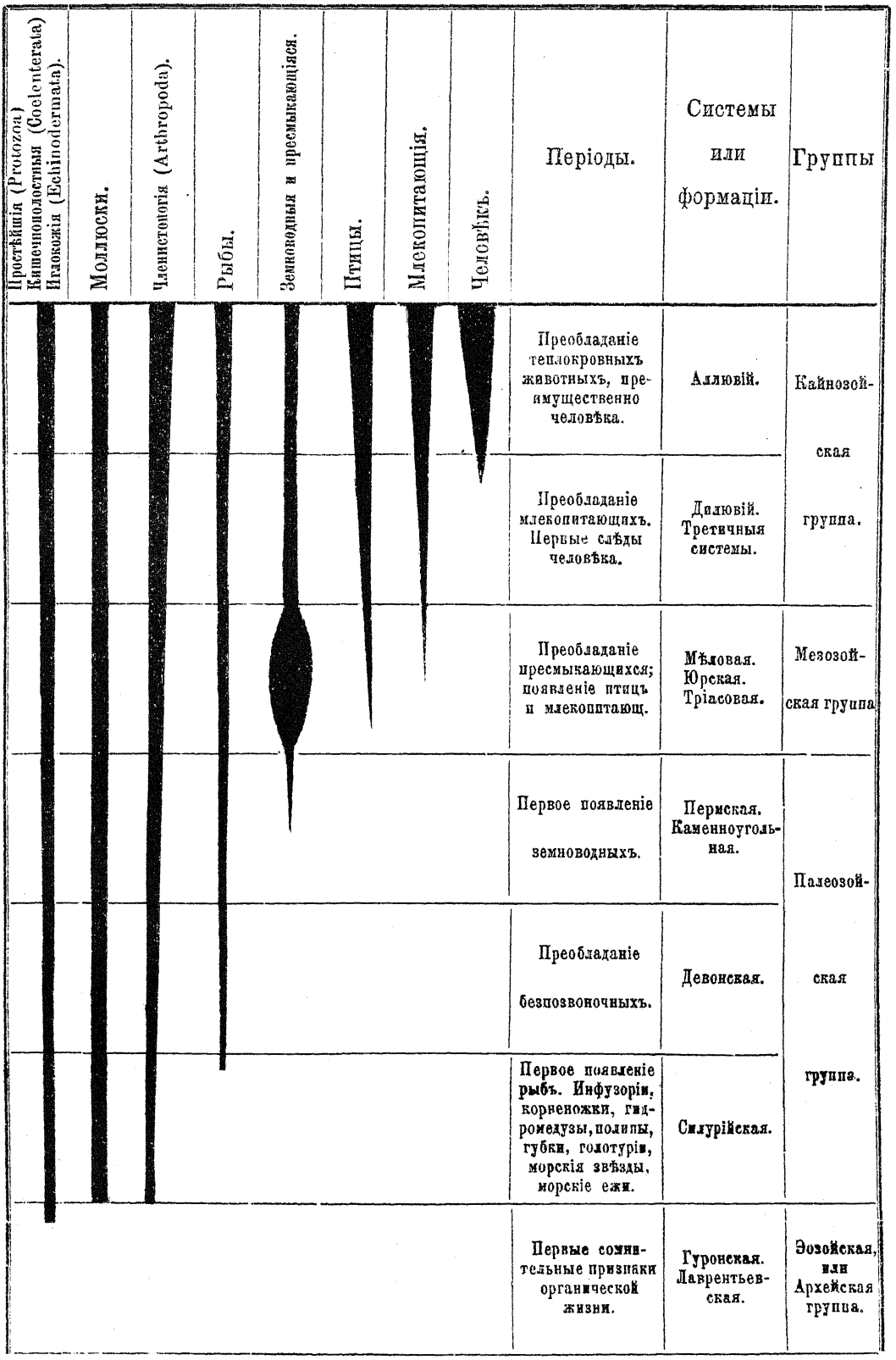
Если судить по геологическимъ даннымъ, то несомнѣнные слѣды существованія человѣка найдены только въ четвертичномъ періодѣ; въ верхнихъ напластованіяхъ третичнаго періода, кайнозойской группы, если и встрѣчаются слѣды, то спорнаго характера, а затѣмъ слѣдуютъ болѣе раннія напластованія третичнаго періода, въ которыхъ до сихъ поръ не найдено никакого слѣда существованія человѣка, хотя они богаты остатками высшихъ млекопитающихъ: слона, собаки, обезьяны, тапира.... По структурѣ и химическому составу кости человѣка не отличаются существенно отъ костей млекопитающихъ, и для сохраненія ихъ въ ископаемомъ видѣ не нужно особыхъ условій, отличныхъ отъ тѣхъ, при которыхъ возможно сохраненіе окаменелыхъ остатковъ другихъ животныхъ; поэтому обиліе остатковъ млекопитающихъ третичнаго періода и полное отсутствіе остатковъ человѣка заставляетъ предполагать, что въ этомъ періодѣ человѣкъ еще не существовалъ по крайней мѣрѣ въ видѣ близкомъ къ современному.

На прилагаемомъ рисункѣ схематически представлено появленіе и развитіе животныхъ организмовъ въ теченіе того времени, въ которомъ образовались геологическія напластованія. Горизонтальными линіями отдѣлены геологическія группы и системы, при чемъ надо имѣть въ виду, что каждая система или формація состоитъ изъ ряда осадочныхъ слоевъ, хронологически слѣдующихъ одинъ за другимъ; такъ, напр., юрская система, мезозойской группы, состоитъ изъ 28 слоевъ. Значительные періоды времени, соотвѣтствующіе группамъ, называются эрами. Зачерненныя вертикальныя полосы представляютъ какъ порядокъ появленія, такъ и степень развитія

главнѣйшихъ отдѣловъ животнаго царства. Изъ рисунка видно, что въ лавретьевской системѣ, самой древней по своему образованію, не открыто малѣйшихъ слѣдовъ органической жизни, которая появляется только въ концѣ гуронскаго періода въ формѣ наиболѣе низшихъ животныхъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ періодѣ, силурійскомъ, низшіе животные организмы, одноклѣточныя, иглокожія, моллюски, членистоногія... составляютъ единственныхъ представителей животнаго царства и только въ концѣ этого періода появляются низшія формы рыбъ, панцырныя, которыя въ слѣдующій, девонскій періодъ, достигаютъ полнаго развитія. Въ концѣ каменно-угольнаго періода появляются земноводныя, достигающія наибольшаго развитія въ послѣдующіе періоды мезозойской группы; въ теченіе этихъ же періодовъ появляются птицы и млекопитающія и, наконецъ, въ концѣ дилювія появляются слѣды человѣка, достигающіе въ аллювіѣ наибольшей полноты по ихъ числу и разнообразію. Расширяющіяся кверху зачерненныя полосы указываютъ на увеличеніе числа родовъ и видовъ животныхъ съ переходомъ отъ низшихъ напластованій къ верхнимъ, а расширеніе въ видѣ овала, для класса земноводныхъ, означаетъ, что въ періоды мезозойской группы, животныя этого класса достигали максимальнаго развитія. На нашемъ рисункѣ классы животныхъ представлены возникающими какъ бы спорадически въ различныя геологическія эры; въ дѣйствительности всѣ классы, отряды, семейства, роды и виды животныхъ связаны переходными формами въ одно родословное дерево, которое, разрастаясь, достигло наибольшаго разнообразія своихъ частей въ современномъ намъ животномъ царствѣ. Въ общемъ, почти каждый нѣкогда существовавшій родъ животнаго имѣетъ себѣ, хотя и измѣненнаго, типичнаго представителя въ ряду теперь живущихъ родовъ, поэтому, располагая современныхъ намъ животныхъ по степени развитія ихъ физической организаціи, мы получимъ рядъ, сходный съ тѣмъ, какой постепенно возникалъ въ теченіе всѣхъ геологическихъ эръ, что и дастъ намъ возможность судить о психическомъ развитіи какого-либо животнаго, взятаго изъ геологическаго прошлаго, по психическому развитію наиболѣе подходящаго къ нему типичнаго представителя изъ существующихъ теперь.

Итакъ, геологія говоритъ намъ, что послѣ образованія первыхъ слоевъ коры земного шара прошелъ значительный періодъ времени (эозойская эра), когда сознательное начало на нашей планетѣ не проявлялось въ формѣ психики животнаго организма; оно находилось тогда какъ бы въ потенціальномъ состояніи, а затѣмъ, вслѣдствіе ли сложившихся благопріятныхъ условій, или другихъ какихъ-либо причинъ, оно начало проявляться сначала въ формѣ психики простѣйшихъ животныхъ. Въ послѣдующіе затѣмъ эры, палеозойскую и мезозойскую, сознательное начало послѣдовательно проявлялось въ формахъ все болѣе и болѣе развивающейся психики различныхъ классовъ животнаго царства и въ послѣднюю эру, кайнозойскую, проявилось въ наиболѣе развитой формѣ,—психикѣ человѣка.

Такимъ образомъ геологическія данныя установляютъ новое коренное различіе между безсознательнымъ и сознательнымъ началами природы. Въ


Простѣйшія (Protozoa)
Кишечнополостныя (Coelenterata)
Иглокожія (Echinodermata).
Моллюски.
Членистоногія (Arthropoda).
Рыбы.
Земноводныя и пресмыкающіяся.
Птицы.
Млекопитающія.
Человѣкъ.
Періоды.
Системы или формаціи.
Группы
Преобладаніе теплокровныхъ животныхъ, преимущественно человѣка.
Аллювій.
Кайнозойская группа.
Преобладаніе млекопитающихъ. Первые слѣды человѣка.
Диллювій. Третичныя системы.
Преобладаніе пресмыкающихся; появленіе птицъ и млекопитающ.
Мѣловая. Юрская. Тріасовая.
Мезозойская группа
Первое появленіе земноводныхъ.
Пермская. Каменноугольная.
Палеозойская группа.
Преобладаніе безпозвоночныхъ.
Девонская.
Первое появленіе рыбъ. Инфузоріи, корненожки, гидромедузы, полипы, губки, голотуріи, морскія звѣзды, морскіе ежи.
Силурійская.
Первые сомнительные признаки органической жизни.
Гуронская. Лаврентьевская.
Эозойская, или Архейская группа.

то время, какъ первое остается въ своей природѣ неизмѣннымъ во все время образованія земной коры, второе, въ своемъ развитіи, прошло громадный путь, отдѣляющій психику низшаго животнаго отъ психики человѣка, при чемъ это развитіе состояло не только въ усиленіи психическихъ элементовъ того или другого рода животнаго, взятаго за исходный пунктъ, но и въ появленіи все новыхъ и новыхъ элементовъ. Дѣйствительно, нѣтъ малѣйшей надежды сложную психику человѣка объяснить только развитіемъ элементовъ психики какого-нибудь низшаго животнаго, напр., моллюска, не вводя въ нее новыхъ элементовъ.

Глава III.

Дальнѣйшее развитіе сознательнаго начала въ будущемъ. Развитіе познавательной силы. Различіе между положительными науками и науками, объектъ которыхъ сознательное начало природы. Рефлексъ, инстинктъ и разумъ.

Физическія условія, при которыхъ совершилось въ геологическомъ прошломъ развитіе сознательнаго начала, не отличались существенно отъ физическихъ условій настоящаго времени; по крайней мѣрѣ такое заключеніе можно считать вѣрнымъ при сравненіи мезозойской эры съ современной, а поэтому развитіе сознательнаго начала зависило главнѣйше отъ времени, и нѣтъ основанія предполагать, что это развитіе достигло теперь своей кульминаціонной точки; наоборотъ, гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что съ теченіемъ времени сознательное начало будетъ проявляться въ существахъ все съ большими и большими психическими силами, что по прошествіи сотенъ тысячъ лѣтъ, считая отъ настоящей минуты, на земномъ шарѣ будутъ существовать организмы, въ психическомъ отношеніи настолько же превосходящіе современнаго человѣка, насколько послѣдній превосходитъ обезьяну или собаку. Возможность появленія въ будущемъ высшихъ существъ будетъ опровергнута, если будетъ доказано одно изъ слѣдующихъ положеній: 1) что хотя фактъ прогрессированія сознательнаго начала въ теченіе геологическихъ эпохъ несомнѣненъ, но въ послѣднее время, или, вѣрнѣе, въ послѣднія столѣтія, этотъ прогрессъ пріостановился, или даже замѣнился регрессомъ; 2) для прогрессивной эволюціи сознательнаго начала въ организмахъ существуетъ опредѣленный предѣлъ, близъ котораго уже и находится современное человѣчество; 3) есть научныя основанія опасаться катастрофъ, могущихъ уничтожить на земномъ шарѣ всю органическую жизнь. Первое изъ этихъ положеній опровергается рѣзко выраженнымъ прогрессомъ во всѣхъ сферахъ психической дѣятельности передового человѣчества въ теченіе не только послѣднихъ столѣтій, но даже и десятилѣтій; относительно успѣховъ въ нѣкоторыхъ родахъ знаній послѣдніе два вѣка оказываются настолько плодотворными, что въ прошлой исторіи человѣка едва-ли найдется періодъ, могущій итти въ сравненіе съ

ними. Относительно второго положенія наука не обладаетъ ни однимъ фактомъ, могущимъ навести на мысль объ ограниченіи потенцій сознательнаго начала; наоборотъ, въ идеѣ человѣкъ допускаетъ обратное; и дѣйствительно, передовые народы и ихъ представители въ интеллектуальномъ отношеніи, приписывая Богу-Творцу всемогущество, тѣмъ самымъ признаютъ Существо, обладающее неограниченными силами всѣхъ категорій, а въ томъ числѣ и психическими, и чтобы быть послѣдовательными, они должны принципіально допустить возможность появленія существъ, могущихъ обладать психическими силами, хотя безконечно и уступающими соотвѣтствующимъ аттрибутамъ Творца, но значительно превосходящими духовныя силы современнаго человѣка. Что касается третьяго положенія, то предполагаемая катастрофа можетъ быть произведена теллурическими или космическими силами. Геологія удостовѣряетъ, что съ начала образованія земной коры и до настоящаго времени, теллурическія силы дѣйствительно были причиною катастрофъ, но только мѣстныхъ, захватывающихъ незначительные районы по отношенію всей поверхности земн. шара. Къ такимъ катастрофамъ относятся: изверженія огнедышащихъ горъ, землетрясенія, быстрыя поднятія и опусканія части суши и происходящіе оттого мѣстные потопы. Такимъ же мѣстнымъ характеромъ отличаются катастрофы, зарегистрованные и исторіею, и нѣтъ малѣйшихъ научныхъ основаній допустить въ будущемъ наступленія катастрофы теллурическаго характера, могущей разразиться на всей поверхности земного шара.

Опираясь на прочно установившіяся понятія въ астрономіи, за причину космической катастрофы можетъ быть принято только столкновеніе земного шара съ небеснымъ тѣломъ значительной величины. Всѣ планеты нашей солнечной системы, со включеніемъ астероидовъ, составляютъ группу, устойчивость которой доказана математическимъ способомъ, на основаніи законовъ механики, чѣмъ и удостовѣряется невозможность столкновенія земного шара съ одною изъ этихъ планетъ. Возможность столкновенія его съ кометою не отрицается наукою, но вслѣдствіе незначительной массы кометъ и особенностей структуры ихъ ядеръ и хвостовъ, послѣдствія такого столкновенія едва-ли будутъ даже замѣтны обитателямъ земли, что отчасти и подтверждается наблюдавшимися не разъ столкновеніями земного шара съ тѣлами кометъ, принявшими форму отрѣзковъ колецъ, вращающихся около солнца.

Итакъ, въ виду наводящихъ фактовъ и выводовъ современной науки и отсутствія достаточно обоснованныхъ возраженій, есть полное основаніе допустить въ отдаленномъ будущемъ появленія на земномъ шарѣ организмовъ, названныхъ нами высшими существами. Естественно возникаютъ вопросы: что же это за существа, какова ихъ физическая и духовная организація и въ какихъ формахъ выразится послѣдняя? Отвѣты на эти вопросы могутъ имѣть видъ только предположеній, безъ увѣренности, что дѣйствительность хотя сколько-нибудь оправдаетъ эти предположенія, и къ такому заключенію приводятъ насъ слѣдующія соображенія.

Развитіе сознательнаго начала шло въ природѣ съ строгою постепен-

ностью; такая же постепенность отмѣчается геологіею и исторіею и въ развитіи психики человѣка, насколько она выражается въ трехъ главныхъ своихъ формахъ: интеллектуальной, нравственной и эстетической. Когда человѣкъ пытается выяснить себѣ картину будущаго, касается-ли то вселенной вообще, или какой-либо частности, онъ, пользуяся всею суммою полученныхъ имъ преемственно знаній, изъ всѣхъ своихъ психическихъ свойствъ, вызываетъ къ дѣйствію главнѣйше силы разума и воображенія для образованія концепціи, какъ матеріала для этой картины; но ограниченный сферою современныхъ ему понятій, человѣкъ обыкновенно рисуетъ это будущее далеко не согласнымъ съ тѣмъ, что представитъ потомъ дѣйствительность. Это справедливо какъ для группы вопросовъ, поставляемыхъ относительно будущаго физической стороны вселенной, какъ это было подробно разъяснено въ предыдущей главѣ, такъ, и въ гораздо большей мѣрѣ, справедливо для всего, связаннаго съ проявленіемъ сознательнаго начала. Та высшая сила человѣческаго духа, которую мы называемъ творчествомъ, расширяя кругозоръ сознательнаго отношенія человѣка въ мірѣ духовныхъ и матеріальныхъ явленій, между другими своими сторонами, обладаетъ свойствомъ открывать пути, ведущіе къ неожиданнымъ и поражающимъ умъ результатамъ. Могъ-ли первѣйшій ученый классической Греціи составить себѣ малѣйшую идею о телеграфѣ, передающимъ мысль человѣка на десятки тысячъ верстъ съ быстротою, превосходящею полетъ воображенія; или, обратимся къ позднѣйшему времени: могъ-ли Фраунгоферъ, наблюдая линіи спектра, предвидѣть, что это явленіе дастъ возможность опредѣлять химическій составъ свѣтилъ, удаленныхъ отъ насъ на неизмѣримо далекія разстоянія; предвидѣлъ-ли знаменитый Фарадей, производя свои кабинетные опыты надъ индукціею динамическаго электричества, что эти опыты послужатъ зерномъ, изъ котораго разовьется почти все то, что можно назвать чудесами электротехники. Если перейти къ фактамъ, характеризующимъ всесторонность развитія психики человѣка, то мы еще въ большей степени поражаемся грандіозностью проявленій творческой силы его духа, особенно, когда для сравненія возьмемъ моменты, отдѣленные значительными промежутками времени. Вся исторія цивилизацій служитъ подтвержденіемъ этого положенія.

Трудность, или, вѣрнѣе, невозможность выйти человѣку, при всякой фазѣ его развитія, изъ того круга міропониманія, какой опредѣленъ суммою современныхъ ему знаній и степенью развитія его нравственныхъ и эстетическихъ чувствъ, дѣлаетъ тщетными его попытки постичь отдаленное будущее человѣчества; поэтому крайне наивными кажутся фантастическія описанія будущаго, ожидающаго человѣчество чрезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, считая отъ настоящей минуты, описанія, нерѣдко сопровождаемыя рисунками; въ тѣхъ и другихъ вы найдете только то, что уже и теперь составляетъ достояніе человѣческаго духа, но въ преувеличенномъ и болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ и не найдете того, что въ будущемъ появится какъ результатъ творческой силы человѣческаго духа, т. е. того, что только и могло бы дать имъ цѣну.

Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ отказаться отъ всякой попытки выразить въ какихъ-либо конктретныхъ формахъ проявленіе сознательнаго начала въ организмахъ, названныхъ нами высшими существами будущаго, поэтому мы и ограничимся только развитіемъ такихъ общихъ положеній, которыя допускаются аналогіей. Оставивъ пока въ сторонѣ всѣ другія проявленія сознательнаго начала, мы остановимся на познавательной способности.

Сказать съ увѣренностью, что всѣ животныя, стоящія даже на самыхъ низкихъ ступеняхъ классификаціонной лѣстницы, имѣютъ познавательную способность, мы не можемъ Многіе изъ нихъ проявляютъ жизнедѣятельность только въ крайне простыхъ движеніяхъ, измѣняющихъ форму самаго животнаго (амебы и другія простѣйшія изъ одноклѣточныхъ) и вполнѣ возможно, что эти движенія вполнѣ безсознательны и могутъ быть отнесены къ числу рефлекторныхъ. Но по мѣрѣ перехода отъ низшихъ животныхъ организмовъ къ высшимъ, увеличивается число разнообразныхъ проявленій ихъ жизнедѣятельности, и параллельно общему развитію ихъ психики, идетъ развитіе и ихъ познавательной способности, а образъ дѣйствій высшихъ безсловесныхъ млекопитающихъ указываетъ уже на значительную степень развитія этой способности. Такъ, умѣніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ домашнихъ животныхъ быстро оріентироваться въ обстановкѣ, часто весьма сложной и для нихъ новой, способность по голосу отличать хозяина отъ чужихъ и даже узнавать его душевное настроеніе, и многое другое, можетъ быть объяснено только дѣйствіемъ познавательной силы въ психикѣ этихъ животныхъ.

Сознательное начало, въ своемъ стремленіи проявляться все въ высшихъ и высшихъ формахъ, въ послѣдній геологическій періодъ, воспользовавшись словомъ какъ орудіемъ, сдѣлало громадный шагъ въ своемъ развитіи и тѣмъ положило какъ бы непроходимую пропасть между человѣкомъ и безсловесными животными. Въ дополненіе къ тому, что нами было высказано ранѣе о значеніи этого орудія въ процессѣ психическаго прогресса, мы считаемъ нужнымъ указать еще на слѣдующее: безсловесныя животныя, даже высшихъ порядковъ, получивъ впечатлѣнія, составляютъ изъ нихъ представленія только интуитивнаго характера; человѣкъ же, благодаря языку, можетъ съ большею или меньшею опредѣленностью выдѣлить въ своихъ представленіяхъ различныя качества и свойства предметовъ, опредѣлить, словомъ же, дѣйствія и состоянія предметовъ и ихъ взаимноотношенія и тѣмъ образовать матеріалъ для синтеза и анализа, а пользуясь послѣдними, составить сначала общія, а потомъ и отвлеченныя понятія. Анализъ и синтезъ опредѣлили проявленія высшихъ степеней умственной дѣятельности человѣка, индуктивнаго и дедуктивнаго методовъ, т. е. тѣхъ сложныхъ пріемовъ мышленія, которые обусловили развитіе всѣхъ наукъ. Но развитіе психическихъ элементовъ человѣка не ограничилось этимъ: въ его сознаніи появились идейныя, нравственныя и эстетическія чувства и понятія метафизическаго характера. Науки, освѣтивъ многое въ жизни природы, дали въ руки человѣка могучія средства для воздѣйствія на ея

физическія силы въ цѣляхъ ихъ утилизаціи, а нравственныя и эстетическія чувства, вмѣстѣ съ религіею, внесли высшее содержаніе въ его сознательную жизнь.

Если исключить спорный вопросъ о возможности нѣкоторыхъ знаній a priori, то все, что дается нашими внѣшними и внутренними чувствами, чувствованіями и эмоціями, составляетъ тотъ единственный матеріалъ, на которомъ строится знаніе. Сравнивая человѣка съ наиболѣе развитыми безсловесными животными, мы замѣчаемъ, что послѣднія, для воспріятія ощущеній извнѣ, обладаютъ органами не менѣе развитыми какъ и у человѣка; къ такому заключенію приводятъ насъ доказанные наблюденіемъ острота зрѣнія животныхъ, чуткость ихъ слуха и обоняніе. Обратившись къ внутреннимъ чувствамъ, мы и тутъ замѣчаемъ полное сходство человѣка съ животными: послѣднія, какъ и человѣкъ, ощущаютъ чувство голода, жажды, болѣзни, утомленія, отдыха. То же сходство мы замѣчаемъ и относительно чувствованій и эмоцій; животныя, несомнѣнно, испытываютъ чувство любви, непріязнь, радости и горя, эмоціи страха, гнѣва и т. д. Анатомическое сравненіе показываетъ, что организмы человѣка, высшихъ безсловесныхъ животныхъ вообще и, въ частности, нѣкоторыхъ видовъ обезьянъ, построены по одному типу и замѣченныя различія въ строеніи нѣкоторыхъ частей, какъ напр., головного мозга, относятся къ разряду не типичныхъ, а только детальныхъ.

На основаніи сейчасъ изложенныхъ фактовъ и соображеній выводится слѣдующее положеніе первостепенной важности: сознательное начало природы, въ своемъ всестороннемъ развитіи, при переходѣ отъ стадіи высшаго безсловеснаго животнаго къ стадіи современнаго цивилизованнаго человѣка, между другими своими качествами и свойствами, съ особою силою проявляло себя въ поднятіи познавательной способности на такую высоту, что для нашего ума кажется невозможнымъ связать точку исхода первой стадіи съ конечными пунктами второй; при этомъ сознательное начало не нуждалось ни въ измѣненіи типа животныхъ, служащихъ посредникомъ его выраженія, ни въ числѣ и качествѣ матеріала, на которомъ строилось зданіе знанія; оно возсовалось только орудіемъ, чисто физическаго характера, словомъ, чтобы съ успѣхомъ двинуться по пути присущаго ему стремленія выражаться все въ высшихъ и высшихъ формахъ.

Это положеніе невольно склоняетъ нашу мысль къ признанію возможности появленія въ далекомъ будущемъ высшихъ организмовъ, которые по своей познавательной силѣ будутъ превосходить человѣка настолько же, насколько послѣдній превосходитъ собаку и даже больше; и тутъ, для подъема познавательной силы, сознательное начало можетъ воспользоваться новымъ, неизвѣстнымъ намъ орудіемъ, подобнымъ слову, или достигать своихъ цѣлей независимо отъ такого орудія, только въ силу стремленія проявлять свои потенціи въ высшихъ формахъ.

Является вопросъ: что послужитъ объектомъ для примѣненія познавательной силы будущаго, высшаго существа? Въ частности, на него можно дать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: прогрессъ въ знаніи послѣдуетъ въ той

сферѣ, въ которой уже и теперь сдѣланы значительные успѣхи—это въ развитіи въ ширину и глубину механическаго міропониманія. т. е. въ группѣ явленій, обусловленныхъ дѣйствіемъ безсознательныхъ элементовъ природы. По мѣрѣ развитія нашихъ знаній въ области физическихъ явленій, мы видимъ, что сфера неизвѣстнаго не только не уменьшается, а наоборотъ расширяется и кажется намъ неисчерпаемою. Каждая положительная наука, въ ея современномъ состояніи, намѣчаетъ у себя цѣлую серію вопросовъ, подлежащихъ ея рѣшенію, а съ рѣшеніемъ одного изъ нихъ выдвигаются новые вопросы; это показала исторія развитія этихъ наукъ. Не умаляя цѣну заслугъ древнихъ цивилизацій въ дѣлѣ развитія человѣческаго духа, можно однако заявить, безъ всякаго оттѣнка пристрастія, что только въ послѣднія два, три столѣтія положительныя науки получили почти все свое богатое содержаніе, а нѣкоторыя и свое начало, какъ, напр., химія, физика, въ ихъ истинномъ значеніи, геологія и др. Если выражаясь фигурально, на нашихъ глазахъ совершилось такое богатое пріобрѣтеніе, то какихъ успѣховъ въ той же сферѣ знаній можно ожидать по прошествіи геологическаго періода? По мѣрѣ развитія положительныхъ наукъ, будетъ возрастать и власть разумнаго существа надъ безсознательнымъ началомъ природы. Появятся такіе орудія и способы эксплоатаціи силъ и элементовъ этого начала, которые дѣйствительно, а не условно только сдѣлаютъ разумное существо господиномъ природы. Техника будущаго дастъ возможность разумному существу избавиться отъ тѣхъ родовъ физическаго труда, которые угнетаютъ его духъ и противны его эстетическому чувству, она же будетъ съ избыткомъ создавать средства для вполнѣ обезпеченнаго физическаго существованія всѣхъ членовъ будущихъ обществъ, соціальный строй которыхъ, какъ основанный на началахъ справедливости и симпатіи, достигнетъ той степени совершенства, когда пользованіе матеріальными и духовными благами будетъ для всѣхъ доступно если не въ одинаковой, то въ справедливой мѣрѣ.

Познавательная сила будущихъ высшихъ существъ, конечно, не ограничится только сферою явленій изъ области безсознательнаго начала природы, а будетъ стремиться, также какъ и теперь, проникнуть въ сферу явленій, обусловленныхъ сознательнымъ началомъ, гдѣ въ настоящее время все для насъ тайна и загадка, и нѣтъ сомнѣній, что и въ этой сферѣ она достигнетъ поразительныхъ результатовъ. Въ ряду наукъ, имѣющихъ предметомъ проявленія сознательнаго начала, первенствующее положеніе занимаетъ психологія человѣка; но по сравненію съ наиболѣе развитыми положительными науками, она можетъ быть отнесена только къ разряду подготовительныхъ. Для выясненія нашей мысли остановимся на наукахъ положительныхъ. Въ каждой изъ нихъ мы замѣчаемъ три элемента: описательный, классификаціонный и дедуктивный. Если подъ наукою понимать такую систему, главную задачу которой составляетъ изслѣдованіе явленій, съ цѣлью выясненія причинной связи между ними, то всякая наука тѣмъ ближе будетъ подходить подъ это опредѣленіе, чѣмъ болѣе она содержитъ въ себѣ дедуктивнаго элемента. Собственно говоря, всѣ положительныя науки содержатъ въ себѣ три упомянутые элемента, но только въ различной степени,

чѣмъ и опредѣляется ихъ сравнительное научное достоинство. Въ чистой математикѣ (геометріи исключается какъ прикладная) описательный и классификаціонный элементы почти отсутствуютъ, дедуктивный же—занимаетъ господствующее положеніе, что и ставитъ эту науку въ ряду первыхъ, не по достоинству ея содержанія, а по разработкѣ матеріала, подлежащаго ея вѣденію. Возьмемъ другіе примѣры. Если болѣе или менѣе точно зарегистрировать положенія и движенія небесныхъ свѣтилъ, то получится только подготовительная наука съ описательнымъ и классификаціонными элементами, какой видъ имѣла астрономія въ глубокой древности. Значеніе науки, съ большимъ правомъ на это названіе, астрономія получила только тогда, когда въ нее вошелъ дедуктивный элементъ, съ установленіемъ вначалѣ хотя и ложной точки отправленія для дедукціи,—это въ принятіи неподвижной земли, какъ центральнаго тѣла вселенной. Если исключить первыя попытки философовъ классическаго міра, имѣющія видъ только догадокъ, то Коперникъ. установившій для дедукціи истинную точку отправленія, можетъ считаться первымъ основателемъ научной астрономіи, а Ньютонъ, принятіемъ за эту точку всемірное тяготѣніе, отодвинулъ ее вглубь науки и тѣмъ далъ возможность распространить сферу дедукціи на всю группу небесныхъ явленій, обусловленныхъ всемірнымъ тяготѣніемъ, въ ряду которыхъ наша планетная система и является какъ частный случай. Каждый изъ главныхъ отдѣловъ физики имѣлъ свою точку отправленія для дедукціи, но съ установленіемъ принципа сохраненія энергіи и проявленія ея въ различныхъ формахъ, намѣчается такая начальная точка отправленія для дедукціи, которая дастъ возможность послѣдней захватить въ свою сферу всю группу положительныхъ наукъ, основанныхъ на механическихъ началахъ: механику, астрономію, физику, химію.... Заслуга Бэкона состояла не въ открытіи индуктивнаго метода, который и до него былъ извѣстенъ, а въ настойчивомъ проведеніи той мысли, что только этотъ методъ дастъ возможность открывать законы явленій и тѣмъ наводить разумъ на установленіе истинныхъ точекъ отправленія для дедукціи, выбираемыхъ прежде безъ достаточныхъ основаній и часто вполнѣ произвольныхъ.

Съ переходомъ отъ группы позитивныхъ наукъ къ тѣмъ болѣе сложнымъ наукамъ, въ которыхъ проявленія жизни организованныхъ существъ составляетъ главный элементъ, мы замѣчаемъ, что примѣненіе индукціи, для установленія истинныхъ точекъ отправленія для дедукціи, дѣлается тѣмъ менѣе надежнымъ, чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ проявленій жизни, имѣющихъ механическій характеръ, къ проявленіямъ характера психическаго. Такъ, въ зоологіи и ботаникѣ, наукахъ, содержавшихъ долгое время только описательный и классификаціонный элементы, дедуктивный элементъ въ значительной степени взошелъ только со временъ Ламарка; Дарвинъ усилилъ этотъ элементъ и въ своей теоріи о происхожденіи видовъ освѣтилъ область жизненныхъ явленій, установивъ точку отправленія для дедукціи. Но это освѣщеніе касалось только формальной стороны жизненныхъ явленій и не устранило потребности искать другую, болѣе глубокую точку исхода для дедукціи, въ основѣ которой лежало бы сознательное начало природы.

Минуя науки, въ которыхъ психическій элементъ человѣка играетъ главную роль, его исторію, юридическія науки, соціальныя и др., мы переходимъ къ одному изъ главнѣйшихъ отдѣловъ философскихъ наукъ, психологіи человѣка. Выше мы отнесли эту науку къ разряду подготовительныхъ, такъ какъ она содержитъ въ себѣ главнѣйше описательный и классификаціонный элементы; самонаблюденіе и анализъ душевныхъ процессовъ даютъ метеріалъ для того и другого, дедуктивный же элементъ почти отсутствуетъ въ ней. Въ психологіи, какъ наукѣ, не находится ничего такого, что могло бы итти въ сравненіе съ разработанными въ совершенствѣ теоріями въ нѣкоторыхъ положительныхъ наукахъ, напр., съ теоріями свѣта, всемірнаго тяготѣнія.... Въ то время, какъ въ положительныхъ наукахъ коренной вопросъ, о вѣчности бытія матеріальнаго начала, рѣшенъ настолько прочно, насколько то допускаетъ научная индукція: доказаны неуничтожаемость и несоздаваемость вещества и физической энергіи; въ психологіи вопросъ о вѣчности бытія психическаго начала, за отсутствіемъ прочныхъ научныхъ основъ, до сихъ поръ остается не вырѣшеннымъ: однихъ онъ приводитъ къ отрицательному рѣшенію, для другихъ остается открытымъ и для третьихъ, составляющихъ большинство, рѣшается въ положительномъ смыслѣ.

Вопросъ о бытіи психическаго начала, какъ начала самостоятельнаго, находится въ зависимости отъ другого вопроса первостепенной важности, это о способѣ взаимодѣйствія между психикой человѣка и внѣшнимъ для него міромъ, чрезъ посредство его физическаго организма. Несмотря на громадные успѣхи физіологіи и анатоміи, этотъ вопросъ ни на іоту не подвинулся въ своемъ рѣшеніи со временъ древне-греческой цивилизаціи. Тогда наприм., для объясненія воспріятія свѣтовыхъ ощущеній, между другими, было высказано и такое мнѣніе, что всякій видимый предметъ разбрасываетъ во всѣ стороны свои изображенія, имѣющія свойство измѣнять свои размѣры; одно изъ такихъ изображеній, уменьшившись до величины зрачка глаза, входитъ въ него, гдѣ и созерцаетъ его душа человѣка. Въ настоящее время физическая сторона процесса зрѣнія объясняется на основаніи законовъ физики, анатомическихъ и физіологическихъ изслѣдованій; доказано, что глазъ дѣйствуетъ, какъ фотографическая камера и на его сѣтчатой оболочкѣ получается изображеніе видимаго предмета, и раздраженіе, производимое различными точками этого изображенія на нервы сѣтчатой оболочки, передается особыми нервными волокнами къ клѣткамъ головного мозга, гдѣ оно и преобразуется въ психическій актъ свѣтового ощущенія. Такимъ образомъ, благодаря успѣхамъ положительной науки, мѣсто непосредственнаго воспріятія душею человѣка физическаго свѣтового процесса перенесено съ внѣшняго органа зрѣнія, глазного яблока, къ клѣткамъ головного мозга; успѣхъ громадный для анатоміи и физіологіи, но не имѣющій никакой цѣны для психологіи, такъ какъ способъ преобразованія чисто физическаго процесса въ психическій, при томъ и другомъ взглядѣ, остается одинаково невыясненнымъ. Переходя отъ элементарныхъ ощущеній къ высшимъ проявленіямъ психики человѣка, напр. къ дѣятель-

ности его интеллекта, мы и тутъ видимъ безплодность успѣхавъ анатоміи и физіологіи въ дѣлѣ выясненія способа взаимодѣйствія души человѣка и его физическаго организма. Непосредственное ощущеніе заставляетъ человѣка признать свой мозгъ за тотъ органъ, въ которомъ совершаются всѣ мысленные процессы чисто интеллектуальнаго характера; анатомія и физіологія доказываютъ, что главнѣйше корковое вещество мозга служитъ мѣстомъ возникновенія и развитія этихъ процессовъ, но съ какою бы подробностью физіологъ не изучалъ строеніе и процессы въ корковомъ веществѣ мозга, онъ будетъ знать ихъ только съ ихъ физической стороны и все, на что онъ можетъ разсчитывать тутъ, это на выясненіе нѣкотораго какъ бы параллелизма между физическими процессами и соотвѣтствующими имъ психическими, но не на выясненія способа ихъ взаимодѣйствія.

Въ послѣднее время, для изученія психическихъ явленій, начали употреблять опытный методъ, соединяя его тамъ, гдѣ возможно, съ болѣе или менѣе точными измѣреніями. Въ группѣ положительныхъ наукъ этотъ методъ оказался настолько плодотворнымъ, что степени примѣненія его въ той или другой наукѣ, въ большинствѣ случаевъ, соотвѣтствовала и степень разработки послѣдней. Въ физикѣ, химіи, астрономіи, механикѣ и др. данныя, доставляемыя опытами и наблюденіями, сопровождаемыми измѣреніями, служатъ главнымъ матеріаломъ для построенія этихъ наукъ. Такъ, мѣрительный опытъ, открывъ законы свободно падающаго тѣла, положилъ основу главнѣйшему отдѣлу механики, динамикѣ, а вѣтвь послѣдней, небесная механика, выяснила механическій строй той части вселенной, которая доступна наблюденію и измѣренію. Опыты съ интерференціею свѣта и опытныя же опредѣленія скорости его распространенія въ различныхъ средахъ, установили на прочномъ основаніи теорію колебанія эфира для всѣхъ свѣтовыхъ явленій, вмѣсто прежде принятой ошибочной теоріи истеченія; недавніе опыты Герца дали руководящую нить для сведенія въ одну группу свѣтовыхъ и электрическихъ явленій и т. д. Законы, открываемые мѣрительными опытами и наблюденіями, имѣютъ рѣшающее значеніе въ установленіи того или другого понятія о строѣ и процессахъ физической природы; такъ, если бы законы свободно падающаго тѣла были не тѣ, которые установлены теперь, а другіе, то вся механика, а съ нею и наши понятія о механическихъ процессахъ вселенной измѣнились бы въ корнѣ.

Обращаясь къ выводамъ опытной психологіи, мы не находимъ въ нихъ ничего такого, чтобы могло бросать свѣтъ на темныя и загадочныя области психическаго міра. Возьмемъ, напр., извѣстный законъ Вебера-Фехнера, установленный мѣрительнымъ опытомъ для нѣкоторой группы чувственныхъ ощущеній: „что когда раздраженіе растетъ въ геометрической прогрессіи, тогда ощущеніе возрастаетъ въ арифметической“. Этотъ законъ не имѣетъ никакого рѣшающаго значенія въ дѣлѣ выясненія сущности психическихъ явленій, такъ что мы можемъ замѣнить его всякимъ другимъ, взятымъ произвольно, напр., такимъ: ощущеніе возрастаетъ пропорціонально первой, второй, третьей.... степени раздраженія,—и такая замѣна нисколько не повліяетъ на наши понятія о психическихъ явленіяхъ, посколько они опре-

дѣлились въ нашемъ сознаніи самонаблюденіемъ и наблюденіемъ надъ другими живыми существами.

Животный организмъ служитъ какъ бы связующимъ моментомъ мертваго вещества съ сознательнымъ началомъ природы. Помимо уже указанной выше загадочности такой связи въ процессахъ нервно-мозговой системы, есть группа явленій, совершенно неподдающихся объясненію съ точки зрѣнія механическаго міропониманія, какъ напр. образованіе организма изъ его зародыша, передача качествъ родителей ихъ потомству и многое друг. Въ ряду процессовъ мертвой природы образованіе кристалловъ какъ бы указываетъ на возможность механическаго объясненія развитія организма изъ его зародыша; но образовательные процессы тутъ сходны только по внѣшней формѣ, а не по ихъ существу. Дѣйствительно, какъ изъ тѣлъ одинаковой формы, напр. изъ кирпичей, человѣкъ можетъ построить предметъ любой формы: пирамиду, призму, цилиндръ..... лишь бы этотъ предметъ по своей величинѣ значительно превосходилъ величину кирпича, такъ же можно представить и образованіе кристалла изъ атомовъ или молекулъ, при чемъ координирующимъ агентомъ будутъ не дѣйствія человѣка, а безсознательныя силы, распредѣляющія эти атомы и молекулы по законамъ механики; самый же процессъ наростанія кристалла состоитъ въ отложеніи на поверхности микроскопически малаго ядра новыхъ слоевъ.

Зародышъ животныхъ состоитъ изъ небольшого, часто микроскопически малаго тѣльца, называемаго ядромъ, внутри котораго находится тѣльце еще меньшихъ размѣровъ, называемое ядрышкомъ. Ядро, окруженное протоплазмою, называется яйцомъ. Структура протоплазмы и ядра сложны только по числу своихъ элементовъ, а не по разнообразію ихъ. Матеріалъ, служащій для питанія развивающагося зародыша, поступаетъ внутрь его и здѣсь распредѣляется по плану, соотвѣтствующему типу будущаго животнаго организма. Сложность организаціи животныхъ, особенно высшихъ классовъ, при сравнительной простотѣ ихъ зародышей, многочисленность переходныхъ формъ, связующихъ вполнѣ развитое животное съ его зародышемъ, удивительная цѣлесообразность всѣхъ органовъ животнаго для правильнаго выполненія его жизненныхъ функцій,—все это процессу развитія животнаго придаетъ особый характеръ, рѣзко отличный отъ характера извѣстныхъ намъ физическихъ процессовъ мертвой природы; въ послѣднихъ все совершается съ пассивностью неуклоннаго слѣдованія разъ положеннымъ законамъ, тамъ же чувствуется творческая рука художника, могущаго изъ безформенной массы зародыша воспроизвести форму, по типу сходную съ формою родителей, но форму только сходную, а не тожественную, такъ какъ изъ поколѣнія въ поколѣніе въ ней наростаютъ новыя особенности. Поэтому матеріальные процессы органическаго міра, также какъ и связанныя съ ними явленія міра психическаго, слѣдуетъ отнести къ проявленію одного и того же агента, названнаго нами сознательнымъ началомъ природы. Этотъ же агентъ есть иниціаторъ тѣхъ малыхъ измѣненій въ организмахъ, которыя, подхваченныя подборомъ, накопляются для образованія признаковъ вновь возникающихъ видовъ и родовъ.

Резюмируемъ все сказанное нами о развитіи познавательной силы. По мѣрѣ физическаго развитія животныхъ организмовъ, въ теченіе геологическихъ періодовъ, развивалась и познавательная сила ихъ психики. Достигнувъ въ высшихъ безсловесныхъ животныхъ значительной высоты, эта сила для своего дальнѣйшаго развитія воспользовалась языкомъ какъ орудіемъ, и пройдя интервалъ, отдѣляющій безсловесныхъ животныхъ отъ доисторическаго человѣка, въ послѣднемъ проявилась въ дѣйствіяхъ (ископаемыя находки), указующихъ на несомнѣнную принадлежность ихъ разумному существу. Но какъ въ безсловесныхъ животныхъ, такъ и въ доисторическомъ человѣкѣ, познавательная сила преслѣдовала главнѣйше утилитарныя цѣли, могущія удовлетворять требованіямъ физическаго организма. При дальнѣйшемъ, всестороннемъ развитіи психики человѣка, онъ сначала смутно, а потомъ все яснѣе и яснѣе началъ сознавать различіе между матеріальнымъ міромъ и міромъ психическимъ; во времена греческой цивилизаціи это различіе опредѣлилось уже настолько ясно, что сдѣлалось возможнымъ научное толкованіе явленій и тогда же положились основы наукъ, категорически различныхъ между собою—естествознанія и психическихъ. Въ ряду послѣднихъ психологія заняла главное мѣсто. Науки естествознанія, послѣ неудачнаго примѣненія къ нимъ чисто діалектическаго метода, въ послѣднія три столѣтія вступили на надежный путь научной индукціи, давшей твердыя точки отправленія для дедукцій, чѣмъ и обусловился быстрый прогрессъ въ этой области знаній. Въ настоящее время философское пониманіе процессовъ мертвой природы уже достигло такой глубины, что разуму человѣка рисуется возможность всѣ явленія въ области чистаго естествознанія вывести изъ нѣсколькихъ начальныхъ свойствъ матеріи. Что касается психологіи, то она не вышла еще изъ ряда классификаціонно-описательныхъ наукъ. Ее можно уподобить подробной картѣ небеснаго свода, на которой означены положенія небесныхъ свѣтилъ, съ болѣе или менѣе точнымъ подраздѣленіемъ ихъ на классы, указаны пути видимаго движенія психическихъ планетъ, астероидовъ, кометъ, болидовъ..... Опытная психологія вноситъ въ эту карту только нѣкоторыя подробности и ничего больше. Эта психическая карта ждетъ еще своихъ Коперниковъ и Ньютоновъ, которые могли бы внести въ нее свѣтъ объясняющей и объединяющей системы.

Кромѣ той формы познавательной силы, которая въ своемъ примѣненіи ясно рисуется передъ нашимъ сознаніемъ, есть еще другая ея форма утеренная человѣкомъ, какъ сдѣлавшаяся для него ненужною,—это инстинктъ. Для полноты сравненія мы сопоставимъ теперь такія три проявленія сознательнаго начала: рефлексъ, инстинктъ и разумъ.

Нервная система большинства животныхъ состоитъ изъ скопленій нервнаго вещества въ формѣ узловъ, ганглій, спинного и головного мозга. Эти скопленія называются нервными центрами; отъ нихъ идутъ нервныя волокна, нервы, къ периферическимъ и внутреннимъ частямъ организма.

Одни нервы передаютъ къ нервнымъ центрамъ возбужденія и раздраженія, другіе, получивъ отъ центровъ импульсы, передаютъ ихъ къ мышцамъ и соотвѣтствующимъ органамъ и тѣмъ вызываютъ въ послѣднихъ опредѣленной формы движенія и процессы. Когда весь процессъ передачи отъ органа къ центру и обратный, отъ центра къ органу, совершаясь, не доходитъ до сознанія животнаго, тогда получается безсознательный рефлексъ. Біеніе сердца, перестальтическое движеніе кишекъ и тысячи другихъ движеній и процессовъ, совершающихся внутри нашего организма, суть безсознательные рефлексы. Въ противоположность имъ, рефлексы сознательные могутъ доходить до сознанія животнаго съ различною степенью ясности, въ зависимости отъ степени вниманія, обращеннаго на нихъ, при чемъ воля животнаго можетъ оказать на нихъ различныя вліянія. Въ примѣръ такихъ рефлексовъ можно привести движеніе легкихъ при дыханіи, глотаніе пищи, чиханіе, кашель, миганіе вѣкъ..... Многіе рефлексы для ихъ полнаго развитія требуютъ участія сознанія и воли; такъ, когда человѣкъ пріучается ходить, или совершать однообразныя движенія при какой либо работѣ, то въ началѣ каждое движеніе его членовъ строго контролируется сознаніемъ, и уже получивши достаточный навыкъ, онъ можетъ автоматически ходить, или работать и, не сознавая сложныхъ движеній, совершаемыхъ имъ при этомъ, думать о чемъ либо другомъ.

Въ полную противоположность рефлексу, не по цѣлесообразности дѣйствій, а по отношенію къ сознанію, должно поставить всѣ дѣйствія организма, управляемыя разумомъ и волею для достиженія намѣченныхъ цѣлей, или для выполненія желаній. Психологическая сторона относящихся сюда процессовъ извѣстна по личному опыту всякому человѣку, почему мы и не будемъ на ней останавливаться, а перейдемъ къ инстинкту.

Инстинктъ, по отношенію къ сознанію, проявляетъ себя въ двухъ формахъ: въ одной онъ сознается какъ желаніе, стремленіе, побужденіе, въ другой—эти чувства стимулизируютъ болѣе или менѣе обширный рядъ дѣйствій. направленныхъ къ вполнѣ опредѣленной цѣли. Человѣку извѣстна только первая форма: онъ знаетъ, что такое инстинктивное половое стремленіе, чувство самосохраненія.....; вторая же, болѣе сложная форма, ему совершенно неизвѣстна. Эту вторую форму нельзя приравнять рефлексу, потому что рефлексъ, какъ бы онъ не былъ сложенъ, проявляется только въ однообразныхъ, автоматически повторяющихся движеніяхъ или всего организма, или какой либо части его; инстинктъ же проявляется въ послѣдовательномъ рядѣ самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ дѣйствій, въ управленіи которыми необходимо направляющее вліяніе разума. Такъ, ласточка, устраивая по внушенію инстинкта свое гнѣздо, должна изъ множества матеріаловъ выбрать только годный, должна сплести этотъ матеріалъ въ прочную систему и надежно прикрѣпить ее къ подходящему мѣсту, должна слѣдовательно, распредѣлять свои дѣйствія въ порядкѣ, зависящемъ отъ обстоятельствъ и умѣть пользоваться различными свойствами выбраннаго ей матеріала, а все это возможно только при участіи разума. То же заключеніе должно вывести изъ наблюденій надъ инстинктомъ другихъ живот-

ныхъ. Но будетъ большою ошибкою думать. что чѣмъ сложнѣе инстинктъ и чѣмъ большее удивленіе возбуждаетъ въ насъ его проявленіе, тѣмъ умнѣе и животное, обладающее этимъ инстинктомъ. Наблюденія показываютъ, что достаточно незначительно измѣнить нѣкоторыя условія, при которыхъ привыкло дѣйствовать животное, чтобы оно оказалось безсильнымъ устранить встрѣтившееся затрудненіе, доказывая этимъ крайнюю тупость своего интеллекта, граничащую съ глупостью. Изъ сотни примѣровъ приведемъ одинъ. Пчела изъ группы Chalicodomâ, построивъ ячейку, начала носить въ нее медъ. Наблюдатель, въ отсутствіе пчелы, продѣлалъ въ днѣ ячейки небольшое отверстіе, изъ котораго вытекъ весь нанесенный медъ. Пчела, возвратившись, освидѣтельствовала отверстіе, и не задѣлавъ его, продолжала носить медъ, который и продолжалъ утекать изъ ячейки. Наконецъ, когда она слетала за медомъ столько разъ, сколько по истинкту это нужно, она положила яйцо въ ячейку и очень озабоченно ее задѣлала, обрекая такимъ образомъ будущую личинку на голодную смерть.

За исключеніемъ простыхъ и сложныхъ рефлексовъ, дѣятельность всей жизни человѣка вообще представляетъ руководимое разумомъ подражаніе только тому, что онъ узналъ отъ другихъ людей и если онъ внесетъ тутъ что либо свое, оригинальное, то оно явится какъ единичный фактъ, могущій служить началомъ для послѣдующихъ подражаній и дальнѣйшихъ его развитій. Животное, дѣйствующее по инстинкту, въ большинствѣ случаевъ, не имѣетъ передъ собою примѣровъ для подражанія и тѣмъ не менѣе воспроизводитъ съ точностью то, что дѣлали его предки; такъ, выдѣливъ въ особый улей всю пчелиную молодь тотчасъ по выводѣ ея изъ ячеекъ, и снабдивъ ее на первое время достаточнымъ запасомъ меда, мы увидимъ, что она, никѣмъ не руководимая, примется за возведеніе геометрически правильныхъ ячеекъ воскового сота. Наиболѣе непонятнымъ для насъ представляются инстинкты не общественныхъ насѣкомыхъ, какъ муравья и пчелы, а живущихъ особнякомъ. Многіе изъ нихъ не знаютъ своихъ родителей, выходятъ изъ куколокъ совершенно развитыми и, никѣмъ не руководимые, принимаются за выполненіе очень сложныхъ операцій *). Чтобы показать, насколько недоступны нашему сознанію тѣ психическіе стимулы, которые направляютъ инстинктивныя дѣйствія животныхъ, мы приведемъ такой воображаемый примѣръ. Предположимъ, что молодой человѣкъ, достигшій полнаго развитія, никогда не видѣлъ своихъ родителей и никого, кто бы могъ научить его чему нибудь. Въ опредѣленный моментъ его возраста, въ немъ появляется неудержимое стремленіе сдѣлать что либо сложное, напр. сплести корзину вполнѣ опредѣленной формы. Онъ, никѣмъ не руководимый, отправляется за поискомъ матеріала и изъ различныхъ сортовъ ивняка выбираетъ нужный ему; срѣзаетъ этотъ ивнякъ, очищаетъ его отъ боковыхъ вѣтвей и листьевъ, снимаетъ съ него кору и плететъ корзину. Оказывается, что онъ сплелъ корзину совершенно одинаковою по формѣ съ тѣми, какія плели его родители, дѣды и предки. Для насъ не-

*) См. инстинктъ и нравы насѣкомыхъ Фабра.

понятно психическое состояніе воображаемаго нами человѣка во время исполненія имъ корзины; также непонятны и психическія функціи и въ животномъ, дѣйствующемъ по внушенію сложнаго инстинкта. Его дѣйствія тутъ мы не можемъ приравнять къ безсознательному рефлексу, такъ какъ они, несомнѣнно, сознательны, что доказывается ясными проявленіями душевнаго волненія животнаго, когда оно встрѣчаетъ какія либо препятствія, и его стремленіемъ обойти или побѣдить эти препятствія; ихъ нельзя приравнять и къ дѣйствіямъ, руководимымъ только разумомъ, потому что разумъ обыкновенно начинаетъ съ той точки, до которой довело его воспитаніе и если что либо вноситъ отъ себя, то созданное имъ не есть точный сколокъ съ чего либо ранѣе произведеннаго. Инстинктъ есть особая форма познавательной силы, недоступная нашему сознанію.

Рефлексы, повидимому, проявляютъ себя во всемъ животномъ царствѣ; сила различіе и многообразіе ихъ зависитъ отъ большей или меньшей сложности физической организаціи животнаго; инстинкты развиты по преимуществу въ животныхъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ интеллектуальной лѣстницы. По мѣрѣ перехода отъ низшихъ животныхъ къ высшимъ, инстинктъ постепенно вытѣсняется разумомъ и въ психикѣ человѣка разумъ достигаетъ наибольшей силы, а отъ инстинкта остается у него только небольшая группа смутныхъ побужденій и стремленій. Рефлексы, инстинкты и разумъ необходимы животному для ясно выраженной цѣли, это—для сохраненія индивида и продолженія вида и рода; но разумъ человѣка, кромѣ этой общей цѣли, преслѣдуетъ еще другія, высшія цѣли.

Итакъ, сознательное начало природы выражается въ двухъ видахъ явленій: одни духовныя, составляющія содержаніе психологіи человѣка и животныхъ и ихъ инстинктъ, другія, матеріальныя, выражающіяся въ архитектоникѣ организмовъ и ихъ физіологическихъ функціяхъ, куда безсознательный рефлексъ входитъ какъ одинъ изъ элементовъ; сознательный рефлексъ служитъ связующимъ звѣномъ между обоими видами проявленій сознательнаго начала.

Глава IV.

Впечатлѣнія, производимыя природою на психику организма. Высшія понятія и чувства, возбуждаемыя въ человѣкѣ природою. Содержаніе жизни. Прогрессивная эволюція сознательнаго начала, какъ основа философскаго міровоззрѣнія.

Въ жизни каждаго чувствующаго организма первенствующее значеніе имѣетъ все доходящее до его сознанія, что, въ цѣломъ, и составляетъ содержаніе его жизни. Отъ числа, разнообразія и качества идей, чувствъ и впечатлѣній зависитъ богатство этого содержанія, а отсюда и цѣнность самой жизни. Въ послѣдующихъ главахъ мы не разъ остановимся на разборѣ условій, опредѣляющихъ содержаніе жизни, теперь же ограничимся изображеніемъ отношеній между сознательнымъ и безсознательнымъ началами природы въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ.

Представьте, что человѣкъ, чуткій къ красотамъ природы, въ ясное весеннее утро наслаждается созерцаніемъ прекраснаго ландшафта, окружающаго его; онъ восхищается переливами цвѣтовъ, красотою формъ, гармоніею звуковъ, чувствомъ жизни, какъ бы разлитой во всей природѣ..... Все содержаніе этой картины есть продуктъ его сознательнаго центра, окружающая же его природа служитъ только стимуломъ его впечатлѣній и ничего общаго не имѣетъ съ характеромъ испытываемыхъ имъ ощущеній: въ дѣйствительности, изъ различныхъ точекъ окружающаго его ландшафта посылаются къ нему свѣтовыя и звуковыя волны различной длины и состава, которыя въ сущности представляютъ простыя колебательныя движенія частичекъ мертвой матеріи, совершающіяся по неуклоннымъ законамъ механики, а его душа претворяетъ это косное явленіе въ яркую картину, восхищающую его.

Измѣнимъ картину. Пусть надъ мѣстностью, восхищавшею человѣка, проносится буря. Наука покажетъ ему, что при смѣнѣ мирнаго ландшафта въ бурный, характеръ процессовъ мертвой матеріи и физической энергіи остался неизмѣннымъ; такъ, воздухъ получилъ большую поступательную скорость, вслѣдствіе чего впечатлѣніе легкаго дуновенія, прежде пріятное для чувства осязанія, смѣнилось ощущеніемъ сильнаго давленія, непріятнаго для его организма; болѣе короткія звуковыя волны, производимыя движеніемъ тихаго вѣтра въ древесной листвѣ и травѣ, замѣнились болѣе длинными волнами, въ которыхъ амплитуда качанія воздушныхъ частичекъ значительно увеличилась, что и произвело на него впечатлѣніе рева бури. Легкіе облачка, происшедшія прежде отъ незначительной конденсаціи водяныхъ паровъ, замѣнились сплошными тучами, произведенными тою же конденсаціею, но только въ болѣе сильной степени, вслѣдствіе чего произошли водяные осадки, а свѣтовыя волны, отражаемыя окружающими его предметами, ослабились, но не въ одинаковой мѣрѣ для различныхъ частей свѣтового спектра, почему и интерфери-

рованныя волны достигли его глаза въ другомъ составѣ, что и дало имъ мрачный колоритъ Электрическое напряженіе, всегда существующее въ воздухѣ, во время бури значительно усилилось и разрядилось въ формѣ молній, сопровождаемыхъ длинными и сильными звуковыми волнами грома. Всѣ эти явленія, чисто механическаго характера, въ нашемъ сознаніи даютъ картину полную хаотичнаго величія, а если къ этому примѣшивается опасеніе за нашу жизнь, то картина принимаетъ еще и грозный видъ. Такимъ образомъ въ дѣйствительности произошло только усиленіе нѣкоторыхъ процессовъ природы, но хаотичность, величіе, грозность вносятся тутъ уже нашею душею и ничего общаго не имѣютъ съ сущностью этихъ процессовъ. И въ другія явленія и картины природы мы привносимъ изъ своей души много такого, чего нѣтъ въ существѣ предметовъ, обусловливающихъ эти явленія и картины. Такъ, въ журчащемъ ручейкѣ и въ ніагарскомъ водопадѣ различіе явленій въ сущности зависитъ только отъ количества падающей воды и высоты ея паденія; но звуковые, свѣтовые и другіе процессы, произведенные движеніемъ падающей воды, производятъ впечатлѣнія: въ одномъ случаѣ—картины меланхолической, мирной, убаюкивающей, въ другомъ—величавой, грозной; но въ обоихъ случаяхъ эти качества внесены уже нами, изъ нашей души.

Уже на границѣ перехода отъ ощущеній къ представленіямъ начинаетъ дѣйствовать мысль по законамъ логики, такъ что по мнѣнію нѣкоторыхъ психологовъ всякое ощущеніе на этой границѣ есть уже сокращенный силлогизмъ. Но не эта логика внѣшнихъ чувствъ производитъ въ душѣ человѣка общее впечатлѣніе, испытываемое имъ при созерцаніи вышеприведенныхъ картинъ. Въ каждомъ отдѣльномъ ощущеніи, или отдѣльномъ представленіи элементовъ этихъ картинъ, его мысль дѣйствуетъ логически, но она не можетъ дать того цѣлостнаго впечатлѣнія, какое испытываетъ его душа. Это впечатлѣніе есть результатъ воздѣйствія на душу всего комплекса ощущеній, представленій и понятій, возбуждаемымъ картиною, и является предъ сознаніемъ человѣка въ формѣ художественнаго образа, созданнаго творческою силою его духа. Такимъ образомъ, какъ въ элементарныхъ ощущеніяхъ, такъ и въ цѣлостныхъ впечатлѣніяхъ, сознательное начало вноситъ отъ себя много такого, что или совершенно преобразуетъ основныя качества и свойства стимулирующихъ агентовъ мертвой природы, или даетъ имъ особую, художественную окраску.

Низшія животныя, предъ лицомъ природы, также испытываютъ общее впечатлѣніе ея воздѣйствія; но оно качественно настолько низко, что не можетъ итти ни въ какое сравненіе съ впечатлѣніями человѣка; даже въ высшихъ безсловесныхъ млекопитающихъ, напр. въ собакѣ, чувства, возбуждаемыя природою стоятъ безгранично ниже такихъ же чувствъ человѣка. Что и другія животныя испытываютъ цѣлостныя впечатлѣнія отъ окружающей природы, косвенно доказывается фактами полового подбора. И въ человѣческомъ родѣ

сила и характеръ этихъ впечатлѣній поднимается по мѣрѣ роста его психическаго развитія и достигаетъ наибольшей высоты въ нѣкоторой группѣ людей, входящихъ въ составъ цивилизованныхъ обществъ. Мы знаемъ, какъ у различныхъ расъ и народовъ различна оцѣнка красоты человѣческаго тѣла, и въ общемъ, чѣмъ ниже психическое развитіе народа, тѣмъ ниже и качественный масштабъ для этой оцѣнки. Такъ, предъ глазами иного дикаря, женщина его племени съ безобразною нижнею губою, отдутою вставленнымъ въ нее кольцомъ, съ вычерненными зубами, изъ которыхъ выбиты передніе рѣзцы, съ сплющенною искусственно головою ..... представляется идеаломъ женской красоты; такой дикарь остается совершенно равнодушнымъ къ красотѣ какой-либо европеянки, достойной кисти Рафаэля. При такомъ, на нашъ взглядъ, искаженномъ эстетическомъ чувствѣ дикаря, воздѣйствіе природы въ ея цѣломъ должно производить на него впечатлѣніе далекое отъ того, какое испытываетъ образованный европеецъ.

Наука, открывая закулисную сторону матеріальныхъ явленій природы, не только не ослабляетъ силу эстетическаго впечатлѣнія, производимаго ею, но усиливаетъ его, очищая отъ коры, налагаемой на него невѣжествомъ. Любитель-театралъ, знакомый съ закулисными аксессуарами и машинами, производящими сценическіе эффекты, не менѣе наслаждается декоративною стороною спектакля, какъ и человѣкъ незнакомый съ ними; обладающій художественнымъ вкусомъ съ восхищеніемъ созерцаетъ выдающееся произведеніе кисти, хотя и сознаетъ, что только сочетаніе красокъ, наложенныхъ на полотно, произвело на него иллюзорное впечатлѣніе, не только не уступающее, но часто превосходящее то, какое производитъ дѣйствительность; натуралистъ безотчетно любуется прекраснымъ женскимъ лицомъ, озареннымъ мыслью и чувствомъ, хотя хорошо знаетъ, что бѣлый цвѣтъ кожи лица зависитъ отъ окраски пигмента, румянецъ—отъ дѣйствія на мышцы сосудоразширяющихъ нервовъ, блескъ глазъ отъ прозрачности роговой оболочки и отражающей силы хрусталика, а игра выраженія лица отъ сокращенія личныхъ мышцъ, управляемыхъ нервами, получающими импульсы отъ головного мозга. Какъ въ этихъ приведенныхъ нами примѣрахъ люди отдаются впечатлѣнію не размышляя о ихъ причинахъ, такъ и человѣкъ отдается впечатлѣнію, производимому на него созерцаніемъ природы, не обращая вниманія на закулисную сторону явленій, открытую ему наукою и если при этомъ и блеснетъ въ немъ мысль о ней, то только за тѣмъ, чтобы возбудить въ немъ попытку отгадать тайну чуднаго взаимодѣйствія между стимулирующимъ объектомъ и воспринимающимъ субъектомъ.

Характеръ впечатлѣній, производимыхъ природою, зависитъ отъ физическихъ условій, нужныхъ для нормальнаго существованія того или другого животнаго организма. Ураганъ, разразившійся надъ океаномъ, производитъ на человѣка впечатлѣніе величественнаго и въ

высшей степени грознаго явленія; на водныхъ обитателей впечатлѣніе, произведенное ураганомъ. лишено грознаго элемента, а для нѣкоторыхъ видовъ полипняковъ. образующихъ коралловые рифы, оно пріобрѣтаетъ даже пріятный характеръ, такъ какъ по условіямъ ихъ питанія они наиболѣе успѣшно развиваются въ мѣстахъ буруновъ, т. е. въ пунктахъ. вселяющихъ въ человѣкѣ наибольшій ужасъ. Наоборотъ, рыба, плавающая въ рѣкѣ или озерѣ. среди прекраснаго ландшафта, восхищающаго человѣка, содрагается при одной мысли попасть въ прозрачную воздушную среду, гдѣ грозитъ ей неминуемая смерть.

Не меньшее вліяніе на характеръ впечатлѣній оказываютъ и размѣры физическаго организма чувствующаго существа. Для болѣе рельефнаго изображенія этого явленія возьмемъ два такихъ воображаемыхъ примѣра. Предположимъ, что великанъ, въ 20 верстъ высотою, ничѣмъ не отличается въ психическомъ отношеніи отъ современнаго человѣка и подобенъ ему по своей физической организаціи. Многіе процессы и картины мертвой природы, величественные и грозные для обыкновеннаго человѣка, для нашего воображаемаго великана потеряютъ этотъ характеръ: онъ перешагнетъ чрезъ ніагарскій водопадъ, едва замѣтивъ его существованіе, пройдетъ поперекъ гималайскаго хребта, какъ чрезъ едва замѣтный бугорокъ, при чемъ конечно, вся прелесть горныхъ ландшафтовъ ускользнетъ отъ его вниманія по сравнительной незначительности размѣровъ частей ландшафта; пройдетъ вбродъ въ любомъ мѣстѣ океанъ, какъ мы проходимъ чрезъ лужу, а разразившійся ураганъ произведетъ на него впечатлѣніе едва замѣтнаго явленія. Для того чтобы вызвать въ такомъ великанѣ впечатлѣнія величественнаго и грознаго нужны процессы и картины другого. значительно большаго масштаба. Наоборотъ, уменьшите мысленно организмъ человѣка до размѣровъ инфузоріи, тогда предъ нимъ откроется новый міръ явленій, недоступныхъ воспріятію обыкновеннаго человѣка и такой ничтожный на взглядъ послѣдняго случай, какъ паденіе дробинки съ высоты одного вершка, для инфузоріи-человѣка будетъ имѣть характеръ величественнаго и грознаго явленія.

Въ заключительной главѣ нашего труда мы, между другими, разовьемъ и ту мысль, что сознательное начало, проявившись на землѣ въ высшей формѣ настоящаго времени, въ формѣ человѣка, дала его физическому организму такіе размѣры, при которыхъ онъ съ наибольшей для себя пользою можетъ утилизировать силы природы; теперь добавимъ къ этому, что при этихъ размѣрахъ своего организма и при физическихъ условіяхъ своего существованія, онъ получаетъ отъ природы наибольшую сумму и наиболѣе цѣнныхъ впечатлѣній изъ ряда тѣхъ, какія доступны какимъ бы то ни было другимъ чувствующимъ организмамъ населяющимъ теперь землю.

Кромѣ впечатлѣній, возбуждаемыхъ природою во всѣхъ чувствующихъ организмахъ, а въ томъ числѣ и въ человѣкѣ, въ послѣднемъ,

и исключительно въ немъ, она возбуждаетъ еще понятія высшаго порядка и соотвѣтствующія имъ чувства: это понятія гармоніи, цѣлесообразности и чувство, вызываемое смутнымъ представленіемъ какъ бы жизни, разлитой во всей природѣ,—ея одухотвореніе. И въ эти понятія и чувства человѣкъ вноситъ отъ себя много такого, чему не соотвѣтствуетъ дѣйствительность; поэтому мы считаемъ нужнымъ разобраться въ комплексѣ элементовъ, вызывающихъ эти понятія и чувства и начнемъ съ гармоніи въ природѣ.

Когда мы интуитивно, или дискурсивно созерцаемъ какое-либо явленіе, или комплексъ явленій, особый строй котораго возбуждаетъ въ насъ эстетическое ощущеніе, подобное тому, какое мы испытываемъ при гармоническомъ сочетаніи музыкальныхъ тоновъ, тогда этотъ комплексъ явленій мы называемъ гармоничнымъ. При дискурсивномъ созерцаніи вселенной чувство гармоніи вызывается въ насъ строемъ нашей солнечной системы Въ механическомъ отношеніи эта система не представляетъ въ себѣ ничего особеннаго и если исключить ея размѣры, то по сложности строенія ее можно приравнять къ системѣ нѣсколькихъ шариковъ, приведенныхъ въ вращательное движеніе около какой-либо центральной точки, связанной съ шариками шнурами, или съ движеніемъ соринокъ взвѣшенныхъ въ водѣ, приведенной въ вращательное движеніе въ какомъ-либо сосудѣ. Впечатлѣніе гармоніи, производимое планетной системой, вызывается въ насъ представленіемъ о таинственности силъ, связывающихъ ея элементы въ одно цѣлое, стройности ихъ движенія и громадности размѣровъ какъ всей системы, такъ и ея составныхъ частей. Что касается всего звѣзднаго міра, то наука еще не открыла въ немъ, какъ въ цѣломъ, никакого механическаго строя, почему онъ и представляется намъ въ состояніи какъ бы ничемъ не связанной системы, лишенной признаковъ, могущихъ возбудить въ насъ чувство гармоніи. Теллурическія явленія обыкновенно возбуждаютъ въ насъ представленія о ихъ закономѣрности и только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ мы интуитивно воспринимаемъ гармоническія впечатлѣнія отъ сочетанія формъ, звуковъ и цвѣтовъ, дѣйствующихъ на насъ или слитно, или въ раздѣльности.

Если обратиться къ явленіямъ, совершающимся въ органическомъ мірѣ, то въ животномъ царствѣ мы наталкиваемся на серію фактовъ, которые не вяжутся съ понятіемъ гармоніи. Мы знаемъ, что ежеминутно милліоны живыхъ существъ уничтожаются, служа пищею для другихъ, болѣе сильныхъ, что каждое такое уничтоженіе сопровождается физическимъ страданіемъ и ужасомъ смерти; что въ человѣческомъ родѣ, помимо многочисленныхъ случаевъ насильственной смерти, жизнь омрачается страданіями, вызываемыми болѣзнями, несчастіями крайнею несправедливостью судьбы, невѣжествомъ, животнымъ эгоизмомъ, злобою и безнравственностью людей ..... что даже наиболѣе радостныя минуты жизни человѣка иногда отравляются

мыслью о неизбѣжности смерти. Разумъ не можетъ признать гармоничнымъ строй, гдѣ такъ много дисгармоничныхъ явленій и отрицая необходимость послѣднихъ, мыслитъ другой, лучшій строй жизни; а для оправданія дѣйствительныхъ фактовъ жизни ему нѣтъ другого выхода какъ признать, что какъ строй мертвой природы опредѣляется основными свойствами вещества, такъ и существующій строй жизненныхъ явленій есть результатъ основныхъ свойствъ сознательнаго начала природы, и что послѣднее могло проявиться только въ конкретныхъ формахъ дѣйствительно существовавшихъ и существующихъ теперь, что извѣстный намъ процессъ развитія сознательнаго начала былъ единственно возможнымъ при наличности тѣхъ отношеній, какія въ дѣйствительности существуютъ между безсознательнымъ и сознательнымъ началами природы.

Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы постараемся доказать, что животныя, стоящія ниже человѣка, не сознаютъ неизбѣжности смерти; они не сознаютъ и дисгармоній въ жизни, поэтому и живутъ изо дня въ день, наслаждаясь чувствомъ жизни до того мгновенія, когда ихъ настигнетъ смерть или внезапно. или послѣ кратковременной агоніи. Только человѣкъ по мѣрѣ своего развитія все болѣе и болѣе дѣлается чувствительнымъ ко всѣмъ дисгармоничнымъ явленіямъ, и стремится къ осуществленію жизни, полной гармоніи и если онъ тутъ и допускаетъ дисгармонію, то только въ той мѣрѣ, какая нужна для лучшаго оттѣненія гармоніи, подобно тому, какъ въ музыкѣ нерѣдко вводятъ дисгармонію, чтобы подготовить ухо къ лучшему воспріятію слѣдующей затѣмъ гармоніи. Переходимъ теперь къ оцѣнкѣ явленій и процессовъ природы съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности.

Человѣкъ, преслѣдуя какую-либо цѣль, распредѣляетъ свои дѣйствія, выбираетъ способы и создаетъ вспомогательныя средства и орудія для наиболѣе вѣрнаго и лучшаго достиженія этой цѣли, а степень совершенства этихъ дѣйствій, способовъ и орудій, въ дѣлѣ достиженія намѣченнаго, и опредѣляетъ степень ихъ цѣлесообразности. Человѣкъ стремится также уяснить себѣ степень цѣлесообразности предметовъ. явленій и процессовъ природы, при этомъ, въ однихъ случаяхъ, уровень его знаній и познавательная сила его разума оказываются достаточными, чтобы привести его къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ, въ другихъ—недостаточность знаній и слабость его познавательной силы не только препятствуютъ ему составлять такія рѣшенія, но могутъ повести его и къ невѣрнымъ заключеніямъ, напр., когда онъ, не зная истинной цѣли природы, ставитъ вмѣсто нея свою цѣль, кажущуюся ему истинной.

При настоящемъ состояніи знаній человѣка всѣ явленія и процессы природы въ его понятіи, съ точки зрѣнія цѣлесообразности, разбиваются на двѣ группы: къ одной относятся проявленія безсознательнаго начала природы, къ другой—проявленія начала созна-

тельнаго. Въ первой группѣ весь строй мертвой природы и ея процессы опредѣляются исключительно основными свойствами вещества и разумъ не можетъ допустить цѣлесообразности тамъ, гдѣ дѣйствуютъ только безсознательные элементы природы, такъ какъ цѣлесообразность предполагаетъ преднамѣренность, т. е. такое стремленіе психическаго характера, которое совершенно отсутствуетъ въ мертвомъ веществѣ. И дѣйствительно, наука открываетъ въ серіи явленій и процессовъ безсознательной природы только непрерывное перераспредѣленіе вещества и физической энергіи, совершающееся по неуклоннымъ физическимъ законамъ, а вся вселенная, въ ея физическихъ проявленіяхъ, представляется разуму какъ непрерывный процессъ, подобный безконечно-длинной рѣкѣ, текущей по безпредѣльному уклону подъ вліяніемъ силы тяжести. Живое сознательное существо можетъ воспользоваться этою рѣкою для какихъ-либо цѣлей, сама же рѣка, какъ проявленіе только безсознательнаго начала, не можетъ положить для себя никакой цѣли. Единственное, что можетъ допустить разумъ, это признать преднамѣренность, для которой мертвая природа служила только средствомъ для своего выраженія, т. е. допустить, что Воля Творца, въ моментъ творенія вселенной, придала мертвому веществу такія свойства, которыми уже опредѣлились всѣ дальнѣйшіе процессы, могущіе совершаться въ немъ и тѣмъ эта Воля намѣтила вполнѣ опредѣленныя цѣли, которыя нашъ разумъ и стремится постичь. А затѣмъ, послѣ творенія, матеріальные процессы вселенной могли быть предоставлены дѣйствію только ея безсознательныхъ элементовъ, какъ и въ томъ случаѣ, когда, отрицая твореніе, мы допустили бы предвѣчное существованіе вещества со всѣми его свойствами. Но тогда нашъ разумъ, наблюдая въ предметахъ и процессахъ мертвой природы дѣйствіе только ея безсознательныхъ элементовъ, долженъ уже a priori допустить что одни изъ этихъ предметовъ и процессовъ явятся передъ нимъ цѣлесообразными, другіе нѣтъ. Такъ, на вопросъ о цѣли существованія нашей солнечной системы для человѣческаго разума возможенъ только одинъ отвѣтъ, оправдаемый понятіемъ о цѣлесообразности, что система существуетъ для развитія на планетахъ и ихъ спутникахъ жизненныхъ явленій; но наука прочно установила фактъ, что развитіе жизни возможно только при затратѣ на то физической энергіи солнечнаго лучеиспусканія, между тѣмъ доказано, что только ничтожная часть этой энергіи, не болѣе 0,000000003 задерживается всѣми тѣлами солнечной системы, а остальная, громадная часть тратится не на развитіе жизни и не на физическіе процессы, совершающіеся на поверхности планетъ, а на что то другое. Только въ томъ случаѣ процессъ излученія солнечной энергіи можно считать цѣлесообразнымъ, когда если не вся, то большая часть энергіи, неутилизированная планетами, возвращается обратно къ солнцу, или когда наука будущаго откроетъ, что эта часть энергіи тратится для достиженія цѣлей, имѣющихъ,

по понятіямъ нашего разума, важное значеніе въ міровой жизни. Далѣе, если вѣрно почти доказанное наукою положеніе, что на лунѣ нѣтъ органической жизни, то единственно видимою цѣлью существованія этого спутника остается освѣщеніе имъ земного шара въ ночное время; но въ виду того, что луна только въ теченіе половины синодическаго мѣсяца освѣщаетъ землю, что свѣтовой эффектъ далеко не соотвѣтствуетъ громадности тѣла этого свѣтила, что этотъ эффектъ могъ бы быть достигнутъ тѣломъ несравненно меньшаго объема, но обладающимъ большею отражательною силою,—разумъ не можетъ признать цѣлесообразность тамъ, гдѣ дурно выполненная цѣль достигается способомъ очень далекимъ отъ совершенства. Не мало и другихъ космическихъ явленій, гдѣ мы не открываемъ цѣлесообразности; такъ мы не знаемъ, для какихъ цѣлей существуютъ кометы, аэролиты, наконецъ астероиды, на большинствѣ которыхъ едва ли могла развиться жизнь.... Переходя къ земному шару и понимая его, какъ арену для развитія жизни, мы и тутъ не видимъ полной цѣлесообразности ни въ распредѣленіи климатовъ, ни въ существующемъ чередованіи суши и морей, благодаря чему громадныя пустыни остаются почти необитаемыми, и во многомъ другомъ.

Если мы перейдемъ къ группѣ предметовъ и процессовъ, въ которыхъ такъ или иначе проявляется сознательное начало природы, тутъ, наоборотъ, цѣлесообразность тѣхъ или другихъ выступаетъ съ поразительною ясностью. Едва ли нужно распространяться здѣсь объ извѣстной людямъ науки удивительной цѣлесообразности какъ строенія, такъ и функцій организованныхъ существъ, полной приспособленности ихъ къ самымъ разнообразнымъ физическимъ условіямъ и обстановкамъ ихъ существованія, поэтому считаемъ достаточнымъ только напомнить приведенные ранѣе факты полной утилизаціи животными физической энергіи въ формѣ механическаго движенія и свѣтового эффекта, далеко превосходящей все, что въ этомъ направленіи сдѣлано изобрѣтательностью человѣка въ его наиболѣе совершенныхъ аппаратахъ и машинахъ. Но и въ группѣ относящихся сюда фактовъ есть исключенія, хотя и не многочисленныя, наприм. чрезмѣрное, развитіе роговъ у нѣкоторыхъ видовъ оленя, сильно затрудняющихъ это животное не только въ минуты опасности, но и въ его обыденной жизни; хвостовыя кольца гремучей змѣи, своимъ шумомъ предупреждающіе живую добычу о приближеніи этого хищника, и друг.

Организаторская сила сознательнаго начала выражается въ двухъ царствахъ, животномъ и растительномъ: въ первомъ, съ явными проявленіями психики, во второмъ, безъ такихъ проявленій. Серія существъ, низшихъ по организаціи, заключаетъ въ себѣ переходныя формы отъ одного царства къ другому, но въ дальнѣйшемъ развитіи оба царства расходятся все болѣе и болѣе и составляютъ вмѣстѣ вполнѣ цѣлесообразную систему, въ которой растеніе, концентрируя лучевую энергію солнца, въ видѣ плодовъ и другихъ растительныхъ

продуктовъ, передаетъ ее животному царству какъ пищевой матеріалъ, чѣмъ и обусловливается существованіе организмовъ этого царства.

Итакъ, изъ всѣхъ предметовъ и процессовъ природы мы находимъ наибольшую цѣлесообразность только тамъ, гдѣ очевидна цѣль: это въ проявленіяхъ сознательнаго начала, очевидною цѣлью которыхъ есть жизнь; дисгармонія въ нѣкоторыхъ комбинаціяхъ жизненныхъ явленій, на которую мы указали выше, не исключаетъ цѣлесообразности строенія и функцій каждаго организма въ отдѣльности. Въ проявленіяхъ же безсознательнаго начала наши сужденія о ихъ цѣлесообразности зависятъ отъ того, какую цѣль мы полагаемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; такъ, циркуляція нашей атмосферы можетъ быть признана за процессъ цѣлесообразной въ дѣлѣ распредѣленія влаги вообще по земной поверхности, но далекій отъ совершенства, когда цѣлью этого распредѣленія мы поставимъ развитіе жизни на земномъ шарѣ, такъ какъ громадныя части его поверхности, вслѣдствіе несовершенства въ распредѣленіи влаги, остаются почти необитаемыми. Вообще, формы, въ которыхъ выразилось безсознательное начало, зависили отъ присущихъ этому началу свойствъ, косныхъ въ своей природѣ и проявляющихъ себя по неуклоннымъ законамъ, а мы изъ своей психики уже вносимъ въ нихъ понятія о степени ихъ цѣлесообразности, сообразуясь съ полагаемыми нами цѣлями и находимъ однѣ формы цѣлесообразными, другія нѣтъ. Будущія, высшія существа могутъ открыть цѣлесообразнымъ тамъ, гдѣ мы не находимъ ее.

Одухотвореніе физической природы, т. е. смутное представленіе участія психическихъ силъ въ явленіяхъ, обусловленныхъ безсознательными элементами природы, проходитъ яркою чертою почти по всѣмъ религіямъ древнихъ народовъ. Въ наиболѣе ясной и художественной формѣ такое представленіе выразилось въ греческой миѳологіи, олицетворившей въ своихъ богахъ и богиняхъ не только отдѣльныя группы чисто психическихъ явленій, но явленія и предметы мертвой природы, при чемъ въ этомъ случаѣ психическое начало приписывалось не только богамъ, завѣдующимъ управленіемъ въ области, строго ограниченной тою или другою группою физическихъ предметовъ, но часто и самимъ управляемымъ предметамъ, безсознательнымъ по существу. Если Нептунъ въ извѣстномъ мѣстѣ Энеиды могъ сказать разгулявшимся вѣтрамъ: „вотъ я васъ, дайте мнѣ волны успокоить“, то вѣтры и волны понимались тутъ, какъ существа одушевленныя, могущія быть послушными угрозѣ.

Современные намъ поэты и писатели также часто одухотворяютъ явленія и предметы природы; въ рѣдкомъ художественномъ произведеніи, при описаніи ландшафта, или какой-либо картины природы не употреблены сравненія, напр., сравненія ярости морскихъ волнъ или горнаго потока съ яростью хищнаго звѣря, ревъ бури

съ ревомъ демоновъ, шелеста древесной листвы, произведеннаго тихимъ вѣтеркомъ, съ шепотомъ одушевленнаго предмета и т. под. Подобнымъ пріемомъ писатель-художникъ передаетъ людямъ впечатлѣнія и чувства, испытываемыя имъ при созерцаніи природы, зная, что онъ найдетъ въ душѣ человѣка гармоническій отзвукъ испытываемыхъ имъ ощущеній, и нерѣдко ясно видно, что онъ прибѣгаетъ тутъ къ сравненіямъ не въ метафорическомъ смыслѣ, а дѣйствительно, въ его душѣ рождается ощущеніе какъ бы жизни въ описываемомъ имъ неодушевленномъ предметѣ. Не только поэты, но и обыкновенные люди проникаются смутнымъ ощущеніемъ жизни, разлитой во всей природѣ. Это иллюзорное ощущеніе съ особою силою проникаетъ душу человѣка при созерцаніи имъ картины весенняго возрожденія органической жизни: пѣніе птицъ, ихъ оживленные перелеты съ мѣста на мѣсто, разнообразные крики животныхъ, жужжаніе, полеты и быстрыя движенія насѣкомыхъ, быстрое развитіе каждой былинки, каждой почки, блескъ весенняго солнца, переливы цвѣтовъ и тѣней отъ бѣгущихъ по голубому небу легкихъ облачковъ,—все это отражается въ сознаніи человѣка какъ ощущеніе жизни, проникающей всю природу. Но это одухотвореніе природы вносится въ нее изъ нашей психики, въ дѣйствительности тутъ живутъ только тѣ предметы, въ которыхъ выразилось сознательное начало, т. е. животныя и растенія, остальное все мертво и косно; въ песчаной пустынѣ, вызженной солнцемъ, въ снѣжной равнинѣ, подъ покровомъ сплошныхъ облаковъ, органическая жизнь почти отсутствуетъ и впечатлѣніе, испытываемое здѣсь человѣкомъ, есть впечатлѣніе не жизни, а смерти.

Созерцаніе небеснаго свода, покрытаго звѣздами, производитъ на человѣка впечатлѣніе космической жизни, полной таинственности, неопредѣленности. Этому впечатлѣнію много способствуютъ переливы и игра цвѣтовъ въ звѣздахъ, производимыя интерференціею свѣтовыхъ волнъ въ земной атмосферѣ, явленія падающихъ звѣздъ, неопредѣленность, какъ бы туманность формъ нѣкоторыхъ свѣтилъ, разбросанныхъ въ различныхъ частяхъ небосклона Какъ извѣстно, наука не открываетъ въ звѣздномъ мірѣ ничего такого, чтобы не могло быть объяснено дѣйствіемъ только безсознательныхъ элементовъ природы. Такимъ образомъ и тутъ одухотвореніе природы, въ ея космическомъ цѣломъ, не имѣетъ реальной основы, а вносится нами изъ нашей психики.

Современная наука, на основаніи имѣющагося въ ея распоряженіи матеріала, стремится по возможности точнѣе опредѣлить границы областей сознательныхъ и безсознательныхъ явленій, чтобы отдѣлить одухотворенное отъ мертваго, и встрѣчаетъ тутъ очень серьезныя затрудненія. Она же, рисуя поражающую нашъ умъ картину развитія психики въ животныхъ организмахъ въ геологическомъ прошломъ, невольно склоняетъ его признать возможность появленія въ бу-

дущемъ существъ настолько развитыхъ психически, что предъ ихъ сознаніемъ откроются явленія, недоступныя воспріятію наиболѣе развитого современнаго намъ человѣка, подобно тому, какъ множество явленій, приводящихъ разумъ человѣка къ объясненію механическаго строя мертвой природы, находятся или внѣ сознанія, напр., собаки и обезьяны, или скользятъ передъ ними, не оставляя въ нихъ другого слѣда, кромѣ элементарнаго ощущенія. Познавательная сила будущихъ существъ въ ряду этихъ явленій можетъ найти и такія, которыя приведутъ эти существа къ убѣжденію, что сознательное начало выражается не въ мірѣ только организованныхъ существъ, а проникаетъ всю вселенную, тогда одухотвореніе современнымъ человѣкомъ всей природы имѣетъ смыслъ какъ предчувствіе того, что современемъ обратится въ сознаніе несомнѣнно существующаго. Въ настоящее же время наука удостовѣряетъ только, что кромѣ нашего солнца, во вселенной существуютъ милліоны другихъ солнцъ, по величинѣ подобныхъ, а по химическому составу почти тожественныхъ съ нашимъ, что эти солнца (принимая двойныя звѣзды за одну систему) удалены другъ отъ друга на такія громадныя разстоянія, передъ которыми размѣры нашей солнечной системы кажутся ничтожными, что поэтому болѣе чѣмъ вѣроятно предположеніе, что не одно наше солнце окружено планетами, что если не всѣ, то большинство и другихъ солнцъ имѣютъ каждое свою планетную систему, незамѣтную для насъ по дальности разстоянія, что изъ безчисленнаго множества этихъ планетъ находится много такихъ, на которыхъ сознательное начало природы могло проявиться въ формахъ, подобныхъ существующимъ на землѣ, что такимъ образомъ проявленіе этого начала въ организованныхъ существахъ надо считать явленіемъ не мѣстнымъ, а универсальнымъ.

Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы далеко не исчерпали всего главнаго, что входитъ въ составъ содержанія жизни человѣка и взяли ихъ съ цѣлью показать только, какъ много изъ его психики вносится въ тѣ понятія и впечатлѣнія, единственнымъ стимулирующимъ источникомъ которыхъ являются, повидимому, только объекты внѣшняго міра. Теперь въ краткомъ очеркѣ прослѣдимъ параллельность развитія содержанія жизни и сознательнаго начала.

Въ низшихъ организмахъ животнаго царства все содержаніе жизни исчерпывается ощущеніями, сопровождающими ихъ питаніе и размноженіе; по мѣрѣ перехода отъ низшихъ организмовъ къ высшимъ начинаютъ постепенно выступать такія проявленія психики, которыя указываютъ на чувства, называемыя нами духовными, чувства материнской привязанности, симпатіи и антипатіи... Въ высшихъ безсловесныхъ животныхъ, особенно въ нѣкоторыхъ изъ прирученкыхъ, проявленія ихъ духовной природы достигаетъ уже такой силы

и разнообразія, что не оставляютъ сомнѣнія въ сравнительномъ богатствѣ содержанія ихъ жизни. Чѣмъ, наприм., объяснить беззавѣтную преданность собаки своему хозяину, какъ не сродствомъ нѣкоторыхъ сторонъ ихъ духовной природы. Если собака нерѣдко жертвуетъ своею жизнью для спасенія хозяина, то какъ должно быть сильно чувство любви первой ко второму. А одно это чувство уже можетъ дать богатый матеріалъ для содержанія жизни собаки. Дѣйствительно, мы видимъ съ какимъ, наприм., интересомъ относится комнатная собака ко всему совершающемуся въ домѣ ея хозяина, и какъ тутъ все доступное ея пониманію вызываетъ въ ея душѣ соотвѣтствующій откликъ. Если прибавить сюда несомнѣнныя проявленія мышленія и различныхъ эмоцій у высшихъ безсловесныхъ животныхъ, явные знаки любопытства у нѣкоторыхъ изъ нихъ, предвѣстники любознательности человѣка, то получится достаточно данныхъ для вывода о богатствѣ содержанія ихъ жизни по сравненію съ содержаніемъ жизни низшихъ организмовъ, наприм., червей или одноклѣтчатыхъ. Съ переходомъ къ человѣку содержаніе жизни рѣзко возрастаетъ, а въ современныхъ намъ группахъ людей, воспринявшихъ все лучшее изъ цивилизаціи, оно достигаетъ наибольшей полноты и богатства. Невелики эти группы, но какъ сравнительно счастлива ихъ жизнь, когда, оттѣснивъ на задній планъ все животное, низменное и тщеславное, они смогутъ наполнить ее содержаніемъ высокихъ духовныхъ интересовъ, возбуждаемыхъ наукою, религіею, искусствомъ, соціальною жизнью, и проникнутые любовью къ человѣчеству, безкорыстно послужить ему своими, хотя бы и скромными силами.

Остановимся теперь на выясненіи относительнаго значенія сознательнаго и безсознательнаго началъ природы въ дѣлѣ образованія содержанія жизни. Безсознательное вещество и совершающіеся въ немъ процессы, чрезъ посредство органовъ чувствъ, посылаютъ нашей душѣ сигналы, воспринимаемые ею въ формѣ ощущеній, не имѣющихъ ни малѣйшаго сходства съ природою стимулирующихъ агентовъ; такимъ образомъ уже на первыхъ ступеняхъ воздѣйствія вещества на нашу душу, послѣдняя вноситъ отъ себя значительную долю въ содержаніе своей жизни, а послѣдующія затѣмъ представленія и понятія о физическомъ мірѣ она строитъ, пользуясь ощущеніями, какъ матеріаломъ. Представленія и понятія, поскольку они относятся къ мертвой природѣ, направляютъ нашу волю въ дѣйствіяхъ практической жизни и кладутся въ основу наукъ, имѣющихъ задачею опредѣлить, насколько наше понятіе соотвѣтствуетъ объектамъ мертвой природы и тамъ, гдѣ степень соотвѣтствія достаточна, чтобы выдержать научную провѣрку, разумъ признаетъ истинность понятій, но только истинность относительную, такъ какъ чувствуетъ себя недостаточно сильнымъ для познанія вещей въ себѣ. Такъ же относится разумъ и къ понятіямъ въ болѣе сложныхъ наукахъ, предметомъ изслѣдованія которыхъ составляютъ проявленія психики человѣка и

животныхъ и связанныя съ ними явленія органической жизни. Но представленія, понятія и науки, внося богатый вкладъ въ содержаніе нашей жизни, составляютъ продуктъ дѣйствія только нашей души, т. е. сознательнаго начала природы.

Особо важное значеніе въ содержаніи жизни имѣютъ эмоціи и чувства высшаго порядка, называемыя чувствованіями, или внутренними чувствами. Источникомъ происхожденія эмоцій и чувствованій служитъ только наша душа, а въ качествѣ возбудителей являются: инстинкты, физіологическіе процессы и состоянія нашего организма, взаимныя отношенія между людьми, отношеніе между человѣкомъ и остальнымъ животнымъ міромъ и, наконецъ, воздѣйствіе на человѣка строя мертвой природы, или какой-либо группы ея явленій, въ ихъ концепціи. Инстинктивные возбудители, выражаемые въ формѣ желаній и стремленій, имѣютъ чисто духовный характеръ такой же характеръ имѣютъ чувствованія и эмоціи, опредѣляемыя взаимнымъ отношеніемъ людей, людей и животныхъ; физіологическіе возбудители могутъ быть приравнены къ агентамъ мертвой природы, дѣйствующимъ на нашъ чувственный аппаратъ, съ тою однако разницею, что дѣйствіе первыхъ во многихъ случаяхъ возбуждаетъ болѣе глубокія и обширныя чувствованія по сравненіи съ тѣмъ, что производятъ вторые; кромѣ того сами физіологическіе процессы возможны только въ живомъ организмѣ, въ построеніи котораго сознательное начало несомнѣнно принимаетъ первенствующее участіе. Наконецъ, что касается чувствованій, возбуждаемыхъ строемъ мертвой природы и созерцаніемъ ея явленій, то ранѣе было указано, какъ тутъ много привноситъ отъ себя наша душа въ образованіи соотвѣтствующихъ понятій: понятій великаго, грандіознаго, грознаго, красиваго, гармоничнаго, цѣлесообразнаго. Если ко всему перечисленному присоединить то, что вносится въ сознаніе человѣка его художественнымъ и научнымъ творчествомъ, мышленіемъ въ сферѣ, кажущейся безграничною, религіознымъ и нравственнымъ чувствами...., т. е. проявленіями исключительно только сознательнаго начала природы, то тѣмъ исчерпываемъ всю полноту содержанія жизни современнаго, наиболѣе развитого человѣка и опредѣлимъ великое значеніе сознательнаго начала въ образованіи этого содержанія.

Доминирующее значеніе сознательнаго начала въ образованіи содержанія жизни выступаетъ передъ философствующимъ разумомъ съ такою ясностью, что онъ отрицаетъ даже необходимость существованія безсознательнаго начала для всего, что составляетъ это содержаніе; наоборотъ, отсутствіе сознательнаго начала въ природѣ онъ признаетъ равносильнымъ уничтоженію всей вселенной Возьмемъ второе предположеніе. т. е. допустимъ небытіе сознательнаго начала во вселенной, а это сдѣлаетъ невозможнымъ и существованіе живыхъ организмовъ, какъ проявленій этого начала; тогда все, совершающееся въ мертвой природѣ, къ какимъ бы послѣдствіямъ оно ни привело,

не будетъ имѣть никакого значенія за отсутствіемъ воспринимателя и цѣнителя совершившагося. Даже уничтоженіе какого-либо тѣла, напр. земного шара, никѣмъ бы не почувствовалось; такъ же безъ всякаго воздѣйствія на кого-либо могла бы быть уничтожена и вся матеріальная вселенная, т. е. бытіе вселенной было бы равносильно ея небытію. Если, наоборотъ, предположить существованіе только сознательнаго начала и небытіе безсознательнаго, предположить также, что первое могло бы безъ участія второго образовывать безчисленное множество сознательныхъ центровъ, подобныхъ существующимъ животнымъ, то каждый изъ такихъ центровъ могъ бы воспроизвести изъ себя все содержаніе жизни, доступное существующимъ животнымъ, если только знаки, посылаемые предметами мертвой матеріи и воспринимаемые въ душѣ животнаго, какъ ощущенія, замѣнить соотвѣтствующими стимулами духовной природы. При допущенномъ нами предположеніи содержаніе жизни, въ значительной его части, конечно будетъ имѣть характеръ чистой иллюзіи, но вѣдь и при дѣйствительно существующихъ условіяхъ проявленія сознательнаго начала, это содержаніе также иллюзорно, вслѣдствіе несоотвѣтствія сущности стимулирующихъ объектовъ мертвой матеріи съ производимыми на душу ощущеніями и впечатлѣніями.

Яркое сновидѣніе можетъ служить наглядным доказательствомъ развитія передъ нашимъ сознаніемъ содержанія жизни во всей его полнотѣ, независимо отъ всего, находящагося внѣ нашего физическаго организма. Каждый, испытавшій такое сновидѣніе, знаетъ насколько сильны чувствованія и эмоціи, переживаемыя тутъ нашею душою; даже самая мысль иногда пріобрѣтаетъ особую ясность, а ея полетъ далеко оставляетъ все, что она проявляетъ въ періодъ бодрствованія. Если бы физическія и другія условія существованія нашего организма позволяли продолжать сновидѣнія на сотни и тысячи лѣтъ, то въ теченіе этихъ періодовъ, спящій человѣкъ жилъ бы полною жизнью, нисколько не подозрѣвая иллюзорности ея содержанія.

Сознательное начало, избравъ животные организмы для своего проявленія и развитія, осуществило и то и другое въ безчисленномъ рядѣ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній. Для возможности существованія организма, для произведенія потомства и его воспитанія, необходимо было каждому организму дать соотвѣтствующій объемъ и строеніе; поэтому въ человѣческомъ организмѣ наприм., его скелетъ, мышцы, кровеносная система, пищеварительные органы служатъ главнѣйше для поддержанія физическаго существованія индивида и рода. Если принять во вниманіе, что вся нервная система, со включеніемъ позвоночнаго мозга, устроена для передачи центральному органу сознанія, головному мозгу, сигналовъ, посылаемыхъ внѣшними и внутренними возбудителями и для обратныхъ реакцій отъ мозга къ внѣшнимъ и внутреннимъ органамъ, что въ самомъ головномъ мозгу однѣ его части служатъ какъ бы продолженіемъ периферической нервной

системы, другія имѣютъ значеніе питательной среды, то за выдѣленіемъ всѣхъ этихъ частей, изъ всей массы головного мозга, останется только незначительная часть организованнаго вещества, непосредственно участвующаго въ воспроизведеніи изъ себя полнаго содержанія жизни во время сновидѣній, хотя въ это время физіологическое состояніе организма можетъ повліять на характеръ самаго сновидѣнія, но только повліять а не дать ему содержаніе.

Насколько ничтожно можетъ быть количество вещества, нужнаго для весьма даже сложнаго проявленія сознательнаго начала, мы можемъ указать на цѣлую серію насѣкомыхъ съ сложными инстинктами. Инстинктивныя функціи, по отношенію къ сознанію животнаго, имѣютъ чисто психическій характеръ, а въ дѣйствіяхъ, наприм. муравья, кромѣ инстинктивныхъ, мы находимъ не мало и такихъ, которыя могутъ быть объяснены только проявленіемъ его разума. За отдѣленіемъ изъ организма муравья всего нужнаго для его питанія и внѣшняго проявленія его жизнедѣятельности, для психическихъ функцій останутся ничтожные по величинѣ гангліевы узелки, и это ничтожное количество организованнаго вещества оказывается достаточнымъ для очень сложныхъ и многообразныхъ проявленій сознательнаго начала.

Сновидѣнія, дающія богатое содержаніе жизни при отсутствіи воздѣйствія на организмъ внѣшняго міра и ничтожное количество организованнаго вещества, нужнаго для проявленія сознательнаго начала во всей его полнотѣ, какъ это слѣдуетъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, относительно головного мозга человѣка и гангліевыхъ узловъ муравья, показываютъ, что выше высказанное предположеніе о возможности образованія полноты жизни только при бытіи сознательнаго начала и небытіи безсознательнаго, предположеніе это, не настолько еще далеко отъ дѣйствительности, чтобы его нельзя было допустить.

Потребность души въ опредѣленномъ міровоззрѣніи не составляетъ принадлежность всякаго живого чувствующаго существа. Можно съ увѣренностью утверждать, что такой потребности не существуетъ не только въ низшихъ организмахъ животнаго царства, но и въ высшихъ безсловесныхъ животныхъ Всѣ они живутъ изо-дня въ-день, поглощены интересами текущей минуты и въ ихъ душѣ не рождается и подобія тѣхъ вопросовъ, какіе возникаютъ въ душѣ человѣка относительно міровоззрѣнія. Эти вопросы начинаютъ возникать въ душѣ тѣхъ существъ, въ которыхъ сознательное начало достигло уже опредѣленной степени развитія. Многочисленныя свидѣтельства людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія, удостовѣряютъ, что многіе современные намъ дикіе народы, стоящіе на самыхъ низкихъ ступеняхъ психическаго развитія, не имѣютъ понятія о Богѣ, что указываетъ

на отсутствіе въ нихъ духовной потребности въ цѣльномъ міровоззрѣніи. *) Доисторическій человѣкъ несомнѣнно стоялъ еще на низшей степени духовнаго развитія, а поэтому надо полагать, что въ душѣ его не было и слѣдовъ стремленія къ какому-либо міровоззрѣнію, а это неизбѣжно приводитъ къ выводу, что въ тотъ долгій періодъ времени, протекшій отъ доисторическаго человѣка до настоящаго времени, одновременно съ развитіемъ психики человѣка, возрастала въ немъ и потребность въ установленіи того или другого міровоззрѣнія. Письменные историческіе источники свидѣтельствуютъ, что у передовыхъ историческихъ народовъ міровоззрѣніе опредѣлялось главнѣйше ихъ религіозными вѣрованіями; творческій геній классической Греціи впервые сдѣлалъ попытку строить міровоззрѣніе на научныхъ началахъ, но при скудости тогдашнихъ знаній вообще, онъ проявилъ силу въ созданіи различныхъ философскихъ системъ на почвѣ предположеній, научно-необоснованныхъ, а потому и имѣющихъ передъ глазами современной намъ науки значеніе только болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ. Тѣ изъ этихъ догадокъ, которыя по существу могли имѣть только двѣ противоположныя альтернативы, какъ напр, понятіе о матеріи какъ безконечно дѣлимой, или дѣлимой только до нѣкотораго предѣла, атома; понятіе о землѣ какъ неподвижной въ пространствѣ, или, наоборотъ, подвижной, понятія о духовномъ и матеріальномъ, какъ о двухъ отдѣльныхъ субстанціяхъ, или только одной, слитной, и другія имъ подобныя,—современною наукою, однѣ разрѣшены вполнѣ, другія находятся на пути къ рѣшенію, а нѣкоторыя и до сихъ поръ стоятъ передъ наукою въ видѣ неприступной крѣпости, въ которой она еще не знаетъ съ какой стороны надо пробивать стѣну, чтобы имѣть малѣйшую надежду на успѣхъ.

Несмотря на обиліе вопросовъ, ожидающихъ своего рѣшенія, современная наука уже и теперь открываетъ и освѣщаетъ намъ такіе обширные горизонты и перспективы, передъ которыми блѣднѣетъ все созданное когда-либо фантазіею человѣка на почвѣ прежней науки. Исторія цивилизацій передовыхъ народовъ, сравнительная филологія, археологія, этнографія, а главнѣйше естествовѣдѣніе содержатъ въ себѣ богатый матеріалъ для построенія научнаго міровоззрѣнія если не настолько полнаго, чтобы удовлетворить всѣмъ запросамъ пытливаго ума, то могущаго дать достаточно твердыя точки опоры что бы ориентироваться въ окружающемъ насъ таинственномъ мірѣ явленій Попытаемся построить такое міровоззрѣніе, но не безъ участія вѣры, той философской вѣры, безъ которой не обходится ни одна система конструктивной философіи, ни одно міровоззрѣніе. Но въ основѣ нашей вѣры будетъ лежать не философскій догматъ, а предположеніе, высокая степень вѣроятія котораго вытекаетъ изъ всего строя современныхъ знаній и во всякомъ случаѣ можетъ быть не только допущено, но и оправдано современною наукою.

*) См. Начало цивилизаціи Леббока.

Нашъ разумъ можетъ мириться только съ мыслью, что при естественныхъ условіяхъ изъ ничего не можетъ произойти что-либо, и наоборотъ, что-либо не можетъ быть обращено въ ничто, при чемъ подъ словами „что либо“ понимается вещь въ себѣ, или ея субстратъ; поэтому разумъ мыслитъ (но не представляетъ) вселенную, какъ нѣчто существовавшее предвѣчно и также долженствующее существовать вѣчно въ будущемъ; безконечнымъ же мыслится и пространство, занимаемое вселенной

Явленія, доходившія до нашего сознанія, заставляютъ разумъ признать во вселенной существованіе двухъ какъ бы категорически-различныхъ начала: безсознательнаго и сознательнаго, и чѣмъ болѣе разумъ просвѣщается наукою, тѣмъ коренное различіе обоихъ началъ выступаетъ передъ нимъ съ большею силою. Насколько дѣленіе всего сущаго на два начала соотвѣтствуетъ дѣйствительности, нашъ разумъ рѣшить не можетъ.

Безсознательное начало или субстратъ его, мертвая матерія, передъ научнымъ знаніемъ открываетъ только одно свое основное свойство косность, и два состоянія: движенія и покоя, и разуму рисуется возможность только этимъ объяснить всѣ процессы, совершающіеся въ мертвой матеріи, включая сюда и различные виды физической энергіи. Все ли безконечное пространство сплошь наполнено матеріею, или только часть его съ нѣкоторыми совершенно пустыми промежутками, остается для науки невыясненнымъ, но вѣроятнѣе первое положеніе; во всякомъ случаѣ мертвая матерія. разбросанная въ безконечномъ пространствѣ въ формѣ ли обособленныхъ твердыхъ тѣлъ, въ сплошныхъ-ли массахъ эфира, ни на одно мгновеніе не могла и не можетъ прійти въ состояніе статическаго равновѣсія, почему и процессы въ ней должны совершаться непрерывно какъ въ прошломъ, такъ и въ безконечномъ будущемъ. О пройденныхъ фазахъ общаго процесса матеріальной вселенной наука не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ и только о фазѣ. предшествующей современной, она даетъ гипотетическую теорію образованія солнечныхъ системъ (теорія Канта-Лапласа). Въ фазѣ, современной намъ, открытъ механическій строй только въ нѣкоторыхъ группахъ небесныхъ тѣлъ, въ цѣломъ же, матеріальная вселенная доступная наблюденію, представляется хаотическимъ скопленіемъ массъ, въ которомъ наукѣ будущаго предстоитъ открыть строй, если таковой дѣйствительно существуетъ. Въ той части вселенной гдѣ открытъ такой строй, въ нашей планетной системѣ, всѣ процессы, предшествовавшіе ея образованію, можно разсматривать какъ подготовительные, какъ переходъ изъ неустойчиваго состоянія къ устойчивому, составляющему фазу. современную намъ. Тоже должно сказать и о другихъ солнечныхъ системахъ Тотъ же характеръ косности носятъ на себѣ и всѣ физическіе процессы на земномъ шарѣ какъ въ настоящее время, такъ и за время существованія его въ видѣ обособленнаго тѣла. И тутъ весь

процессъ образованія земного шара можно разсматривать какъ постепенный переходъ отъ неустойчиваго состоянія къ устойчивому. Въ общемъ, все совершающееся въ матеріальной вселенной представляетъ только перераспредѣленіе вещества и переходъ физической энергіи изъ однихъ формъ въ другія по механическимъ законамъ, вытекающимъ изъ основныхъ свойствъ вещества, присущихъ ему какъ бы предвѣчно.

Въ неопредѣленно далекомъ прошломъ началъ проявляться особый дѣятель, не имѣющій въ своей природѣ ничего общаго съ косным веществомъ, и названный нами сознательнымъ началомъ природы. Будучи ранѣе скрытъ какъ бы въ видѣ потенціальной энергіи, этотъ дѣятель выразился въ организованныхъ существахъ преимущественно въ формахъ животнаго царства. Въ своемъ стремленіи проявлять себя согласно присущимъ ему потенціямъ, онъ выбралъ путь возможно полнаго осуществленія жизни какъ въ ширину, такъ и въ высоту: въ ширину—возбуждая жизнь вездѣ, гдѣ позволяютъ то условія существованія организмовъ, въ каждой каплѣ воды, въ каждой мельчайшей частичкѣ поверхностнаго слоя земли, въ высоту,—расширяя и качественно возвышая то, что мы назвали содержаніемъ жизни. Въ виду почти несомнѣннаго существованія во вселенной безчисленнаго множества тѣлъ въ условіяхъ, благопріятныхъ для развитія жизни, проявленіе этого дѣятеля въ сознательныхъ существахъ можно предполагать универсальнымъ.

Въ какихъ начальныхъ организмахъ проявилось на земномъ шарѣ сознательное начало, въ формахъ ли органической клѣтки или въ другихъ, подготовительныхъ формахъ, для науки этотъ вопросъ остается еще тайною; но постепенность развитія этого начала является фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію, а мѣриломъ степени этого развитія служитъ разстояніе, отдѣляющее психику геніальнаго человѣка отъ психики какого-либо моллюска или червяка. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать что это развитіе остановилось, наоборотъ, множество фактовъ доказываютъ, что оно интенсивно продолжается, а предположеніе о границѣ, которою оно переступить не можетъ, зависитъ отъ того, какой взглядъ мы установимъ относительно сознательнаго начала природы, т. е. примемъ-ли его потенціи конечными или безконечными, понимая и то и другое не въ смыслѣ пространственныхъ отношеній, а въ смыслѣ способности ихъ проявляться какъ въ формахъ уже извѣстныхъ намъ, но могущихъ безгранично развиваться, такъ и въ новыхъ формахъ, недоступныхъ еще нашему сознанію. Принятіе безграничныхъ потенцій сознательнаго начала болѣе соотвѣтствуетъ тому, что находимъ мы въ сферѣ безсознательнаго, гдѣ все безпредѣльно какъ въ пространственномъ отношеніи, такъ и по количеству вещества и физической энергіи, поэтому дальнѣйшія наши соображенія мы будемъ основывать на положеніи, что потенціи сознательнаго начала безпредѣльны, и это то положеніе и составитъ ядро нашей философской вѣры.

Между различными предположеніями о будущемъ вселенной наиболѣе вѣроятнымъ будетъ то, которое основано на признаніи, что ходъ естественныхъ процессовъ, открытый наукою въ прошломъ, продолжится въ томъ же направленіи и въ будущемъ. Относительно будущаго безсознательнаго начала наука можетъ безъ колебаній утверждать, что въ части вселенной, доступной нашему наблюденію, матеріальные процессы будутъ совершаться въ направленіи, обезпечивающемъ на неопредѣленно долгое время состояніе ея устойчивости и что въ матеріальной природѣ никогда не наступитъ status quo. Что касается сознательнаго начала, то наука открываетъ проявленіе его только въ организованныхъ существахъ, а одухотвореніе явленій мертвой природы есть иллюзія, создаваемая нашею психикою, хотя нельзя отрицать, что передъ сознаніемъ будущихъ существъ откроются и въ области явленій мертвой природы такія стороны, которыя укажутъ на болѣе широкую сферу проявленія сознательнаго начала.

Безсознательное начало служитъ какъ бы ареною для дѣйствія сознательнаго, и способъ проявленія послѣдняго, въ теченіе громадныхъ періодовъ прошлыхъ временъ, выразился съ такою опредѣленностью, съ такою прозрачною ясностью, что ходъ дальнѣйшаго процесса опредѣляется самъ собою. Сознательное начало, въ силу присущаго ему стремленія выражаться въ конкретныхъ формахъ, воспользовалось мертвою матеріею, организуя ее въ безчисленное множество животно-растительныхъ индивидуумовъ; но встрѣчая какія-то, неизвѣстныя намъ препятствія, оно не могло однимъ пріемомъ осуществить все то, что соотвѣтствуетъ силѣ ея безконечныхъ потенцій: оно должно было вступить какъ бы въ борьбу съ этими препятствіями, и только въ рядѣ безчисленныхъ, генетически слѣдующихъ другъ за другомъ организмовъ, медленно, шагъ за шагомъ, одерживало побѣды; такія же побѣды оно будетъ одерживать и въ будущемъ, чтобы постепенно приближаться къ полному господству надъ мертвою природою и осуществленію всего, присущаго его природѣ.

Какъ окончательное положеніе, можно поставить слѣдующій тезисъ: жизнь вселенной есть стремленіе сознательнаго начала къ господству надъ безсознательнымъ, долженствующее закончиться полною побѣдою перваго надъ вторымъ.

Этотъ тезисъ, выраженный слишкомъ общо, можетъ быть замѣненъ синтезомъ слѣдующихъ пяти положеній, характеризующихъ всемірно-историческій процессъ.

1) Безпредѣльное развитіе всѣхъ потенцій сознательнаго начала;

2) Поднятіе одной изъ нихъ, познавательной силы, до всевѣдѣнія;

3) Какъ результатъ всевѣдѣнія, достиженіе сознательнымъ началомъ всемогущества;

4) Цѣль всего развитія, достиженіе наибольшаго богатства и полноты въ положительныхъ элементахъ содержанія жизни, и уничтоженіе элементовъ отрицательныхъ, страданій и смерти;

5) Постепенное духовное приближеніе живыхъ существъ къ Богу-Творцу и развитіе въ нихъ качествъ и свойствъ, дѣлающихъ ихъ способными и достойными для воспріятія отъ Него высшей формы счастья, блаженства.

Всемогущество сознательнаго начала понимается здѣсь относительнымъ, но не абсолютнымъ, т. е. допускается возможность полнаго пользованія имъ всѣмъ, что существуетъ въ мірѣ, для достиженія цѣлей, намѣченныхъ міровымъ процессомъ, и невозможность для него уничтожить что-либо существующее, или создать что-либо изъ ничего, такъ же какъ и измѣнить основныя свойства сущаго.

Глава V.

Увеличеніе власти человѣка надъ природою по мѣрѣ увеличенія его знаній. Дальнѣйшій прогрессъ знаній въ области явленій, опредѣляемыхъ сознательнымъ началомъ природы.

Въ дальнѣйшемъ развитіи нашей основной мысли предстоитъ показать, что выше поставленныя 5 положеній имѣютъ гораздо болѣе шансовъ за, чѣмъ противъ себя. На вопросъ, какъ, какимъ путемъ должно итти развитіе сознательнаго начала, для достиженія и осуществленія всего намѣченнаго въ этихъ положеніяхъ, точный отвѣтъ невозможенъ; но, опираясь на рѣзко выраженныя черты въ прошлой исторіи этого развитія, можно и для будущаго пути намѣтить вѣхи, подобно тому, какъ астрономъ, по нѣсколькимъ опредѣленнымъ имъ точкамъ пути кометы, опредѣляетъ элементы безконечныхъ вѣтвей ея параболической орбиты Начнемъ съ познавательной силы и остановимся на фактахъ, рисующихъ возрастаніе власти человѣка надъ природою по мѣрѣ развитія его знаній.

Вся исторія человѣческаго рода, доступная нашему обзору, доказываетъ усиленіе этой власти. Она выразилась главнѣйше въ воздѣйствіи человѣка на мертвую природу, въ пользованіи ея физическими силами и предметами органическаго міра. Слѣды, оставленные доисторическимъ человѣкомъ, показываютъ, какъ трудно было ему поддерживать свое физическое существованіе и какъ были слабы его средства для устраненія гибельныхъ послѣдствій, являющихся отъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ. Даже области съ теплымъ климатомъ и другими благопріятными условіями для жизни не обезпечивали доисторическому человѣку существованіе, сколько нибудь сносное съ точки зрѣнія современнаго человѣка, пользующагося даже малою долею удобствъ, доставляемыхъ цивилизаціею. Въ настоящее время мы видимъ въ странахъ съ сравнительно неблагопріятными климатическими условіями могучее проявленіе власти и творчества человѣка, выразившіяся въ созданіи обильныхъ и разнообразныхъ жизненныхъ средствъ. Зданія нашихъ городовъ, фабрики и за-

воды, желѣзныя дороги и другія техническія сооруженія, представляютъ такіе громадные капиталы, что при болѣе равномѣрномъ и справедливомъ пользованіи ими и уменьшеніи безполезныхъ тратъ, они могли бы доставить всѣмъ членамъ цивилизованныхъ обществъ не только вполнѣ обезпеченную жизнь, но и достаточный комфортъ, о которомъ не мечталъ нетолько доисторическій человѣкъ, но и царекъ какого-нибудь племени дикарей изъ болѣе поздней эпохи.

Значительная часть суши сѣвернаго полушарія съ умѣреннымъ климатомъ занята наиболѣе цивилизованными народами; здѣсь человѣкъ вытѣснилъ почти всѣхъ вредныхъ для него животныхъ, оставивъ только полезныхъ; мало того, онъ вступилъ въ борьбу съ міромъ безчисленныхъ микроорганизмовъ и почти каждый годъ одерживаетъ тутъ свои знаменитыя побѣды. Въ послѣднее тысячелѣтіе европейскія страны не разъ опустошались ужасными эпидеміями, въ борьбѣ съ которыми человѣкъ обнаруживалъ свое полное безсиліе; теперь онъ уже настолько вооруженъ для этой борьбы, что въ европейскихъ странахъ онъ не позволяетъ эпидеміямъ выходить изъ районовъ, случайно занятыхъ ими, а подавляетъ ихъ въ самыхъ очагахъ возникновенія.

Всѣ эти побѣды надъ органическимъ міромъ въ соединеніи съ поразительными научными открытіями и техническими изобрѣтеніями, дали поводъ назвать человѣка царемъ природы. Съ другой стороны, сравненіе величины человѣческаго организма съ величиною земного шара и вообще съ міровыми тѣлами и грозными теллурическими явленіями, заставляютъ умалять значеніе человѣка почти до полнаго ничтожества. Дѣйствительность лежитъ между этими крайними мнѣніями: человѣкъ далеко еще не царь природы, но и не ничтожество. Мощь человѣческой природы заключается не въ величинѣ и физической силѣ его организма, а въ тѣхъ свойствахъ его психики, которыя проявляются въ мышленіи и знаніи. Только перевѣсъ психической силы даетъ возможность человѣку обращать могучаго слона въ послушное орудіе, и всякое другое животное, превосходящее слона по величинѣ и силѣ, могло бы быть или уничтожено человѣкомъ, если оно не поддается дисциплинѣ, или обращено въ послушное орудіе его воли.

Если сравнивать физическую силу человѣка съ тѣми космическими силами, которыя могутъ проявиться въ катастрофахъ, подобныхъ, наприм., столкновенію планетъ или другихъ небесныхъ тѣлъ значительныхъ массъ, то въ такомъ сравненіи дѣйствительно человѣкъ окажется крайне слабымъ и ничтожнымъ. Но прошлое какъ нашей солнечной системы, такъ и земного шара, насколько наука можетъ судить о немъ, указываетъ на отсутствіе подобныхъ катастрофъ; наоборотъ, наука доказываетъ постепенность и послѣдовательность всѣхъ процессовъ физическаго міра безъ какихъ-либо скачковъ или рѣзкихъ измѣненій, и если на земномъ шарѣ физическія силы иногда проявляютъ свое разрушительное дѣйствіе въ землетрясеніяхъ, изверженіяхъ, наводненіяхъ и т. под., то области, захватываемыя такими

проявленіями, настолько ничтожны по сравненію со всею поверхностью земного шара, что вліяніе ихъ на общій ходъ процессовъ природы дѣлается мало замѣтнымъ. Кромѣ того, въ борьбѣ и съ этими грозными явленіями природы, побѣда человѣка есть вопросъ только времени: несомнѣнно, откроются научные способы предугадывать землетрясенія значительно ранѣе момента ихъ наступленія, для принятія нужныхъ мѣръ безопасности; да и самыя постройки могутъ быть возводимы изъ такихъ матеріаловъ, при которыхъ опасность для жизни доведется до минимума. Тоже можно сказать и объ изверженіяхъ огнедышащихъ горъ; что же касается наводненій, то уже и теперь человѣкъ обладаетъ хорошими способами или предугадывать ихъ, или парализировать ихъ разрушительную силу.

Для сопоставленія мощи человѣка съ стихійными силами природы надобно, слѣдовательно, брать не незнакомые наукѣ случаи міровыхъ катастрофъ, а тѣ обыденныя и нормальныя проявленія физическихъ дѣятелей природы, съ которыми человѣку приходится вступать въ борьбу и тутъ во многихъ случаяхъ мощь человѣка оказывается достаточною не только для равносильной борьбы, но и для рѣшительной побѣды. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Желѣзный корабль, снабженный двигателемъ въ 20 тысячъ лошадиныхъ силъ, даетъ возможность человѣку безъ всякаго риска вступать въ борьбу съ однимъ изъ самыхъ страшныхъ явленій природы, со штормомъ и даже ураганомъ на океанѣ; порохомъ и динамитомъ онъ раздробляетъ въ мелкіе куски цѣлыя скалы. Въ этихъ и подобныхъ имъ случаяхъ, противъ стихійныхъ и косныхъ силъ природы, человѣкъ выставляетъ не физическую силу своего организма, а противопоставляетъ стихійныя же силы, разумно направляя ихъ дѣйствіе согласно полагаемымъ цѣлямъ. По своему произволу человѣкъ можетъ заставить самыя могучія силы природы проявлять свою энергію тамъ, гдѣ онъ почтетъ то нужнымъ; такъ, онъ можетъ, наприм., уничтожить ніагарскій водопадъ и всю энергію паденія воды перенести по проволокѣ въ 3 – 4 дюйма толщиною на сотни верстъ, чтобы тамъ, искусственнымъ подъемомъ воды, образовать новый водопадъ, мало уступающій дѣйствительному по количеству воды и высотѣ паденія. Физическая энергія, переданная въ этой системѣ, равносильна энергіи 150 милліоновъ людей, а для приведенія въ дѣйствіе самой системы достаточно едва замѣтнаго усилія пятилѣтняго ребенка, могущаго переставить рукоятку электрическаго коммутатора.

Чтобы показать, насколько увеличилась мощь человѣка въ послѣднія тысячелѣтія его исторіи, для примѣра можно взять египетскія пирамиды. Хеопсова пирамида представляетъ памятникъ тщеславія, потребовавшій затраты труда сотенъ тысячъ рабовъ и не малую долю финансовыхъ средствъ богатѣйшаго государства древности; въ настоящее время въ Европѣ и Америкѣ находятся сотни, если не тысячи богатыхъ людей, могущихъ, каждый на свои средства, со-

здать подобное же сооруженіе не цѣною страданій и всяческаго горя цѣлой арміи людей, а приспособленіемъ тутъ могучихъ паровыхъ и электрическихъ двигателей. Соединенныя средства современныхъ цивилизованныхъ народовъ, посредствомъ тѣхъ же двигателей, могли бы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ воздвигнуть горный хребетъ въ нѣсколько десятковъ верстъ длиною и въ 1000 футъ высотою, потративъ на то усилія, далеко не исчерпывающія все, чѣмъ можетъ располагать современное человѣчество.

Геологическія изслѣдованія показываютъ, что и животныя, стоящія значительно ниже человѣка въ психическомъ отношеніи, могли производить большіе механическіе эффекты. Остатки (панцыри) аммонитовъ, корненожекъ, кораллобъ и другихъ низшихъ животныхъ образовали слои въ нѣсколько саженъ высотою, простирающіеся на сотни квадратныхъ верстъ. Но эти мощные слои представляютъ только обширныя кладбища остатковъ нѣкогда существовавшихъ животныхъ, обязанныя своимъ происхожденіемъ не разумно направленнымъ дѣйствіямъ, а причинамъ стихійнаго, безсознательнаго характера. Впрочемъ, и въ мірѣ безсловесныхъ животныхъ есть случаи пользованія силами природы для опредѣленныхъ цѣлей; такъ, нѣкоторыя насѣкомыя и перелетныя птицы пользуются силою вѣтра для переселеній и перекочевокъ, но и тутъ они побуждаются инстинктивными стремленіями, а не тѣмъ проявленіемъ психики, которое выражается въ разумномъ знаніи. Если въ чемъ и можно еще допустить сравненіе проявленій интеллектуальныхъ силъ человѣка и животныхъ, такъ это въ устройствѣ жилищъ, но и тутъ норы, логовища и гнѣзда животныхъ, сопоставленныя съ зданіями и сооруженіями, возводимыми цивилизованнымъ человѣкомъ, укажутъ только на громадное разстояніе между знаніями человѣка и животныхъ. Это различіе выступаетъ съ особою силою въ умѣренныхъ и холодныхъ климатахъ, когда съ наступленіемъ зимняго времени многія животныя подвергаются всѣмъ невзгодамъ, сопровождающимъ пониженную температуру, не имѣя другой защиты отъ холода кромѣ покрововъ своего тѣла. Только человѣкъ умѣетъ комфортабельно устраиваться при самыхъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ; такъ, въ сильнѣйшую зимнюю вьюгу, при 20^0 мороза, тысячи людей собираются въ обширныхъ, теплыхъ, залитыхъ свѣтомъ помѣщеніяхъ, чтобы съ удовольствіемъ провести время, совершенно забывая, что снаружи царитъ мертвящая стужа.

Къ примѣрамъ, приведеннымъ выше, для указанія силы знаній человѣка, добавимъ одинъ изъ группы тѣхъ возможныхъ случайностей, когда власть разумнаго существа на земномъ шарѣ казалась бы вполнѣ безсильною, а именно, возьмемъ весьма маловѣроятный случай столкновенія земного шара съ однимъ изъ предполагаемыхъ громадныхъ темныхъ тѣлъ, неуступающихъ по величинѣ нашему солнцу, и находящихся внѣ нашей солнечной системы. Если такое тѣло начнетъ приближаться къ нашей солнечной системѣ, то будущіе астро-

номы, какъ обладающіе несравненно лучшими способами для наблюденій и вычисленій, по сравненіи съ теперешними, открывъ пертурбаціи, произведенныя приближающимся тѣломъ, еще за десятки лѣтъ до могущей быть катастрофы, съ достаточною точностью опредѣлятъ путь этого тѣла въ нашей солнечной системѣ, и если оно будетъ угрожать столкновеніемъ съ земнымъ шаромъ, то выбрасываніемъ съ земного шара твердыхъ или жидкихъ массъ въ опредѣленномъ направленіи и со скоростью не меньшею 11 верстъ въ секунду (при этой скорости отброшенное тѣло не возвращается на землю), можно измѣнить скорость вращенія земного шара вокругъ солнца, и достаточно незначительнаго измѣненія этой скорости, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ привести земной шаръ въ положеніе, достаточно удаленное отъ пункта, угрожаемаго столкновеніемъ. Такимъ образомъ уже и въ настоящее время, въ сознаніи разумныхъ существъ, теоритически выясненъ способъ борьбы съ мертвою природою тамъ, гдѣ поражающая умъ могучесть слѣпыхъ силъ природы должна бы, повидимому, парализовать всякую мысль о возможности такой борьбы, и если въ настоящее время разумное существо не можетъ еще осуществить эту мысль на практикѣ, то препятствіемъ служитъ тутъ только недостаточное обладаніе имъ средствами чисто техническаго характера. Но едва-ли кто рѣшится отрицать, что въ будущемъ найдутся средства еще болѣе могучія, чѣмъ это нужно для нашего случая.

Геологія и археологія указываютъ на медленный и постепенный прогрессъ въ дѣлѣ утилизаціи человѣкомъ силъ и предметовъ природы. Древнѣйшіе геологическіе слѣды существованія человѣка свиа дѣтельствуютъ, что онъ уже тогда пользовался огнемъ, какъ весьмсильнымъ средствомъ для улучшенія своего быта; знач тельно позднѣе положено начало прирученію животныхъ и культивировкѣ полезныхъ растеній, а съ наступленіемъ времени, о которомъ сохранились древнѣйшіе историческіе памятники, человѣкъ обладалъ уже большимъ запасомъ знаній почти во всѣхъ областяхъ индустріи; но эти знанія имѣли эмпирическій, отрывочный характеръ, а изобрѣтенія и открытія, въ большинствѣ, были дѣломъ случая, а не научнаго наведенія. Такъ, случайно были открыты металлическіе сплавы, желѣзо, стекло...., а впослѣдствіи порохъ, магнитная стрѣлка и друг. Только въ послѣднія столѣтія, когда естествознаніе сложилось въ стройныя системы отдѣльныхъ наукъ, человѣкъ дѣйствительно началъ получать замѣтную власть надъ мертвою природою. Въ настоящее время открытіе или изобрѣтеніе, важное по своимъ послѣдствіямъ, едва-ли можетъ быть дѣломъ случая. Изобрѣтеніе паровой машины, динамо, электрическаго телеграфа, телефона и друг. могли быть сдѣланы только людьми, хорошо ознакомленными съ науками, въ области которыхъ сдѣланы эти изобрѣтенія, и если случайность иногда играла тутъ роль, какъ, напр., въ открытіи гальваническаго тока,

электродинамической индукціи, лучей Рентгена, то условія для такой случайности выходили изъ рамокъ обычной жизни, а требовали особой, научной обстановки.

При настоящемъ состояніи естествознанія наши понятія о механическомъ строѣ мертвой природы, несомнѣнно, находятся на вѣрномъ пути для дальнѣйшаго ихъ развитія, доказательствомъ чему служатъ открытія новыхъ фактовъ и явленій, дедуктивно выводимыхъ изъ научныхъ основоположеній; такъ, теоретически открыта планета Нептунъ, теоретическія же изслѣдованія Максвелля подтвердились опытами Герца, сблизившими свѣтовыя и электрическія явленія въ одну группу; они же дали руководящую нить для осуществленія безпроволочнаго телеграфированія и мног. друг. Но не эти соображенія, а другія могутъ навести на мысль о неопредѣленно широкомъ и даже безконечномъ прогрессѣ знаній въ области явленій мертвой природы. Эти соображенія слѣдующія:

Всякому научному знанію должно предшествовать сознаніе существованія предмета этого знанія. По мѣрѣ развитія естествознанія область сознаваемаго обогащалась вступленіемъ въ нее все новаго и новаго матеріала изъ сферы несознаваемаго, а познавательная сила разума стремилась въ области сознаннаго ввести строй научныхъ дисциплинъ. Такимъ образомъ создался рядъ наукъ естествознанія— астрономія, физика, химія, геологія и друг., матеріалъ которыхъ, 2 тысячи лѣтъ тому назадъ, или только смутно сознавался учеными того времени, или лежалъ внѣ ихъ сознанія, какъ, наприм., электричество, всемірное тяготѣніе, передача физической энергіи волнообразнымъ движеніемъ вещества, законы химическихъ процессовъ и мног. друг. Но по мѣрѣ расширенія области, въ которую проникаетъ свѣтъ науки, увеличивается и область остающагося въ полномъ мракѣ: каждая изъ существующихъ наукъ естествознанія насчитываетъ у себя сотни и тысячи вопросовъ, требующихъ отвѣта, а всякій отвѣтъ вызываетъ новые десятки вопросовъ и тѣмъ увеличиваетъ область непознаннаго. По мѣрѣ расширенія области сознаннаго и познаннаго, разумъ получаетъ все новыя и новыя точки опоры для философскаго пониманія механическаго строя природы, и если въ настоящее время философская мысль не удовлетворяется еще тѣми основоположеніями, какія кладутся для универсальной дедукціи, находя непреоборимыя антиноміи, напр., въ атомистической теоріи, теоріи, разсматривающей силу какъ движеніе, и др., то въ сознаніе будущихъ существъ войдетъ новый научный матеріалъ, который дастъ новыя точки опоры для разрѣшенія вопросовъ, кажущихся теперь неразрѣшимыми и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ ставиться новые вопросы, потребующіе также своихъ рѣшеній. Такимъ образомъ сферѣ непознаннаго, все болѣе и болѣе расширяющейся по мѣрѣ увеличенія знаній, и потому кажущейся намъ неограниченной, соотвѣтствуетъ такая же неограниченность потенцій сознательнаго начала, познавательной силы. Если эта

сила, въ теченіе конечнаго прошлаго, успѣла освѣтить свѣтомъ знанія громадную область, то въ неопредѣленно долгомъ будущемъ она сможетъ пролить свѣтъ на все, теперь еще непознанное. Возможно, что въ дальнѣйшемъ развитіи знаній, познавательная сила сознательнаго начала будетъ ассимптотически *) приближаться къ всевѣдѣнію въ сферѣ явленій мертвой природы, а существа, служащія проявленіемъ этого начала, также ассимптотически будутъ приближаться къ полному господству надъ природою, т. е. къ всемогуществу.

По существу матеріала, служащаго объектомъ для изученія, всѣ науки можно разбить на 3 группы; первую составляютъ науки естествознанія, понимаемаго въ тѣсномъ смыслѣ, имѣющія предметомъ явленія только мертвой природы, проявленія безсознательнаго начала; въ третью входятъ науки, имѣющія предметомъ чисто психическія явленія; во главѣ ихъ стоитъ психологія. Науки второй группы служатъ связующимъ звеномъ первой и третьей группъ; предметомъ ихъ изученія служитъ жизнь въ обширномъ значеніи этого слова; біологія, со всѣми ея вспомогательными вѣтвями, занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ этой группѣ. Естествознаніе, понимаемое въ обширномъ смыслѣ, входитъ болѣе или менѣе важнымъ элементомъ въ науки второй группы. Сознательное начало природы, поскольку оно проявляется передъ нашимъ сознаніемъ въ чистомъ видѣ, составляетъ содержаніе наукъ третьей группы, а во второй оно играетъ роль конструирующаго, направляющаго и регулирующаго элемента какъ въ индивидуальной, такъ и въ соціальной жизни организмовъ.

Въ предыдущемъ отдѣлѣ этой главы мы имѣли въ виду кратко очертить ходъ прогресса знаній въ наукахъ только 1-ой группы; что же касается до наукъ двухъ остальныхъ группъ, то въ гл. III были приведены нами соображенія, по которымъ эти науки, по степени своего развитія, должны быть поставлены ниже наукъ первой группы и поэтому большая ихъ часть отнесена нами къ разряду только подготовительныхъ.

Науки чистаго естествознанія достигли уже такой степени развитія, что судьба каждой частички вещества можетъ быть прослѣжена во всѣхъ переходахъ ея изъ однихъ комбинацій въ другія, а различныя формы кинетической энергіи могутъ быть выведены изъ одной, принятой въ основу, наприм., изъ движенія вещества; также и различныя формы потенціальной энергіи можно объяснить или движеніемъ вещества, или особыми состояніями его натяженія. Но вещество, въ состояніи-ли покоя или движенія, въ состояніи-ли натяженія или равновѣсія, не заключаетъ въ себѣ малѣйшихъ признаковъ того, что характеризуетъ со-

*) Ассимптота есть касательная, проведенная къ безконечной вѣтви какой-либо незамкнутой кривой (напр , параболы или гиперболы) такъ, что только на безконечномъ разстояніи отъ вершины кривой, касательная сольется съ ея вѣтвью.

знательное начало, поэтому нѣтъ малѣйшей надежды когда-либо проявленія сознательнаго начала вывести изъ тѣхъ проявленій вещества, которыя теперь доступны намъ Поэтому-то науки, имѣющія предметомъ проявленія сознательнаго начала, стоятъ особнякомъ и даже тамъ, гдѣ оба начала, сознательное и безсознательное, какъ бы проникаютъ другъ друга, въ біологическихъ процессахъ, ихъ слитность въ явленіи нисколько не способствуетъ образованію слитности въ понятіи.

Сравненіе степени развитія наукъ чистаго естествознанія съ науками, въ которыхъ такъ или иначе входитъ сознательное начало, приводитъ къ заключенію, что познавательная сила современнаго человѣка достигла уже того уровня, при которомъ обезпечено дальнѣйшее развитіе знаній въ области безсознательныхъ явленій, но она недостаточна для построенія высшей науки въ сферѣ господства сознательнаго начала. Въ чистомъ естествознаніи представляется возможность всѣ явленія физической природы вывести изъ нѣсколькихъ свойствъ вещества, какъ бы предвѣчно данныхъ; въ наукахъ о сознательномъ началѣ мы не имѣемъ ничего подобнаго; здѣсь всѣ наши знанія о проявленіи этого начала, какъ уже было сказано ранѣе, имѣютъ только описательно-классификаціонный характеръ но коренные вопросы: что дано какъ основа проявленій сознательнаго начала. какъ и какимъ способомъ оно принимаетъ конкретныя формы психическихъ индивидуумовъ, въ какія формы переходитъ психика индивидуума послѣ разрушенія его физическаго организма.... , вопросы эти остаются и до сихъ поръ безъ всякаго научнаго отвѣта. Между тѣмъ разумъ признаетъ несомнѣнную реальность нашей психической природы; знаменитое изрѣченіе „Cogito ergo sum“ потому и знаменито, что имѣетъ глубокій смыслъ несомнѣнной истины: утверждая реальность проявленія сознательнаго начала, оно утверждаетъ тѣмъ реальность и самаго начала. Мало того, для разума реальность сознательнаго начала выступаетъ съ большею убѣдительностью, чѣмъ реальность безсознательнаго, такъ какъ бытіе послѣдняго потому и утверждается, что существуетъ начало, могущее сознавать это бытіе. Но если сознательное начало реально, то какъ въ основѣ, такъ и въ своихъ проявленіяхъ, оно можетъ быть предметомъ научнаго знанія, подобнаго тому, какое строится теперь для вещественнаго міра, т. е. могущаго объяснить и вывести все совершающееся въ сферѣ сознательнаго начала изъ его первичныхъ свойствъ, принимаемыхъ какъ данныя для научнаго построенія.

Гдѣ же тотъ высшій разумъ, которому доступно это знаніе? Изъ отвѣтовъ, могущихъ послѣдовать на этотъ вопросъ, научную цѣнность будетъ имѣть тотъ, который опирается хотя на какое-либо научное основаніе; а такимъ основаніемъ, и достаточно твердымъ, служитъ прошлое въ развитіи познавательной силы въ существахъ, служившихъ проявителями сознательнаго начала природы. Если въ

конечный періодъ прошлыхъ вѣковъ познавательная сила, въ своемъ развитіи, прошла интервалъ, отдѣляющій интеллектъ червяка или моллюска отъ интеллекта человѣка. то можно-ли положить границы этому развитію въ будущій, неопредѣленно-длинный періодъ времени, когда потенціи сознательнаго начала мы примемъ неограниченными? Слѣдовательно, изъ всѣхъ отвѣтовъ на поставленный вопросъ, наибольшая научная цѣнность принадлежитъ такому: высшимъ разумомъ, могущимъ проникнуть въ сферу основныхъ причинъ проявленій сознательнаго начала, будутъ обладать будущія, высшія существа, генетически связанныя съ современнымъ человѣчествомъ.

Кромѣ сейчасъ приведенныхъ общихъ соображеній, подсказывающихъ отвѣтъ, можно привести еще нѣсколько другихъ, частныхъ, ведущихъ къ тому же отвѣту. Начнемъ съ инстинкта.

Въ главѣ III мы раздѣлили инстинкты на двѣ группы: къ одной отнесли тѣ, которые выражаются только въ стремленіи или побужденіи, не связанномъ съ опредѣленными дѣйствіями; таковы половые инстинкты въ началѣ ихъ возникновенія, чувство самосохраненія и друг., и въ этой формѣ они извѣстны и человѣку; къ другой — отнесли сложные инстинкты, имѣющіе, каждый, свою опредѣленную цѣль, къ достиженію которой и направляютъ рядъ цѣлесообразныхъ дѣйствій, какъ наприм., инстинктъ построенія гнѣзда птицею, ячейки пчелою и множество друг., при чемъ животное, дѣйствующее по внушенію такого инстинкта, не только никѣмъ не руководится, но обыкновенно не имѣетъ и примѣровъ для подражанія. Сложные инстинкты обыкновенно объясняютъ накопленіемъ привычекъ, передаваемыхъ и укрѣпляемыхъ наслѣдственностью, но это объясненіе даетъ только нѣкоторое понятіе о способѣ образованія инстинкта и не проливаетъ малѣйшаго свѣта на психическіе процессы, испытываемые душею животнаго въ періодъ проявленія сложнаго инстинкта. И разумъ человѣка есть результатъ накопленія психическихъ силъ особой категоріи, передаваемыхъ наслѣдственно, но человѣкъ ясно сознаетъ тѣ психическіе процессы, какіе совершаются въ его душѣ во время функціональнаго дѣйствія его разума. Функціональное же дѣйствіе психики животнаго, во время проявленія его сложнаго инстинкта, совершенно недоступно сознанію человѣка, какъ это и было образно представлено въ лицѣ молодого человѣка. плетущаго корзину. Къ приведеннымъ въ главѣ III примѣрамъ проявленія сложнаго инстинкта, мы добавимъ теперь одинъ, имѣющій видъ какъ-бы чуда,—это инстинктъ почтоваго голубя. Почтовый голубь, помѣщенный въ клѣтку и отвезенный на морскомъ суднѣ на разстояніе 200-300 верстъ отъ берега, будучи выпущенъ на свободу, безошибочно направляется къ своему гнѣзду на сушѣ, которую онъ за дальностью разстоянія не можетъ ощущать ни однимъ изъ своихъ пяти чувствъ; и свой полетъ онъ вѣрно направляетъ даже въ томъ случаѣ, когда солнце скрыто сплошными тучами, отнимающими у него всякую возможность оріен-

тироваться. Спрашивается: какъ, по какимъ признакамъ изъ безчисленнаго множества румбовъ открывшагося передъ нимъ горизонта голубь выбираетъ именно тотъ, который вѣрно направляетъ его къ цѣли? Этотъ фактъ наводитъ на мысль, что голубь, несмотря на свое значительно низшее психическое развитіе по сравненію съ человѣкомъ, обладаетъ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, дающемъ ему преимущество передъ послѣднимъ въ нѣкоторой, хотя и тѣсно ограниченной области знаній.

Вообще сложные инстинкты служатъ доказательствомъ, что хотя познавательная сила и достигла въ человѣкѣ высшаго развитія, но она не исчерпываетъ всего разнообразія знаній, доступныхъ другимъ животнымъ, уступающимъ человѣку въ общемъ психическомъ развитіи. Слѣдовательно, уже и въ настоящее время познавательная сила выражается въ множествѣ разнообразныхъ формъ, недоступныхъ сознанію современнаго человѣка.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ фактахъ изъ сравнительной психологіи. Домашняя собака, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу умныхъ безсловесныхъ животныхъ, а по своему психическому складу она настолько сродна человѣку, что въ опредѣленной, хотя и тѣсной области психическихъ отношеній, между собакою и человѣкомъ нерѣдко установливается крѣпкая и ясно выраженная гармоническая связь. Только этою связью и можно объяснить способность собаки къ дрессировкѣ ея человѣкомъ, не для охоты только, гдѣ инстинктъ и врожденныя качества животнаго помогаютъ дѣлу, а для болѣе трудныхъ и не сродныхъ ему дѣйствій въ цирковыхъ представленіяхъ. Предположимъ, что какимъ-либо способомъ удалось бы внушить собакѣ, что модель, поставленная передъ нею, представляетъ въ миніатюрѣ нашу солнечную систему и что въ собакѣ возбужденъ вопросъ: какъ, какимъ путемъ человѣкъ могъ постичь устройство этой системы? Прежде отвѣта на этотъ вопросъ надо познакомить собаку съ отвлеченнымъ числомъ, но окажется, что она неспособна къ понятію этого числа: она можетъ, наприм., узнать, что одинъ изъ ея 3—4 щенковъ пропалъ, но тутъ дѣйствуетъ въ ней только память, указывающая ей, что въ ассоціаціи ряда представленій, къ которымъ она уже привыкла, существуетъ пробѣлъ. Въ этомъ случаѣ память собаки дѣйствуетъ такъ же, какъ память отца семейства, садящагося за обѣденный столъ: онъ однимъ взглядомъ, не считая членовъ своей семьи, опредѣляетъ кого не достаетъ за столомъ. Еще болѣе рѣзкій примѣръ представляетъ память дикаря-пастуха Южной Африки, не могущаго сосчитать болѣе пяти и тѣмъ не менѣе всегда замѣчающаго пропажу одного животнаго изъ его стада въ 70—80 головъ. *) Также безплодны кажутся попытки дать собакѣ отвлеченныя понятія геометрическихъ фигуръ и силы, такъ какъ она можетъ имѣть только

*) Леббокъ. Начало цивилизаціи.

конкретныя представленія о формахъ окружающихъ ее предметовъ, а не отвлеченныя; силу же можетъ понимать только, какъ ощущеніе, испытываемое ею при переносѣ въ зубахъ тяжести, при возкѣ телѣжки, или при своемъ подъемѣ на гору. Такимъ образомъ, уже этой неспособности собаки къ составленію отвлеченныхъ понятій о числѣ, геометрической фигурѣ и силѣ, достаточно, чтобы лишить ее возможности постичь путь, приведшій человѣка къ понятію о строѣ нашей солнечной системы. Еще большимъ препятствіемъ для собаки служитъ ея неспособность къ высшимъ формамъ мышленія. Собака мыслитъ, подобно человѣку, и ея мышленія необходимо подчиняются первымъ основнымъ законамъ логики: тожества противорѣчія и исключеннаго третьяго, такъ какъ отступленіе отъ этихъ законовъ исключаетъ возможность какого-либо мышленія; только сфера дѣйствія этихъ законовъ, въ мышленіи собаки, ограничена узкими рамками доступныхъ ей представленій. Собака, пользуясь внѣшними чувствами, составляетъ конкретныя представленія и имѣетъ нѣкоторыя понятія, она, наконецъ, судитъ, а слѣдовательно и умозаключаетъ, но высшія формы мышленія, выражающіяся въ сложныхъ сужденіяхъ, въ высшемъ синтезѣ, анализѣ, индукціи и дедукціи, ей недоступны. Будущія высшія существа, въ которыхъ проявится сознательное начало, также будутъ мыслить по законамъ логики, но ихъ мышленіе перешагнетъ крайнюю грань, до которой достигло мышленіе современнаго человѣка и къ теперешней формальной логикѣ прибавятся новые отдѣлы, постиженіе которыхъ недоступно человѣку, подобно тому, какъ собакѣ недоступны высшія формы человѣческаго мышленія. Если словомъ раціонализмъ означить совокупность высшихъ формъ мышленія современнаго человѣка, то новые отдѣлы будущей логики будутъ соотвѣтствовать еще болѣе высокимъ формамъ мышленія, генетически развившимся изъ теперешнихъ, и которыя можно означить словомъ *супра-раціонализмъ*. Мышленіе и связанная съ нимъ познавательная сила, достигли въ современномъ человѣкѣ высоты, достаточной для пониманія механическаго строя физической природы и для признанія существованія въ мірѣ начала, отличнаго отъ мертваго вещества, начала сознательнаго, но постиженіе этого начала въ мѣрѣ, достаточной для построенія научнаго знанія, будетъ постепенно достигаться будущими существами по мѣрѣ развитія ихъ мышленія отъ теперешняго раціонализма къ будущему супра-раціонализму. Такъ какъ познавательная сила наиболѣе развитого современнаго человѣка не обладаетъ тѣми элементами, какіе необходимы для построенія науки о сознательномъ началѣ, подобной той, какая построена для безсознательнаго начала, то разумъ современнаго человѣка не можетъ дать даже малѣйшаго намека на направленіе, въ которомъ будетъ итти развитіе познавательной силы будущихъ, психически высшихъ организмовъ, потому что указаніе этого направленія дало бы возможность разуму немедленно сдѣлать первые шаги, чтобы проникнуть

въ таинственную область сознательнаго начала, между тѣмъ все указываетъ, что мы далеки еще отъ преддверія къ этой области. Тѣмъ не менѣе, опираясь на прошлое въ развитіи сознательнаго начала, мы можемъ и теперь указать на возможные пути и средства. которыми оно можетъ воспользоваться для своего дальнѣйшаго развитія. Вкратцѣ перечислимъ ихъ.

Языкъ, рѣчь послужила могучимъ орудіемъ для психическаго развитія человѣка. Рѣчь, разсматриваемая съ механической точки зрѣнія, состоитъ въ передачѣ движенія отъ одного пункта къ другому, слѣдовательно, это орудіе вполнѣ физическаго характера. Средствами для развитія будущихъ существъ могутъ явиться новыя орудія какъ физическаго, такъ и психическаго характера; такъ, весьма возможно, что явленія подобныя гипнозу и телепатіи служатъ зародышами орудій психическаго характера. Вообще, объ этихъ орудіяхъ мы не имѣемъ даже малѣйшаго понятія, хотя они могутъ быть присущи и теперешней нашей природѣ, но не сознаются нами, подобно тому какъ квакающая лягушка и чирикающій воробей не сознаютъ, что ихъ кваканье и чириканье суть эмбріоны членораздѣльной рѣчи, т. е. сильнѣйшаго орудія для психическаго развитія высшаго существа, человѣка.

Исторія развитія органической жизни на земномъ шарѣ указываетъ на постепенность появленія и развитія въ организмахъ внѣшнихъ чувствъ, изъ которыхъ высшее чувство, зрѣніе или вполнѣ отсутствовало, или было только въ зародышѣ у низшихъ организмовъ, прародичей нынѣ существующихъ; кромѣ того, сложные инстинкты нѣкоторыхъ животныхъ, какъ наприм., почтоваго голубя, заставляютъ предполагать, что они обладаютъ какими-то внѣшними чувствами, неизвѣстными человѣку. Поэтому весьма возможно появленіе въ будущихъ, высшихъ организмахъ, новыхъ внѣшнихъ чувствъ, совершенно незнакомыхъ намъ, но могущихъ способствовать дальнѣйшей прогрессивной эволюціи сознательнаго начала.

Приблизительно одинаковая степень развитія органовъ внѣшнихъ чувствъ у человѣка и высшихъ безсловесныхъ животныхъ доказываетъ, что психическое развитіе вообще, и познавательной силы въ частности, зависитъ главнѣйше не отъ матеріала, доставляемаго внѣшнимъ міромъ субъекту, а отъ свойствъ той потенціи, которая проявилась въ познавательной силѣ; слѣдовательно, и въ будущемъ можно допустить появленіе существъ высшаго порядка, по познавательной силѣ настолько же превосходящихъ человѣка, насколько послѣдній превосходитъ, наприм., собаку, при чемъ различіе между внѣшними чувствами человѣка и этихъ высшихъ существъ можетъ быть ничтожнымъ.

Итакъ, принимая въ соображеніе, что достаточно было такого физическаго орудія, какъ слово, для громаднаго шага въ дѣлѣ развитія сознательнаго начала, что подобными орудіями оно можетъ вос-

пользоваться и для дальнѣйшаго своего развитія въ будущемъ, что знанія, проявляющіяся въ сложныхъ инстинктахъ, недоступны сознанію современнаго человѣка, что высшія формы мышленія, доступныя человѣку, недоступны другимъ животнымъ, что поэтому и будущія существа могутъ достичь такой силы мышленія, которая значительно превзойдетъ высшее мышленіе современнаго человѣка, что свойство потенціи сознательнаго начала таковы, что развитіе ихъ мало зависитъ отъ матеріала, доставляемаго психическому организму внѣшними чувствами, что тѣмъ не менѣе, въ будущемъ, у высшихъ существъ могутъ появиться новыя внѣшнія чувства, которыя значительно расширятъ сферу сознаваемаго, что въ конечный періодъ прошлаго, сознательное начало прошло въ своемъ развитіи путь, отдѣляющій низшія животныя отъ человѣка что нѣтъ малѣйшихъ указаній на то, что это развитіе остановилось, или достигло своего предѣла, что наоборотъ вѣроятнѣе предположеніе, что потенціи сознательнаго начала безграничны, что только недавно познавательная сила направила свои усилія въ области сознательныхъ явленій, что эта область, какъ реальная, можетъ быть познана вполнѣ,— принявъ все это, мы можемъ рѣшительно утверждать что познавательная сила и въ сферѣ сознательныхъ явленій будетъ ассимптотически приближаться къ всевѣдѣнію и тѣмъ расширитъ господство будущихъ существъ въ области жизненныхъ явленій, открывъ этимъ существамъ способы и средства управлять всѣмъ, отъ чего зависятъ жизнь, смерть и безсмертіе.

Глава VI.

Масштабъ для нравственной оцѣнки понятій, чувствъ и поступковъ. Практическіе люди и идеалисты. Золотой вѣкъ патріархальнаго быта. Отрицаніе высокаго достоинства ново-европейской цивилизаціи.

Познавательная сила есть проявленіе одной изъ потенцій сознательнаго начала природы. Ея значеніе въ томъ, что составляетъ содержаніе жизни человѣка, опредѣляется всею суммою матеріальныхъ и духовныхъ благъ, доставляемыхъ человѣку его знаніями и потомъ, возбужденіемъ въ его душѣ стремленія къ раскрытію истины, какъ въ отдѣльныхъ группахъ явленій, такъ и въ ихъ универсѣ Это стремленіе въ нѣкоторыхъ людяхъ проявляется съ такою силою и постоянствомъ, что составляетъ главнѣйшій элементъ содержанія ихъ жизни. Но кромѣ проявленій этой потенціи, въ содержаніе жизни входятъ другіе не менѣе важные элементы, это проявленія другихъ потенцій, выражающихся въ этическомъ и эстетическомъ складахъ души человѣка и въ его религіозномъ чувствѣ. Намъ предстоитъ теперь прослѣдить прогрессивную эволюцію въ проявленіяхъ и этихъ потенцій въ предѣлахъ доступныхъ нашему знанію. Начнемъ съ эволюціи нравственныхъ понятій и чувствъ.

Мы не будемъ входить въ выясненіе генезиса того основного, что опредѣлиетъ какъ нравственныя чувства вообще, такъ и въ особенности чувство нравственнаго долга, такъ какъ этотъ вопросъ разработанъ съ достаточной полнотой въ обширныхъ философскихъ трактатахъ, не приведшихъ однако къ полному согласію во взглядахъ на генезисъ нравственнаго принципа. Для цѣлей нашего труда важна фактическая сторона, т. е. въ какихъ формахъ проявляются нравственныя понятія и чувства и вообще нравственный императивъ.

Въ жизни безсловесныхъ животныхъ наблюдается не мало фактовъ, показывающихъ, что и этимъ животнымъ присуще чувство нравственнаго долга; только имъ и можно объяснить взаимную защиту животныхъ при нападеніи врага, или лишеніе и стѣсненіе свободы, испытываемыя тѣми животными, которыя добровольно берутъ на себя обязанность караула въ то время, когда вся община пасется, или занята какимъ-либо дѣломъ и мног. друг. факты.

Въ человѣкѣ, какъ существѣ, обладающемъ словомъ, нравственныя понятія и чувства выражаются въ болѣе или менѣе ясныхъ словесныхъ формахъ, а поведеніе опредѣляется точнымъ кодексомъ, и въ каждой общинѣ въ самомъ немногочисленномъ народѣ, существуетъ твердо установившаяся группа правилъ, опредѣляющихъ нравственное поведеніе, отступленіе отъ которыхъ влечетъ за собою общественное осужденіе и угрызеніе совѣсти у виновнаго. Но при всеобщности нравственнаго императива, въ его рамкахъ, укладываются въ различныхъ человѣческихъ обществахъ крайне разнообразныя нравственныя понятіи и чувства. Фактовъ, подтверждающихъ это, такъ много, что мы ограничимся указаніемъ только на нѣкоторые. По Моисееву закону должно платить „око за око, зубъ за зубъ“; по закону христіанскому, слѣдуетъ не только прощать обиды, но и платить за нихъ добромъ. У народовъ ново-европейской цивилизаціи рабство и кража нравственно осуждаются; у многихъ народовъ какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящее время, рабство не противорѣчитъ ихъ нравственному чувству, а кража у человѣка другого племени или рода, у многихъ народовъ, считалась и считается поступкомъ не только не противонравственнымъ, но поощряется какъ доблесть. Такое же различіе существуетъ и въ нравственныхъ чувствахъ, опредѣляющихъ отношеніе человѣка, къ слабымъ, беззащитнымъ существамъ; такъ, обращеніе съ женщиною, или съ побѣжденнымъ врагомъ, проходитъ у различныхъ народовъ всѣ градаціи, начиная съ звѣрскаго и кончая вполнѣ гуманнымъ Но кромѣ приведенныхъ примѣровъ, съ рѣзко выраженными контрастами, можно привести множество другихъ, гдѣ приговоръ о нравственномъ достоинствѣ того или другого поведенія не можетъ быть произнесенъ съ безапелляціонною строгостью или вслѣдствіе сложности комплекса мотивовъ, опредѣлившихъ это поведеніе, или вслѣдствіе необходимости принимать въ соображеніе сильное вліяніе на нравственныя понятія народа его политическаго и

соціальнаго строя, религіозныхъ вѣрованій и расовыхъ особеннестей. Для примѣра можно указать на различіе между европейцемъ и китайцемъ въ нравственной оцѣнкѣ ими нѣкоторыхъ чувствъ или поступковъ.

Въ виду того, что различные народы давали и даютъ неодинаковую нравственную оцѣнку однимъ и тѣмъ же понятіямъ, чувствамъ и поступкамъ, насколько послѣдніе возбуждаются и управляются нравственнымъ стимуломъ, необходимо установить какой либо опредѣленный масштабъ, по возможности близкій къ истинному, которымъ и можно бы было мѣрить величину прогресса или дегресса нравственности въ ея эволюціонномъ процессѣ. Такимъ масштабомъ мы примемъ нравственныя понятія, установившіяся въ народахъ ново-европейской цивилизаціи, по слѣдующимъ причинамъ: 1) эти народы обладаютъ наибольшимъ и всестороннимъ психическимъ развитіемъ, что доказывается богатствомъ и разнообразіемъ ихъ знаній, сгруппированныхъ въ различныя научныя дисциплины; 2) возможностью для нихъ охватить умственнымъ взоромъ все, что доступно намъ какъ изъ прошлаго человѣчества, такъ и изъ его настоящаго, а слѣдовательно и всего того, что составляло и составляетъ содержаніе нравственнаго міра человѣчества; 3) появленіе въ средѣ ихъ сравнительно многочисленной группы людей, которые, пользуясь преимуществами, указанными въ двухъ первыхъ пунктахъ, могли съ наибольшею глубиною и объективностью разработывать нравственные вопросы какъ въ теоретическомъ отношеніи, такъ и въ ихъ практическомъ значеніи.

Если исключить разногласіе, существующее между европейскими философами относительно нѣкоторыхъ, чисто теоретическихъ вопросовъ этики, то у народовъ ново-европейской цивилизаціи, въ сферѣ практическихъ вопросовъ, установился вполнѣ опредѣленный кодексъ, который и будетъ служить намъ масштабомъ при оцѣнкѣ явленій, опредѣляемыхъ нравственнымъ чувствомъ. Эти явленія можно разбить на двѣ группы: къ одной отнести тѣ, въ которыхъ выразилось вліяніе нравственныхъ понятій и чувствъ на историческія, политическія и соціальныя судьбы различныхъ народовъ; ихъ можно назвать внѣшними; къ другой, можно отнести явленія внутреннія, индивидуальныя, имѣющія первенствующее значеніе въ томъ, что мы называемъ счастьемъ человѣка. Начнемъ съ первыхъ.

Теорія Дарвина, объясняя развитіе и разнообразіе органическаго міра, кладетъ въ свою основу два коренныхъ свойства организованныхъ существъ: ихъ измѣнчивость и способность передавать по наслѣдству качества и признаки родичей. Стремленіе организмовъ каждаго вида къ неограниченному размноженію, при ограниченности средствъ къ ихъ существованію, вызываетъ борьбу за существованіе, которая и производитъ подборъ наиболѣе приспособленныхъ къ есте-

ственнымъ условіямъ ихъ жизни. Всю обширную серію формъ, въ которыхъ проявляется борьба за существованіе, можно раздѣлить на двѣ группы: къ одной отнести тѣ, которыя, производя подборъ, непосредственно не ощущаются живущими организмами, къ другой, ощущающіяся во всей ихъ жестокости и безсердечіи, почему эти вторыя и могутъ быть названы животными формами борьбы; между этими группами помѣщается рядъ промежуточныхъ формъ, съ едва замѣтными переходами. Во всемъ животномъ мірѣ, стоящемъ ниже человѣка, также и въ низшихъ расахъ послѣдняго, животныя формы борьбы и по сіе время дѣйствуютъ во всей ихъ силѣ. И въ прошлой исторіи передовыхъ народовъ мы знаемъ мрачные періоды порабощенія одной группы людей другою; это періодъ деспотіи, рабства и всяческихъ насилій, обыкновенно сопровождавшихъ безпощадныя войны прежнихъ временъ. Въ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ деспотія и рабство перешли въ область преданій, на мѣсто ихъ становится политическая и гражданская равноправность, а въ случаяхъ военныхъ столкновеній цивилизованныхъ народовъ, все съ большею и большею силою укорѣняется обычай щадить жизнь, честь и имущество враговъ, не принимающихъ непосредственнаго участія въ военныхъ операціяхъ, а направлять удары главнѣйше на организованныя военныя силы непріятеля. Но и эта смягченная форма войны начинаетъ вызывать возрастающую оппозицію лучшихъ и наиболѣе вліятельныхъ фракцій цивилизованныхъ обществъ, и, вѣроятно, черезъ 2—3 столѣтія военныя столкновенія между цивилизованными народами перейдутъ также въ область преданій.

Борьбу за существованіе можно принять за одинъ изъ главныхъ факторовъ, обусловливающихъ эволюцію въ организованномъ мірѣ, поскольку послѣдняя касается физической стороны организмовъ. Но въ объясненіи явленій психическаго характера въ нѣкоторыхъ случаяхъ, имѣющихъ особо важное значеніе для человѣка, этотъ факторъ оказывается несостоятельнымъ; его слѣдуетъ тутъ замѣнить чѣмъ то другимъ, коренящимся въ свойствахъ сознательнаго начала природы. Борьбою за существованіе и вытекающимъ изъ нея подборомъ не трудно объяснить развитіе слѣдующихъ душевныхъ качествъ животныхъ организмовъ: эгоизма и вытекающія изъ него стремленія къ насилію, обману и несправедливой эксплоатаціи чужого труда, хитрости, жестокости, властолюбія; потомъ качества, полезныя для поддержанія вида и рода и имѣющія болѣе симпатичный характеръ: мужество, храбрость, любовь родителей къ своимъ дѣтямъ, взаимная привязанность и любовь животныхъ общественныхъ, а по отношенію къ человѣку,— взаимную симпатію членовъ различныхъ общественныхъ группъ. Но обратимся къ психическимъ явленіямъ другого характера. Тысячи, десятки тысячъ первыхъ христіанъ идутъ добровольно на мученическую смерть; возникаетъ страшная, жестокая борьба между языческою вѣрою и новою, христіанскою; послѣдняя побѣждаетъ и

распространяется среди лучшихъ расъ человѣческаго рода, занявшихъ первенствующее положеніе въ прогрессивномъ движеніи человѣчества. Спрашивается: есть-ли возможность въ этой борьбѣ найти признаки, указующіе, что она возникла изъ стремленія къ господству одного человѣка надъ другимъ, одной человѣческой группы надъ другой, того господства, которое есть одна изъ обычныхъ формъ проявленія борьбы за существованіе? Возможно-ли самое распространеніе христіанской религіи объяснить какими-либо преимуществами, даваемыми ею ея послѣдователямъ въ борьбѣ за существованіе, когда основа этого вѣроученія есть не утвержденіе этой борьбы, а ея отрицаніе: любовь къ ближнему, безъ различія расъ и племенъ, помощь слабому, милосердіе, прощеніе обидъ, отрѣшеніе отъ благъ, обезпечивающихъ физическое существованіе человѣка, стремленіе къ нравственному идеалу, не мирящемуся ни съ какою формою борьбы, грозящей погибелью слабому ....., все это трудно, даже невозможно связать съ тѣмъ, что обусловливаетъ успѣхъ въ борьбѣ за существованіе. Если какъ въ прошлой, такъ и въ настоящей жизни христіанскихъ народовъ и отдѣльныхъ лицъ, насчитывается множество фактовъ нарушенія и извращенія основъ христіанскаго вѣроученія, то важны не эти факты, а то, что духъ, смыслъ этого вѣроученія составляетъ лучшее душевное достояніе большинства людей передовыхъ расъ человѣческаго рода. Да и отсутствіе такихъ фактовъ не согласовалось бы съ тою постепенностью, которая характеризуетъ всякій эволюціонный процесъ: антихристіанскія чувства воспитывались въ человѣчествѣ въ теченіе такого длиннаго періода, что они не могли быть уничтожены въ теченіе сравнительно короткаго времени существованія христіанства, и поэтому должны были проявлять себя какъ пережитки.

Если даже и согласиться съ крайне натянутою попыткой видѣть въ христіанскомъ вѣроученіи дальнѣйшее развитіе чувства взаимной симпатіи, присущаго общественнымъ животнымъ и появившагося въ нихъ какъ результатъ борьбы за существованіе, то всетаки остается непонятнымъ перерожденіе этого чувства въ такое, которое, отрицая эту борьбу, соотвѣтствуетъ другимъ, болѣе высокимъ стремленіямъ человѣческаго духа. Впрочемъ, какими бы причинами ни объяснять появленіе христіанства, фактъ остается фактомъ, т. е. въ опредѣленный моментъ развитія сознательнаго начала, появилось ученіе, принципіально отрицающее борьбу за существованіе и это ученіе, распространившись между передовыми народами, съ теченіемъ времени не только не ослабляется въ своемъ принципѣ, но, какъ увидимъ далѣе, стремится все къ большему и большему осуществленію своихъ идеаловъ.

Считаемъ нужнымъ добавить, что этотъ антагонизмъ между чувствами, вызываемыми борьбою за существованіе и высшимъ нравственнымъ чувствомъ, существуетъ и въ другихъ высшихъ религіяхъ но только въ значительно меньшей степени, по сравненію съ христіанствомъ.

Въ аналогію съ христіанствомъ можно поставить исторію борьбы за возстановленіе естественныхъ правъ человѣка, нарушенныхъ несправедливымъ соціальнымъ строемъ. И тутъ мы видимъ ряды борцовъ, пожертвовавшихъ всѣми блага жизни и самою жизнью для избавленія слабыхъ отъ гнета, налагаемаго на нихъ сильными, гнета, служащаго наиболѣе яркимъ выразителемъ борьбы за существованіе. Въ этомъ явленіи замѣчательна та особенность, что во многихъ случаяхъ наибольшее рвеніе къ защитѣ слабаго проявляли не тѣ, которые испытывали на себѣ всю тяжесть гнета, а высоко нравственныя личности, принадлежавшія къ привиллегированнымъ общественнымъ группамъ. Случаи, подтверждающіе это, настолько многочисленны и настолько общеизвѣстны, что нѣтъ надобности приводить ихъ здѣсь.

Итакъ, сознательное начало, въ своемъ проявленіи въ передовыхъ расахъ человѣческаго рода, выражается въ двухъ этическихъ складахъ души человѣка. Одинъ складъ опредѣляется качествами, развитыми борьбой за существованіе, другой, стоящій въ оппозиціи съ первымъ, обладаетъ качествами другого, противоположнаго характера. Первый складъ заставляетъ человѣка преслѣдовать только интересы своего „я“, понимая подъ послѣднимъ не только „я“ индивидуума, но и коллективное „я“ той общественной группы, въ составъ которой входитъ этотъ индивидуумъ; другой, — интересы личнаго „я“, ставитъ на послѣдній планъ, а вдохновляясь любовью къ человѣчеству, полагаетъ себѣ главною цѣлью помочь ему устроить жизнь на началахъ справедливости. Первый складъ можно назвать практическимъ, второй — идеальнымъ. Душѣ человѣка обыкновенно присущи качества обоихъ складовъ, но для различныхъ людей въ различной степени: тѣхъ, у кого преобладаютъ качества перваго склада, называютъ людьми практическими, а у кого преобладаютъ качества второго склада — идеалистами. Обѣимъ этимъ группамъ присуще также чувство нравственнаго долга, нарушеніе котораго сопровождается угрызеніемъ совѣсти.

Въ борьбѣ за существованіе практическіе люди побѣждаютъ идеалистовъ въ томъ смыслѣ, что оставляютъ послѣ себя болѣе многочисленное и лучше матеріально обезпеченное потомство; но если исторію человѣческаго рода разсматривать съ точки зрѣнія борьбы идей и нравственнаго прогресса, то, несмотря на всѣ перипетіи этой борьбы, въ концѣ-концовъ, побѣда остается за идеалистами.

Вообще исторія показываетъ, что развитіе человѣчества шло не во всемъ согласно родословной схемѣ теоріи Дарвина. По этой теоріи, разновидность, достигшая какого-либо важнаго преимущества въ борьбѣ за существованіе, служитъ родоначальникомъ одной или нѣсколькихъ новыхъ разновидностей, въ которыхъ еще сильнѣе развивается это преимущество, чѣмъ еще болѣе обезпечивается имъ побѣда надъ конкурентами. Если племена разсматривать какъ разно-

видности, а различные народы того или другого племени какъ нарождающіяся разновидности, то въ древней исторіи Римскаго народа мы имѣемъ наиболѣе яркій примѣръ небывалаго успѣха въ примѣненіи животныхъ формъ борьбы за существованіе, и по схемѣ теоріи Дарвина, надо бы было ожидать, что и въ настоящее время подавляющее преимущество будетъ принадлежать народу или народамъ, находящимся въ кровномъ родствѣ съ древнимъ Римомъ; между тѣмъ какъ оно принадлежитъ теперь народамъ, находящимся только въ отдаленномъ родствѣ съ римлянами, народамъ, достигшимъ своего высокаго положенія главнѣйше потому, что, воспріявъ отъ бывшихъ цивилизацій все лучшее, идеальное, они смогли дать ему дальнѣйшее развитіе.

Въ параллель съ приведеннымъ примѣромъ можно представить множество другихъ, имъ подобныхъ; можно, наприм., задать вопросъ: гдѣ потомки древнихъ египтянъ, персовъ, грековъ...? Потомки остались, но не имъ принадлежитъ теперь матеріальное и духовное преимущества, а другимъ народамъ, чуждымъ по крови, но воспользовавшимся отъ ихъ предковъ богатымъ духовнымъ наслѣдствомъ.

Въ дальнѣйшихъ главахъ мы болѣе подробно разсмотримъ, въ чемъ исторія человѣчества согласуется съ теоріею Дарвина и въ чемъ онѣ расходятся, теперь же остановимся на разборѣ нѣкоторыхъ мнѣній, явившихся отъ предвзятыхъ взглядовъ или отъ односторонняго освѣщенія историческихъ и современныхъ намъ соціальныхъ явленій.

Не смотря на успѣхи исторической критики, на появленіе глубокихъ научныхъ изслѣдованій, проливающихъ свѣтъ на первобытную культуру человѣческихъ расъ, еще и въ настоящее время, между нѣкоторыми высокоразвитыми людьми, существуетъ мнѣніе, что въ былыя времена, при патріархальномъ складѣ человѣческихъ обществъ, человѣкъ переживалъ золотой вѣкъ общаго благополучія и возможнаго на землѣ счастья. Ложность такого мнѣнія зависитъ отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ особаго характера тѣхъ памятниковъ документальной исторіи, по которымъ можно судить о нѣкогда бывшемъ патріархальномъ бытѣ нѣкоторыхъ народовъ, и потомъ отъ недостаточнаго знакомства съ патріархальнымъ бытомъ современныхъ народовъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ цивилизаціи. Какъ примѣръ, поясняющій вліяніе первой причины, можно привести Иліаду Гомера. Художественная прелесть этого произведенія очаровываетъ читателя, возбуждая въ его душѣ поэтическое представленіе о когда то бывшемъ складѣ жизни народа, полнаго юношескихъ силъ и выступившаго на историческую сцену въ лучезарномъ свѣтѣ утренней зари. Но если откинуть тутъ все, связанное съ миѳическимъ вымысломъ, въ которомъ боги и полубоги олицетворяютъ прекрасное и грандіозное въ мертвой природѣ и психическіе элементы самаго зауряднаго

человѣка, если исключить тѣ рѣчи, которыя поэтъ вложилъ въ уста идеализированныхъ имъ героевъ и вождей, то останется непривлекательная картина самыхъ прозаичныхъ и варварскихъ отношеній дѣйствующихъ лицъ: рабство, обращеніе съ плѣнными женщинами какъ съ товаромъ, подлежащемъ куплѣ, продажѣ; погребальныя тризны, сопровождаемыя умерщвленіемъ массъ плѣнныхъ и рабовъ, издѣвательство надъ трупомъ храбраго и достойнаго уваженія врага, отдача этого трупа на съѣденіе собакамъ и птицамъ, при полномъ сознаніи, что такимъ образомъ дѣйствій, душѣ человѣка наносится непоправимое зло въ его загробной жизни и причиняется страшное горе его близкимъ и роднымъ; безпощадное уничтоженіе жилищъ побѣжденнаго врага, сплошное избіеніе всего населенія города, взятаго приступомъ, за исключеніемъ небольшой части, обращенной въ рабство. Все это рисуетъ картину нравовъ настолько жестокихъ, что трудно допустить, чтобы и въ мирное время, народныя массы, не принадлежащія къ господствующимъ классамъ, могли пользоваться сноснымъ существованіемъ.

Къ подобному же заключенію приводитъ знакомство и съ письменными памятниками другихъ народовъ патріархальнаго періода. И тутъ историкъ-бытописатель, возстановляя прошлое, часто на основаніи только однихъ преданій, идеализируетъ это прошлое согласно религіознымъ, политическимъ и соціальнымъ понятіямъ. господствовавшимъ въ его время, при чемъ онъ считаетъ достойнымъ заносить въ свою хронику только то, что относится къ жизни и образу дѣйствій господствующихъ лицъ и классовъ; жизни же народныхъ массъ онъ касается изрѣдка и только въ той мѣрѣ, какая нужна для лучшей и болѣе полной обрисовки дѣйствій господствующихъ лицъ или классовъ. Но и въ этихъ односторонникъ хроникахъ можно подмѣтить не мало чертъ, указующихъ на угнетенное состояніе народныхъ массъ.

Что касается второй причины, т. е. недостаточнаго знакомства съ патріархальнымъ бытомъ полудикихъ народовъ, современныхъ намъ, то научныя изслѣдованія, заслуживающія наибольшаго довѣрія по своей глубинѣ и объективности *), приводятъ къ заключенію о маломъ различіи патріархальнаго быта народовъ историческихъ временъ и нѣкоторыхъ, современныхъ намъ, полудикихъ обществъ съ патріархальнымъ строемъ; а какъ послѣднія очень далеки отъ степени благополучія, какимъ пользуются европейскіе цивилизованные народы, то предположеніе о когда-то бывшемъ золотомъ вѣкѣ не оправдывается бывшею дѣйствительностью.

Если ограничиться только тѣмъ періодомъ, въ которомъ совершилось развитіе сознательнаго начала, при переходѣ отъ высшихъ

*) Въ ряду ихъ „Первобытная культура“ Тейлора.

безсловесныхъ животныхъ къ современному цивилизованному человѣку, то яркою чертою выступитъ та особенность, что физическія условія, нужныя для существованія животнаго организма, бывшія въ началѣ только естественными, частію и до сихъ поръ остались неизмѣненными по своему характеру, частью замѣнились и пріумножились условіями искуственными; поэтому и жизненную обстановку переходныхъ органическихъ формъ, связующихъ безсловесное животное съ низшими расами человѣческаго рода, можно назвать вполнѣ естественною, въ отличіе отъ той, какую создаетъ для себя цивилизованный человѣкъ, и которую слѣдуетъ назвать искуственною; въ ней то отчасти и выразились познавательныя и творческія силы человѣческаго духа. Намъ достаточно указать только на главные факты, какъ на вѣхи, служащія для оцѣнки громаднаго пути, пройденнаго высшими организмами въ созданіи такой искуственной обстановки. На первомъ мѣстѣ, какъ по своей важности, такъ и по хронологическому порядку, слѣдуетъ поставить открытіе доисторическимъ человѣкомъ способовъ пользованія огнемъ; это открытіе дало возможность человѣку множество веществъ растительнаго и отчасти животнаго царства дѣлать питательными для своего организма и тѣмъ значительно увеличить количество пищевыхъ средствъ; оно же сдѣлало возможнымъ разселеніе человѣка изъ теплыхъ странъ земного шара по странамъ съ умѣреннымъ климатомъ, и легло въ основу металлургіи и множества другихъ техническихъ производствъ. Земледѣліе и пользованіе прирученными животными также должны быть поставлены въ ряду искуственныхъ мѣръ, увеличивающихъ до неопредѣленно широкихъ размѣровъ пищевыя средства для человѣка. Затѣмъ слѣдуетъ серія различныхъ искуственныхъ средствъ для удовлетворенія физическихъ, интеллектуальныхъ и эстетическихъ потрѣбностей человѣка, серія настолько обширная, что перечисленіе только ея типичныхъ группъ составило бы многотысячный списокъ.

Большая часть тѣхъ областей съ умѣреннымъ климатомъ, которыя заселены теперь цивилизованными народами, вообще представляетъ мало условій, благопріятныхъ для жизни человѣка въ его естественномъ состояніи, чѣмъ и объясняется слабая населенность этихъ странъ въ доисторическій и ранній историческій періоды; въ настоящее время, благодаря искуственнымъ средствамъ, многія изъ этихъ областей обладаютъ густымъ населеніемъ, значительный процентъ котораго пользуется удобствами жизни, далеко превосходящими все, о чемъ могутъ мечтать нецивилизованные жители другихъ, болѣе благодатныхъ странъ земного шара. Какъ разительный примѣръ умѣнья человѣка примѣнять искуственныя средства къ своимъ нуждамъ, можно привести нашъ Петербургъ. Едва-ли гдѣ на земномъ шарѣ найдется другой городъ, съ милліоннымъ населеніемъ, принужденнымъ жить въ такихъ дурныхъ климатическихъ, почвенныхъ и другихъ также крайне неудобныхъ естественныхъ условіяхъ, и несмотря на это,

тамъ для значительной части жителей создана обстановка достаточно благопріятная, какъ для всесторонняго проявленія психической дѣятельности человѣка, такъ и относительно удобствъ его физической жизни. Мы не касаемся того, какія громадныя средства должно было затратить государство на созданіе этого города и на поддержаніе его въ должномъ видѣ, и насколько дурныя естественныя условія пагубно вліяютъ на здоровье, а черезъ это и на психическую дѣятельность жителей Петербурга, этого умственнаго центра Россіи; для насъ важно было только указать, что можетъ сдѣлать современный человѣкъ, въ созданіи искуственной жизненной обстановки, даже тамъ, гдѣ сама природа поставила къ тому такъ много препятствій.

Одновременно съ развитіемъ всѣхъ сторонъ человѣческаго духа, въ цивилизованныхъ обществахъ и искуственная жизненная обстановка дѣлается все болѣе и болѣе сложною и разнообразною, и все это дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на творческія силы человѣка, будетъ ли то техникъ, ученый или художникъ. Ньютонъ и Шекспиръ могли проявить свои геніальныя силы только въ цивилизованныхъ обществахъ; среди полудикихъ обществъ, эти силы заглохли бы безъ замѣтнаго слѣда: у Ньютона – по недостатку общаго развитія въ окружающей средѣ и отсутствію научныхъ знаній, у Шекспира—по скудости матеріала для художественнаго творчества.

Подобно тому, какъ человѣкъ, постоянно живущій среди полнаго довольства и комфорта, настолько привыкаетъ къ нимъ, что перестаетъ цѣнить ихъ дѣйствительное значеніе для своей жизни и иногда достаточно незначительнаго отклоненія отъ привычнаго образа его жизни, чтобы вызвать въ немъ сильное недовольство и раздраженіе; такъ и въ цивилизованныхъ обществахъ, привычка пользоваться благами цивилизаціи вообще притупляетъ у людей силу ощущенія этихъ благъ, нисколько не ослабляя въ нихъ чувствительность къ отрицательнымъ явленіямъ жизни, къ которой они предъявляютъ все большія и большія требованія. Этимъ отчасти можно объяснить появленіе въ цивилизованныхъ обществахъ высокоталантливыхъ личностей, отрицающихъ новоевропейскую цивилизацію, и мнящихъ осуществить для человѣка болѣе счастливую жизнь при другомъ складѣ обществъ, болѣе близкомъ къ естественнымъ условіямъ жизни и очищенномъ отъ всего, что ввела въ жизнь цивилизація. Къ сожалѣнію, эти мечтатели-философы упускаютъ изъ виду, что только цивилизація дала имъ самимъ возможность подняться на высоту, съ которой они могли составить міровоззрѣніе, охватывающее міровую жизнь, что только съ этой высоты они могли относиться критически къ явленіямъ этой жизни, что, слѣдовательно, самое ихъ психическое развитіе есть результатъ дѣйствія на нихъ цивилизаціи, что въ обществѣ съ примитивнымъ складомъ жизни, въ основѣ ихъ міровоззрѣнія, лежали бы не свѣтъ научныхъ знаній и высшей религіи, а мракъ невѣжества и грубыхъ суевѣрій; что въ борьбѣ съ природою человѣкъ примитивнаго

общества крайне слабъ, что онъ остается безпомощнымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда неизбѣжныя естественныя бѣдствія въ видѣ голода, повальныхъ болѣзней и друг. обрушиваются на него со всею безпощадностью; что эти бѣдствія захватываютъ сплошь почти все населеніе обширныхъ областей, внося въ его жизнь такое море физическихъ и душевныхъ страданій, о размѣрахъ которыхъ цивилизованные народы отвыкли составлять даже приближенное понятіе; что, наконецъ, въ примитивныхъ обществахъ проявленіе злой воли человѣка выражается въ такихъ тяжелыхъ формахъ угнетенія, въ такихъ жестокихъ и безпощадныхъ грабежахъ и избіеніяхъ, что ими возмущается нравственное чувство цивилизованнаго человѣка.

Свѣтлыя надежды на лучшее будущее для человѣчества должно основать не на возвратѣ къ примитивному складу обществъ, а на дальнѣйшемъ развитіи новоевропейской цивилизаціи. Только во главѣ новоевропейскихъ цивилизованныхъ обществъ могли явиться просвѣщенныя правительства, стремящіяся къ осуществленію всенароднаго благополучія; только въ такихъ обществахъ, въ помощь этимъ правительствамъ, образовалась многочисленная и вліятельная фаланга людей, идущихъ къ той же цѣли, не въ мракѣ темнаго невѣжества, а въ свѣтѣ всесторонняго знанія, согрѣтаго теплымъ чувствомъ любви къ труждающимся и обремененнымъ. Велики препятствія, противопоставляемыя этимъ стремленіямъ въ видѣ ли историческаго наслѣдія отъ временъ господства насилія и произвола, въ сложившихся-ли формахъ экономическихъ отношеній, цивилизованное человѣчество, несомнѣнно, найдетъ средства устранить эти препятствія и достичь такого общественнаго склада, въ которомъ возможно бы было осуществить нравственные идеалы христіанства и открыть человѣчеству болѣе широкій путь къ дальнѣйшему развитію тѣхъ силъ его духа, которыя такъ высоко подняли его надъ всѣми другими организмами животнаго царства.

Глава VII.

Сравненіе естественнаго подбора съ сортирующимъ аппаратомъ. Борьба за существованіе можетъ вести какъ къ прогрессу, такъ и къ дегрессу. Борьбою за существованіе нельзя объяснить появленіе и развитіе высшихъ психическихъ элементовъ человѣческаго духа. деморализующее вліяніе на человѣка борьбы за существованіе Международныя отношенія Экономическій гнетъ и его ослабленіе въ будущемъ.

Провозглашеніе Дарвинымъ борьбы за существованіе, какъ неуклоннаго императива всего живущаго на земномъ шарѣ, составляетъ одну изъ знаменательныхъ эпохъ въ развитіи научныхъ знаній. Дѣйствительно, открытіе этого императива освѣтило такую обширную группу явленій какъ въ исторіи органической жизни вообще, такъ

и въ исторіи человѣка въ частности, что значительная доля людей науки придаетъ этому открытію значеніе несомнѣнной истины. Мало того, изъ тѣснаго круга ученыхъ спеціалистовъ, оно перешло и въ другія общественныя группы, до которыхъ достигаютъ выводы науки: его провозглашаютъ съ политической трибуны, въ баллетристикѣ, газетѣ и въ рѣчи обыденной бесѣды. Дѣйствительная жизнь даетъ такъ много фактовъ, подтверждающихъ господство борьбы за существованіе, что невольно клонитъ человѣка признать это господство.

Но въ душѣ человѣка есть какъ бы инстинктивное чувство протеста, или, вѣрнѣе, отвращеніе, къ тѣмъ деморализующимъ послѣдствіямъ, какія вытекаютъ изъ борьбы за существованіе. Это чувство, какъ бы не велика была его нравственная цѣнность, предъ судомъ науки не имѣла бы никакой доказательной силы, если бы въ самой жизни не было фактовъ, наводящихъ на мысль, что какъ въ историческомъ развитіи духовныхъ силъ человѣка, такъ и во многихъ явленіяхъ современной жизни, не все можетъ быть объяснено дѣйствіемъ борьбы за существованіе; что въ психикѣ человѣка одновременно существуютъ два этическихъ склада: одинъ есть несомнѣнный результатъ дѣйствія борьбы за существованіе, другой, высшаго качества, имѣетъ источникомъ особое свойство, присущее сознательному началу, названное нами потенціей нравственнаго чувства. Выше, говоря о практическомъ и идеальномъ складахъ психики человѣка, мы привели рядъ явленій, не объяснимыхъ съ точки зрѣнія борьбы за существованіе. Теперь мы покажемъ, что борьба за существованіе и проистекающій отъ нея естественный подборъ, составляетъ только сортирующіе факторы эволюціоннаго процесса, но не главную его причину.

Предположимъ, что въ нашемъ распоряженіи имѣется нѣсколько тысячъ неодушевленныхъ шариковъ, обладающихъ свойствомъ медленно измѣнять свою величину; тогда въ каждый моментъ мы можемъ разсортировать эти шарики въ нѣсколько группъ, сообразно ихъ величинѣ; точно также, при медленномъ измѣненіи удѣльнаго вѣса шариковъ, мы могли бы разсортировать ихъ по удѣльному вѣсу и т. под. Вообще, слѣдовательно, мы можемъ разсортировать предметы только по присущимъ имъ качествамъ, и въ нашемъ примѣрѣ шариковъ, мы не могли бы ихъ разсортировать по степени ихъ психическаго развитія, въ виду отсутствія психики въ самыхъ шарикахъ. Естественный подборъ теоріи Дарвина есть тотъ сортировочный аппаратъ, который, дѣйствуя въ прошлыя времена, отбиралъ наиболѣе приспособленныя и совершенныя органическія формы, и могъ сдѣлать этотъ отборъ потому только, что сами организмы обладали способностью къ развитію; не будь этой способности, никакой самый тщательный подборъ не могъ бы вывести изъ родича, подобнаго рыбѣ, высокоразвитый организмъ человѣка.

Всякое сложное явленіе опредѣляется и сложными причинами. Въ числѣ этихъ причинъ однѣ имѣютъ значеніе главнѣйшихъ, основныхъ, sine qua non, другія только вліяютъ на дѣйствія первыхъ, какъ условія. Развитіе органической жизни есть явленіе очень сложное; главная его основа, это стремленіе сознательнаго начала природы проявляться все въ высшихъ и высшихъ формахъ. Условія для проявленія этой первопричины можно разбить на двѣ группы: къ одной отнести условія, повидимому необходимыя,—это опредѣленный составъ атмосфернаго воздуха, его температура, не переходящая извѣстныхъ границъ и нѣкот. друг., къ другой—условія, имѣющія только вліяніе на это проявленіе, но не необходимыя. Въ прогрессивной эволюціи органической жизни борьба за существованіе не представляетъ условія логически необходимаго, потому что, въ своемъ представленіи, мы можемъ замѣнить ее, наприм., воображаемымъ дѣятелемъ, уничтожающимъ всѣ тѣ зародыши, которые должны погибнуть въ борьбѣ за существованіе, по достиженіи ими полнаго развитія и сохраняющимъ только зародыши организмовъ, выходящихъ побѣдителями въ дѣйствительной жизни. Ниже мы увидимъ, что такого дѣятеля можно не только воображать, но отчасти и реализировать въ дѣйствительной жизни.

Существуетъ не мало фактовъ, указующихъ, что борьба за существованіе ведетъ не къ прогрессу, а къ дегрессу, и самъ Дарвинъ ссылается на нихъ. Борьба за существованіе, какъ факторъ слѣпого стихійнаго характера, иногда склоняетъ побѣду не на сторону болѣе совершенной разновидности, а на сторону той, которая, понижая свои потребности, можетъ довольствоваться болѣе скудными жизненными средствами. Предоставленіе полной свободы дѣйствія такому фактору, въ различныхъ группахъ человѣческаго рода, можетъ повести, и дѣйствительно приводитъ, къ послѣдствіямъ, препятствующимъ проявленію полной силы прогрессивнаго развитія человѣчества. Такъ, если бы китайцамъ была предоставлена полная свобода переселяться въ сѣверную Америку, то это вызвало бы тамъ горячую борьбу за существованіе въ средѣ рабочаго класса и сильное пониженіе заработной платы, что имѣло бы послѣдствіемъ паденіе благосостоянія американскаго рабочаго до уровня, которымъ довольствуется китаецъ и тѣмъ, конечно, понизило бы условія, благопріятствующія прогрессивной эволюціи С. Американской націи. Точно также, ничѣмъ не урегулированное размноженіе земледѣльческаго класса какой-либо области или государства, ведетъ къ крайнему дробленію земельной собственности и постепенно приводитъ этотъ классъ въ состояніе почти сплошного нищенства. Тою же причиною, т. е. чрезмѣрнымъ размноженіемъ человѣка и проистекающею отъ того борьбою за существованіе, можно отчасти объяснить и сильное угнетеніе рабочаго класса въ нѣкоторыхъ промышленныхъ странахъ и явное физическое и психическое вырожденіе этого класса. Такимъ образомъ въ нѣко-

торыхъ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ, благодаря свободѣ дѣйствія причинъ, обусловливающихъ борьбу за существованіе, возникъ экономическій строй, благопріятствующій развитію эксплоатаціи и поразитизма на счетъ значительной и постепенно увеличивающейся фракціи угнетенныхъ, т. е. образовались условія далеко не благопріятныя всестороннему развитію сознательнаго начала.

Въ различныхъ группахъ животнаго царства, стоящихъ ниже человѣка, главнымъ стимуломъ, возбуждающимъ ихъ дѣятельность, является забота о пропитаніи; съ прекращеніемъ, или съ значительнымъ ослабленіемъ этой заботы, обыкновенно сильно падаетъ и дѣятельность животнаго. Подобное же явленіе замѣчается и у дикарей, стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ психическаго развитія. По мѣрѣ же развитія психики человѣка, возрастаетъ въ немъ потребность къ дѣятельности въ цѣляхъ, какъ улучшить свое матеріальное положеніе, такъ и удовлетворить высшимъ потребностямъ своей души. Всякое цивилизованное общество насчитываетъ въ своей средѣ сотни и даже тысячи лицъ, довольствующихся скромною житейскою обстановкою и добровольно обрекающихъ себя на тяжелый трудъ, повинуясь только высокимъ стремленіямъ своего духа: это ученые, поэты, писатели, художники и др., къ нимъ же надо отнести и тѣхъ изобрѣтателей, которые побуждаются не цѣлью наживы, а только неудержимымъ стремленіемъ своего творческаго духа. Присоединивъ сюда людей, проявившихъ свою дѣятельность по внушенію сильно развитого въ нихъ нравственнаго чувства, получимъ группу, имѣющую полное право на названіе представителей и творцовъ высшей культуры. Если въ своемъ воображеніи мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить развитіе путемъ естественнаго и полового подбора психическихъ качествъ, нужныхъ для сохраненія индивида, вида и рода, качествъ въ основѣ которыхъ лежитъ индивидуальный или родовой эгоизмъ, потомъ мужество, храбрость, материнскую любовь, низшія формы альтруизма, то крайне трудно, если не невозможно представить себѣ мотивъ, по которому дѣйствовалъ бы этотъ подборъ для развитія качествъ, характеризующихъ эту высшую культурную группу. Точно также, рѣшительно невозможно объяснить подборомъ появленіе въ этой группѣ человѣка—генія, когда ни условія, предшествовавшія его появленію, ни его родословная не даетъ малѣйшихъ указаній, что тутъ дѣйствовалъ медленный, постепенно накопляющій естественный или половой подборъ, какъ то требуетъ теорія Дарвина. Наоборотъ, появленіе генія можно объяснить дѣйствіемъ основной причины, названной нами сознательнымъ началомъ, которая еще задолго до появленія генія, въ родѣ его предковъ, независимо отъ подбора, накопляла нужные элементы, передаваемые по наслѣдству, чтобы, наконецъ, выразиться въ исключительно высокой формѣ. Условія для такого накопленія скрыты отъ насъ, но, вѣроятно, тутъ дѣйствовала духовная среда, или психическая атмосфера, въ которой жили предки

генія; но характеръ этой среды опредѣлялся не низшими психическими качествами, подбираемыми борьбою за существованіе, а качествами высшаго порядка, вызванными исключительно стремленіемъ сознательнаго начала проявляться въ возможно высшихъ формахъ. Переходя отъ отдѣльныхъ лицъ къ народамъ и расамъ, мы опять встрѣчаемся съ невозможностью представить себѣ характеръ того физическаго или психическаго фактора, подъ дѣйствіемъ котораго дарвиновскій подборъ накоплялъ въ полудикихъ предкахъ древнихъ грековъ психическіе элементы, проявившіе себя потомъ съ чудною силою во всѣхъ родахъ творческой дѣятельности; въ то время, какъ въ другомъ народѣ, родственномъ грекамъ и находящемся почти въ тѣхъ же физическихъ условіяхъ, народѣ, заселявшемъ итальянскій полуостровъ, подобрались другія психическія качества, болѣе низкаго порядка, вполнѣ объяснимыя съ точки зрѣнія дарвиновскаго подбора. Наконецъ, обращаясь къ болѣе крупнымъ человѣческимъ группамъ, къ расамъ, мы также не можемъ представить себѣ, какіе факторы направляли подборъ психическихъ качествъ индогерманской и сѣверозападной вѣтви монгольской, чтобы объяснить громадную разницу въ психическомъ складѣ этихъ расъ, т. е. почему полудикари, разрушившіе римскую имперію, могли продолжать дальнѣйшее развитіе общечеловѣческой цивилизаціи, а полудикари монгольской расы проявили себя только какъ разрушительная сила, погубившая почти все стоящее выше ея по развитію.

Насколько трудно объяснить борьбою за существованіе проявленіе высшихъ психическихъ силъ въ различныхъ народахъ и расахъ, настолько же, если не больше, представляется затрудненій въ объясненіи тою же причиною прогресса, застоя и дегресса, въ различныхъ группахъ человѣческаго рода. Такъ, если застой китайской цивилизаціи объяснить отсутствіемъ сильныхъ столкновеній съ другими народами, носителями высшихъ цивилизацій, то остается невыясненнымъ, почему же японцы, близкіе къ китайцамъ въ племенномъ и культурномъ отношеніяхъ, вступили на путь европейскаго прогресса, хотя передъ этимъ они испытывали внѣшнее давленіе отъ европейцевъ въ гораздо меньшей степени по сравненію съ тѣмъ, что испытали китайцы. Далѣе, если согласно установившемуся мнѣнію, дегрессъ испанской націи объяснить побѣдою религіознаго и политическаго обскурантизма надъ прогрессивными силами народа, то спрашивается, какую роль сыгралъ здѣсь естественный и половой подборъ, чтобы объяснить имъ такое сильное пониженіе психическаго уровня націи, по сравненіи съ другими націями, испытавшими на себѣ не менѣе сильное дѣйствіе обскурантизма. Наконецъ, если признать борьбу за существованіе за главный стимулъ прогресса, то ослабленіе первой должно повести и къ ослабленію второго, между тѣмъ множество фактовъ доказываютъ противное. Наиболѣе рѣзкій примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ Сѣверо-Американскіе Штаты. Евро-

нейскіе переселенцы нашли тамъ громадныя пространства свободной земли съ нетронутыми запасами естественныхъ богатствъ, т. е. условія крайне благопріятныя для ослабленія той борьбы, какую они испытывали въ Европѣ. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ этой борьбы надо бы ожидать и проявленіе меньшей энергіи у С. Американцевъ по сравненію съ народами Европы, мы же видимъ какъ разъ обратное. Могутъ возразить, что переселялись изъ Европы въ С. Америку люди наиболѣе энергичные и такимъ образомъ происходилъ какъ бы искуственный подборъ, чѣмъ и объясняется особая сила прогрессивнаго развитія С. Американской націи; но тутъ важно не то, какимъ путемъ, какимъ подборомъ образовалась эта нація, а важенъ фактъ, доказующій, что въ человѣческомъ родѣ возможно существованіе общественной группы, могущей, при ослабленной борьбѣ за существованіе, проявить себя въ прогрессивномъ движеніи, если не съ большею, то и не съ меньшею силой, чѣмъ оно проявляется въ другихъ общественныхъ группахъ, испытывающихъ на себѣ всю суровость борьбы за существованіе. Одного этого примѣра уже достаточно для вывода, что борьба за существованіе, въ ея жестокихъ и суровыхъ формахъ, не есть необходимое условіе прогресса въ человѣческомъ родѣ.

Вообще въ области психическихъ явленій трудно объяснить борьбой за существованіе то общее явленіе, яркою чертою проходящее по всей исторіи человѣческаго рода, что въ томъ или другомъ народѣ какъ бы вспыхиваютъ высшія психическія силы, одинъ или нѣсколько разъ достигаютъ наибольшаго развитія и потомъ тухнутъ безъ всякой видимой причины; иногда тухнутъ надолго, если не на всегда, а иногда, послѣ нѣкотораго промежутка, снова загораются яркимъ свѣтомъ. Говоря: тухнутъ безъ всякой видимой причины, мы имѣемъ въ виду тѣ многочисленные случаи, когда паденіе высшихъ психическихъ силъ совершается не подъ давленіемъ какого либо гнета.

Всѣ вышеприведенныя явленія, начиная съ случая нарожденія генія и кончая фактомъ прогрессивнаго развитія С. Американской націи, по сложности породившихъ ихъ причинъ, требуютъ для своего объясненія отдѣльныхъ монографій; мы же имѣли въ виду только указать на нихъ какъ на факты, не поддающіеся объясненію съ точки зрѣнія борьбы за существованіе и подбора. и всякая попытка доказать противное прибавитъ только новый членъ къ ряду тенденціозныхъ положеній, построенныхъ на нетвердо поставленномъ обобщеніи.

Намъ кажется, что при настоящемъ состояніи научныхъ знаній, весь ходъ міровой жизни, поскольку онъ выразился въ организованныхъ существахъ, можно объяснить только особыми свойствами сознательнаго начала природы. Аттрибуты этого начала намъ неизвѣстны и мы можемъ судить о нихъ только по ихъ проявленіямъ: мы видимъ, что какъ въ прошлыя времена, такъ и теперь, сознательное начало стремилось и стремится выразиться въ безчисленномъ множе-

ствѣ организмовъ; что при послѣдовательной смѣнѣ поколѣній, въ архитектоникѣ организмовъ и ихъ психикѣ замѣчается дегрессъ, застой и прогрессъ. Далѣе, мы видимъ, что организмы измѣнчивы и передаютъ по наслѣдству свои свойства и качества. Вотъ факты, дающіе право заключать только о существованіи сознательнаго начала, а сущность тѣхъ психико-физическихъ процессовъ, которыми можно бы было объяснить эти факты, и до сихъ поръ остается для насъ тайною. Что касается условій, вліяющихъ на проявленіе сознательнаго начала, то одни изъ нихъ еще не вошли въ сферу вѣдѣнія людей науки, другія уже настолько выяснились, что допускаютъ анализъ ихъ, и къ числу послѣднихъ надо отнести борьбу за существованіе и вытекающій изъ нея подборъ, какъ факторъ вліяющій. Если разсматривать исторію проявленія сознательнаго начала только съ точки зрѣнія прогрессивной эволюціи, то этотъ факторъ нельзя признать необходимо нужнымъ для всѣхъ ступеней, по которымъ поднималось развитіе сознательнаго начала, потому что нѣтъ доказательствъ, что съ устраненіемъ этого фактора, на высшихъ ступеняхъ этого развитія прекращается и прогрессивная эволюція; но при полной свободѣ дѣйствія всѣхъ естественныхъ условій, вліяющихъ на проявленіе сознательнаго начала, этотъ факторъ оказывается неизбѣжнымъ для эволюціи вообще, т. е. какъ для прогрессивной, такъ и для дегрессивной, неизбѣжнымъ потому, что онъ является прямымъ слѣдствіемъ закона Мальтуса. Дарвинъ, имѣя цѣлью объяснить все разнообразіе органическаго міра, ввелъ этотъ факторъ какъ сортирующій аппаратъ, способствовавшій прогрессивной эволюціи, почему мы, признавая вѣрность главныхъ положеній Дарвина, должны признать и полезность этого фактора, но только до нѣкоторыхъ опредѣленныхъ границъ. И дѣйствительно, когда дѣло касается эволюціи организмовъ, стоящихъ ниже человѣка и самаго человѣка въ доисторическій періодъ, тогда вліяніе фактора на усовершенствованіе физической организаціи и на развитіе низшихъ психическихъ качествъ выступаетъ съ ясностью, недопускающею сомнѣній. Но когда сознательное начало переступило ту границу, съ которой оно начало проявляться въ высшихъ психическихъ формахъ, тогда борьба за существованіе стала оказывать явное противодѣйствіе дальнѣйшему развитію этихъ высшихъ формъ, почему она и должна быть признана тутъ за факторъ, не только не полезный, но вредный.

Вредный потому, что почти во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, оставившихъ письменные памятники, и до настоящаго времени, этотъ факторъ служилъ главною причиною образованія двухъ общественныхъ группъ, не встрѣчающихся ни въ одномъ другомъ видѣ животнаго царства: группы угнетенныхъ и группы угнетателей, эксплоататоровъ и паразитовъ, которую для краткости назовемъ господствующимъ классомъ, не включая сюда лицъ, входящихъ въ составъ учрежденія, безусловно необходимаго

для всякаго сколько-нибудь цивилизованнаго общества, лицъ высшей правительственной власти и ея органовъ. Обѣ эти группы представляютъ почвы неблагопріятныя для развитія высшихъ психическихъ формъ: въ первой—суровая жизненная обстановка, нравственный и физическій гнетъ, мракъ невѣжества..... ставятъ непреодолимыя преграды для проявленія и развитія высшихъ стремленій духа; въ другой — характеръ ея дѣятельности, менѣе всего считающейся съ чувствомъ справедливости, и развращающее вліяніе исключительнаго соціальнаго положенія, способствуютъ развитію не столько высшихъ психическихъ качествъ, сколько низшихъ.

Какъ бы въ промежуткѣ между классами угнетенныхъ и господствующихъ образуется средняя группа лицъ, находящихся въ условіяхъ, достаточно благопріятныхъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ соціальномъ отношеніяхъ, чтобы избѣжать парализующаго дѣйствія гнета, лежащаго на первомъ классѣ и деморализующаго вліянія второго. Вотъ эта то группа и есть главная носительница творческихъ силъ человѣка и тѣхъ настроеній его духа, которыя необходимы для развитія въ немъ высшихъ психическихъ качествъ. Паденіе, застой и ростъ цивилизацій, помимо другихъ причинъ зависили и зависятъ отъ величины какъ кадровъ, такъ и всей арміи, составляющей эту группу, поэтому политика, преслѣдующая не казовую сторону цивилизаціи, а ея высокія цѣли, должна направить свои главнѣйшія силы на возможно большее расширеніе этой группы, и на уменьшеніеостальныхъ двухъ.

Во всемъ животномъ царствѣ, стоящемъ ниже человѣка, нѣтъ примѣровъ дѣленія индивидуумовъ какого-либо вида на двѣ группы, изъ которыхъ одна угнетала бы другую. Противъ этого положенія могутъ привести существованіе рабства, наприм., въ нѣкоторыхъ видахъ муравьевъ. Но сходство тутъ только формальное, а не по существу. Всякая муравьиная община имѣетъ чисто республиканскій строй безъ малѣйшихъ признаковъ центральной власти; муравьиная царица или матка, также какъ и матка пчелиная, имѣетъ значеніе только производителя потомства, а не представителя какой-либо власти. Въ тѣхъ муравьиныхъ общинахъ, въ которыхъ есть кастовое дѣленіе, каждая каста выполняетъ только тѣ общественныя функціи, къ какимъ она приспособилась подъ вліяніемъ продолжительно дѣйствовавшаго подбора. Рабочій муравей, несомнѣнно, чувствуетъ себя такимъ же господиномъ, какъ и муравей воинъ и даже болѣе, потому что послѣдній лишенъ возможности питаться самостоятельно и умеръ бы съ голоду, окруженный обильными запасами пищи, если бы рабочій муравей не питалъ его искусственно. Муравьи рабы, захваченные изъ другихъ общинъ, тотчасъ же по ихъ водвореніи на новое мѣсто жительства, принимаютъ горячее участіе во всѣхъ работахъ муравьевъ туземцевъ и дѣлаются равноправными членами завладѣвшей ихъ общины. Человѣкъ рабъ чувствуетъ всю горечь лишенія свобо-

ды, чувствуетъ унизительность своего положенія и полную зависимость отъ произвола и прихотей своего владѣльца, могущаго требовать отъ него работы до полнаго истощенія силъ. Рабочій муравей также какъ и его рабъ не испытываютъ ни одного изъ этихъ чувствъ, а на работы затрачиваетъ столько энергіи, сколько требуется ихъ инстинктомъ и самочувствіемъ правильно функціонирующаго организма. Если къ указанной разницѣ воздѣйствія рабства на психику человѣка и муравья прибавить еще то, что муравьи рабо-владѣльцы обращаютъ въ рабство только другіе виды того же рода, а человѣкъ, въ большинствѣ случаевъ, организуетъ такой соціальный строй, въ которомъ обѣ фракціи, угнетателей и угнетенныхъ, принадлежатъ къ одному и тому же племени, или къ племенамъ близко родственнымъ, какъ это имѣло мѣсто въ учрежденіи крѣпостного состоянія, а теперь въ капиталистическомъ строѣ промышленности,—то высказанное нами ранѣе положеніе, что только въ человѣческомъ родѣ встрѣчаются случаи угнетенія одной группы вида другою, остается въ полной силѣ.

Если одно безсловесное животное не угнетаетъ другого, то это не по чувству справедливости, а единственно по недостаточной степени интеллектуальнаго развитія. Та же причина, въ соединеніи съ другою, о которой скажемъ ниже, объясняетъ отсутствіе рабства за исключеніемъ рабства женщины, и въ современныхъ намъ племенахъ дикарей, стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ психическаго развитія; но въ дальнѣйшемъ развитіи человѣка, его разумъ достигъ, наконецъ, такой силы, что для него сдѣлалось понятною выгода, какую можно получить въ борьбѣ за существованіе, эксплоатируя трудъ одного человѣка въ пользу другого, и вотъ съ этого момента началось угнетеніе одного человѣка другимъ, прошедшее чрезъ различныя фазы, начиная съ самой жестокой—рабства, и кончая экономическимъ гнетомъ капиталистическаго строя въ обществахъ новоевропейской цивилизаціи. Но тотъ же разумъ, побуждаемый высшимъ нравственнымъ чувствомъ, стремится установить какъ международныя отношенія, такъ и соціальный строй на началахъ справедливости, а борьбу изъ за необходимаго замѣнить соревнованіемъ изъ за лучшаго. Въ нижеслѣдующемъ, мы постараемся показать, что это стремленіе, въ однихъ случаяхъ, привело разумъ къ величайшимъ побѣдамъ, въ другихъ—поставило его на надежный путь къ достиженію успѣха.

Настоящій періодъ, переживаемый человѣчествомъ, представляетъ одну изъ самыхъ многознаменательныхъ эпохъ въ прогрессивной эволюціи сознательнаго начала природы. Для правильной оцѣнки этой эпохи надо разсматривать факты, ея характеризующіе, не съ точки зрѣнія желаемаго идеала, а употребить сравнительный методъ, т. е. надо указать на свѣтлыя и теневыя стороны того, что было прежде

и что есть теперь; потомъ необходимо стать, повозможности дальше отъ того психическаго настроенія, которое такъ художественно изображено „въ рыбакѣ и рыбкѣ“ Пушкина, въ лицѣ жены рыбака, и имѣть постоянно въ виду, что всѣ тѣневыя стороны психики человѣка воспитывались въ немъ десятки тысячелѣтій, что поэтому они не могутъ быть искоренены въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и еще долго будутъ заявлять себя. Сравнимъ же настоящее съ прошлымъ, взявъ для того явленія наиболѣе характеризующія различныя стадіи прогресса человѣчества.

Господство прежнихъ цивилизацій ограничивалось только нѣкоторымъ опредѣленнымъ райономъ. Новоевропейской цивилизаціи, представляемой группою народовъ, сопричастныхъ ей, принадлежитъ господство почти надъ всею поверхностью земного шара. Это господство гарантируетъ ее отъ опасности подвергнуться нашествію дикихъ ордъ изъ болѣе низкихъ расъ человѣческаго рода, отъ которыхъ погибла не одна древняя цивилизація. Интеллигентные и правительственные классы народовъ новоевропейской цивилизаціи зорко слѣдятъ за другими, болѣе низкими расами, населяющими землю, и имѣютъ о нихъ достаточно свѣдѣній, чтобы судить, насколько одни изъ нихъ парализованы въ своихъ аггрессивныхъ силахъ, насколько другіе могутъ угрожать цивилизаціи, чтобы своевременно принять нужныя мѣры для безопасности.

Семья народовъ новоевропейской цивилизаціи уже пережила острый періодъ кройки различныхъ областей Европы, совершавшейся въ прежнія времена по мотивамъ, большею частью совершенно чуждымъ народнымъ интересамъ и возбуждавшимъ частыя и раззорительныя войны. Эта семья сложилась теперь въ болѣе прочную и устойчивую систему государствъ подъ вліяніемъ новаго принципа, принципа національностей, хотя и небезупречнаго въ примѣненіи къ отдѣльнымъ, сравнительно незначительнымъ народнымъ группамъ, но, несомнѣнно, ведущаго къ большой устойчивости международныхъ отношеній. Большинство современныхъ европейскихъ государствъ составлены или изъ однородныхъ элементовъ, или изъ элементовъ, хотя и разнородныхъ, но группирующихся около племени, преобладающаго по культурѣ или по численности; и въ послѣднемъ случаѣ, они все-таки представляютъ лучшій способъ для смягченія антагонизма и взаимной вражды различныхъ мѣстныхъ стремленій, оставленныхъ намъ въ наслѣдіе исторіей. Поэтому нельзя не отдать справедливой дани уваженія и благодарности великому мужу 19 столѣтія, съумѣвшему разрозненныя силы мелкихъ нѣмецкихъ государствъ соединить для образованія прочнаго и могучаго политическаго тѣла. Должная оцѣнка пользы, принесенной имъ цивилизованному человѣчеству, настанетъ впослѣдствіе, когда успокоятся низкія эмоціи, всегда возбуждаемыя въ нѣкоторыхъ душахъ завистью и различными опасеніями, особенно, когда послѣднія настойчиво культивируются группою людей,

руководимыхъ или личными интересами, или, по складу своей психики, способныхъ сѣять только вражду и международную ненависть. Но уже и теперь возможна вполнѣ объективная оцѣнка пользы, оказанной человѣчеству объединителемъ Германіи: онъ удовлетворилъ чувству справедливости, давъ прочную политическую организацію племени, оказавшему какъ въ прошлыя, такъ и въ недавнія времена громадныя услуги человѣчеству на пути его къ прогрессу, и тѣмъ вывелъ это племя изъ состоянія унизительнаго политическаго безсилія; созданіемъ могучаго политическаго тѣла въ центрѣ Европы, онъ устранилъ соблазнъ ко всякимъ постороннимъ вмѣшательствамъ и авантюрамъ, для которыхъ раздробленная Германія представляла до того такую удобную почву; наконецъ, показалъ величайшій примѣръ политическаго благоразумія и высшаго гуманизма, когда, создавъ сильнѣйшее въ военномъ отношеніи государство, онъ смогъ ограничиться только внутреннимъ укрѣпленіемъ своего созданія, а не поддаться соблазну, обыкновенно увлекающему другихъ людей въ его положеніи, соблазну, расширить власть своего государства; не поддался даже въ тѣ минуты, когда обстоятельства и сильное давленіе шовинистовъ толкали его на этотъ скользкій путь.

Въ началѣ 19 столѣтія выступилъ на историческую сцену величайшій военный геній. Упоенный успѣхами, онъ возмечталъ осуществить если не всемірную монархію, то гегемонію одного народа надъ всѣми другими; но достаточно было неудачи одного похода, чтобы все зданіе, созданное имъ, рушилось до основанія. Уже и тогда, сила, объединившая европейскіе народы въ отдѣльныя государства, была достаточна, чтобы бороться противъ враждебнаго ей начала и кончить борьбу полною побѣдою.

Когда тѣ немногіе члены семьи европейскихъ государствъ, которые въ настоящее время представляютъ еще конгломераты несвязныхъ и враждебныхъ другъ другу элементовъ, найдутъ для себя достаточно прочныя основы для устойчивости, а это не трудно осуществить, имѣя примѣры въ Швейцаріи и С. Америкѣ, тогда въ правительственныхъ и вліятельныхъ классахъ, также какъ и въ общественномъ мнѣніи европейскихъ народовъ, установится такой взглядъ на международныя отношенія, для котораго всякая попытка насильственной кройки государственныхъ территорій будетъ казаться настолько же дикою и безнравственною, насколько теперь оказалась бы таковою попытка обратить въ рабство, или крѣпостное состояніе населеніе завоеванной области. Тогда среди народовъ Европы. изъ поводовъ къ военнымъ столкновеніямъ, устранится главнѣйшій, а другіе, менѣе важные, всегда могутъ быть устранены мирными соглашеніями и компромиссами.

Къ той же высокой цѣли мирнаго сожительства цивилизованныхъ народовъ стремится и партія мира, привлекающая въ свой кругъ лицъ главнѣйше изъ интеллигентныхъ и наиболѣе нравственно

развитыхъ общественныхъ слоевъ. Слабая вначалѣ, она разрастается съ каждымъ годомъ и обѣщаетъ въ непродолжительномъ времени достигнуть значенія политической силы, съ которою надо будетъ считаться. Голосъ, обращенный къ народамъ, съ высоты престола русскаго царя, съ предложеніемъ ослабить вооруженія, оказалъ могучую поддержку этой партіи и все указываетъ на недалекость того времени, когда ядро, заложенное въ Гаагѣ, разрастется въ прочное и могучее учрежденіе ареопага, передъ приговоромъ котораго будутъ склоняться всѣ цивилизованные народы по всѣмъ главнымъ вопросамъ международной политики.

Большія вооруженныя силы, которыми обладаютъ теперь цивилизованные народы, не служатъ доказательствомъ военнаго настроенія этихъ народовъ. Быстрое развитіе научныхъ и техническихъ знаній въ теченіе послѣдняго столѣтія, дало возможность цивилизованнымъ народамъ создать громадныя богатства и дать въ руки своихъ правительствъ могучія матеріальныя средства, части которыхъ достаточно для созданія и содержанія милліонныхъ армій... Эти средства такъ велики, что теперешнія вооруженія, не смотря на ихъ сравнительную громадность, далеко не такъ обременительны для финансовъ народовъ, какъ 150 и 200 лѣтъ тому назадъ были обременительными вооруженія въ 10 разъ меньшія противъ теперешнихъ. Кристаллизаціонный процессъ національнаго объединенія Италіи и, главное, Германіи, потребовалъ участія большихъ вооруженныхъ силъ, а необходимость обезпечить достигнутые результаты съ одной стороны, и возбужденныя опасенія съ другой,—заставляютъ правительства и по сіе время содержать большія арміи. Если исключить Турцію, которая еще не можетъ быть причислена къ семьѣ европейски цивилизованныхъ народовъ, то въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, протекшихъ со времени объединенія Германіи, на территоріи Европы не было ни одного военнаго столкновенія между этими народами; что служитъ указателемъ устойчивости международнаго политическаго строя Европы вообще. Пройдутъ новые десятки лѣтъ, сойдутъ со сцены поколѣнія, мечтающія о реваншѣ, въ правительствахъ и народахъ укрѣпится еще болѣе сознаніе необходимости мирнаго сожительства и тогда неприкосновенность территоріальныхъ границъ обратится въ фактъ, не подлежащій спору. Если къ тому времени, такъ или иначе, разрѣшится Восточный вопросъ, это больное мѣсто Европы, тогда для народовъ новоевропейской цивилизаціи настанетъ эпоха новой, высшей международной политики, основанной на болѣе высокихъ нравственныхъ началахъ. Увѣренность каждаго народа въ полной неприкосновенности территоріи своего государства можетъ не только ослабить, но и вполнѣ уничтожить ихъ взаимное недовѣріе, и тогда останется только шагъ для соединенія ихъ въ федерацію съ полною автономіею каждаго изъ нихъ въ дѣлахъ внутренняго управленія, т. е. къ осуществленію международнаго строя гораздо болѣе

надежнаго, чѣмъ заключаемые теперь союзы и различныя комбинаціи для такъ наз. политическаго равновѣсія. Соединенныя военныя силы всѣхъ членовъ федераціи, сокращенныя для каждаго изъ нихъ до возможнаго минимума, будутъ вполнѣ достаточны, чтобы подавить всякую политическую авантюру, посягнувшую нарушить неприкосновенность территоріи своихъ сосѣдей; онѣ же послужатъ кадрами для образованія могучихъ армій, на случай защиты европейской цивилизаціи отъ посягательствъ со стороны тѣхъ низшихъ расъ человѣческаго рода, которыя въ настоящее время, несмотря на свою многочисленность, еще не представляютъ опасности, но на взглядъ нѣкоторыхъ могутъ представить таковую въ будущемъ. Но подобныя опасенія не основательны, потому что всякій народъ, непричастный европейской цивилизаціи, тогда только можетъ представить грозную наступательную военную силу, когда онъ, вмѣстѣ съ европейскимъ вооруженіемъ, будетъ обладать и другими средствами, даваемыми европейскими науками и техникою, т. е. когда онъ усвоитъ себѣ главное изъ европейской цивилизаціи; но, усвоивъ это, онъ войдетъ въ семью цивилизованныхъ народовъ и для него такъ же, какъ и для каждаго члена этой семьи, всякое военное столкновеніе съ ними будетъ противорѣчить его матеріальнымъ и духовнымъ интересамъ и, слѣдовательно, и для него сдѣлается справедливымъ выраженіе Мольтке „что самая побѣдоносная война съ цивилизованнымъ народомъ не вознаграждаетъ жертвъ, приносимыхъ ей“, выраженіе справедливое, за исключеніемъ такихъ войнъ, гдѣ преслѣдуются высшія гуманныя цѣли, какъ наприм., объединеніе Италіи, Германіи, или освободительныя войны Россіи и С. Америки.

Съ устраненіемъ главныхъ поводовъ къ столкновеніямъ народовъ новоевропейской цивилизаціи и съ учрежденіемъ авторитетнаго ареопага, для мирнаго разрѣшенія вопросовъ уже второстепеннаго значенія, останутся вопросы только колоніальной политики, которые могутъ еще подавать поводъ къ конфлитамъ, но эти вопросы, какъ показало прошлое, далеко не имѣютъ того остраго характера, чтобы не уступать полюбовнымъ соглашеніямъ и компромиссамъ.

Примѣчаніе. Въ образованной публикѣ распространено мнѣніе, что усовершенствованія въ вооруженіи европейскихъ армій должны повести къ страшному кровопролитію, въ случаѣ войны между цивилизованными націями. Это мнѣніе совершенно невѣрно: военная исторія показываетъ, что кровопролитіе битвъ уменьшается по мѣрѣ усовершенствованія вооруженій. Самыя кровопролитныя сраженія были до изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, когда сражались главнѣйше холоднымъ оружіемъ; да оно и понятно, потому что отряды, вступавшіе тогда въ бой, сходились вплотную, строй противъ строя, почему изъ каждыхъ двухъ враговъ, встрѣтившихся въ бою, одинъ черезъ нѣсколько

минутъ долженъ былъ пасть. При настоящемъ вооруженіи отряды дѣйствуютъ другъ противъ друга на большихъ разстояніяхъ, и нужно сдѣлать сотни ружейныхъ выстрѣловъ и нѣсколько пушечныхъ, чтобы убить или ранить одного человѣка Приведемъ нѣсколько цифръ для наиболѣе кровопролитныхъ сраженій 19-го столѣтія. Въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау въ 1807 г. выбыло изъ строя французовъ и русскихъ до 30% всего числа сражавшихся; въ Бородинскомъ сраженіи, продолжавшемся только 10 часовъ, изъ 240 тысячъ сражавшихся, выбыло 95 тысячъ, т. е. 40%; въ сраженіи при Сенъ-Прива, въ 1870 г., когда дѣйствовали уже усовершенствованнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, изъ 300 тысячъ нѣмцевъ и французовъ выбыло только 30 тыс., т. е. 10%. Въ болгаро-сербскую войну былъ даже такой случай, что двѣ, хотя и небольшія арміи, сражались цѣлый день и потѣря съ каждой стороны не превышала даже одного десятка людей. По мѣрѣ усовершенствованія вооруженій измѣняется и тактика, чѣмъ и объясняется уменьшеніе кровопролитія сраженій; но когда европейскія войска встрѣчаются съ войсками народовъ, незнакомыхъ съ европейскими военными науками, тогда дѣйствія усовершеннаго вооруженія ужасны: достаточно одного европейскаго батальона, чтобы уничтожить цѣлую дивизію необразованнаго непріятеля, какъ это мы и видѣли въ послѣдней войнѣ европейцевъ съ китайцами. Чтобы народъ, не входящій въ семью народовъ новоевропейской цивилизаціи, могъ вести съ успѣхомъ наступательную войну противъ европейцевъ, необходимы слѣдующія два условія: 1) чтобы его промышленная техника стояла на достаточной высотѣ и 2) чтобы онъ обладалъ многочисленнымъ корпусомъ образованныхъ офицеровъ. Но оба эти условія выполнимы только тогда, когда европейское образованіе уже достигло въ народѣ значительнаго распространенія; но тогда народъ неизбѣжно приходитъ къ убѣжденію, что всякая война, не вызванная необходимостью, кромѣ вреда, ничего принести не можетъ Такимъ образомъ, усовершенствованное вооруженіе даетъ страшную силу въ руки цивилизаціи въ борьбѣ только съ народами, не причастными ей.

Переходимъ теперь къ темнымъ сторонамъ соціальной жизни народовъ, къ той группѣ явленій, которыя служатъ опредѣлителями силы и способовъ угнетенія господствующихъ классовъ надъ классами угнетенныхъ. Новоевропейская цивилизація оказала человѣчеству величайшую услугу; она уничтожила самыя жестокія и унизительныя формы угнетенія, рабство и близкое къ нему крѣпостное состояніе и установила гражданскую равноправность всѣхъ членовъ цивилизованныхъ обществъ. Та арена, на почвѣ которой въ настоящее время

совершается угнетеніе, имѣетъ чисто экономическій характеръ. Но какъ бы въ отдѣльныхъ случаяхъ ни были тяжелы формы этого угнетенія, нельзя прировнять его къ рабству юридическому, поэтому и названіе „экономическаго рабства", данное ему нѣкоторыми, нельзя считать правильнымъ. Даже тѣ рабочіе и пролетаріи настоящаго времени, которые испытываютъ на себѣ экономическій гнетъ съ наибольшею силою, въ общемъ, пользуются несравненно большими матеріальными средствами, чѣмъ нѣкогда бывшіе рабы; но существенная разница въ положеніи тѣхъ и другихъ въ томъ, что первые обладаютъ сознаніемъ личной свободы, котораго лишены вторые, а чувство личной свободы такъ дорого человѣку, что даже въ крайнихъ случаяхъ безысходной нужды, онъ не рѣшается продать этой свободы. Какъ бы ни было тяжело матеріальное положеніе нѣкоторой части изъ всего класса рабочихъ, сознаніе, что они свободны выбрать всякій путь, могущій улучшить ихъ положеніе, вноситъ въ ихъ духовную жизнь тотъ свѣтлый элементъ, котораго лишенъ рабъ. Если присоединить сюда изъ-года-въ-годъ увеличивающееся благосостояніе рабочаго класса, поднятіе его умственнаго и политическаго развитія, возрастаніе его политической силы, то между нимъ и бывшимъ классомъ рабовъ откроется очень широкая граница.

Если сдѣлать сравнительную оцѣнку, въ нравственномъ отношеніи мотивовъ, приводящихъ къ учрежденію рабства, съ мотивами, вызвавшими экономическое угнетеніе въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ, то и тутъ мы находимъ существенную разницу. При учрежденіи рабства дѣйствуетъ только одинъ мотивъ, внушаемый злою волею человѣка, это возможно большая эксплоатація полноправнымъ человѣкомъ силъ безправнаго; тоже должно сказать и о крѣпостномъ состояніи даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно вызывалось яко-бы государственными нуждами. Угнетеніе экономическое совершается въ двухъ различныхъ сферахъ: въ сферѣ обрабатывающей промышленности и въ сферѣ сельско-хозяйственной. Въ первой, оно есть результатъ капиталистическаго производства и выражается въ формѣ гнета капитала надъ трудомъ, или другими словами, капиталиста надъ рабочимъ. Главною причиною, породившею капиталистическое производство надо считать изобрѣтенія и усовершенствованія въ области техники. Но каждый изобрѣтатель, за исключеніемъ развѣ только лицъ, преслѣдующихъ чисто военныя цѣли, далекъ отъ мысли нанести вредъ человѣчеству; наоборотъ, въ числѣ мотивовъ, возбуждающихъ его энергію, не малую роль играетъ желаніе принести своимъ изобрѣтеніемъ пользу послѣднему. Тоже надо сказать и о предпринимателѣ, примѣняющемъ изобрѣтеніе при устройствѣ какого-либо промышленнаго предпріятія; помимо личной выгоды, онъ руководится тутъ и тѣмъ соображеніемъ, что его предпріятіе введетъ новый продуктъ для общаго пользованія, или удешевитъ уже обращающійся на рынкѣ, и кромѣ того, дастъ заработокъ для нуждающихся въ немъ.

Такимъ образомъ, въ основѣ первоначальной причины, произведшей экономическое угнетеніе нѣтъ тѣхъ безнравственныхъ элементовъ, которые присущи мотивамъ учредителей рабства.

Экономическое угнетеніе, вызванное капиталическимъ производствомъ, есть результатъ сложныхъ причинъ, въ большинствѣ стоящихъ еще внѣ воздѣйствія на нихъ воли человѣка и потому оно для послѣдняго является какъ бы стихійною силою, противъ которой не найдено еще средствъ борьбы. Въ сравнительно короткое время, оно развилось съ такою силою и приняло такія тяжелыя формы, что привело въ недоумѣніе какъ народы, такъ и ихъ правительства, и только въ послѣднія десятилѣтія, и тѣ и другія, осмотрѣвшись, вступили на путь возможнаго смягченія этихъ формъ. Укажемъ на главныя причины, вызвавшія это грустное явленіе.

Всякое промышленное или торговое предпріятіе требуетъ затраты двухъ капиталовъ, основного и оборотнаго, отношеніе величинъ которыхъ зависитъ отъ рода предпріятія. Въ большинствѣ случаевъ основной капиталъ требуетъ ежегодно частичнаго погашенія (амортизаціи) и нѣкоторой на него прибыли. При отсутствіи послѣдней, или при ея очень малыхъ размѣрахъ, никакой капиталъ не рѣшился бы подвергнуть себя риску, сопряженному со всякимъ предпріятіемъ; исключенія представляютъ только капиталы, принадлежащіе различнымъ общественнымъ группамъ, когда интересы послѣднихъ иногда заставляютъ отказаться отъ прибыли на капиталъ, наприм., при устройствѣ городами водопроводовъ, канализаціи и т. п. Если исключить особые случаи затраты капиталовъ, когда прибыль получается въ видѣ земельной или государственной ренты, и остановиться на тѣхъ предпріятіяхъ, которыя имѣютъ дѣйствительно промышленный характеръ, то въ большинствѣ случаевъ погашеніе капитала и прибыль является въ видѣ добавочной цѣнности къ оборотному капиталу, т. е. въ видѣ разницы между реализованною на рынкѣ цѣнностью промышленнаго продукта и величиною затраченнаго оборотнаго капитала. При равенствѣ остальныхъ условій, величина этой разницы зависитъ отъ слѣдующихъ трехъ причинъ: 1) отъ техническихъ и другихъ какихъ-либо улучшеній въ способахъ производства; 2) отъ величины капиталовъ, какъ основного, такъ и оборотнаго и 3) отъ возможно меньшей затраты на пріобрѣтеніе матеріаловъ для производства и на покупку силы рабочаго. Такъ какъ каждое промышленное предпріятіе стремится увеличить свою прибыль, а взаимная конкуренція заставляетъ ее уменьшать, то въ возникшей отсюда борьбѣ всѣ три означенныя причины приводятъ къ такимъ послѣдствіямъ: первая—къ промышленному прогрессу, вторая—къ стремленію захватить промышленность въ кругъ крупныхъ капиталовъ и третья—въ воздѣйствіи на такіе элементы, которые, по своей эластичности, наиболѣе поддаются такому воздѣйствію; къ числу-то послѣднихъ и принадлежитъ заработанная плата рабочему. Тамъ, гдѣ отно-

шеніе между спросомъ и предложеніемъ труда рабочаго не въ его пользу, капиталы, побуждаемые взаимною конкуренціею, стремятся понизить заработанную плату до минимума, могущаго удовлетворить только самыя необходимыя потребности рабочаго. Если присоединить сюда чрезмѣрную продолжительность рабочаго дня, часто крайне негигіеничныя условія фабричной работы, ея автоматичность, обращающую рабочаго въ машину, необходимость рабочему выбирать для себя жилище въ самыхъ грязныхъ, мрачныхъ и смрадныхъ частяхъ промышленныхъ городовъ, то получится возмущающее нравственное чувство картины угнетенія того класса, который несетъ на себѣ главную тяжесть труда при сознаніи громадныхъ богатствъ, въ пользованіи которыми ему удѣляется доля, позволяющая ему не жить, какъ человѣку, а только влачить свое существованіе.

Для ослабленія конкуренціи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для полнаго ея уничтоженія, однородныя промышленныя предпріятія соединяются въ синдикаты, трэсты и т. п.; но вся выгода такихъ соединеній идетъ въ пользу капитала, а не рабочаго, хотя при болѣе гуманномъ отношеніи къ послѣднему, можно бы было тутъ достигнуть и значительнаго улучшенія положенія рабочаго.

Если отъ обрабатывающей промышленности мы перейдемъ къ чисто сельско-хозяйственной, то угнетеніе человѣка зависитъ тутъ отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ тяжести всей суммы налоговъ, лежащихъ на земледѣльцѣ, будутъ-ли то налоги государственные, или землевладѣльческіе и отъ чрезмѣрнаго дробленія земельныхъ участковъ, вызваннаго естественнымъ приростомъ народонаселенія. Первая причина устранима, противъ второй, не найдено еще средствъ борьбы, кромѣ средства временнаго, эмиграціи.

Темныя стороны экономическаго строя современныхъ цивилизованныхъ обществъ сознаются какъ самими обществами, такъ и ихъ правительствами, но сложность задачи, поставленной тутъ для рѣшенія, такъ велика, что передъ нею невольно отступаетъ самый рѣшительный характеръ. Если для уничтоженія рабства въ сѣверной Америкѣ достаточно было одной побѣдоносной войны аболиціонистовъ, а для уничтоженія крѣпостного состоянія въ Россіи воли русскаго царя и содѣйствія ему небольшой группы наиболѣе гуманныхъ и образованныхъ сподвижниковъ, то для уничтоженія экономическаго гнета требуется что-то другое, гораздо болѣе сложное. Всѣ правительства цивилизованныхъ государствъ какъ республиканскія, такъ и монархическія, ставятъ себѣ главнѣйшею задачею поднятіе благосостоянія народныхъ массъ, но всѣ ихъ мѣропріятія, несомнѣнно, благія, въ результатѣ даютъ еще далеко не то, что могло бы успокоить нравственное чувство и удовлетворить требованію справедливости. Трудность найти практическое средство для радикальнаго излѣченія экономическаго зла, увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ соціально-экономическихъ наукахъ господствуетъ сильное разногла-

сіе относительно путей и способовъ, которымъ можно бы было слѣдовать съ увѣренностью въ успѣхѣ, а немногочисленныя попытки осуществить на практикѣ ту или другую соціально-экономическую систему, кончались неудачею. Тѣмъ не менѣе, необходимость экономическихъ реформъ становится съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ощутимою. Теоріи различныхъ экономическихъ системъ намѣчаетъ пути, по которымъ должны слѣдовать эти реформы, и дѣйствительная жизнь, вѣроятно, выберетъ одинъ изъ этихъ путей, но можно заранѣе предсказать, что коммунистическій строй, съ его отрицаніемъ частной собственности, никогда не осуществится въ цивилизованныхъ обществахъ. На пути къ своему осуществленію онъ долженъ вступить въ борьбу съ индивидуализмомъ, растущимъ одновременно съ всесторонниимъ развитіемъ психики человѣка, и въ случаѣ временной побѣды, поддерживать свою власть только деспотизмомъ. До сихъ поръ мы знаемъ примѣры полнаго коммунизма только въ религіозныхъ общинахъ; но тамъ всѣ разнообразныя стремленія человѣческаго духа поглащаются господствующимъ религіознымъ чувствомъ

Свободное развитіе индивидуализма есть необходимое условіе дальнѣйшаго прогресса человѣчества, но оно мыслимо только при условіи какъ личной свободы человѣка, такъ и его свободы накоплять матеріальныя средства и распоряжаться ими согласно своему желанію, т. е. при условіи существованія частной собственности. Въ виду того, что нѣтъ, да и не можетъ быть, общей мѣры, по которой можно бы было распредѣлять вознагражденіе за трудъ людей различныхъ профессій, главныя усилія экономической реформаціи должны быть направлены на устраненіе явно несправедливыхъ отношеній, на возможно справедливое распредѣленіе продуктовъ труда и на пропорціонально большую затрату государственныхъ средствъ для общественныхъ группъ, поставленныхъ сравнительно въ неблагопріятныя экономическія условія.

Одновременно со всестороннимъ развитіемъ человѣка, развивается въ немъ и чувство справедливости, въ силу котораго онъ протестуетъ или оправдываетъ соціальное и экономическое неравенства въ зависимости отъ характера причинъ, произведшихъ это неравенство. Такъ, человѣкъ признаетъ справедливымъ если энергія, знанія, талантъ, твердая воля, трудолюбія, бережливость ..... даетъ владѣльцу этихъ качествъ лучшее соціальное и экономическое положеніе противъ того, кто ими не обладаетъ; также если изобрѣтатель. или предприниматель увеличиваютъ общественное богатство производствомъ какого-либо полезнаго продукта, то оба они имѣютъ нравственное право выдѣлить лично для себя часть этого богатства; такое же право имѣетъ и торговецъ, оказывающій обществу услугу передвиженія товаровъ; наконецъ, человѣкъ сознаетъ необходимость различнаго вознагражденія лицъ правительственной іерархіи въ зависимости отъ важности и отвѣтственности того или другого поста и качества тре-

буемаго труда. Но его чувство возмущается, когда онъ видитъ полную безучастность общества или государства къ судьбѣ труженика рабочаго, создающаго своимъ трудомъ громадныя богатства, или когда путемъ различныхъ махинацій, значительная часть этихъ богатствъ скопляется въ рукахъ различныхъ паразитовъ и эксплоататоровъ, будутъ ли то деревенскіе кулаки или финансовые короли биржи.

Та оргія, которая съ возрастающею силою разыгрывается теперь на экономической аренѣ, поражаетъ своею чудовищностью. Образовалась группа всякаго рода паразитовъ съ сильно развитымъ чутьемъ, подобнымъ чутью хищнаго звѣря; она пользуется всякимъ случаемъ присвоить себѣ ту или другую часть богатства, создаваемаго трудящимися классами общества. Эта группа, комплектуемая главнѣйше изъ племени, нѣкогда игравшаго лучшую роль въ исторіи человѣчества, раскинула свои высасывающіе щупальцы по всѣмъ родамъ полезнаго труда, по всѣмъ территоріямъ, занятымъ цивилизованнымъ человѣчествомъ. Дѣятельность этой группы проявляется въ разнообразныхъ видахъ: тамъ она приведетъ крестьянъ земледѣльцевъ въ состояніе безысходной задолженности, и затѣмъ скупитъ у нихъ землю за безцѣнокъ; въ другомъ мѣстѣ захватитъ въ свои руки предпріятіе, созданное тяжелымъ, упорнымъ трудомъ цѣлыхъ поколѣній, чтобы высосать изъ него все, что возможно; въ третьемъ организуетъ въ видѣ трэста или синдиката облаву на потребителя, чтобы заразъ произвести грабежъ en grand. Центральными пунктами, объединяющими ея дѣйствія, служатъ биржи въ главныхъ финансовыхъ центрахъ; здѣсь она фабрикуетъ и раздуваетъ предпріятія часто несбыточныя и даже фиктивныя, чтобы, урвавъ для себя львиную долю, бросить ихъ въ руки обманутой публики; ею же придуманъ тутъ цѣлый арсеналъ способовъ уловленія богатствъ, создаваемыхъ народнымъ трудомъ: всякое повышеніе или пониженіе курса денегъ и цѣнныхъ бумагъ, всякое событіе въ политическомъ мірѣ, колебаніе въ ту или другую сторону курса бумагъ фондовой или товарной биржи и проч. проч. всякимъ подобнымъ обстоятельствомъ она пользуется, чтобы что-нибудь урвать отъ народнаго труда, а для болѣе вѣрнаго обезпеченія успѣха въ легкой наживѣ, нерѣдко сама искуственно создаетъ эти обстоятельства.

Богатства, скопившіяся въ рукахъ этой партіи могутъ служить мѣриломъ зла, наносимаго ею человѣчеству, а эти богатства громадны. Одна фирма Ротшильдовъ обладаетъ годовымъ доходомъ, достаточнымъ для поддержанія народнаго благосостоянія въ государствѣ средней величины, а подобныхъ фирмъ, хотя меньшей силы, надо считать сотнями. Но присвоеніемъ незаслуженныхъ богатствъ не исчерпывается все зло, наносимое человѣчеству партіею легкой наживы: въ ея рукахъ находится главный фондъ, изъ котораго правительства черпали средства для веденія войнъ. Эти средства давали

возможность развивать военныя операціи въ гораздо большихъ размѣрахъ и на болѣе продолжительное время, чѣмъ это было бы возможно при большихъ затрудненіяхъ въ реализаціи займовъ на военныя цѣли. Въ результатѣ получалось увеличеніе числа убитыхъ и искалѣченныхъ, расширеніе областей разоренныхъ войной и большее возрастаніе государственнаго долга. Изъ 60 милліардовъ рублей, представляющихъ въ настоящее время сумму долговъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, 36 милліардовъ пошли на войны и вооруженія и только 24 милліарда на полезныя предпріятія.

Указываютъ на пользу, приносимую фондомъ этой партіи въ дѣлѣ развитія различныхъ торгово промышленныхъ предпріятій; но при болѣе правильномъ экономическомъ строѣ, ту же пользу могли бы оказать государственныя и различнаго вида общественныя кредитныя учрежденія, доходы которыхъ идутъ на обще-народныя нужды, а не служатъ къ усиленію средствъ партіи, совершенно чуждой истиннымъ интересамъ человѣчества и проникнутой одной только явной тенденцей: расширить сколько возможно власть капитала даже до полнаго экономическаго порабощенія народовъ.

Сознаніе громадности вреда, наносимаго этой партіею трудящемуся человѣчеству уже давно проникло какъ въ интеллигентные слои обществъ, такъ и въ правительственные сферы; оно начинаетъ проникать и въ народныя массы и, вѣроятно, не далеко то время, когда реформы, могущія устранить этотъ вредъ сдѣлаются неизбѣжными. Можно заранѣе сказать, что иниціатива этихъ реформъ не выйдетъ изъ господствующаго класса финансоваго міра; она можетъ явиться только или въ средѣ народныхъ массъ, или въ правительственныхъ сферахъ. Но сложность задачи, подлежащей тутъ рѣшенію, такъ велика, что значительно превышаетъ силы коллективнаго интеллекта народныхъ массъ; кромѣ того, надо принять въ соображеніе и свойство этихъ массъ увлекаться всякими химерами, не имѣющими малѣйшаго шанса на практическое осуществленіе. Этимъ свойствомъ воспользуются фанатики и честолюбцы, чтобы, возбудивъ народныя страсти, сломить все, что по ихъ мнѣнію можетъ препятствовать ихъ соціально-экономическимъ экспериментамъ, а тамъ, гдѣ они почтутъ то нужнымъ, они не остановятся пролить потоки человѣческой крови и безпощадно разрушить наиболѣе дорогое для цивилизованнаго человѣчества.

Только правительственная власть можетъ безъ катастрофъ совершить нужные реформы, только она одна имѣетъ возможность, не блуждая изъ стороны въ сторону, принять вѣрный путь для устраненія со сцены партіи легкой наживы и заставить остальную часть богатаго класса нѣсколько поступиться своими интересами для всенароднаго блага. Въ числѣ наиболѣе благопріятныхъ условій для свободнаго дѣйствія правительствъ въ указанномъ направленіи, должно считать установленіе наивозможно большей устойчивости междуна-

родныхъ отношеній, поэтому необходимо стремиться къ возможно скорому осуществленію международнаго ареопага и федераціи цивилизованныхъ государствъ. Въ послѣднее столѣтіе, такъ же, какъ и въ предшествовавшія, всѣ правительства Европы были поглощены заботами о территоріальной цѣлости своихъ государствъ, что и по сіе время заставляетъ ихъ значительную долю государственныхъ средствъ тратить на вооруженія, а для усиленія этихъ средствъ всѣми мѣрами способствовать развитію отечественной промышленности, при чемъ соображеніе о томъ, какъ распредѣляются въ народѣ богатства, создаваемыя этой промышленностью ставятся на послѣднемъ планѣ, отчасти изъ боязни неловкимъ вмѣшательствомъ вредно повліять на промышленную предпріимчивость и тѣмъ ослабить финансовыя силы государства. Когда международныя отношенія достигнутъ полной устойчивости, тогда освободятся значительныя суммы, идущія теперь на вооруженіе, которыя и направятся къ достиженію культурныхъ цѣлей, кромѣ того и, это самое главное, правительства получатъ возможность направить свои главныя силы на борьбу съ тѣми факторами, дѣйствіемъ которыхъ въ настоящее время опредѣляется несправедливое распредѣленіе продуктовъ народнаго труда.

Какъ война обнаруживаетъ и выдвигаетъ военныя таланты, такъ и новое направленіе экономической политики выдвинетъ на историческое поприще людей, могущихъ повести народы по новымъ путямъ въ дальнѣйшемъ прогрессѣ соціально-экономическаго строя. Появятся люди, въ сознаніи которыхъ смутная и сложная картина современныхъ экономическихъ отношеній освѣтится яркимъ свѣтомъ генія; такъ же ясенъ для нихъ будетъ и путь, по которому они должны слѣдовать къ намѣченной цѣли. Въ прошлой исторіи человѣчества, въ рядѣ ея великихъ политическихъ дѣятелей, трудно подыскать типъ, на котораго можно бы было указать какъ на предтечу великихъ политическихъ дѣятелей будущаго. Всѣ эти Цезари, Наполеоны и имъ подобные, не могутъ быть взяты тутъ для примѣрнаго сравненія; во-первыхъ потому, что главныя цѣли, намѣчаемыя ими, требовали отъ нихъ способовъ сравнительно простыхъ и уже давно практикуемыхъ человѣчествомъ, поэтому и степень развитія ихъ интеллекта должна значительно уступать той, какая проявится въ великихъ реформаторахъ будущаго, призванныхъ къ рѣшенію крайне сложныхъ соціальныхъ вопросовъ. Далѣе, главнымъ нравственнымъ стимуломъ дѣятелей первой категоріи служилъ ихъ эгоизмъ, со всѣми вытекающими изъ него психическими качествами, низшаго порядка: властолюбіемъ, тщеславіемъ, честолюбіемъ и др.; нравственный обликъ дѣятелей второй категоріи долженъ отличаться качествами другого, высшаго порядка, тѣмъ, что характеризуетъ идеалистовъ, проникнутыхъ горячею и дѣятельною любовью къ человѣчеству. Изъ всего ряда великихъ дѣятелей прошлаго, для людей второй категоріи, наиболѣе подходящимъ типомъ должно поставить Петра Великаго. Они, такъ же

какъ и этотъ царь, должны быть готовыми положить душу свою за благо народа, должны обладать мужествомъ, вести упорную и постоянную борьбу съ сильными и многочисленными врагами. Характеръ борьбы потребуетъ отъ нихъ болѣе трудныхъ и сложныхъ тактическихъ пріемовъ, въ виду особенностей поля битвы и силы позицій, занимаемыхъ врагами: предстоитъ найти вѣрный способъ нанести смертельный ударъ партіи легкой наживы, воспользоваться капиталистическимъ производствомъ, какъ средствомъ для болѣе справедливаго распредѣленія создаваемыхъ имъ богатствъ и при этомъ, сумѣть избѣжать всего того, что можетъ парализовать промышленную инициативу и предпріимчивость; кромѣ того, они должны чутко прислушиваться къ движеніямъ, совершающимся въ различныхъ общественныхъ группахъ и ихъ геній долженъ подсказать имъ, чему въ этихъ движеніяхъ оказать содѣйствіе и противъ чего надо бороться. Тогда для цивилизованныхъ народовъ настанетъ новый, лучшій фазисъ ихъ жизни; значеніе каждаго государства въ семьѣ остальныхъ будетъ опредѣляться не числомъ штыковъ и пушекъ, а числомъ цивилизующихъ учрежденій и наивозможно меньшимъ процентомъ содержащихся въ тюрьмахъ и больницахъ, а финансовое благосостояніе,— не величиною только богатствъ, заключенныхъ въ предѣлахъ государства, а тѣмъ, какъ оно распорядится ими, чтобы экономическое благосостояніе распространить на возможно большее число своихъ жителей.

Глава VIII.

Законъ Мальтуса. Искусственное регулированіе населенія. Непрактичность способа регулированія, предложеннаго Мальтусомъ; возможность другого лучшаго способа. Возраженія противъ регулированія населенія; польза регулированія. Постепенный подъемъ нравственнаго уровня въ человѣчествѣ.

Всякій видъ животнаго или растительнаго царства стремится къ неограниченному размноженію по закону геометрической прогрессіи, съ большимъ или меньшимъ знаменателемъ прогрессіи, такъ что если для какого-либо вида устранить препятствія, поставляемыя природой его размноженію, то этотъ видъ въ теченіе нѣкотораго времени заселилъ бы сплошь всю поверхность земного шара. Для примѣра возьмемъ двухъ животныхъ съ малымъ знаменателемъ прогрессіи: слона и человѣка. Слонъ считается животнымъ размножающимся медленнѣе всѣхъ и, если принять, что одна пара слоновъ произведетъ въ теченіе всей своей жизни только три пары дѣтенышей, то черезъ пятьсотъ лѣтъ потомство этой пары возрастетъ до 15 милліоновъ особей. Медленно плодящійся человѣкъ, при благопріятныхъ условіяхъ, удваивается въ числѣ въ теченіе 25 лѣтъ; если допустить

тоже удвоеніе и въ будущемъ, то черезъ 500 лѣтъ, считая отъ настоящей минуты, на всей сушѣ земного шара буквально не было бы мѣста для потомства человѣка.

Природа ставитъ множество препятствій для неограниченнаго размноженія каждаго вида. Дарвинъ, въ своемъ сочиненіи о происхожденіи видовъ, рисуетъ сложную картину того взаимодѣйствія организмовъ, которое, вмѣстѣ съ стихійными факторами, держитъ каждый видъ въ тѣсно ограниченныхъ предѣлахъ, препятствующихъ его неограниченному размноженію, а процессъ этого ограниченія названъ имъ борьбою за существованіе.

Въ числѣ факторовъ, вліяющихъ на многочисленность вида, должно поставить пищевые и другіе средства къ жизни. Животныя, стоящія ниже человѣка, обыкновенно мало вліяютъ на величину этихъ средствъ; человѣкъ же къ естественнымъ средствамъ присоединяетъ множество искусственныхъ, которыя позволяютъ ему размножаться по мѣрѣ увеличенія этихъ искуственныхъ средствъ. Зависимость между приростомъ населенія какой-либо области или государства и увеличеніемъ жизненныхъ средствъ Мальтусъ выразилъ такимъ закономъ: „населеніе растетъ въ геометрической прогрессіи, а средства къ жизни въ ариѳметической“; хотя вторая часть этого закона и не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, законъ Мальтуса вѣренъ, т. е. населеніе растетъ быстрѣе, чѣмъ средства къ жизни. Попытки научно опровергнуть этотъ законъ оказались неудачными: слишкомъ слабы данныя и аргументы противъ него и наоборотъ сильны „за“.

Въ доказательство сильнаго прироста населенія съ увеличеніемъ средствъ къ жизни и съ ослабленіемъ жестокихъ формъ борьбы за существованіе, можно привести такіе примѣры. Народонаселеніе территоріи Бельгіи, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, едва ли составляло одну двадцатую часть теперешняго, и эту сравнительную рѣдкость населенія того времени должно объяснить не слабою половою производительностью народа, обитавшаго въ этой странѣ, а необезпеченностью существованія тогдашняго человѣка: скудость средствъ къ пропитанію, невозможность откуда-либо пополнить ихъ въ голодные года, недостаточное обезпеченіе жизни и имущества человѣка, свирѣпый способъ веденія войны, нерѣдко сопровождаемый поголовнымъ избіеніемъ побѣжденнаго непріятеля и полнымъ разореніемъ его жилищъ и хозяйства и многое другое;—все это держало населеніе въ узко ограниченныхъ предѣлахъ относительно числа особей и не позволяло ему подняться выше опредѣленнаго уровня. Далѣе, въ Европѣ, въ началѣ 19 столѣтія, было 175 милліоновъ жителей, а въ концѣ его 380 милліоновъ, т. е., въ столѣтіе, населеніе Европы увеличилось въ $2^1/_6$ раза. Такой ростъ населенія сильно выходитъ за границы, допускаемыя обыкновенными жизненными условіями, п. ч. если мы допустимъ возрастаніе населенія въ той же прогрессіи и въ слѣдующія

столѣтія, то черезъ 1000 лѣтъ населеніе Европы возрастетъ до 750 милліардовъ, т. е. въ 150 разъ превыситъ все населеніе земного шара настоящаго времени. Сильный приростъ европейскаго населенія въ 19 вѣкѣ есть явленіе исключительное и объясняется небывало могучимъ развитіемъ всѣхъ родовъ промышленности, доставившей европейцамъ громадныя средства къ жизни. Конечно не малую роль играли тутъ и политическіе реформы, установившіе для всѣхъ членовъ цивилизованныхъ обществъ политическую и гражданскую равноправность и личную и имущественную безопасность.

Но въ 19 столѣтіи, болѣе чѣмъ когда-либо, и обнаружилось вѣрность закона Мальтуса. Вслѣдъ за каждымъ промышленнымъ успѣхомъ, увеличивающимъ средства къ жизни, появлялись толпы ищущихъ заработковъ, которыя скоплялись главнѣйше въ промышленныхъ городахъ; при этомъ, отношеніе между спросомъ и предложеніемъ рабочей силы, было постоянно въ пользу капитала, что доказывалось массою безработныхъ, низкою вообще заработанною платою и полно экономическою беззащитностью рабочаго, пока въ послѣднее десятилѣтіе правительства не обратили на это свое вниманіе и не начали принимать нѣкоторыхъ мѣръ для смягченія тяжелой участи рабочихъ; да и сами рабочіе организовали союзы для борьбы съ капиталомъ. Такимъ образомъ, тенденція человѣка къ неограниченному размноженію, полезная для государствъ съ рѣдкимъ населеніемъ, для густонаселенныхъ государствъ, представляетъ зло, такъ какъ она ведетъ къ тому, что всякое новое поприще для дѣятельности человѣка быстро наполняется конкуррентами, а не успѣвшіе воспользоваться представившимися случаями, образуютъ тѣ арміи несчастныхъ, описаніе жизни которыхъ возбуждаетъ въ насъ глубокое чувство жалости и горечь сознанія трудности, если не невозможности помочь имъ. Всѣ промышленныя государства западной Европы испытываютъ на себѣ вредъ избытка населенія.

Соціально-экономическія реформы конечно могутъ значительно улучшить положеніе народныхъ массъ, но не могутъ считаться радикальнымъ средствомъ въ борьбѣ съ послѣдствіями, вытекающими изъ суроваго закона Мальтуса, потому что всякая разумная соціальная реформа, въ существующій уже рядъ благопріятныхъ условій, для размноженія человѣка, введетъ новый элементъ, который не замедлитъ вызвать соотвѣтствующее ему увеличеніе населенія до того избытка, при которомъ начинаетъ дѣйствовать напряженная борьба за существованіе. Переселеніе избытка населенія въ другія страны, съ рѣдкимъ населеніемъ, также можетъ считаться только временною мѣрою въ виду ограниченности на земномъ шарѣ областей, удобныхъ для заселеній. Такимъ образомъ, современному человѣчеству представляется трудная задача создать такія условія жизни, которыя повели бы къ ослабленію и даже полному устраненію борьбы за существованіе, по крайней мѣрѣ въ передовыхъ расахъ человѣческаго рода,

борьбы, вносящей такой сильный деморализующій элементъ въ этическій складъ души человѣка и препятствующей ему осуществить на землѣ строй жизни, соотвѣтствующій его высшимъ помысламъ и идеаламъ.

Поставленная задача, несомнѣнно, разрѣшится будущими высшими существами, въ которыхъ выразится сознательное начало природы; но уже и теперь мыслима возможность борьбы съ вредными послѣдствіями закона Мальтуса, если не во всей массѣ человѣческаго рода, то въ областяхъ, занимаемыхъ наиболѣе цивилизованными народами. Эта возможность заключается въ искуственномъ регулированіи размноженія человѣка. Прежде чѣмъ указать на какой-либо способъ такого регулированія, мы считаемъ нужнымъ привести нѣкоторыя соображенія для расчистки пути отъ сомнѣній, могущихъ явиться тутъ вообще, независимо отъ частнаго понятія о томъ или другомъ способѣ регулированія.

Борьба за существованіе проявляется съ такою всеобщностью не только во всемъ органическомъ мірѣ, но и въ цивилизованномъ человѣчествѣ, что невольно является увѣренность въ неизбѣжности этой борьбы не только въ ближайшемъ будущемъ, но и въ отдаленномъ, когда появятся высшія существа. Но эта увѣренность должна поколебаться въ виду побѣдъ, одержанныхъ цивилизованнымъ человѣчествомъ въ такихъ сферахъ, гдѣ для всего остального организованнаго міра, дѣйствія природы проявляются во всей ихъ неуклонности и всеобщности. Въ подтвержденіе этого остановимся на нѣкоторыхъ фактахъ.

Всякая область, занимаемая какимъ-либо видомъ животнаго царства, доставляетъ, въ среднемъ, опредѣленное количество пищевыхъ матеріаловъ, нужныхъ для поддержанія жизни особей этого вида. Количество этихъ матеріаловъ колеблется изъ-году-въ-годъ и чрезъ нѣкоторые промежутки времени, не періодическаго характера, наступаютъ года, когда оно падаетъ до уровня, далеко ниже того минимума, какой необходимъ для поддержанія жизни всѣхъ особей вида, населяющаго область; тогда наступаетъ голодъ и область подвергается страшному опустошенію. Этого бича не избѣгъ и человѣкъ: едва-ли есть народъ, который въ прежнія времена не испыталъ бы на себѣ нѣсколько разъ опустошеній, производимыхъ голодомъ. И въ настоящее время почти всѣ народы, стоящіе не только на низкой ступени цивилизаціи, но и на ступеняхъ значительно высшихъ, испытываютъ бѣдствія голода, наступающаго черезъ тотъ или другой промежутокъ времени; только передовыя государства новоевропейской цивилизаціи гарантированы отъ сильныхъ степеней этого бѣдствія. Громадныя богатства, накопившіяся у жителей этихъ государствъ, значительныя матеріальныя средства, которыми располагаютъ ихъ правительства, могучіе способы для перевозки грузовъ, даютъ возможность этимъ государствамъ быстро восполнять даже са-

мый сильный недородъ пищевыхъ матеріаловъ, доставкою ихъ изъ другихъ странъ, имѣющихъ въ нихъ избытокъ. Конечно, и въ этихъ государствахъ чувствуется вліяніе недородовъ, но бѣдствія, вызываемыя имъ такъ незначительны по ихъ интенсивности, что не могутъ итти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что испытываютъ въ голодныя года народы на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Можно съ увѣренностью сказать, что такія государства, какъ Англія, Франція, Германія и С. Американскіе Штаты, вполнѣ гарантированы отъ опустошеній, производимыхъ голодомъ во всемъ остальномъ животномъ царствѣ.

Въ параллель съ голодомъ можно поставить другой бичъ, также проявляющій себя во всемъ животномъ царствѣ,—это повальныя болѣзни, появляющіяся спорадически. Едва-ли есть животный видъ, едва ли существуетъ народъ, который въ недавнія, или въ давно прошедшія времена, по нѣскольку разъ не испытывалъ бы на себѣ всю силу этого бича. Только народы новоевропейской цивилизаціи показали намъ, что и тутъ человѣкъ вступилъ на путь, обѣщающій ему полную побѣду. Извѣстно, какія страшныя опустошенія испытывали въ прежнія времена области Западной Европы отъ различнаго вида эпидемій; въ концѣ же 19 столѣтія мы были свидѣтелями появленія одной изъ страшныхъ эпидемій, холеры, среди густо населенныхъ центровъ Европы: въ Гамбургѣ, Марсели, рабочихъ кварталахъ Парижа..... и вездѣ она была задавлена въ своихъ очагахъ появленія, а не распространялась, какъ въ прежнія времена, по обширнымъ областямъ. Подобный же пріемъ встрѣтила въ З. Европѣ и Россіи и другая, еще болѣе страшная эпидемія, чума. Научныя знанія дали тутъ въ руки человѣка средства борьбы, а высокая степень общественной организаціи сдѣлала возможнымъ примѣненіе этихъ средствъ въ той полнотѣ и цѣлесообразности, какія нужны для обезпеченія успѣха.

Приведенныхъ двухъ примѣровъ, голода и эпидемій, вполнѣ достаточно, чтобы показать насколько факторы, энергично дѣйствующіе во всемъ животномъ царствѣ, въ обществахъ новоевропейской цивилизаціи уже и теперь могутъ быть ослаблены въ такой мѣрѣ, что результаты ихъ дѣйствій оказываются сравнительно ничтожными; поэтому есть полное основаніе надѣяться, что и для такого фактора, какъ борьба за существованіе, также дѣйствующаго во всемъ животномъ царствѣ, откроются способы противодѣйствія, достаточно сильныя, если не для полнаго устраненія самого фактора, то для ослабленія его деморализующихъ послѣдствій.

На вопросъ, каковы же эти способы, въ общемъ, отвѣтъ невозможенъ, по той уже не разъ указанной причинѣ, что человѣкъ въ своихъ представленіяхъ, не можетъ выйти изъ предѣловъ, полагаемыхъ его знаніями и степенью его психическаго развитія, поэтому и мы должны ограничиться въ своихъ предположеніяхъ только тѣмъ, что доступно нашимъ теперешнимъ знанію и пониманію.

Способъ регулированія, каковъ бы онъ не былъ, не долженъ имѣть ничего общаго съ тѣми варварскими пріемами, какія употреблялись въ прежнія времена и теперь еще практикуются у народовъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Сколько намъ извѣстно, только Мальтусъ предложилъ способъ, достойный цивилизованнаго народа. Этотъ ученый, видя постепенное возрастаніе бѣдности въ рабочемъ классѣ, по мѣрѣ увеличенія числа его членовъ и находя, что ни частная, ни общественная благотворительность не въ состояніи бороться со зломъ, предлагаетъ рабочему классу воздерживаться отъ половыхъ сношеній, чтобы тѣмъ ослабить свою плодовитость. Но этотъ способъ невыполнимъ и несправедливъ;—невыполнимъ потому, что онъ идетъ наперекоръ одному изъ сильнѣйшихъ инстинктивныхъ побужденій человѣческаго организма, побѣждаемому, въ отдѣльныхъ только случаяхъ, не менѣе сильнымъ душевнымъ настроеніемъ, возбуждаемымъ религіознымъ чувствомъ;—несправедливъ потому, что на воздержаніе отъ половыхъ сношеній должны обречь себя преимущественно тѣ общественные классы обездоленныхъ, для которыхъ семейная жизнь представляетъ, можетъ быть, единственное доступное имъ средство внести хотя нѣкоторую радость въ свое угнетенное и тусклое существованіе. Но непрактичность способа Мальтуса, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предложенъ имъ, не исключаетъ еще возможности примѣненія его въ другомъ видѣ, не идущемъ въ разрѣзъ съ инстинктивными побужденіями человѣка. Весьма возможно, что развивающаяся наука дастъ въ руки человѣка такое средство для регулированія, которое не потребуетъ отъ него воздержанія отъ половыхъ сношеній—подвига вообще для него непосильнаго. Указать съ какою-либо опредѣленностью на это средство мы теперь не можемъ, такъ какъ свойство научныхъ открытій таково, что, освѣтивъ ту или другую область неизвѣстнаго, они нерѣдко приводятъ человѣка къ практическому рѣшенію какого-либо вопроса съ той стороны, съ какой оно менѣе всего ожидалось. Но если ограничиться областью возможныхъ предположеній, то одно изъ таковыхъ мы предлагаемъ вниманію читателя.

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что будущая наука откроетъ средство приводить организмъ человѣка въ состояніе временнаго или постояннаго безплодія, не вредя его здоровью и не лишая его способности къ половому сношенію,—въ состояніе, подобное тому, въ какомъ находятся безплодныя и, повидимому, вполнѣ здоровые супруги, встрѣчающіеся во всѣхъ общественныхъ слояхъ. Далѣе, предположимъ, что послѣ этого открытія, изданъ законъ, дающій право производить неограниченное потомство только тѣмъ, которые, при отсутствіи органическихъ недостатковъ, обладаютъ достаточными матеріальными средствами для воспитанія своихъ дѣтей, будутъ ли эти средства основаны на владѣніи земельнымъ участкомъ, дающимъ доходъ выше опредѣленнаго минимума, на участіи въ торгово-промышленномъ предпріятіи, владѣніи капиталомъ, или на опредѣленномъ вознагражденіи за зна-

ніе, трудъ, талантъ и т. под. Всѣ же, обладающіе слабою организаціею, съ главными признаками анеміи, хранящіе въ своемъ организмѣ корни физическихъ и психическихъ болѣзней, передаваемыхъ по наслѣдству, лишаются права имѣть потомство, для каковой цѣли и приводятся въ состояніе постояннаго безплодія; наконецъ, здоровые, но недостаточно обезпеченные въ средствахъ къ жизни, имѣютъ право только на одно дитя въ своемъ семействѣ, для чего и приводятся въ состояніе только временнаго безплодія, чтобы въ случаѣ смерти ихъ дитя, они могли родить другое. Такъ какъ брачная пара состоитъ изъ двухъ лицъ, то чрезъ одно поколѣніе число членовъ наиболѣе бѣднаго класса уменьшится вдвое. Едва-ли нужно прибавлять, что приведеніе въ состояніе безплодія должно производиться подъ строгимъ правительственнымъ контролемъ. Такимъ образомъ, человѣкъ завладѣетъ факторомъ, дѣйствующимъ теперь слѣпо, и достигнетъ результатовъ несравненно болѣе важныхъ, чѣмъ какіе достигнуты имъ при искусственномъ подборѣ прирученныхъ животныхъ.

Регулированіе размноженія человѣка, независимо отъ способа его осуществленія, можетъ возбудить различныя опасенія; остановимся на наиболѣе заслуживающихъ вниманія.

Послѣдствіемъ регулированія явится на первое время уменьшеніе прироста населенія и даже его убыль, что при конкурренціи государствъ на военномъ поприщѣ можетъ, повидимому, невыгодно отразиться на томъ изъ нихъ, которое первое прибѣгнетъ къ регулированію. Но при военномъ столкновеніи, полагая одинаковыми остальныя условія, преимущество будетъ на сторонѣ государства, обладающаго хотя и нѣсколько менѣе многочисленнымъ, но болѣе здоровымъ и физически крѣпкимъ населеніемъ, долженствующимъ явиться какъ результатъ искусственнаго подбора. Кромѣ того, въ европейскихъ цивилизованныхъ обществахъ, какъ на то было указано ранѣе, замѣчается паденіе прежнихъ традицій, поддерживавшихъ склонность къ военнымъ предпріятіямъ и сильное возрастаніе партіи, стремящейся упразднить войны, по крайней мѣрѣ между цивилизованными государствами. Не нужно быть большимъ политикомъ, чтобы видѣть на сколько далеки народы и правительства современной Европы отъ стремленій производить кройку ея государствъ, зная по опыту, что такія кройки наиболѣе удаляютъ ихъ отъ рѣшенія экономическихъ и культурныхъ задачъ, которыя цивилизованныя правительства ставятъ теперь своею главною цѣлью. Это господствующее настроеніе европейскихъ обществъ служитъ лучшею гарантіею безопасности каждаго европейскаго государства, такъ что мелкія государства, какъ Швеція, Норвегія, Данія, Голландія, Бельгія, Швейцарія, не менѣе гарантированы отъ дробленій и захватовъ, чѣмъ и государства сильныя Ранѣе мы указали, что на территоріи Европы уже закончился главный кристаллизаціонный процессъ національнаго объединенія, приведшій ея государства въ состояніе устойчивости, поэтому поводъ къ воз-

можнымъ столкновеніямъ европейскихъ государствъ могутъ подать теперь только вопросы колоніальной политики, вызываемые необходимостью дать мѣсто избытку ничѣмъ неурегулированнаго населенія и открыть рынки для промышленности, чтобы сколько-нибудь ослабить вредъ, наносимый народамъ ничѣмъ несдерживаемою промышленною конкурренціею.

Приведеніе человѣческаго организма въ состояніе безплодія должно совершаться подъ строгимъ правительственнымъ контролемъ; но могутъ быть и злоупотребленія со стороны лицъ, пожелавшихъ воспользоваться этимъ средствомъ, не имѣя на то права Во всякомъ случаѣ число такихъ злоупотребленій едва-ли будетъ настолько значительно, чтобы замѣтно повліять на общій ходъ регулированія, такъ какъ въ здоровомъ организмѣ инстинктивная потребность имѣть дѣтей сказывается съ силою, превышающею противоположныя побужденія. Обыкновенный и, можно сказать, нормальный ходъ психическихъ процессовъ, вызываемыхъ у человѣка половымъ инстинктомъ, таковъ: вступающіе въ бракъ молодые люди, вначалѣ настолько поглощаются чувствомъ любви, что меньше всего думаютъ о своемъ потомствѣ; потомъ, по мѣрѣ ослабленія любовной экзальтаціи и съ наступленіемъ болѣе зрѣлаго возраста, проявляется въ нихъ желаніе имѣть дѣтей, а въ женщинѣ сила этого желанія обыкновенно превышаетъ боязнь болевыхъ ощущеній дѣторожденія и послѣдующихъ затѣмъ заботъ воспитанія потомства. Злоупотребленіе способомъ приведенія организма въ состояніе безплодія поведетъ, неизбѣжно, къ подбору поколѣній чадолюбивыхъ и устранитъ поколѣнія съ противоположными качествами.

Практика регулированія должна начаться съ тѣхъ районовъ, гдѣ зло отъ избытка населенія даетъ себя знать съ особою силою, съ тѣхъ семей, гдѣ дѣти являются не желаемымъ даромъ природы, а бременемъ, прибавляющимъ къ обыкновеннымъ страданіямъ бѣдняка, новое и самое тяжелое: видѣть голодъ и мученія близкихъ сердцу существъ, и сознавать свое безсиліе помочь имъ.

Можетъ явиться опасеніе, что регулированіе, ослабивъ борьбу за существованіе, тѣмъ самымъ уничтожитъ и главный факторъ, двигающій человѣчество въ его прогрессивной эволюціи. Въ предыдущей главѣ мы привели соображенія и факты, опровергавшіе это мнѣніе; здѣсь только напомнимъ ихъ, изложивъ въ сжатомъ видѣ. Мы показали, что безграничное размноженіе человѣка можетъ привести его не къ прогрессу, а къ дегрессу и застою; что по мѣрѣ психическаго развитія народа, въ немъ увеличивается стремленіе улучшать свое матеріальное положеніе и удовлетворять возрастающимъ духовнымъ потребностямъ и что это то стремленіе, не вытекающее изъ борьбы за существованіе, и есть главный двигатель прогресса; что проявленіе высшихъ психическихъ элементовъ человѣческаго духа, олицетворяемыхъ въ ученыхъ, писателяхъ, художникахъ, изобрѣтателяхъ, въ общественныхъ и политическихъ дѣятеляхъ, проникнутыхъ нравствен-

ными идеалами, наконецъ, въ геніяхъ, не можетъ быть объяснено борьбою за существованіе, между тѣмъ этой то группѣ людей человѣчество главнѣйше и обязано своимъ прогрессомъ; что въ С. Америкѣ, напримѣръ, жестокія формы борьбы за существованіе доведены до минимума, а въ прогрессивномъ движеніи, это государство, не только не уступаетъ Европѣ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превосходитъ ее. Ко всему этому прибавимъ теперь, что въ С. Американскихъ Штатахъ спросъ на трудъ вообще значительно превышалъ предложеніе и это не помѣшало американцамъ развить промышленныя предпріятія до небывалыхъ размѣровъ, а недостатокъ рабочихъ рукъ восполненъ ими массою различныхъ изобрѣтеній, позволяющихъ рабочаго замѣнить машиною. Такимъ образомъ, мы имѣемъ примѣръ націи, въ которой сравнительно рѣдкое населеніе не только не препятствовало технически-промышленному прогрессу, но явно способствовало ему.

По теоріи Дарвина, борьба за существованіе, между другими послѣдствіями, ведетъ и къ разселенію видовъ по возможно широкимъ географически областямъ, при чемъ вытѣсняются болѣе слабые, или лучше сказать, менѣе приспособленные виды. По отношенію къ различнымъ народамъ и племенамъ человѣческаго рода, въ общемъ, замѣчается то же явленіе съ тою, однако, существенною разницею, что для широкаго разселенія высшей расы, острыя формы борьбы за существованіе не представляются необходимымъ условіемъ. Мы знаемъ, что изъ густо населенныхъ европейскихъ государствъ выселяются въ другія страны не только бѣдняки, отягченные крайнею нуждою, но и семьи, обладающія не малыми матеріальными средствами, благодаря которымъ они имѣютъ передъ первыми болѣе шансовъ твердо основаться въ новомъ отечествѣ. У нѣкоторыхъ народовъ, принадлежащихъ даже къ высшимъ расамъ, гнетущая бѣдность, вызванная чрезмѣрнымъ размноженіемъ, приводитъ нерѣдко цѣлые слои населенія въ состояніе апатичной покорности судьбѣ и въ этихъ случаяхъ, вмѣсто дѣятельнаго стремленія выйти изъ тяжелаго положенія, замѣчается все большее и большее ограниченіе житейскихъ потребностей, низводящее, наконецъ, обстановку человѣка до уровня настолько низкаго, что она скорѣе соотвѣтствуетъ животному, чѣмъ человѣку. Къ числу такихъ народовъ слѣдуетъ отнести китайцевъ, жителей азіатской Индіи и мног. друг. Въ другихъ народахъ, наоборотъ, низшіе классы мирятся только съ условіями жизни, которыя обезпечивали бы имъ нѣкоторый житейскій комфортъ и какъ скоро, по какимъ-либо причинамъ, эти условія начинаютъ измѣняться къ худшему, они борятся противъ этихъ измѣненій и въ случаѣ неуспѣха въ борьбѣ, переселяются въ другія страны, но переселяются съ бодрымъ духомъ, унося съ собою нѣкоторый запасъ матеріальныхъ средствъ; такъ переселяются американцы изъ одного штата въ другой. Кромѣ того, въ высшихъ расахъ, во всѣхъ общественныхъ слояхъ

замѣчается сильное стремленіе къ разселенію въ силу различныхъ психическихъ побужденій, между которыми главное мѣсто занимаетъ желаніе не только улучшить свое матеріальное положеніе, но и устроить свою жизнь при новой житейской обстановкѣ, и такое стремленіе является даже въ томъ случаѣ, когда на своей родинѣ переселяющіеся пользуются положеніемъ далекимъ отъ границы, съ которой начинается гнетущая бѣдность. Регулированіе населенія, низводя до минимума контигентъ не могущихъ воспользоваться переселеніемъ для выхода изъ своего тяжелаго положенія, не только не ослабляетъ, но, наоборотъ, увеличиваетъ контигентъ могущихъ воспользоваться переселеніемъ въ своихъ поискахъ лучшаго; оно, слѣдовательно, не послужитъ препятствіемъ къ болѣе широкому распространенію высшихъ расъ человѣческаго рода. Что же касается до разселенія такихъ народовъ, какъ китайцы, понизившихъ свои потребности до уровня потребностей животныхъ, то оно является вреднымъ для прогресса вдвойнѣ: во-первыхъ, вызывая конкурренцію рабочаго китайца съ рабочимъ высшей расы. и во-вторыхъ, представляя лучшее средство для усиленія гнета капитала надъ трудомъ.

Полезныя послѣдствія регулированія для государствъ, страдающихъ избыткомъ населенія, представляются настолько ясными для нашего ума, что уже и теперь можно безошибочно судить о нихъ a priori. Перечислимъ главныя изъ нихъ.

Въ обществахъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, отсутствіе искусственнаго регулированія не имѣетъ ясно выраженныхъ вредныхъ послѣдствій; тамъ, какъ и во всемъ остальномъ животномъ царствѣ, суровыя условія жизни безпощадно уничтожаютъ всякій слабый организмъ. Въ цивилизованныхъ же обществахъ искусственная жизненная обстановка даетъ возможность выживать не только слабымъ организмамъ, но и ихъ потомству. Во всѣхъ слояхъ цивилизованныхъ обществъ мы видимъ множество людей, получившихъ отъ своихъ родителей организацію, разстроенную всяческими наслѣдственными болѣзнями, для которыхъ поэтому жизнь является почти непрерывнымъ рядомъ болѣзненныхъ симптомовъ, а душевное настроеніе очень далекимъ отъ того жизнерадостнаго самочувствія, какое вообще присуще здоровому, нормально развитому организму, и которое одно можетъ внести въ жизнь бѣднякa гораздо большую долю счастья, чѣмъ сколько достается его анемичному богачу. Кромѣ того, многія формы помѣшательства также передаются по наслѣдству. Для устраненія наслѣдственной передачи недостатковъ организаціи едва-ли можно представить другое средство, кромѣ регулированія размноженія.

Въ цивилизованныхъ обществахъ, главнѣйшє въ городскомъ населеніи, часты случаи, когда женщина, вообще здоровая, но обладающая слабою организаціею, производитъ многочисленное потомство; частые роды истощаютъ ея организмъ, что вредно отражается какъ на самой матери, такъ и на ея потомствѣ. Только регулированіе можетъ устра-

нить это зло. Такимъ образомъ, примѣняя регулированіе только въ двухъ вышеуказанныхъ случаяхъ, человѣкъ можетъ чрезъ 2 или 3 поколѣнія довести до ничтожнаго минимума число организмовъ слабыхъ и съ сѣменами физическихъ и психическихъ болѣзней, передаваемыхъ по наслѣдству, и вывести поколѣніе болѣе здоровое и энергичное, способное къ болѣе сильному проявленію физической и психической дѣятельности, что вызоветъ болѣе быстрый прогрессъ въ дальнѣйшей эволюціи человѣческаго рода. Перейдемъ къ явленіямъ другой категоріи.

Во многихъ европейски цивилизованныхъ обществахъ, на фонѣ матеріальнаго довольства и высокаго уровня средняго благополучія, темнымъ пятномъ выдѣляется соціальное явленіе, одною изъ главныхъ причинъ котораго служитъ неурегулированное размноженіе. Мы видимъ тамъ цѣлыя арміи пролетаріевъ и нищихъ, обреченныхъ испытывать на себѣ только отрицательныя стороны жизни: постоянныя матеріальныя лишенія, униженія, гнетущую зависимость отъ людей и обстоятельствъ, безпросвѣтный мракъ невѣжества и т. д и т. д.; мы видимъ тамъ толпы дѣтей или выброшенныхъ на улицу безъ всякой заботы о ихъ судьбѣ, или испытывающихъ на себѣ черствое, часто жестокое обращеніе своихъ родителей, въ которыхъ нужда и горе погасили даже инстинктивное чувство родительской любви. Тщетно частная и общественная благотворительность стремятся парализовать зло; онѣ, какъ и всякій палліативъ, могутъ только его ослабить, но не уничтожить въ корнѣ; чтобы бороться съ нимъ, нужны радикальныя мѣры, а въ ряду ихъ на первомъ мѣстѣ должно поставить регулированіе.

Въ обрабатывающей промышленности регулированіе можетъ совершенно измѣнить отношеніе труда къ капиталу. Теперь, въ мѣстахъ съ избыткомъ населенія, предложеніе труда значительно превышаетъ спросъ на него, чѣмъ и пользуется капиталъ, чтобы ставить труду условія, какія онъ считаетъ для себя наиболѣе выгодными; регулированіе можетъ дать труду если не господствующее, то экономически-равноправное положеніе съ капиталомъ; тогда сила обстоятельствъ заставитъ капиталиста промышленника отнестись къ положенію рабочаго съ большимъ вниманіемъ и обезпечить ему такую матеріальную обстановку, которая дала бы возможность удовлетворить какъ физическія, такъ и необходимыя духовныя потребности рабочаго. Въ тѣхъ областяхъ С. Америки, гдѣ спросъ на трудъ превышаетъ его предложеніе, мы видимъ высокую степень благосостоянія рабочаго; въ Дакотѣ, напримѣръ, рабочіе живутъ въ веселыхъ коттэджахъ, среди зелени и цвѣтовъ, а для сообщенія съ заводами они пользуются электрическими трамваями, рельсы которыхъ проложены вдоль линіи коттэджей. Въ соотвѣтствіи съ этимъ для нихъ устроено все, необходимое для удовлетворенія ихъ духовныхъ потребностей. Подобное же отношеніе труда къ капиталу, вызванное искусствен-

нымъ регулированіемъ размноженія, заставитъ капиталиста-промышленника вывести рабочаго изъ смрадныхъ и лишенныхъ свѣта кварталовъ промышленныхъ городовъ на вольный воздухъ предмѣстій и полей и позаботиться объ его матеріальныхъ и духовныхъ интересахъ.

Условія для сельско-хозяйственной промышленности также измѣнятся къ лучшему. Правильно поставленное регулированіе отниметъ право имѣть дѣтей болѣе одного, у всѣхъ земледѣльцевъ, владѣющихъ участками земли, приносящими доходъ ниже опредѣленной нормы, у всѣхъ батраковъ, трудъ которыхъ оплачивается ниже опредѣленнаго минимума. Чрезъ 2—3 поколѣнія, вмѣсто слабыхъ хозяйственныхъ единицъ, явятся, хотя и въ меньшемъ числѣ, хозяйства прочно поставленныя въ экономическомъ отношеніи, а дороговизна наемнаго труда сдѣлаетъ труднымъ борьбу крупнаго землевладѣнія съ мелкимъ, что облегчитъ переходъ путемъ продажи, крупныхъ земельныхъ участковъ, въ раздробленномъ видѣ, въ руки батраковъ, которые, подобно теперешнимъ американскимъ, будутъ имѣть возможность дѣлать сбереженія изъ своей высокой заработанной платы. Въ цивилизованныхъ государствахъ настоящаго времени, значительная, а въ нѣкоторыхъ и большая часть сельскихъ жителей находится въ состояніи безысходной нищеты; регулированіе разольетъ довольство по деревнямъ и селамъ, сильно подниметъ производительность сельскаго труда и тѣмъ увеличитъ финансовыя силы государства Усиливъ матеріальныя средства народа, оно дастъ ему возможность устроить хорошія школы и другія образовательныя заведенія, какія мы видимъ теперь въ С.-Американскихъ селахъ, и тѣмъ сдѣлать для народа доступнымъ все лучшее, что можетъ дать человѣку просвѣщеніе.

Вообще, устраняя съ житейской сцены классы неимущихъ, регулированіе неизбѣжно поведетъ къ болѣе равномѣрному распредѣленію имуществъ, которое, осуществляясь постепенно и не нарушая ни одного частнаго интереса, не вызоветъ протеста ни съ какой стороны и въ тоже время ослабитъ опасность экономическихъ революцій, могущихъ быть пагубными для цивилизаціи. Протестъ противъ регулированія можетъ послѣдовать только со стороны лицъ, не пожелавшихъ допустить вмѣшательство государства въ ихъ семейную жизнь. Но число протестующихъ не можетъ быть велико, потому что большинство пойметъ всю пользу мѣропріятія, имѣющаго цѣлью устранить вырожденіе человѣчества и вредныя послѣдствія избытка населенія.

Никакой идеально-совершенный экономическій строй обществъ, никакое увеличеніе продуктивности труда человѣка, не могутъ устранить дѣйствіе закона Мальтуса; объ этомъ уже достаточно говорено выше. Но существуетъ мнѣніе, что самый законъ Мальтуса теряетъ свою силу при высокомъ интеллектуальномъ развитіи человѣческихъ обществъ, т. е. что по мѣрѣ своего интеллектуальнаго развитія, че-

ловѣкъ дѣлается все менѣе и менѣе плодовитымъ; но это мнѣніе опирается на фактахъ, которые по своей малочисленности и исключительности далеки отъ того, чтобы на нихъ можно было установить твердое научное положеніе. Если и допустить справедливость этого мнѣнія, все-таки не благоразумно и не гуманно сотни человѣческихъ поколѣній подвергать величайшимъ страданіямъ изъ надежды когда-либо достичь состоянія, когда эти страданія могутъ прекратиться съ наступленіемъ гадательнаго измѣненія въ половой системѣ человѣческаго организма. Будетъ гуманнѣе теперь же принять мѣры противъ вреда чрезмѣрнаго размноженія и когда современемъ окажется, что дѣйствительно интеллектуальное развитіе поведетъ къ достаточному ослабленію плодовитости человѣка, тогда только и должно прекратить употребленіе искуственныхъ способовъ регулированія и предоставить размноженіе своему естественному ходу.

Сознательное начало природы, какъ мы выразились ранѣе, стремится проявлять себя въ ширину и въ высоту: въ ширину,—возбуждая жизнь вездѣ, гдѣ существуютъ для того нужныя условія, въ каждой каплѣ воды, въ каждомъ комочкѣ поверхностнаго слоя земли; въ высоту,—развивая въ прогрессивныхъ формахъ свои потенціи. Дѣйствуя въ первомъ направленіи, оно заявляетъ себя какъ слѣпая сила, предоставляющая борьбѣ за существованіе полную свободу регулированія размноженія организмовъ. Дѣйствуя во второмъ направленіи, въ высоту, оно проявляетъ себя или непосредственно, въ силу присущаго ему стремленія выражаться въ высшихъ и высшихъ формахъ, или чрезъ посредство организмовъ, созданныхъ имъ, которые въ этомъ случаѣ являются его сознательными помощниками. Въ мірѣ безсловесныхъ животныхъ эта помощь слаба, только въ человѣческомъ родѣ она, возрастая съ его развитіемъ, достигаетъ въ цивилизованныхъ обществахъ значительной силы. Все, что характеризуетъ эту цивилизацію, всѣ науки и ихъ практическія примѣненія, всѣ искусства, культура, удобства и разнообразіе жизненной обстановки, все что обусловливаетъ высшія формы жизни, все это не дано въ природѣ, а искуственно создано человѣкомъ, а создавая это, онъ конечно сильно помогалъ потенціямъ сознательнаго начала проявляться въ высшихъ формахъ. Въ первобытномъ человѣчествѣ слѣпая сила безграничнаго размноженія находилась въ соотвѣтствіи съ тогдашними, чисто естественными условіями жизни человѣка, но въ цивилизованныхъ обществахъ, гдѣ искуственныя условія жизни преобладаютъ надъ естественными, нельзя предоставить полную свободу этой слѣпой силѣ; необходимо и ее поставить въ искуственныя границы, иначе можетъ сильно замедлиться дальнѣйшій прогрессъ человѣческаго рода. Регулированіемъ размноженія будетъ оказана величайшая помощь сознательному началу въ дальнѣйшемъ развитіи его потенцій. Ближайшими и теперь видимыми послѣдствіями регулированія явятся: ослабленіе, если не полное уничтоженіе жестокихъ формъ борьбы за

существованіе и вытекающее отъ того поднятіе нравственнаго уровня въ цивилизованныхъ обществахъ, увеличеніе суммы счастья и уменьшеніе страданій.

Въ послѣднихъ главахъ мы съ особою подробностью анализировали явленія, опредѣляющія эволюцію нравственнаго элемента сознательнаго начала природы. Начавъ съ доказательства того положенія, что борьба за существованіе не объясняетъ ни появленіе, ни развитіе высшихъ психическихъ и нравственныхъ силъ въ человѣческомъ родѣ, мы объяснили прогрессивную эволюцію этихъ силъ независимымъ отъ борьбы за существованіе стремленіемъ сознательнаго начала проявляться въ высшихъ и высшихъ психическихъ формахъ. Затѣмъ, показавъ иллюзію золотого вѣка въ прошломъ, мы, на основаніи достовѣрныхъ фактовъ исторіи, пришли къ заключенію, что жизнь прогрессирующихъ расъ человѣческаго рода складывалась въ формы, все болѣе и болѣе удовлетворяющія требованію высшаго нравственнаго чувства, что пройдя фазы грубаго насилія и беззастѣнчивой эксплоатаціи слабаго сильнымъ, она въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ вступила въ фазу, гдѣ эта эксплоатація потеряла свой животный характеръ, обратившись какъ бы въ стихійную силу, вызванную не злою волею современнаго человѣка, а экономическими отношеніями, сложившимися неблагопріятно подъ вліяніемъ капиталистическаго производства съ одной стороны и, оставленнаго въ наслѣдіе исторіей несправедливаго распредѣленія земельной собственности съ другой. Что во всей, доступной намъ, прошлой исторіи человѣчества постоянно вступали во взаимную борьбу двѣ фракціи: одна—воодушевляемая идеалистами, другая,—состоящая изъ людей практическихъ; что, не смотря на всѣ перепетіи борьбы, окончательная побѣда оставалась за первою фракціею. По мѣрѣ развитія цивилизаціи фракція идеалистовъ возрастала въ числѣ своихъ прозелитовъ, и въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ она насчитываетъ въ своихъ рядахъ цѣлыя фаланги борцовъ изъ слоевъ, наиболѣе нравственно и интеллектуально развитыхъ; что сами правительства, стоящія во главѣ этихъ обществъ, оставивъ прежній трандіозный путь тщеславія, захватовъ, насилій и всяческихъ авантюръ, готовы вступить на новый путь мирнаго сожительства и культурнаго развитія для достиженія благополучія всенароднаго, а неотдѣльныхъ группъ или классовъ. Въ этомъ стремленіи они встрѣчаются съ сильными препятствіями главнѣйше на почвѣ экономическихъ отношеній, настолько сложныхъ, что даже теоретическая наука не можетъ еще указать вѣрнаго пути для устраненія этихъ препятствій; что поэтому надо ожидать въ будущемъ появленія величайшихъ политико-экономическихъ дѣятелей, могущихъ установить экономическій строй согласно требованіямъ справедливости, не парализуя при этомъ тѣхъ силъ

человѣческаго духа, какія необходимы для дальнѣйшей прогрессивной эволюціи и не ослабляя въ человѣкѣ чувство индивидуальной свободы. Что борьба за существованіе, провозглашенная Дарвинымъ какъ господствующій факторъ, не объясняетъ всей группы психическихъ явленій, какъ въ прошлой исторіи человѣчества, такъ и въ его современномъ состояніи; что тѣмъ не менѣе признаніе господства этого фактора вошло въ сознаніе значительной части интеллигентныхъ слоевъ человѣческихъ обществъ и тѣмъ, несомнѣнно, оказало на нихъ деморализующее вліяніе. Но вліяніе это временное, такъ какъ въ передовомъ человѣчествѣ замѣчается явное стремленіе дать господство не этому фактору, а высшему нравственному принципу, и наука, несомнѣнно, дастъ въ руки человѣка средства сдѣлать для него борьбу за существованіе нечувствительною, подобно тому какъ въ цивилизованныхъ обществахъ сдѣлалось мало чувствительнымъ дѣйствіе голода и повальныхъ болѣзней, проявляющихъ себя, какъ неизбѣжный рокъ, во всемъ остальномъ животномъ царствѣ.

Когда совершатся соціально-экономическія реформы и регулированіемъ размноженія устранятся дѣйствующія теперь жестокія формы борьбы за существованіе, тогда борьба изъ-за необходимаго замѣнится соревнованіемъ изъ-за лучшаго, а дальнѣйшее движеніе по пути прогрессивной эволюціи будетъ опредѣляться главнѣйше присущимъ сознательному началу стремленіемъ выражаться все въ высшихъ и высшее формахъ. Разница въ воздѣйствіи борьбы и соревнованія на этическій складъ души человѣка выступитъ съ ясностью, когда мы сравнимъ нравственное состояніе двухъ людей, въ двухъ слѣдующихъ случаяхъ: въ одномъ, когда они борятся изъ-за куска хлѣба, настолько необходимаго, что побѣжденному грозитъ голодная смерть, и въ другомъ,—когда вполнѣ обезпеченные въ необходимомъ, они вступаютъ въ соревнованіе изъ-за приза. Въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ образовался многочисленный классъ обездоленныхъ людей, обреченныхъ на тяжелый трудъ и безысходную нужду и находящихся подъ гнетомъ постояннаго опасенія лишиться и тѣхъ скудныхъ средствъ къ жизни, какія выпали на ихъ долю. Этотъ классъ служитъ страшною угрозою для большинства людей изъ другихъ классовъ, сравнительно обезпеченныхъ въ средствахъ къ жизни; почти каждый изъ нихъ съ чувствомъ инстинктивнаго страха видитъ, что онъ не гарантированъ отъ возможности спуститься въ ряды класса обездоленныхъ, почему всѣми правдами и неправдами стремится обезпечить существованіе свое и своей семьи и успокоивается только тогда, когда въ качествѣ эксплоататора, биржевика, буржуа, рентьера и т. под. получаетъ формально-законное право на пользованіе такою долею труда другихъ, какую онъ считаетъ для себя вполнѣ достаточною. Деморализующее вліяніе такого строя обществъ усиливается завистью и злобою однихъ и негодованіемъ другихъ, при видѣ страшно неравномѣрнаго распредѣленія жизненныхъ средствъ и высшихъ благъ

жизни, распредѣленія, опредѣляемаго не справедливостью, а такими соціально-экономическими отношеніями, въ которыхъ дается полный просторъ хищническимъ стремленіямъ и различнаго вида случайностямъ, лишь бы они имѣли формально-законный видъ. Если ко всему этому присоединить крайне ненормальную жизнь большинства городскихъ жителей, не могущихъ воспользоваться благодѣтельнымъ дѣйствіемъ физическаго труда на чистомъ, деревенскомъ воздухѣ, такъ необходимомъ для развитія здороваго организма и того бодраго и пріятнаго самочувствія, которое составляетъ важное условіе для счастливой жизни; если принять въ соображеніе почти сплошное разстройство у этихъ жителей нервной системы и главныхъ физіологическихъ функцій, и происходящее отъ того раздраженное и мрачное настроеніе, недовольное ни жизнью, ни людьми, если, говоримъ мы, принять все это въ соображеніе, то дѣлается понятнымъ пессимистическое настроеніе нѣкоторой части европейскихъ обществъ и появленіе въ ихъ интеллигентныхъ слояхъ такихъ мыслителей, какъ Шопенгауэръ, Гартманъ и Ницше. Это настроеніе вліяетъ на правильность оцѣнки нравственнаго состоянія современныхъ цивилизованныхъ обществъ: оно невольно дѣлаетъ эту оцѣнку ниже дѣйствительной, забывая, что самъ цѣнитель сдѣлался гораздо болѣе чувствительнымъ къ противонравственнымъ явленіямъ жизни, и что въ послѣднія полтора столѣтія чувство собственнаго достоинства человѣка во всѣхъ классахъ цивилизованныхъ обществъ, поднялось настолько, что оно не мирится ни съ какими проявленіями угнетенія и несправедливости. Между тѣмъ достаточно бѣгло обозрѣть двухвѣковой историческій періодъ, предшествующій концу 19-го столѣтія, чтобы осязательно увѣриться, насколько высоко поднялся нравственный уровень цивилизованныхъ обществъ. Тамъ, мы видимъ почти повсемѣстную крѣпостную зависимость, одинаково деморализующую какъ классъ господствующихъ, такъ и классъ угнетенныхъ; сплошное разореніе земледѣльческаго крестьянства во Франціи и во многихъ другихъ европейскихъ государствахъ; продажу военныхъ отрядовъ другому государству, чтобы на вырученныя деньги содержать любовницъ, lettres de cachet, переданныя въ распоряженіе интригану или придворной фавориткѣ, плети, подъ которыми умираютъ рабы въ Америкѣ; продажный и лицепріятный судъ, сплошное воровство правительственныхъ суммъ, продажа первымъ министромъ враждебному государству самыхъ существенныхъ интересовъ своего отечества; открытый развратъ высшихъ общественныхъ классовъ, возведшихъ этотъ развратъ какъ бы въ особаго рода культъ и т. д. и т. д. Только слабые остатки этихъ возмутительныхъ явленій мы наблюдаемъ въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ, да и къ нимъ общественное мнѣніе относится съ полнымъ и единодушнымъ осужденіемъ. Одно предположеніе, что осужденъ невинный еврей Дрейфусъ, соединило все цивилизованное человѣчество въ общемъ чувствѣ негодованія;

такимъ же негодованіемъ заклеймило оно несправедливую войну Англіи съ южно-африканскими республиками, а къ подвигамъ цивилизаторовъ, подобныхъ Лотэру, Морей и Мартису, оно отнеслось какъ къ возмутительнымъ преступленіямъ. Два, три вѣка тому назадъ, тысячи невинныхъ осуждались подобно Дрейфусу, возбуждая только безсильный протестъ небольшихъ кружковъ; насилія, подобныя южно-африканской войнѣ, совершались не гдѣ-либо вдали, а сплошь на всей территоріи Европы, а на подвиги авантюристовъ, подобныхъ Лоэру и К^0, смотрѣли какъ на нормальныя явленія, достойныя явной или тайной поддержки. Пресса, эта величайшая сила современнаго человѣка, милліонами голосовъ разноситъ теперь по всему цивилизованному міру о всякомъ противонравственномъ явленіи и тѣмъ воспитываетъ и поднимаетъ нравственный уровень обществъ не отвлеченными нравоученіями, а нравственною оцѣнкою каждаго такого явленія, взятаго прямо изъ жизни.

Французская революція конца 18-го столѣтія, провозгласивъ политическія права человѣка, подняла нравственный уровень человѣчества до небывалой еще высоты и въ этомъ отношеніи трудно указать въ исторіи на событіе, могущее стать на ряду съ этою революціею. Но жизнь цивилизованныхъ обществъ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, показала недостаточность принциповъ, провозглашенныхъ этою революціею; потребовалось провозглашеніе новаго принципа, права на трудъ, но на какой трудъ, осталось невыясненнымъ.

Наука и опытъ жизни показали, что для правильнаго развитія и нормальнаго существованія человѣческаго организма необходимы или физическій трудъ на чистомъ воздухѣ или равносильные ему гимнастика и спортъ, практиковавшіеся первая въ классической Греціи, а второй и по сіе время въ богатыхъ классахъ Англіи и Америки. Но на гимнастику и спортъ для взрослаго человѣка и въ той степени развитія, какой они достигали въ Греціи и теперь въ Англіи, надо смотрѣть какъ на роскошь, которую можетъ возволить себѣ человѣкъ въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда онъ избавленъ отъ физическаго труда или рабствомъ, какъ было въ Греціи, или избыткомъ матеріальныхъ средствъ, какъ теперь въ богатыхъ классахъ Англіи; общимъ же условіемъ для правильнаго развитія организма человѣка долженъ быть поставленъ только физическій трудъ на чистомъ воздухѣ. Между тѣмъ промышленный строй современныхъ цивилизованныхъ обществъ сложился наперекоръ этимъ условіямъ. Большинство рабочихъ принуждены работать въ душныхъ, пыльныхъ и вообще негигіенично обставленныхъ фабрикахъ и заводахъ, а для домашней жизни занимать тѣсныя, сырыя и мрачныя помѣщенія въ самыхъ смрадныхъ частяхъ городовъ. Если къ этой ненормальной физической обстановкѣ присоединить особый характеръ фабричнаго

труда, угнетающаго психику человѣка своимъ однообразіемъ и машинальностью, то провозглашенное право на трудъ будетъ правомъ очень сомнительнаго качества, если оно открываетъ дверь только для труда такъ дурно поставленнаго.

А эти громадные города, каменныя тюрьмы для большинства обитателей, какое тяжелое чувство производятъ они на свѣжаго, здороваго человѣка, если онъ, не отвлекаясь казовою стороною, всмотрится въ характеръ и складъ жизни съ ихъ закулисной стороны, въ то, что лежитъ за этими выставками, роскошными магазинами, театрами, грандіозными зданіями и т. под. Онъ найдетъ тамъ море горя, физическихъ и нравственныхъ страданій въ рабочемъ классѣ, сутолоку и лихорадочную дѣятельность среднихъ классовъ, угнетенныхъ постояннымъ страхомъ попасть въ ряды обездоленныхъ, а въ тѣхъ классахъ, для благополучія которыхъ повидимому все это творится, въ классахъ богатыхъ, онъ найдетъ пресыщеніе непрерывной праздности, требующее все новыхъ и возрастающихъ возбужденій, чтобы разсѣять скуку и дать какое нибудь содержаніе жизни; отъ его наблюдательнаго взора не ускользнетъ и то постоянное нервное напряженіе, въ которомъ находится житель большого города, результатомъ чего является болѣзненная раздражительность и глухое недовольство жизнью.

Эти явленія и дали поводъ нѣкоторымъ мыслителямъ не только отрицать блага новоевропейской цивилизаціи, но и видѣть въ ней главную причину зла, испытываемаго современнымъ человѣкомъ; они упускаютъ въ виду, что въ исторіи человѣчества не мало примѣровъ, когда несомнѣнно благодѣтельное для цивилизаціи извращалось и дѣлалось источникомъ зла. О благомъ значеніи цивилизаціи для человѣчества, вообще, говорилось нами достаточно; но если человѣкъ не съумѣлъ воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что было дано ему въ руки цивилизаціею, то въ этомъ виновата не цивилизація, а недостаточная подготовка человѣческихъ обществъ для разумнаго пользованія ея благами.

Надо установить такія соціально экономическія отношенія, чтобы сельское хозяйство служило главною ареною для физическаго труда, а обрабатывающая промышленность,—только вспомогательнымъ средствомъ; надо помнить, что при сравненіи рабочаго промышленнаго округа съ жителемъ деревни, почти всѣ преимущества на сторонѣ второго. Первый, почти не знаетъ, что такое солнечный свѣтъ, зелень и ароматъ полей и лѣсовъ и такимъ образомъ лишенъ главнаго, что даетъ здоровое наслажденіе въ жизни; если онъ и пользуется болѣе обильною и лучшею пищею, противъ второго, то его ослабленный организмъ не можетъ такъ хорошо усвоять ее, какъ усвояетъ болѣе грубую пищу деревенскій житель; что то жизнерадостное настроеніе и душевная уравновѣшенность, которымъ пользуется второй, рѣдко достается на долю перваго. Если въ праздничный день посѣтить два села, одно земледѣльческое, другое фабричное, то рѣзко бросается

въ глаза различіе въ физическомъ и психическомъ состояніи ихъ жителей: въ первомъ вы найдете то характерное благообразіе стариковъ и людей средняго возраста, служащее указателемъ нормальнаго состоянія ихъ организма, громкіе говоръ, смѣхъ и пѣніе молодежи; во второмъ—почти сплошную анемію организмовъ всѣхъ возрастовъ, вялое и скучное настроеніе духа, уступающее только искуственному возбужденію алкоголемъ. Въ странахъ съ сильно развитою промышленностью различіе между сельскимъ жителемъ и фабричнымъ рабочимъ выступаетъ еще болѣе рѣзко, вслѣдствіе накопленія вреднаго дѣйствія фабричнаго труда въ ряду поколѣній.

Чтобы сельскую промышленность положить въ основу физическаго труда, необходимо фабрики, заводы и вообще заведенія для обрабатывающей промышленности распредѣлить въ возможно большемъ числѣ и по возможности равномѣрно по территоріи государства; передача механической энергіи помощью электричества даетъ къ тому очень удобное средство. Въ теплое время года, со дня начала полевыхъ работъ и до прекращенія ихъ позднею осенью, на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ работы должны быть прекращены, за исключеніемъ небольшого числа промышленныхъ предпріятій, гдѣ такое прекращеніе могло бы повести къ большимъ неудобствамъ, и открываться только въ холодное время года. Благодѣтельное вліяніе на физическія и духовныя силы человѣка періодическаго чередованія его труда въ сельской и обрабатывающей промышленностяхъ уже и теперь сознается нѣкоторыми фабрикантами въ Россіи. Такъ, извѣстные крупные фабриканты ивановскаго района охотно отпускаютъ часть своихъ рабочихъ на лѣтнія сельскія работы, зная, что продуктивность труда этихъ рабочихъ на фабрикѣ сильно поднимается послѣ укрѣпленія ихъ силъ на сельскихъ работахъ.

Выходя изъ того психологическаго факта, что впечатлѣнія дѣтства оставляютъ глубокіе слѣды въ душѣ человѣка на всю его жизнь, надо воспитаніе молодого поколѣнія поставить въ условія, могущія развивать въ немъ любовь къ природѣ и вообще къ обстановкѣ деревенской жизни. Для этого нужно, чтобы дѣти и молодые люди школьнаго возраста, въ теплое время года, проводили жизнь въ деревнѣ, занимаясь играми и посильнымъ физическимъ трудомъ, начиная съ самаго легкаго и кончая заурядными работами взрослаго человѣка, при чемъ особое вниманіе должно быть обращено на работы, имѣющія цѣлью украшеніе сельской природы: лѣсонасажденіе, устройство парковъ, цвѣтниковъ..... также на развитіе любви къ животнымъ, привлекая молодыхъ людей къ уходу за домашними животными.

Школьныя занятія, обязательныя для всѣхъ молодыхъ людей школьнаго возраста, должны производиться только въ осеннее и зимнее время и въ помѣщеніяхъ хорошо устроенныхъ въ гигіеническомъ отношеніи. Среднія и высшія учебныя заведенія, содержимыя на счетъ правительства, должны быть открыты главнѣйше для тѣхъ молодыхъ

людей, которые въ низшихъ школахъ окажутся наиболѣе достойными по своимъ способностямъ и прилежанію; для всѣхъ же не попавшихъ въ эту категорію, и желающихъ продолжать дальнѣйшее образованіе, устроятся заведенія, содержимыя на частныя средства. Но всѣ учебныя заведенія, какъ среднія, такъ и высшія, какъ правительственныя, такъ и частныя должны быть вынесены за предѣлы большихъ городовъ и надѣлены участками земли достаточно обширными, чтобы въ теплое время года молодые люди могли пользоваться обстановкою сельской жизни. Правительства и общества не должны жалѣть денежныхъ затратъ на такую постановку воспитательнаго дѣла въ среднихъ и высшихъ школахъ, въ виду тѣхъ соображеній, что усиленныя умственныя занятія, требуемыя въ этихъ школахъ, всегда отзываются неблагопріятно на физическомъ развитіи молодого организма и надо по возможности ослаблять вредное вліяніе этого обстоятельства; что воспитаніе интеллигента дорого обходится государству, поэтому прямая выгода заставляетъ особо заботиться о сохраненіи здоровья и продолжительности жизни интеллигента; что, наконецъ, качество, сила и вообще энергія психической дѣятельности интеллигента находятся въ большой зависимости отъ физическаго состоянія его организма.

Когда децентрализація обрабатывающей промышленности опустошитъ города, тогда послѣдніе будутъ имѣть значеніе только административныхъ центровъ; значительно падетъ и ихъ торговое значеніе, такъ какъ одновременно съ промышленностью децентрализуются и торговыя операціи. Такимъ образомъ на мѣстахъ ненормальнаго и вреднаго скопленія людей образуются поселенія, въ которыхъ не будетъ надобности настолько тѣсниться, чтобы лишить ихъ жителей главнѣйшихъ физическихъ благъ: свѣта, чистаго воздуха, зелени и простора.

Всякій народъ или государство, рѣшившіе построить свой экономическій строй на началахъ вышеизложенной схемы, помимо другихъ жертвъ, должны затратить не мало энергіи на устройство различныхъ сооруженій въ видѣ фабрикъ, заводовъ, школъ и друг.; но нѣтъ основанія бояться, что такая затрата будетъ непосильною для цивилизованнаго народа. Мы знаемъ, что достаточно было второй половины 19 столѣтія, чтобы покрыть территоріи цивилизованныхъ государствъ густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, основать десятки тысячъ промышленныхъ заведеній, расширить вдвое и втрое такіе города, какъ Лондонъ, Парижъ, Берлинъ..... построить новые громадные города

Программу здравой экономической политики можно слѣдовательно изложить такъ: основа народной дѣятельности есть физическій трудъ на чистомъ воздухѣ и соотвѣтствующее тому воспитаніе молодого поколѣнія; возможно широкая децентрализація обрабатывающей промышленности, съ ограниченіями, требуемыми народнымъ здравіемъ; поощреніе промышленныхъ предпріятій на кооперативныхъ началахъ;

сосредоточеніе въ рукахъ правительства главныхъ нитей экономической жизни народа и регулированіе мѣрами, подобными теперешнимъ нормировкамъ и синдикатамъ, хода направленія различныхъ производствъ въ цѣляхъ устраненія перепроизводства и защиты предпріятій, поставленныхъ въ менѣе благопріятныя условія; неприкосновенность частной собственности; пресѣченіе путей для легкой наживы, хищничества и несправедливой эксплоатаціи народнаго труда; признаніе права на исключительное матеріальное вознагражденіе только для таланта, знанія, иниціативы, административной и организаціонной способности и вообще для всякой плодотворной общественной дѣятельности, выходящей за среднюю границу; регулированіе размноженія человѣка въ цѣляхъ искуственнаго подбора здороваго и матеріально обезпеченнаго поколѣнія.

Государство, рѣшившее осуществить предложенную программу, на первое время можетъ быть и не досчитается части того богатства, какое могъ бы создать его народъ при нынѣшнемъ экономическомъ строѣ, не можетъ разсчитывать и на усиленный приростъ населенія, но за то оно пресѣчетъ въ корнѣ причину зла, наносимаго человѣчеству капиталистическимъ производствомъ въ промышленности и создастъ сильное поколѣніе, гораздо болѣе могучее и бодрое противъ выраждающихся поколѣній современныхъ цивилизованныхъ обществъ. Кромѣ того, созданіемъ такого строя, въ которомъ каждый будетъ считать себя болѣе или менѣе обезпеченнымъ въ необходимыхъ жизненныхъ средствахъ, оно парализуетъ деморализующее дѣйствіе борьбы за существованіе, поставивъ, на мѣсто борьбы изъ-за необходимаго, соревнованіе изъ-за лучшаго и тѣмъ неизбѣжно подниметъ нравственный уровень народа до небывалой высоты.

Значительной части человѣческаго рода уже издавна преподаны, обыкновенно въ связи съ религіозными вѣрованіями, руководящія нравственныя правила для жизни человѣка, и указаны высочайшіе нравственные идеалы; для народовъ, сопричастныхъ новоевропейской цивилизаціи, эти идеалы преподаны христіанскою религіею. Но одно дѣло преподать что-либо, другое—осуществить преподанное въ дѣйствительной жизни. Если съ безстрастною критикою оцѣнить прошлое человѣчества, поскольку оно выясняется изъ письменныхъ памятниковъ, если снять съ этого прошлаго субъективную окраску, нерѣдко налагаемую на него историками, если судить о нравственномъ уровнѣ человѣчества не по высотѣ только нравственныхъ идеаловъ, преподанныхъ ему, а по дѣйствіямъ человѣка въ дѣйствительной жизни, если принять во вниманіе тотъ неоспоримый фактъ, что въ передовыхъ группахъ человѣческаго рода прежде бывшія, жестокія формы этихъ дѣйствій постепенно замѣнялись другими, болѣе гуманными, что политическій и гражданскій строй передовыхъ обществъ также

постепенно измѣнялся въ направленіи все болѣе и болѣе удовлетворяющимъ чувству справедливости, что одновременно, и въ связи съ этимъ, развивалось и сознаніе человѣческаго достоинства во всѣхъ классахъ и слояхъ этихъ обществъ, т. е. развивалась та сторона психики человѣка, которая наиболѣе вдохновляетъ его въ борьбѣ со зломъ, и вмѣстѣ съ религіею, наиболѣе гарантируетъ его отъ нравственнаго паденія; если, говоримъ, принять все это въ соображеніе, то все прошлое человѣчества, въ общемъ, представляетъ картину постепеннаго подъема его на все высшую и высшую ступень нравственной высоты.

Современные народы новоевропейской цивилизаціи поставлены въ такія благопріятныя условія для дальнѣйшей прогрессивной эволюціи, какими прежнія цивилизаціи никогда не пользовались. Все, служившее главнымъ тормазомъ, а часто и непреоборимымъ препятствіемъ для этой эволюціи: рабство юридическое, рабство психическое, налагаемое теократическимъ гнетомъ, деспотизмъ, политическое и гражданское безправіе народныхъ массъ, почти сплошное невѣжество этихъ массъ, стѣсненіе свободы духовной дѣятельности человѣка, свирѣпыя войны, вызываемыя международною ненавистью, ужасныя по своей жестокости и безпощадности религіозныя войны и преслѣдованія..... все это осталось позади; взамѣнъ этого мы видимъ въ передовыхъ обществахъ: полную равноправность гражданъ, свободу науки, вѣротерпимость, распространеніе просвѣщенія въ народныхъ массахъ, отсутствіе религіозныхъ войнъ, явную тенденцію правительствъ разрѣшать мирнымъ путемъ международные вопросы, образованіе многочисленной группы высоконравственныхъ людей, посвящающихъ свои силы и таланты на разработку соціально-экономическихъ вопросовъ, стремленія правительствъ осуществить политику, основанную на началахъ справедливости и имѣющую цѣлью всенародное благополучіе.

Характеръ новыхъ общественныхъ теченій, и ихъ явное усиленіе изъ-года-въ-годъ, вселяетъ не только надежду, но и увѣренность, что переловое человѣчество найдетъ такое практическое рѣшеніе вопросовъ, поставленныхъ современною жизнью, которое поведетъ къ дальнѣйшему прогрессу въ дѣлѣ установленія общественныхъ отношеній на началахъ справедливости, а слѣдовательно, и къ дальнѣйшему подъему нравственнаго уровня человѣчества. Пройдутъ тысячелѣтія, и нравственное чувство будущаго историка будетъ возмущаться многими явленіями современной намъ жизни, какъ оно возмущается теперь у большинства цививилизованныхъ людей отталкивающими картинами прошлаго, а по истеченіи сотенъ тысячъ и милліоновъ лѣтъ, когда сознательное начало природы выразится въ существахъ высшаго порядка общественная жизнь этихъ существъ сложится въ формы, при которыхъ вполнѣ устранятся поводы къ злымъ и безнравственнымъ дѣйствіямъ; воспитательное же вліяніе прогрессирую-

щихъ общественныхъ формъ на длинный рядъ смѣняющихся поколѣній, и искуственный подборъ, въ конечномъ результатѣ, поведутъ къ такому психическому складу высшихъ существъ, что для нихъ будутъ невозможными не только злыя и безнравственныя дѣйствія, но и самая мысль о нихъ, подобно тому, какъ для любящей матери невозможна даже мысль причинить зло своему дитяти. Въ прошломъ человѣчества, также какъ и въ современной жизни. мы встрѣчаемъ людей. на которыхъ внутреннее побужденіе творить доброе, и только доброе, дѣйствуетъ съ неудержимою силою инстинкта; на эгоистичное, тѣмъ болѣе на злое, они рѣшительно не способны Вотъ эти то, къ сожалѣнію еще малочисленныя нравственныя свѣтила, и служатъ предвозвѣстниками существъ, долженствующихъ въ будущемъ населить землю.

Глава IX.

Развитіе эстетическихъ эмоцій и чувствъ. Пластическое и музыкальное искусства. Художественная литература. Недостатки языка.

Мы прослѣдили, насколько то позволяли наши научныя знанія, прогрессивное развитіе потенцій сознательнаго начала природы, поскольку они выразились въ двухъ главныхъ сферахъ: интеллектуальной и этической; теперь остается намъ бѣгло просмотрѣть развитіе той потенціи сознательнаго начала, въ сферу которой входитъ эстетика въ обширномъ значеніи этого слова.

Эстетическія эмоціи вызываются дѣйствіемъ какого либо объекта на воспринимающій субъектъ; характеръ же эмоцій зависитъ какъ отъ свойствъ и качествъ объекта, такъ и отъ психическаго склада субъекта. Если ограничиться различными расами человѣческаго рода, то извѣстно, насколько различны эстетическія чувства, возбуждаемыя въ этихъ расахъ, разнообразными предметами природы и искусства: то, что приводитъ въ восхищеніе цивилизованнаго европейца, часто не возбуждаетъ даже малѣйшей эстетической эмоціи въ душѣ дикаря и наоборотъ. Обобщая эту особенность отношенія субъекта къ объекту, можно высказать такое положеніе: Эстетическое опредѣляется особымъ видомъ гармоническаго отношенія между воспринимающимъ субъектомъ и стимулирующимъ объектомъ; объектомъ же можетъ быть все, начиная съ предметовъ домашняго обихода и кончая предметами и явленіями природы и высочайшими произведеніями искусства и поэзіи. Тамъ, гдѣ гармоническое отношеніе отсутствуетъ, является эстетическое безразличіе, гдѣ вмѣсто гармоніи - дисгармонія — отвращеніе.

Для рѣшенія вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ эстетикѣ, необходимо имѣть базисъ, могущій служить опорою для всѣхъ частныхъ

случаевъ; но въ виду крайне разнообразнаго отношенія различныхъ расъ и народовъ къ явленіямъ и предметамъ, могущимъ возбуждать эстетическія эмоціи, намъ по необходимости придется взять такой базисъ условно, т. е. принять, что чѣмъ выше стоитъ какой либо народъ по своему психическому развитію, тѣмъ качественно выше и содержаніе его эстетическихъ понятій и чувствъ; поэтому въ дальнѣйшемъ, при оцѣнкѣ всего, относящагося къ эстетикѣ, мы будемъ руководствоваться понятіями, принадлежащими народамъ новоевропейской цивилизаціи, какъ достигшимъ наивысшаго и всесторонняго психическаго развитія.

Чувства красиваго, изящнаго несомнѣнно присущи животнымъ, стоящимъ ниже человѣка и существуютъ какъ прямыя, такъ и косвенныя доказательства справедливости такого мнѣнія. Къ числу прямыхъ доказательствъ относится извѣстный фактъ, что „Бесѣдковая птица“ старается украсить мѣста своихъ собраній ярко окрашенными предметами: обрывками цвѣтныхъ лентъ, клочками разноцвѣтной бумаги, раковинами, обломками стекла и друг. Въ ряду косвенныхъ доказательствъ, на первомъ мѣстѣ, должно поставить половой подборъ. Такъ какъ, при этомъ подборѣ, всякому животному виду предоставляется большой просторъ для наслѣдственнаго накопленія тѣхъ или другихъ качествъ, то образованіе красивыхъ, на нашъ взглядъ, формъ, напр., изъ ряда колибри, ланей и друг., указываетъ на сходство нѣкоторыхъ видовъ эстетическихъ понятій у этихъ животныхъ съ таковыми же понятіями человѣка. Обобщая вліяніе психики животнаго на его половой подборъ, необходимо допустить, что и корова, наприм., кажется очень красивою для другой коровы; также красивою кажется и лягушка для другой лягушки и каждое изъ этихъ животныхъ, съ своей точки зрѣнія, право въ своей оцѣнкѣ; но форма коровы не гармонируетъ, а лягушки дисгармонируетъ психическому складу человѣка, почему для него первое животное, въ эстетическомъ отношеніи, безразлично, а второе—возбуждаетъ отвращеніе.

Въ теченіе того времени, о которомъ свидѣтельствуютъ историческіе памятники, все показываетъ, что эстетическое чувство постепенно развивалось въ человѣческомъ родѣ. Наглядньмъ доказательствомъ такого развитія служатъ произведенія искусства, оставшіяся намъ отъ прежнихъ временъ; они, съ одной стороны, указываютъ намъ на характеръ эстетическихъ понятій и представленій того или другого народа въ опредѣленный историческій періодъ, съ другой—рисуютъ ходъ дальнѣйшаго прогресса въ эстетическомъ развитіи слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на фазисахъ, чрезъ которые прошли искусства у различныхъ народовъ, полагая ихъ общеизвѣстными; для насъ достаточно указать только на крайніе члены этихъ фазисовъ.

Мы знаемъ, что народы, оставившіе намъ высочайшіе образцы пластическихъ художественныхъ произведеній, должны были пройти

длинный путь въ своемъ художественномъ развитіи, начиная съ низшихъ степеней, на которыхъ стоятъ современныя намъ полудикія расы. Всѣмъ, что осталось отъ художественныхъ произведеній прежнихъ цивилизацій, воспользовались народы новоевропейской цивилизаціи, внесли отъ себя новые и разнообразные мотивы и достигли тѣхъ поразительныхъ результатовъ, которыми мы восхищаемся въ музеяхъ, картинныхъ галлереяхъ, международныхъ выставкахъ, въ величественныхъ и изящныхъ сооруженіяхъ новѣйшей архитектуры.

Изъ разнообразныхъ звуковъ, производимыхъ безсловесными животными, только небольшая часть можетъ быть отнесена къ разряду музыкальныхъ, а въ ряду послѣднихъ, на первомъ мѣстѣ должно поставить пѣніе нѣкоторыхъ птицъ. Въ народахъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, музыкальное искусство проявляется главнѣйше въ пѣсняхъ, выражающихъ чувства грусти, радости, веселья, любви и въ хоровомъ пѣніи, сопровождающемъ военныя и другого рода игры. Только въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ музыкальное искусство достигло небывало высокихъ степеней своего развитія. Появились величайшіе композиторы музыкальнаго міра, а разработка вокальныхъ способностей человѣка, изобрѣтенія и техническія усовершенствованія музыкальныхъ инструментовъ, дали возможность этимъ композиторамъ проявить свой музыкальный геній въ чарующихъ произведеніяхъ. Симфонія великаго композитора, выполненная хорошимъ оркестромъ, вызываетъ въ душѣ человѣка рядъ ощущеній, переносящихъ его въ особый міръ поэтическихъ грезъ и настроеній, далекихъ отъ настроеній будничной жизни.

Всѣ искусства, какъ пластическія, такъ и музыкальное, удовлетворяя эстетическимъ потребностямъ человѣка, много способствуютъ всестороннему развитію его психики, но по силѣ и разнообразію вліянія на послѣднюю, они остаются далеко позади искусства, орудіемъ котораго служитъ слово. Душа человѣка есть хранилище самыхъ разнообразныхъ силъ, стремленій, чувствъ.... Прозаическія, жесткія и часто суровыя требованія его будничной жизни вызываютъ къ дѣйствію главнѣйше тѣ силы его духа, которыя особенно требуются въ обыденной жизни. Вызвать въ сознаніи человѣка возвышенныя чувства, смутно ощущаемыя въ его душѣ, заставить звучать чистыя струны, скрытыя въ ея тайникѣ, настроить эти струны такъ, чтобы человѣкъ сдѣлался лучше, выше, чище и благороднѣе, вотъ величайшая заслуга поэта и вообще писателя художника. Такъ же велика его заслуга, когда онъ вызываетъ въ сознаніи человѣка не только представленіе о какомъ-либо комплексѣ явленій жизни, но и сочувствіе всему, что возвышаетъ духовную природу человѣка; въ этомъ заключается великое воспитательное значеніе художественной литературы, и она достигаетъ этой цѣли не путемъ отвлеченныхъ нравоученій и не серьезными трактатами научнаго характера, а художественнымъ изображеніемъ природы и жизни, увлекающимъ чи-

тателя и потому легко воспринимаемымъ имъ безъ замѣтнаго усилія его воли. Подобно тому, какъ никакое описаніе красоты женскаго лица не можетъ вызвать той силы впечатлѣнія, какое получается при дѣйствительномъ созерцаніи этой красоты, такъ никакое, самое подробное описаніе какого-либо комплекса жизненныхъ явленій не можетъ замѣнить твореніе художника-писателя. Можно написать цѣлые томы о складѣ жизни и міровоззрѣніи грековъ героическаго періода, о борьбѣ Наполеона съ Александромъ I, о рабствѣ въ С. Америкѣ, и дать тѣмъ весьма цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ относящимися сюда комплексами жизненныхъ явленій, но только Иліада Гомера, Война и миръ Толстого и Хижина дяди Тома могутъ произвести то впечатлѣніе, какое получается какъ бы при дѣйствительномъ созерцаніи этихъ явленій.

Если всѣ другія искусства имѣютъ цѣлью эстетическое наслажденіе человѣка, то ограничить тою же цѣлью сферу дѣйствія художественной литературы, значитъ съузить ея значеніе и задачи: страданія короля Лира, обманутаго въ своихъ родительскихъ чувствахъ, душевныя и физическія муки несчастнаго больного въ „запискахъ сумасшедшаго“ Гоголя, при художественномъ изображеніи ихъ на сценѣ театра, не наслажденіе даютъ зрителю, а другое, высшее, чего ищетъ его душа часто съ такою же жаждою, какъ и наслажденія. Культивировать всѣ чувства, возвышающіе человѣка, облагородить его вкусъ, дать вѣрное понятіе о сложныхъ комплексахъ жизненныхъ явленій, съ точки зрѣнія нравственныхъ и другихъ мотивовъ ....., составляетъ главную задачу художественной литературы и тутъ ея значеніе, въ ряду другихъ искусствъ, выступаетъ на первый планъ, а въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ она господствуетъ безраздѣльно.

Непосредственное вліяніе художественной литературы на развитіе народныхъ массъ вообще было слабо по двумъ причинамъ: дороговизнѣ рукописей и невѣжеству этихъ массъ. Не далѣе, какъ 800 лѣтъ тому назадъ, въ спискѣ вещей для приданаго королевскихъ дочерей, какъ предметы не малой цѣнности, помѣщались и рукописные снимки литературныхъ произведеній. Только съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія цѣна этихъ произведеній сдѣлалась доступною для бѣдняка. Для должнаго воспріятія художественныхъ произведеній необходима и нѣкоторая степень школьнаго образованія, превосходящая простую грамотность; обыкновенно народныя массы стояли ниже этой степени и только въ послѣднее время положены начатки къ поднятію умственнаго развитія низшихъ общественныхъ классовъ, поэтому только въ будущемъ послѣдуетъ благодѣтельное воздѣйствіе художественной литературы на эти классы въ мѣрѣ, соотвѣтствующей ея великой воспитательной силѣ. Но и при ограниченности круга лицъ, на которыхъ художественная литература до сихъ поръ оказывала свое дѣйствіе, вліяніе ея на ходъ и направленіе историческихъ судебъ народовъ было громадно: она возбуждала и воспитывала благородныя

стремленія и гуманныя чувства въ господствующихъ классахъ, всегда игравшихъ или первенствующую или руководящую роль въ историческихъ событіяхъ. Минуя общеизвѣстные періоды всемірной исторіи, когда вліяніе художественной литературы выступало съ большею или меньшею ясностью, мы укажемъ на періодъ реформъ въ нашемъ отечествѣ, въ царствованіе Александра II. Для осуществленія этихъ реформъ, въ томъ духѣ, въ какомъ онѣ были задуманы, требовалось участіе наилучшихъ общественныхъ силъ, подготовленныхъ во время, предшествовавшее реформамъ. Режимъ предшествующаго царствованія, по своему характеру, въ общемъ, не могъ благопріятствовать такой подготовкѣ, и если, тѣмъ не менѣе, мы видимъ появившуюся тогда на общественной аренѣ цѣлую фалангу просвѣщенныхъ и нравственно развитыхъ сподвижниковъ Царя-Освободителя, начиная съ министра и кончая скромнымъ дѣятелемъ провинціи, то въ образованіи этой фаланги первенствующее мѣсто занимала литература плеяды художниковъ-писателей, которыми всегда будетъ гордиться Россія.

Говоря о дальнѣйшемъ развитіи познавательныхъ и вообще интеллектуальныхъ силъ будущихъ, высшихъ существъ, мы указали на невозможность для насъ бросить даже малѣйшій свѣтъ на путь этого развитія, замѣтивъ, что даже проблѣсковъ этого свѣта было бы уже достаточно, чтобы намѣтить въ своемъ воображеніи и самый путь, и тѣмъ хотя нѣсколько приподнять завѣсу, скрывающую отъ насъ тайны еще не познаннаго. Но мы по крайней мѣрѣ могли въ общихъ чертахъ намѣтить задачи для будущаго знанія, это: дальнѣйшее развитіе понятій о механическомъ строѣ безсознательной природы и проникновеніе въ область психическихъ явленій, гдѣ до сихъ поръ еще все для насъ покрыто тайною. Въ сферѣ нравственныхъ явленій мы намѣтили схему для соціально-экономическаго строя, долженствующаго повести человѣчество по пути непрерывнаго соціальнаго и индивидуальнаго нравственнаго усовершенствованія, при чемъ съ особымъ вниманіемъ остановились на борьбѣ за существованіе, какъ на деморализующемъ факторѣ, и указали, что не только будущія, высшія существа, но и настоящее человѣчество можетъ найти способы устранить эту борьбу съ жизненнаго поприща разумныхъ существъ.

Иначе стоитъ дѣло въ вопросѣ о будущемъ развитіи въ сферѣ эстетическаго; всякая попытка намѣтить въ своемъ воображеніи хотя малѣйшія черты этого развитія, только увѣритъ насъ въ полномъ ея безплодіи. Эстетическое, какъ мы сказали ранѣе, опредѣляется особымъ видомъ гармоническаго отношенія между воспринимающимъ субъектомъ и стимулирующимъ объектомъ. Начнемъ съ перваго, т. е. съ субъекта и возьмемъ для сравненія собаку, первобытнаго троглодита и современнаго, развитого эстетически человѣка.

Испытываетъ ли собака эмоціи, которыя въ нашемъ понятіи опредѣляются какъ эстетическія, сказать трудно; вѣроятно, испытываетъ, но мы не можемъ ихъ выдѣлить изъ ряда различныхъ настроеній, испытываемыхъ этимъ животнымъ, по отсутствію средствъ увѣриться въ характерѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ настроеній. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ съ полною увѣренностью сказать, что все эстетическое для развитого человѣка чуждо психикѣ собакѣ. Выведенная на незнакомую ей площадь, окруженную грандіозными сооруженіями и наполненную изящными произведеніями искусства, собака своимъ образомъ дѣйствій явно покажетъ, какъ мало значенія придаетъ она тому, что наиболѣе цѣнно для человѣка: она обратитъ все свое вниманіе на встрѣтившіяся ей другую собаку, или на какое-либо незнакомое ей животное, на предметъ, напоминающій ей собачью конуру, обнюхаетъ то, что ее интересуетъ, указывая тѣмъ на свои хищническія повадки....; музыка, или не произведетъ на нее никакого дѣйствія, или возбудитъ въ ней явно непріятное ощущеніе, нерѣдко выражаемое ею тоскливымъ воемъ.

Первобытный троглодитъ, представителей которыхъ мы находимъ въ самыхъ низшихъ и неразвитыхъ расахъ современнаго человѣчества, уже явно проявляетъ свои эстетическіе вкусы въ грубыхъ украшеніяхъ предметовъ домашняго обихода и костюма, въ тутуировкѣ, пѣсняхъ, большею частью не гармоничныхъ на нашъ слухъ. Передъ пластическими произведеніями европейскаго искусства онъ выразитъ удивленіе, любопытство, но ничего удостовѣряющаго, что они доставляютъ ему эстетическое наслажденіе. Наша музыка также не произведетъ на него замѣтнаго дѣйствія и онъ предпочтетъ ей свою какофонію, въ которой кромѣ шума, треска, гама трудно отыскать что-либо для нашего слуха. Художественная литература, съ содержаніемъ, могущимъ удовлетворять самымъ скромнымъ нашимъ требованіямъ, также недоступна ему, вслѣдствіе крайней бѣдности лексическаго матеріала и грамматическаго строя его языка, позволяющаго выражать только болѣе простыя понятія, состоянія, дѣйствія и ихъ отношенія. Даже красоты природы слабо возбуждаютъ въ немъ эстетическія чувства, что впрочемъ замѣчается и въ неразвитыхъ классахъ нѣкоторыхъ цивилизованныхъ народовъ.

Сила и острота зрѣнія и слуха развиты у собаки и троглодита болѣе, чѣмъ у современнаго цивилизованнаго человѣка, но у послѣдняго эти чувства обладаютъ особыми свойствами, нужными для воспріятія тонкихъ оттѣнковъ внѣшнихъ раздраженій, тѣми качествами, которыя характеризуютъ глазъ художника пластика и ухо музыканта. Ясно однако, что не этими особенностями внѣшнихъ чувствъ опредѣляется коренное различіе въ эстетическомъ воздѣйствіи однихъ и тѣхъ же стимулирующихъ объектовъ на различные субъекты, а глубокимъ различіемъ въ психическомъ складѣ послѣднихъ. Такимъ образомъ, сопоставленіе трехъ существъ животнаго царства, собаки, тро-

глодита, и современнаго развитого европейца, приводитъ насъ къ выводу, одинаковому съ тѣмъ, какой мы сдѣлали при анализѣ условій, опредѣляющихъ прогрессивную эволюцію интеллекта, т. е. характеръ эстетическаго воздѣйствія стимулирующаго объекта, будетъ ли то внѣшняя природа, или произведеніе искусства зависитъ, не столько отъ развитія внѣшнихъ чувствъ воспринимающаго субъекта, сколько отъ общаго психическаго развитія послѣдняго.

Какъ для собаки и первобытнаго троглодита невозможно представленіе о томъ, что входитъ въ сферу эстетическаго для современныхъ, наиболѣе развитыхъ народовъ, такъ и для насъ невозможна даже малѣйшая мысль ни о пути, по которому пойдетъ дальнѣйшее развитіе эстетическихъ чувствъ и эмоцій, ни объ объектахъ, долженствующихъ стимулировать послѣднія. Единственное, для насъ возможное тутъ, это варіировать и расширять въ нашемъ воображеніи то, что уже теперь входитъ въ наше сознаніе; такъ, мы можемъ, наприм., допустить, что техника создастъ музыкальный инструментъ, подобный церковному органу, въ которомъ воздухъ замѣнится паромъ, что дастъ возможность одновременно милліонамъ людей наслаждаться артистическою игрою виртуоза; можемъ варіировать до безконечности уже знакомые намъ свѣтовые эффекты достигнутые электротехникою, можемъ, наконецъ, допустить образованіе новаго вида художественной литературы, но все это ни на шагъ не выдвинетъ насъ изъ круга уже доступнаго намъ и въ настоящее время. Но опираясь на прошлое, мы можемъ смѣло утверждать, что для будущихъ существъ, въ сферу эстетическаго войдутъ новые элементы и мотивы, а которые уже теперь входятъ въ наше сознаніе, прогрессивно измѣняясь, примутъ другія, высшія формы; природа откроетъ намъ новыя красоты, теперь еще недоступныя намъ, почему и весь міръ, въ эстетическомъ отношеніи, будетъ представляться иначе, чѣмъ онъ намъ представляется теперь; искусство создастъ новыя, вполнѣ оригинальныя формы и потому не сравнимыя ни съ чѣмъ, что намъ извѣстно теперь, даже красота физическаго организма будущихъ существъ настолько будетъ превосходить красоту современнаго намъ человѣка, что первѣйшая красавица настоящаго времени не будетъ уже удовлетворять эстетическому вкусу будущихъ существъ, почему и перейдетъ въ разрядъ безразличныхъ объектовъ.

Картина прогрессивной эволюціи человѣческаго рода за послѣдніе 15—20 тысячелѣтій, т. е. за періодъ отъ диллювіальной эпохи до настоящаго времени, хотя и поражаетъ нашъ умъ своимъ величіемъ, но дѣйствіе ея на насъ далеко не достигаетъ той силы, какая получилась бы, если бы мы могли созерцать эту картину не дискурсивно, а интуитивно, т. е. если бы мы могли свою психику принизить до уровня психики первобытнаго троглодита, или, наоборотъ,

психику послѣдняго развить до уровня нашей. Предположимъ послѣднее, т. е. предположимъ, что какимъ-либо чудомъ мы воскресили кого-либо изъ троглодитовъ и въ теченіи короткаго времени, 2—3 мѣсяцевъ, развили его психику до уровня наиболѣе развитого современнаго намъ европейца, при чемъ ввели бы его въ обстановку жизни послѣдняго. Троглодитъ конечно былъ бы сильно пораженъ той властью, какую человѣкъ пріобрѣлъ надъ природою, тою обширною серію наукъ и техническихъ изобрѣтеній, обусловившихъ эту власть, но еще въ большей степени его поразила бы метаморфоза, совершившаяся въ его душѣ: онъ сказалъ бы, что физическія его чувства остались почти безъ измѣненія, но въ его душѣ появились какъ бы особые, внутренніе органы зрѣнія и слуха, давшіе другое освѣщеніе сигналамъ, получаемымъ его душою чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, что на все въ природѣ онъ смотритъ теперь совершенно иначе, что въ его душѣ зародился рой новыхъ мыслей, понятій и чувствъ, что, наконецъ, его бывшее косное и крайне слабое мышленіе, довольствовавшееся прежде скуднымъ лексикономъ для выраженія только самыхъ простыхъ предметовъ, дѣйствій и состояній, достигло теперь мощи философскаго умозрѣнія.

Если бы подобный опытъ мы могли продѣлать съ какимъ-либо безсловеснымъ животнымъ, наприм., съ собакою, то ея заявленія указали бы намъ на глубину пропасти, отдѣляющей ея психику отъ нашей. Она сказала бы, что понятія міръ: вселенная, для нея не существовали, что небо, облака, свѣтила имѣли для нея то же значеніе, какъ пятна и рисунки на обояхъ комнаты, что она даже и не имѣла побужденія вдумываться во все это; что такъ же относилась она и ко всему, что создано техникою и искусствомъ человѣка, что въ сферахъ мышленія и чувства одно было знакомо ей ранѣе, другое находилось въ ней въ зачаточномъ состояніи, а третье, развитое орудіемъ слова, было совершенно недоступно ей, при этомъ она добавила бы, что внѣшнія чувства ея, сохранивъ прежнюю спеціализацію, измѣнились однако по силѣ и качеству.

Животное, стоящее ниже собаки по психическому развитію, при нашемъ воображаемомъ опытѣ, испытало бы еще болѣе глубокую метаморфозу, и если, наконецъ, перейдемъ къ низшимъ животнымъ, съ которыхъ, повидимому, началась жизнь на земномъ шарѣ, то наше воображеніе рѣшительно отказывается дать хотя какія-либо черты для сравненія міра представленій этихъ животныхъ съ міромъ представленій человѣка. Въ прогрессивномъ развитіи животнаго міра, при переходѣ отъ низшихъ животныхъ къ высшимъ, въ общемъ, развивались и возрастали въ числѣ и ихъ физическія чувства. Геологія констатируетъ, что животная жизнь началась на земномъ шарѣ въ водной средѣ, и въ теченіе очень длинныхъ геологическихъ періодовъ не оставляла этой среды; но такъ какъ вода далеко не такъ прозрачна, какъ воздухъ, то высшее чувство, зрѣніе, или вполнѣ отсутствовало

у низшихъ животныхъ, или далеко не достигало степени развитія у наземныхъ животныхъ. Уже этой причины достаточно, чтобы представленіе низшихъ животныхъ о внѣшнемъ мірѣ стояло неизмѣримо далеко отъ того, что входитъ въ сознаніе человѣка.

Подобно прошлому, и въ будущемъ, по мѣрѣ всесторонняго развитія будущихъ существъ, міръ постепенно будетъ открывать имъ свои новыя красоты, теперь скрытыя отъ насъ, и вдохновлять будущихъ поэтовъ и художниковъ новыми мотивами и впечатлѣніями и, оставаясь неизмѣннымъ, будетъ измѣняться къ лучшему въ представленіи.

До сихъ поръ языкъ представлялъ главнѣйшее орудіе, которымъ пользовалось человѣчество въ своемъ развитіи; но этого орудія будетъ недостаточно для дальнѣйшей прогрессивной эволюціи будущихъ, высшихъ существъ. Мы уже не разъ указывали на тщету попытки пролить свѣтъ на орудіе или на орудія будущаго для дальнѣйшаго развитія сознательнаго начала, такъ же какъ и на путь, которому будетъ слѣдовать это развитіе. Недостатки же языка обнаруживаются уже и при настоящемъ уровнѣ психическаго развитія человѣчества въ его передовыхъ группахъ и состоятъ въ громоздкости языка и его недостаточной экспрессивности. Первый недостатокъ чувствуется каждымъ, приступившимъ къ изложенію своихъ мыслей, по сложности выходящихъ изъ ряда обычныхъ: въ его представленіи, каждая такая мысль, рисуется какъ что то компактное, не обширное по содержанію, и потому обѣщающее не потребовать большого числа словъ для своего изложенія; только закончивъ изложеніе мысли, онъ увѣряется, какъ много превышаетъ количество употребленнаго имъ словеснаго матеріала то, на что онъ разсчитывалъ. Недостатокъ же экспрессивности языка чувствуется больше или меньше всякимъ авторомъ литературнаго произведенія, переступившаго границы конкретныхъ явленій, но съ особою силою его чувствуютъ философы и поэты. Первые, для развитія своихъ сложныхъ мыслительныхъ операцій, съ понятіями крайне отвлеченнаго характера, по необходимости, должны прибѣгать къ многорѣчивому изложенію, а для выраженія самыхъ понятій, вводить особую номенклатуру; но ихъ усилія, по возможности яснѣе передать читателю то, что они мысленно созерцаютъ, часто не приводитъ ихъ къ желаемымъ результатамъ, что отчасти и доказывается неодинаковымъ пониманіемъ ихъ произведеній даже въ средѣ спеціалистовъ. Въ той же, если еще не въ большей мѣрѣ, испытываютъ затрудненія и поэты, при изложеніи своихъ чувствъ и настроеній. Декадентство есть неудачная попытка устранить недостатокъ экспрессіи языка измѣненіемъ смысла самыхъ словъ.

Глава X.

Содержаніе жизни и ея цѣнность; счастье. Субъективныя условія счастья человѣка. Низкій уровень счастья у народовъ древнихъ цивилизацій и повышеніе его у народовъ новоевропейской цивилизаціи.

Представивъ въ предыдущихъ главахъ картину прогрессивной эволюціи сознательнаго начала, въ его главныхъ потенціяхъ: интеллектуальной, нравственной и эстетической, попробуемъ теперь выяснить, какъ и въ какомъ направленіи дѣйствовалъ эволюціонный процессъ въ образованіи тѣхъ условій и элементовъ, которыми опредѣляется индивидуальное и соціальное счастье, понимая подъ послѣднимъ средній уровень счастью всѣхъ членовъ какого-либо общества и распредѣленіе его по главнымъ общественнымъ группамъ.

Все, что доходитъ до сознанія чувствующаго существа, составляетъ содержаніе его жизни, а этимъ содержаніемъ опредѣляется и цѣнность самой жизни. Если элементы, возбуждающіе въ сознаніи чувство довольства, назвать положительными, а возбуждающіе недовольство—отрицательными, то цѣнность жизни поднимается съ увеличеніемъ числа положительныхъ элементовъ, съ подъемомъ ихъ качествъ и съ уменьшеніемъ элементовъ отрицательныхъ. Такъ какъ изъ всѣхъ организмовъ животнаго міра только сознанію всесторонне развитого человѣка новоевропейской цивилизаціи доступны всѣ главные элементы содержанія жизни организмовъ, ниже его стоящихъ, то только онъ одинъ и можетъ быть принятъ за вѣрнаго цѣнителя какъ цѣнности жизни, такъ и зависящей отъ того степени счастья того или другого чувствующаго существа. Поэтому въ дальнѣйшемъ наша оцѣнка цѣнности жизни и счастья всякаго чувствующаго организма будетъ производиться согласно понятіямъ, установившимся на этотъ предметъ въ той доли новоевропейскихъ обществъ, которая по праву можетъ быть названа аристократіею ума, знанія и чувства.

Условія, опредѣляющія цѣнность жизни, можно разбить на двѣ группы: на группу объективныхъ условій и на группу субъективныхъ. Первая группа заключаетъ въ себѣ все находящееся внѣ субъекта: окружающую его природу, средства для удовлетворенія его физическихъ и духовныхъ потребностей, всѣ отношенія, вытекающія изъ совмѣстной жизни его съ существами себѣ подобными и вообще съ животнымъ міромъ, и т. под. Для животныхъ, стоящихъ ниже человѣка, эти условія вообще даются такъ, какъ они существуютъ въ природѣ; человѣкъ видоизмѣняетъ ихъ и создаетъ множество средствъ и способовъ, чтобы дать своей жизни возможно богатое содержаніе, въ цѣляхъ достиженія возможно высшихъ степеней индивидуальнаго и соціальнаго счастья.

Въ группу субъективныхъ условій должно включить всѣ состоянія сознанія, поскольку они зависятъ отъ степени приближенія организма къ здоровому, нормально развитому типу, все отъ чего зависитъ характеръ самочувствія и преобладающихъ душевныхъ настроеній субъекта, выражаемыхъ словами: жизнерадостное, свѣтлое, меланхолическое, мрачное. Эти условія одинаково важны для жизни всякаго животнаго, но для человѣка, кромѣ нихъ, особое значеніе имѣютъ условія, зависящія отъ тѣхъ особенностей психическаго склада его духовнаго организма, которыя являются послѣдствіемъ воспитанія духовнаго и преимущественно нравственнаго развитія, природныхъ склонностей, направленія и силы воли, вліянія общественной среды, способности выбирать наиболѣе цѣнное изъ того, что даетъ жизнь. Эти то послѣднія условія оказываютъ главнѣйшее вліяніе на качество элементовъ содержанія жизни и тѣмъ опредѣляютъ различную ея цѣнность, и чѣмъ сложнѣе жизнь обществъ, тѣмъ сильнѣе контрасты въ типичныхъ формахъ индивидуальной жизни. Такъ, въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ, мы встрѣчаемъ съ одной стороны людей черствыхъ, раздраженныхъ, озлобленныхъ, постоянно мучимыхъ предположеніемъ, что и окружающіе ихъ питаютъ къ нимъ тѣ же недоброжелательныя чувства, какія гнѣздятся въ ихъ душѣ; съ другой—людей, проникнутыхъ любовью къ окружающимъ и вообще къ человѣчеству, увѣренныхъ, и не напрасно, что если не всѣ, то большинство людей, и на ихъ взглядъ наилучшихъ, питаютъ и къ нимъ то же чувство любви и уваженія; въ нравственной атмосферѣ, окружающей ихъ, тепло живется ихъ душѣ. Съ одной стороны встрѣчаемъ животный эгоизмъ, знающій только свое „я“ и безучастный къ тяжелой судьбѣ ближняго; общественная жизнь его интересуетъ постольку, поскольку задѣваются ею его личные интересы; нравственное одиночество удѣлъ эгоиста; съ другой—видимъ людей, ставящихъ свои личные интересы на второй планъ, всегда готовыхъ на посильную помощь ближнему, а когда то требуетъ общественное благо, совершающихъ величайшіе подвиги, жертвуя своимъ семейнымъ счастьемъ, свободою и даже жизнью. Съ одной—видимъ людей, для которыхъ удовлетвореніе низшихъ животныхъ потребностей составляетъ главную цѣль жизни, а въ сферѣ духовной имъ доступны только мелочныя, обыденныя явленія жизни; обыкновенно только тщеславіе составляетъ господствующій стимулъ ихъ дѣятельности; пониженіе жизненной энергіи, пресыщеніе, разочарованіе, скука, сознаніе пустоты жизни, составляетъ обычное состояніе ихъ сознанія; съ другой—людей, стремящихся удовлетворять своимъ высшимъ духовнымъ потребностямъ, и такъ какъ наука, искусство, литература, природа, религія, общественная дѣятельность, даютъ имъ неисчерпаемый матеріалъ для удовлетворенія ихъ стремленій, то они не знаютъ ни пресыщенія, ни разочарованій, а въ теченіе всей своей жизни, съ первыхъ лѣтъ юношества, до послѣднихъ дней глубокой старости, берутъ изъ жизни

все лучшее, что она можетъ дать человѣку, почему и преобладающее настроеніе ихъ сознанія есть довольство своею жизнью. Съ одной— встрѣчаемъ людей, которые, достигнувъ обезпеченнаго положенія въ своей жизни, не могутъ спокойно видѣть, что существуетъ небольшая группа людей, пользующихся еще большимъ обезпеченіемъ и болѣе высокимъ общественнымъ положеніемъ; зависть гложетъ ихъ душу, отравляя ея жизнь самыми ѣдкими страданіями; съ другой— людей, довольствующихся тѣмъ положеніемъ, какое они считаютъ достаточнымъ для обезпеченія своей семейной жизни; видя кругомъ себя массу нужды и горя, они благословляютъ судьбу за свое исключительно счастливое положеніе и считаютъ недостойнымъ увеличивать ряды тѣхъ, которые ложатся тяжелымъ бременемъ на плеча труждающагося человѣчества; спокойствіе души и совѣсти награда этихъ людей. Съ одной—лѣность и апатія, полагающія благополучіе жизни въ физическомъ бездѣйствіи и духовной неподвижности, съ другой— живость и неутомимую энергію, смотрящихъ на вынужденное бездѣйствіе какъ на тяжелое наказаніе; неудержимое стремленіе расширить свой кругозоръ, проявлять свои силы во всѣхъ родахъ дѣятельности и творчества, вносятъ въ жизнь людей, обладающихъ этими свойствами, самое богатое содержаніе, доступное современному человѣку. Съ одной—мы видимъ людей скрытыхъ, интригановъ, злорадствующихъ, ведущихъ въ жизни свою особую политику, строющихъ злые планы въ своемъ мрачномъ нравственномъ подземельѣ; съ другой— людей откровенныхъ, ясныхъ, радующихся чужой радости, сочувствующихъ чужому горю, вносящихъ вездѣ, гдѣ они появятся, довѣріе, веселость, простоту обращенія и искренность чувствъ.... Съ одной— ненасытное властолюбіе, смотрящее на власть какъ на средство удовлетворенія своимъ низшимъ психическимъ стремленіямъ, съ другой— желаніе власти для осуществленія высшихъ идеаловъ на благо человѣчества. Съ одной—людей, не могущихъ въ своихъ представленіяхъ подняться выше того, что даютъ имъ внѣшнія чувства, обреченныхъ поэтому пресмыкаться въ низшихъ областяхъ человѣческаго духа; съ другой—людей чувствующихъ въ міровой жизни присутствіе Высшихъ Силъ; религіозное или философское міровоззрѣніе, высшія формы поэтическаго настроенія, поднимая ихъ духъ въ высшія сферы, вносятъ въ ихъ жизнь особо цѣнный вкладъ.

Предоставляемъ самому читателю дополнить представленный нами перечень контрастовъ новыми примѣрами, какіе онъ почтетъ нужнымъ.

Психическія свойства, характеризующія наши контрасты, можно назвать одни отрицательными, другія положительными. Цѣнность жизни человѣка опредѣляется степенью развитія въ душѣ его тѣхъ или другихъ свойствъ и ихъ отношеніемъ; по мѣрѣ усиленія положительныхъ свойствъ и ослабленія отрицательныхъ повышается и цѣнность жизни. Когда преобладаніе положительныхъ свойствъ соединяется съ высокимъ и всестороннимъ развитіемъ психики человѣка вообще, когда,

вслѣдствіе этого развитія, душа его дѣлается воспріимчивою къ наиболѣе высокимъ впечатлѣніямъ, производимымъ на нее красотою, природою, искусствомъ, когда онъ способенъ воодушевляться идейными чувствами, когда, наконецъ, онъ чувствуетъ присутствіе Бога въ своей душѣ и мірѣ, —тогда можно будетъ сказать, что онъ обладаетъ всѣми главными субъективными условіями для осуществленія наиболѣе цѣнной и наиболѣе счастливой жизни.

Говоря объ объективныхъ условіяхъ счастья, мы указали, что къ тому, что дается непосредственно природою, человѣкъ прибавилъ множество созданныхъ имъ средствъ и способовъ, вліяющихъ на цѣнность его жизни. Эти условія, оставаясь объективными, всегда оказывали сильное вліяніе и на условія чисто субъективныя. Одни изъ объективныхъ условій, созданныхъ человѣкомъ, увеличивали цѣнность жизни человѣчества, другія уменьшали, поэтому одни можно назвать положительными, другія—отрицательными. Не касаясь пока первыхъ, мы относительно вторыхъ замѣтимъ, что они явились какъ результатъ борьбы за существованіе, развившей въ душѣ человѣка тѣ низшія психическія качества, на которыхъ мы болѣе подробно остановились въ главѣ VII и которыхъ мы опредѣлимъ однимъ словомъ *хищничество*, понимая это слово въ родовомъ, собирательномъ смыслѣ, включающемъ въ себѣ всѣ виды дѣйствій человѣка, вытекающихъ изъ животнаго эгоизма.

Въ главѣ VI мы указали на ошибочность предположенія, что человѣчество когда-то переживало золотой вѣкъ счастья. Теперь въ бѣгломъ очеркѣ постараемся, съ точки зрѣнія счастья, нарисовать картину прошлаго человѣчества, насколько она выясняется археологіею и документальною исторіею.

Въ жизни первобытныхъ народовъ наукою установлено три слѣдующихъ другъ за другомъ періода: охотничій, пастушескій и осѣдлый или земледѣльческій. Во всѣ эти періоды человѣкъ проявлялъ въ различныхъ формахъ свои хищническія стремленіи и инстинкты Въ періодъ охотничій хищничество направлялось главнѣйше на дикихъ животныхъ; если одно охотничье племя нападало на другое, то съ цѣлью или расширить районъ своей охоты, или захватить плѣнныхъ для пищи; обращать плѣннаго въ раба не было цѣли, п. ч. пища добывалась съ большимъ трудомъ, а всякій рабъ былъ бы только лишнимъ ртомъ въ семьѣ охотника.

Въ пастушескій и осѣдлый періоды уже накоплялись богатства въ видѣ стадъ прирученныхъ животныхъ, а главное въ продуктахъ земледѣлія и индустріи. Тогда нападеніе хищника имѣло цѣлью завладѣть этими богатствами, а плѣнныхъ обратить въ рабовъ, такъ какъ рабъ представлялъ очень удобную рабочую силу, могущую дать въ хозяйствѣ гораздо болѣе того, что нужно для ея содержанія. Такимъ

образомъ между родовыми группами и народцами установились отношенія, какія мы и теперь видимъ у дикихъ и полудикихъ народовъ: каждая группа пользовалась случаемъ ограбить болѣе слабаго сосѣда и принимала мѣры защиты отъ болѣе сильнаго. Для большаго успѣха въ нападеніи и защитѣ, и для установленія общественнаго строя, обезпечивающаго безопасное положеніе каждаго члена общества въ его собственной средѣ, организовались правительства, въ рукахъ которыхъ, мало-по-малу, и сосредоточились всѣ орудія власти. Каждое правительство стремилось расширить свои владѣнія завоеваніемъ сосѣднихъ областей, съ цѣлью увеличить свои силы и ослабить силы сосѣдей. Такимъ образомъ образовались обширныя государства, о которыхъ, какъ уже о вполнѣ сформировавшихся, мы и получаемъ свѣдѣнія изъ первыхъ и самыхъ отдаленныхъ источниковъ документальной исторіи. Съ того времени, и до послѣднихъ временъ, исторія отношеній государствъ представляетъ неизмѣнно одну и ту же картину, это борьбу хищническихъ элементовъ человѣческаго рода, и только въ послѣднія тысячелѣтія эта борьба осложнилась вмѣшательствомъ религіознаго элемента. Съ какою жестокостью велась борьба между различными народами и государствами свидѣтельствуетъ намъ исторія, и чѣмъ дальше мы отодвигаемся вглубь прошлаго, тѣмъ безпощадность борьбы выступаетъ съ большею и большею силою. Такъ, на порогѣ документальной исторіи, въ клинообразныхъ запискахъ, для вящщаго прославленія того или другого царствованія, занесено, что такой то царь побѣдилъ такіе то народы, при чемъ огнемъ и мечемъ прошелъ область одного народа, а землю другого опустошилъ такъ, что тамъ могутъ свободно разселяться дикіе звѣри. Это значитъ, что всѣ человѣческія жилища были разграблены и выжжены, большая часть побѣжденнаго народа вырѣзана, а остальная— уведена въ рабство.

Если отъ древнѣйшихъ цивилизацій мы перейдемъ къ болѣе позднимъ, то, несмотря на скудость письменныхъ памятниковъ, рисующихъ народный бытъ, на полное отсутствіе какихъ-либо статистическихъ данныхъ относительно тогдашняго времени, мы, опираясь на то, что сохранилось до нашего времени, должны прійти къ заключенію, что уровень счастья народовъ, создавшихъ эти цивилизаціи, былъ очень не высокъ. Обыкновенная исторія этихъ цивилизацій такова: тотъ или другой народъ, сложившійся въ твердый политическій организмъ подъ главенствомъ единодержавія, выступалъ на историческую сцену какъ особо выдающійся хищникъ. Стимуломъ его дѣйствій, кромѣ хищничества и властолюбія, служило и желаніе ввести разнообразіе въ свою, скудную внутреннимъ содержаніемъ жизнь, а военныя приключенія представляли для того лучшее средство. И вотъ такой народъ поочередно бросается на сосѣднія государства. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда не встрѣчалось сопротивленія, онъ ограничивался обложеніемъ данью покорепный народъ; въ большинствѣ же

случаевъ, онъ встрѣчалъ противодѣйствіе, и тогда военный походъ заканчивался грабежемъ всего, что можно увезти, безпощаднымъ избіеніемъ безоружныхъ жителей и уводомъ милліоновъ рабовъ. Награбленная добыча, и даровой трудъ рабовъ, давали возможность господствующему классу вести праздную жизнь, и когда, послѣ военныхъ приключеній, наставалъ періодъ временнаго затишья, тогда хроникеръ-царедворецъ вносилъ въ свою лѣтопись: что въ царствованіе такого то государя, послѣ побѣдъ надъ такими то народами, насталъ періодъ мира, процвѣтанія государства и благоденствія его народа. Въ дѣйствительности же наставалъ періодъ азіатской роскоши для господствующаго класса, той развращающей роскоши, которая лишаетъ человѣка способности находить истинное наслажденіе въ жизни, угнетеніе остальной народной массы и безпросвѣтная жизнь рабовъ.

Многіе архитектурные и художественные памятники прежнихъ цивилизацій поражаютъ насъ своимъ величіемъ и красотою, но будетъ большою ошибкою заключать по этимъ памятникамъ о благосостояніи народовъ, создавшихъ ихъ. Эти памятники созданы цѣною страшныхъ страданій порабощенныхъ и угнетенныхъ народныхъ массъ: десятки, сотни тысячъ рабовъ, ежедневно, съ утра до ночи, работали надъ громадными сооруженіями для удовлетворенія тщеславія или художественнаго вкуса небольшой группы господствующихъ классовъ. Въ награду за свой каторжный трудъ, рабъ получалъ самую грубую пищу, достаточную только для поддержанія его физическихъ силъ, голый полъ для отдыха въ душномъ и грязномъ баракѣ и безпощадную плеть за малѣйшую оплошность. Между тѣмъ, въ большинствѣ, это были люди, когда то жившіе на свободѣ, имѣвшіе сильныя семейныя привязанности; горечь лишенія высшаго блага человѣка, свободы, усиливалась въ нихъ неизвѣстностью о судьбѣ близкихъ сердцу; мысль, что ихъ жены, дѣти ..... испытываютъ еще худшую участь, усиливала ихъ страданія. Малѣйшее проявленіе человѣческаго достоинства въ рабѣ, подавлялось унизительными и жестокими наказаніями. У тѣхъ народовъ бывшихъ цивилизацій, которые по какимъ-либо причинамъ не могли пріобрѣтать достаточное число рабовъ, господствующіе классы прибѣгали къ простому средству: законодательнымъ путемъ они, въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, налагали тяжелое податное бремя на угнетенные классы, чѣмъ и обезпечивали рабочій рынокъ обильнымъ предложеніемъ дешеваго рабочаго труда.

Всѣ извѣстныя древнія цивилизаціи: азіатскія, египетская, греческая, римская основали свое процвѣтаніе на рабствѣ и угнетеніи, и всѣ онѣ испытали одинаковыя послѣдствія: онѣ не выдержали дѣйствія соціальнаго яда, отравлявшаго ихъ общественный организмъ. Типичною формою для всѣхъ этихъ цивилизацій, можетъ служить цивилизація самаго крупнаго хищника, какого знаетъ только исторія,— цивилизація классическаго Рима. Выступивъ на историческое поприще съ тѣми качествами, какія характеризуютъ доблестный и богато ода-

ренный народъ, римляне не удержались на покатой плоскости самаго безпощаднаго хищничества. Захватывая постепенно территоріи сосѣднихъ государствъ, они, для систематическаго грабежа побѣжденныхъ народовъ, посылали къ нимъ толпы своихъ чиновниковъ и чтобы оправдать свои дѣйствія и скрыть истинные мотивы своей хищнической политики, они впослѣдствіе выдумали благовидную цѣль, названную ими римскимъ миромъ, pax romanum. Господствующіе классы, обезземеливъ мелкихъ собственниковъ самой Италіи, уничтожили самый здоровый общественный классъ, доблестямъ и гражданскому мужеству котораго Римъ былъ обязанъ своимъ могуществомъ. Послѣдствія извѣстны: скопленіе громадныхъ богатствъ въ рукахъ сравнительно небольшой группы людей господствующаго класса, и послѣдовавшая оттого полная деморализація этого класса, отъ которой не спасли его ни религія, ни наука, ни греческое искусство, ни усилія лучшихъ гражданъ и правителей,—и обнищаніе и глубокое нравственное паденіе народныхъ массъ. Римскій плебсъ, въ своемъ паденіи, дошелъ до того, что требовалъ отъ правительства и господствующихъ классовъ хлѣба и зрѣлищъ. Требованіе хлѣба доказывало низкій уровень его экономическаго состоянія, требованіе зрѣлищъ, римскихъ кровавыхъ зрѣлищъ, указывало на грубость и развращенность его вкуса и на его нравственное паденіе.

Здѣсь, для устраненія недоразумѣній, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку. Говоря о рѣзко выраженномъ стимулѣ человѣческихъ дѣйствій, хищничествѣ, такъ явно проявившемъ себя въ прошлой исторіи международныхъ отношеній и соціальнаго строя бывшихъ цивилизацій, мы далеки отъ мысли объяснять исторію человѣчества исключительно господствомъ этого стимула; въ борьбу съ хищничествомъ вступали высшія силы человѣческаго духа, постоянно стремившіяся создать лучшія условія для жизни человѣчества. Психическая природа человѣка очень сложна; еще сложнѣе коллективная психика человѣческихъ обществъ, потому всеобъемлющее философское толкованіе исторіи человѣка представляетъ очень сложную и трудную задачу, неразрѣшенную еще и по сіе время; есть только опыты подведенія этой исторіи подъ заранѣе установленныя схемы, или освѣщенія ея съ той или другой стороны. Говоря о хищничествѣ, мы имѣли въ виду указать только, насколько этотъ стимулъ понижалъ цѣнность жизни народовъ бывшихъ цивилизацій, а слѣдовательно, и степень ихъ счастья. Дѣйствительно, если въ лучшей изъ всѣхъ бывшихъ цивилизацій, греческой, на каждаго свободнаго грека приходилось 20 рабовъ, то какъ бы ни высока была цѣнность жизни господина, она, въ соединеніи съ 20 несчастными существованіями, давала очень низкую среднюю величину. Въ Римѣ эта величина еще болѣе понижалась, вслѣдствіе развращенности большой части господствующаго класса, ослаблявшей его воспріимчивость къ лучшимъ и высшимъ элементамъ тогдашней цивилизаціи и пропорціонально боль-

шаго числа рабовъ, значительно сильнѣе угнетаемыхъ, чѣмъ то было въ Греціи.

Въ періоды наибольшаго пониженія цѣнности жизни человѣка, Римъ и воздвигъ свои наиболѣе величественныя зданія, а Италію наполнилъ роскошными виллами богачей. Поэтому величіе, изящество, роскошь историческихъ памятниковъ, не служитъ еще вѣрнымъ указателемъ средней цѣнности жизни и счастья народовъ, ихъ произведшихъ; такъ, Римъ началъ наполняться величественными сооруженіями и прекрасными произведеніями греческаго искусства въ періодъ своего нравственнаго паденія и достигъ наибольшей красоты и внѣшняго величія въ моментъ наибольшаго духовнаго упадка. Громадныя богатства, добытыя хищничествомъ, даровой трудъ рабовъ, ограбленная Греція и талантъ художника-грека, дали возможность римскому народу обратить Римъ въ громадный художественный музей, въ которомъ однако не знаешь, гдѣ остановить взоръ, чтобы отыскать хотя небольшую группу людей, о которой можно бы было сказать, что она пользуется счастьемъ; до того все было деморализовано. Даже греческая цивилизація, самая симпатичная изъ всѣхъ, когда либо бывшихъ, не выдержала развращающаго вліянія роскоши, праздности и рабства. Величайшія представители греческаго генія появились уже тогда, когда злокачественная язва успѣла глубоко проникнуть въ организмъ, бывшій нѣкогда здоровымъ и прекраснымъ; но и ихъ геній не могъ вдохнуть жизнь въ умирающій организмъ

Новоевропейской цивилизаціи принадлежитъ заслуга снять съ человѣчества большую долю путъ, нѣкогда налагаемыхъ на него своекорыстіемъ и хищничествомъ. Не говоря о другихъ ея преимуществахъ, уже уничтоженіе рабства ставитъ ее неизмѣримо выше всѣхъ бывшихъ цивилизацій, а установленіе гражданской и политической равноправности подняло чувство чести и человѣческаго достоинства, во всѣхъ общественныхъ слояхъ, до высоты, недосягаемой въ прежнія времена. Приравнивать къ рабству, какъ это дѣлаютъ иногда, нынѣшнее состояніе рабочаго класса въ цивилизованныхъ государствахъ, значитъ злоупотреблять рѣчью, означая однимъ и тѣмъ же словомъ предметы, сходные по второстепеннымъ признакамъ и различные въ существенномъ Напомнимъ то, что мы раньше высказали по этому предмету. Первѣйшія блага человѣка. его жизнь, свобода, честь и имущество для раба находились въ полномъ произволѣ его господина. для современнаго рабочаго они гарантированы закономъ въ той же мѣрѣ, какъ и для лицъ другихъ общественныхъ классовъ. Трудъ раба презирался; въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ уваженіе къ труду все болѣе и болѣе возрастаетъ, а въ нѣкоторыхъ, самыхъ передовыхъ въ экономическомъ отношеніи государствахъ, въ С. Американскихъ штатахъ, Австралазіи..... физиче-

скій трудъ и оплачивается пропорціонально его тяжести. Это почетное положеніе труда въ обществѣ, умственное и политическое развитіе рабочихъ классовъ и ставятъ между ними, и бывшими классами рабовъ, широкую границу.

Полное и всестороннее сравненіе новоевропейской цивилизаціи съ прежними, мы считаемъ здѣсь ненужнымъ, поэтому и ограничимся сравненіемъ только тѣхъ сторонъ, которыми главнѣйше опредѣляется цѣнность жизни человѣка. Продуктивность человѣческаго труда, въ прежнія времена, была сравнительно мала, поэтому въ прежнихъ цивилизаціяхъ и эксплоатировался трудъ десятковъ, сотенъ и тысячъ людей, чтобы создать для одной семьи жизнь, полную довольства. Въ новоевропейской цивилизаціи, благодаря техникѣ, продуктивность труда человѣка поднялась въ 20, 50, 100 разъ, а въ нѣкоторыхъ производствахъ въ 500 и болѣе разъ. Прядильный, или ткацкій станокъ настоящаго времени, при затратѣ на ихъ управленіе труда одного человѣка, даютъ въ 200 разъ болѣе пряжи и въ 20—30 разъ болѣе сотканной матеріи, чѣмъ могъ сработать одинъ человѣкъ до изобрѣтенія относящихся сюда машинъ; паровая, вальцовальная машина, средней величины, при участіи 6—8 рабочихъ, въ теченіе дня, выработаетъ сортоваго желѣза столько же, сколько въ прежнее время могли отковать 100 кузнецовъ въ теченіе недѣли; одинъ пароходъ, или локомотивъ желѣзной дороги, при участіи небольшого числа управляющихъ ими людей, перевозятъ грузы и пассажировъ въ такомъ количествѣ, для передвиженія котораго, въ прежнее время, требовался трудъ сотни людей и тысячи конныхъ подводъ.

Для построенія относящихся сюда машинъ и сооруженій, количество затрачиваемаго человѣкомъ труда также сравнительно не велико, если принять въ соображеніе величину разультатовъ, получаемыхъ при эксплоатаціи этихъ машинъ и сооруженій, тѣмъ болѣе, что въ созданіи тѣхъ и другихъ, человѣкъ главную часть работы возлагаетъ на спеціальные строительные механизмы, приводимые въ движеніе мертвыми силами природы.

Предприниматель, затратившій свои сбереженія на открытіе какого-либо промышленнаго предпріятія, основаннаго на примѣненіи новѣйшей техники, имѣетъ возможность, при малой сравнительно затратѣ человѣческаго труда, выпускать для общаго пользованія такую массу полезныхъ цѣнностей, или оказывать обществу такъ много услугъ, что, удержавъ малѣйшую часть тѣхъ и другихъ, онъ получаетъ возможность составить для себя богатое состояніе, своимъ главнымъ помощникамъ и соучастникамъ дать средства для вполнѣ обезпеченной жизни, а рабочимъ—безбѣдное существованіе.

Сотни тысячъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, различнаго рода и вида, основаны въ государствахъ, усвоившихъ начала новоевропейской цивилизаціи, и десятки милліоновъ людей пользуются богатствами, созданными трудомъ, вооруженнымъ научною техникою.

Всѣ, купившіе крупное участіе въ пользованіи этими богатствами пріобрѣтеніемъ акцій и другихъ бумагъ, всѣ главные агенты, завѣдывающіе приведеніемъ въ дѣйствіе громаднаго торгово-промышленнаго механизма, и составляютъ многочисленный классъ средняго сословія, пользующійся вполнѣ обезпеченными средствами жизни. классъ богатыхъ людей. Между этимъ классомъ и классомъ рабочихъ образовался обширный, промежуточный классъ людей, пользующихся большимъ или меньшимъ достаткомъ. Изъ того же источника, т. е. изъ торгово-промышленныхъ предпріятій, получаютъ свои громадныя средства и правительства. особенно тамъ. гдѣ въ основѣ податной системы лежитъ подоходный налогъ; слѣдовательно, и правительственная рента основана на томъ же источникѣ. Сравненіе экономическаго состоянія современныхъ цивилизованныхъ народовъ и народовъ прежнихъ цивилизацій. съ точки зрѣнія этики, заставитъ насъ признать тутъ явно выраженный прогрессъ. Въ прежнихъ цивилизаціяхъ, наприм., греческой и римской, обрабатывающая промышленность имѣла ремесленный характеръ, и лишенная могучихъ средствъ теперешней техники, она была настолько слаба, что едва обезпечивала скудное существованіе работника; кромѣ того она презиралась. Еще меньшая производительность и большее презрѣніе отличали трудъ раба. Богатство господствующихъ классовъ было основано главнѣйше на хищничествѣ, насиліи, эксплоатаціи труда раба и угнетеніи свободныхъ классовъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Только торговля представляла честный путь для накопленія богатствъ, но при малой продуктивности человѣческаго труда и при несовершенствѣ способовъ сообщенія, она не могла служить обильнымъ источникомъ для образованія общественныхъ и частныхъ богатствъ, и во всякомъ случаѣ была ничтожною, по сравненію съ тѣмъ, что она представляетъ въ настоящее время; еще меньшую роль могли играть тамъ другія, немногочисленныя свободныя профессіи.

Въ современныхъ, наиболѣе цивилизованныхъ обществахъ, классъ богатыхъ и вообще обезпеченныхъ людей сознаетъ, что его благосостояніе основано не на хищеніи, насиліи или заѣданіи жизни милліоновъ людей, а на пользованіи долею того, что дали въ руки человѣка наука и господство надъ силами природы, поэтому онъ и пользуется благами жизни съ спокойною совѣстью, что составляетъ одно изъ главныхъ условій для счастья въ жизни.

Продолжаемъ сравненіе. Въ періоды кажущагося расцвѣта греческой и римской цивилизацій процентъ людей, обезпеченныхъ въ средствахъ жизни, былъ малъ по сравненію съ процентомъ бѣдныхъ и угнетенныхъ; въ передовыхъ государствахъ новоевропейской цивилизаціи, наоборотъ, процентъ обезпеченныхъ великъ, рабски-угнетенныхъ и безправныхъ нѣтъ, и есть только небольшой процентъ сильно нуждающихся въ средствахъ къ жизни.

Душѣ человѣка присуще стремленіе наполнять свою жизнь духовнымъ содержаніемъ; съ расширеніемъ объема этого содержанія и съ поднятіемъ качества составляющихъ его элементовъ, повышается и цѣнность человѣческой жизни. Степень удовлетворенія этого стремленія зависитъ отъ двухъ главныхъ условій: отъ духовнаго развитія человѣка и отъ доступности для него нужнаго матеріала. Въ Грекоримской цивилизаціи только незначительная часть людей, составляющихъ господствующій классъ, была, сравнительно развита, остальная масса людей находилась въ состояніи тупого невѣжества, а за отсутствіемъ книгопечатанія, произведенія науки и художественной литературы были доступны только состоятельнымъ людямъ. Въ передовыхъ народахъ новоевропейской цивилизаціи, элементарное школьное образованіе сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ гражданъ, и тысячи среднихъ и сотни высшихъ учебныхъ заведеній ежегодно выпускаютъ цѣлыя арміи развитыхъ людей. Въ теченіе года расходится теперь научныхъ и лучшихъ литературныхъ произведеній болѣе, чѣмъ во 100 лѣтъ расходилось ихъ въ періодъ наибольшаго расцвѣта грекоримской цивилизаціи. Не касаясь формъ различныхъ видовъ древней художественной литературы, мы должны признать, что художественныя произведенія новыхъ литературъ превосходятъ древнія по глубинѣ психологическаго анализа, большему соотвѣтствію дѣйствительной жизни и ширинѣ кругозора. Что касается научной литературы, то, отдавая дань глубокаго уваженія піонерамъ научной мысли, мы все-таки должны признать, что наука классическаго міра, по сравненію съ современной, есть только дѣтскій лепетъ передъ рѣчью взрослаго.

Въ новоевропейской цивилизаціи жизнь состоятельныхъ классовъ сложилась лучше, полнѣе, содержательнѣе по сравненію съ жизнью господствующихъ классовъ бывшихъ цивилизацій, и преимущества первой передъ вторыми выступаетъ одинаково ярко, какой бы стороны жизни мы не коснулись. Главное ядро этихъ классовъ состоитъ изъ людей труда, достигшихъ благосостоянія участіемъ въ пользованіи богатствами, созданными наукою и техникою. При устройствѣ своихъ жилищъ они главною цѣлью полагаютъ не роскошь, а комфортъ и удобства въ жизни и въ этомъ отношеніи жизнь состоятельныхъ классовъ современныхъ обществъ обставлена гораздо лучше, чѣмъ это было когда либо въ прежнихъ цивилизаціяхъ. Участіе въ общественной жизни честныхъ женщинъ облагородило какъ самую жизнь, такъ и увеселенія: въ наши театры, на наши балы, банкеты, пикники, увеселительныя прогулки и т. под. каждая честная мать безъ опасенія можетъ отпустить свою дочь; эти увеселенія, въ нравственномъ отношеніи, рѣзко отличаются отъ пировъ съ гетерами, оргій, вакханалій, зрѣлищъ въ римскихъ циркахъ и тому подобныхъ увеселеній древнихъ.

Комфортъ и удобства въ жизни даютъ возможность современному человѣку въ наибольшей мѣрѣ воспользоваться всѣмъ лучшимъ, что

даетъ ему современная цивилизація въ сферахъ интеллектуальной, эстетической, религіозной; образовались тысячи различныхъ обществъ въ цѣляхъ расширить эти сферы духовныхъ наслажденій и облегчить доступъ къ нимъ наивозможно большему числу людей. Разумное и здоровое пользованіе своими громадными матеріальными средствами предохраняютъ современнаго человѣка отъ дряблости и изнѣженности; бодрость своего духа и мужество онъ доказалъ и доказываетъ энергичнымъ отстаиваніемъ своихъ правъ, выносливостью въ военное время и мужественною стойкостью въ битвахъ.

Но главное преимущество новоевропейской цивилизаціи предъ прежними состоитъ въ человѣчности ея стремленій, благородствѣ тенденцій и высокомъ гуманномъ характерѣ ея идеаловъ. Въ прежнихъ цивилизаціяхъ преобладали тенденціи, внушаемыя узкимъ животнымъ эгоизмомъ: благополучіе и интересы господствующей фракціи народа клались въ основу политико-экономическаго строя. Не только участь рабовъ и покоренныхъ народовъ находилась въ полномъ пренебреженіи, но и на бѣдственное положеніе низшихъ классовъ свободныхъ гражданъ обращалось мало вниманія. Это подтверждается отсутствіемъ историческихъ свидѣтельствъ, что даже въ такихъ сравнительно цивилизованныхъ обществахъ, какъ римское и греческое, существовали благотворительныя учрежденія, подобныя нашимъ лѣтскимъ пріютамъ, богадѣльнямъ, больницамъ и друг. Никто, конечно, не поставитъ кліентуру и раздачу хлѣба народу въ Римъ въ разрядъ благотвореній: и то и другое явились по внушенію тщеславія и политическаго разсчета.

Въ новоевропейской цивилизаціи ярко выступаетъ тенденція осуществить не частное, а всенародное благополучіе, поднятіемъ умственнаго, нравственнаго и экономическаго уровней народныхъ массъ, чтобы сдѣлать ихъ соучастниками высшихъ благъ, даваемыхъ цивилизаціею. Мы видимъ здѣсь обширную группу высокоразвитыхъ людей, посвятившихъ свои силы теоретической разработкѣ политико-экономическихъ вопросовъ.

Эти вопросы завладѣли вниманіемъ не только той части интеллигенціи, которую можно назвать аристократіею ума и чувства, но и большей доли образованнаго общества; многія произведенія художественной литературы проникнуты тенденціями соціальнаго характера. Правительства не остаются безучастными къ этому движенію: не проходитъ недѣли, чтобы въ томъ или другомъ государствѣ не дѣлались шаги къ улучшенію состоянія народныхъ массъ. Царствованіе государя, президентство главы республики, сессія парламента оцѣниваются теперь главнѣйше по тому, что сдѣлано ими для соціально-экономическаго прогресса. Просвѣщеніе народныхъ массъ, какъ наиболѣе надежный путь прогресса, сдѣлалось одной изъ главныхъ задачъ какъ правительствъ, такъ и наиболѣе дѣятельныхъ общественныхъ группъ. Подобно тому, какъ гуманный человѣкъ, творящій

добро только по влеченію своего сердца, на своемъ поприщѣ благотворенія, не знаетъ ни пресыщенія, ни разочарованія, ни утомленія, а наоборотъ, съ теченіемъ времени, чувствуетъ все большую и большую потребность удовлетворять влеченію своего добраго сердца, такъ и новоевропейская цивилизація, благодаря высокимъ качествамъ своей основной тенденціи, не поведетъ человѣчество ни къ разочарованію, ни къ пессимизму, ни къ духовному паденію, погубившему прежнія цивилизаціи, а безконечно высокіе идеалы, поставляемые ею для достиженія, всегда будутъ способствовать только все большему и большему развитію духовныхъ силъ человѣка, наивозможно справедливому распредѣленію матеріальныхъ и духовныхъ благъ среди людей, а слѣдовательно, и къ подъему уровня соціальнаго и индивидуальнаго счастья человѣка.

Глава XI.

Необходимость имущественнаго и соціальнаго неравенства. Главныя условія, опредѣляющія счастье человѣка въ различныхъ возрастахъ его жизни. Промышленная реформа. Повышеніе счастья въ будущемъ. Половая любовь.

Имущественное равенство и равенство общественныхъ положеній всѣхъ членовъ сложнаго цивилизованнаго общества есть химера, и если бы гдѣ-либо эта химера осуществилась, тамъ жизнь человѣка, при его настоящихъ психическихъ свойствахъ, потеряла бы большую долю своей цѣнности, а послѣдствіемъ явились бы застой и даже регрессъ психики человѣка. Но характеръ вліянія на коллективную психику общества имущественнаго и соціальнаго неравенства его членовъ зависитъ отъ того, признаетъ ли общество существующее неравенство необходимымъ и согласнымъ съ чувствомъ справедливости, или не признаетъ. Такъ, во всѣхъ обществахъ новоевропейской цивилизаціи признается необходимость главы правительства, осуществляемой въ одномъ лицѣ, будетъ ли то монархъ или глава республики. Энтузіазмъ и глубокое уваженіе, выражаемое народомъ и всѣми общественными группами главѣ правительства, не могутъ быть приписаны раболѣпію, или какимъ-либо другимъ низкимъ побужденіямъ; они служатъ выраженіемъ народнаго чувства, вытекающаго изъ сознанія, что единство воли, ограниченной или неограниченной, въ дѣлѣ управленія государствомъ, представляетъ не только необходимость, но и величайшее благо. Народъ идеализируетъ эту волю, какъ силу регулирующую, направляющую, стоящую выше интересовъ различныхъ общественныхъ фракцій, преслѣдующую только всенародное благополучіе. Когда дѣйствительность сильно уклоняется отъ идеала, народный протестъ выражается не въ отрицаніи главы правительства, какъ учрежденія, а въ чемъ-либо другомъ.

Такимъ образомъ, современные цивилизованные народы, признаніемъ необходимости главы правительства, санкціонируютъ тѣмъ громадное соціональное неравенство одного человѣка, олицетворяющаго эту главу. Въ силу указанной сейчасъ идеализаціи воли этой главы, благихъ послѣдствій, вытекающихъ изъ единства этой воли, сознанія, что только одинъ человѣкъ изъ всей массы народа можетъ быть главою правительства, въ лучшей и многочисленной части народа, исключительное положеніе этого человѣка не возбуждаетъ ни зависти, ни злобы, ни негодованія; по подобнымъ же причинамъ, т е. изъ сознанія не только полезности, но и необходимости административнаго механизма, различныя лица, входящія въ его составъ, начиная съ министра и кончая деревенскимъ старостою, по понятіямъ народа, неизбѣжно должны занимать различныя общественныя положенія. Такимъ образомъ и тутъ народы санкціонируютъ соціональное неравенство, и ихъ протесты направляются не на отрицаніе этого неравенства, а на недостатки тѣхъ или другихъ учрежденій, вредящихъ народамъ и развивающихъ въ нихъ низшія и отрицательныя качества въ ущербъ высшимъ, ведущимъ къ подъему соціональнаго и индивидуальнаго счастья.

Иначе относятся народы къ соціональному неравенству, вытекающему изъ пользованія громадными богатствами, незаслуженно скопившимися въ рукахъ частныхъ лицъ. Въ лучшей и нравственно развитой части народа, это неравенство возбуждаетъ негодованіе; въ остальной его части, къ негодованію присоединяются зависть, злоба и ненависть, и эти чувства тѣмъ острѣе, чѣмъ тѣснѣе приходятъ въ соприкосновеніе роскошь и пресыщеніе съ одной стороны и гнетущая бѣдность съ другой. Чувство справедливости допускаетъ скопленіе милліонныхъ состояній въ рукахъ одного лица, но при условіи, что это богатство пріобрѣтено имъ въ видѣ небольшой доли тѣхъ полезностей, которыя оно доставило обществу своею дѣятельностью. Если же милліоннымъ богатствомъ вознаграждается лицо за особо важныя услуги, оказанныя государству, то надо постоянно имѣть въ виду, что въ этомъ случаѣ обыкновенно богатство дается не какъ факторъ, предназначенный къ увеличенію народныхъ средствъ, а имѣетъ назначеніе потребительное и, слѣдовательно, есть не что иное какъ право пользоваться въ обширномъ размѣрѣ трудомъ другихъ людей, и поэтому, это право не должно быть дано на неопредѣленно долгое время, т. е. передаваться другимъ лицамъ, не оказавшимъ государству никакихъ услугъ, а ограничиваться только тѣмъ лицомъ, которое дѣйствительно заслужило это исключительное право. Чувство справедливости мирится и съ естественнымъ стремленіемъ родителей обезпечить наслѣдствомъ матеріальное положеніе своихъ дѣтей, но оно ограничиваетъ это стремленіе требованіемъ, чтобы размѣръ наслѣдства былъ прогрессивенъ и въ общемъ служилъ бы только средствомъ облегчить наслѣднику выступить на поприще полезнаго труда, а не

средствомъ для тунеядства, или еще хуже, прожиганія жизни, или для хищнической эксплоатаціи народнаго труда.

Исторія, художественная литература, практика жизни..... всѣ согласно показываютъ, что возможно высшая степень счастья человѣческой жизни, во всемъ ея теченіи, а не въ отдѣльныхъ періодахъ, зависитъ главнѣйше отъ богатства и разнообразія положительныхъ духовныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ содержанія этой жизни и отъ развитія въ душѣ человѣка тѣхъ положительныхъ свойствъ, которыя въ началѣ предыдущей главы мы представили въ формѣ контрастовъ.

Въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ можемъ насчитать сотни тысячъ, милліоны людей, пользующихся этимъ сравнительно высокимъ счастьемъ. Этихъ людей не удовлетворяетъ счастье сытой и благодушествующей деревни или общины, задавшейся достиженіемъ какой-либо спеціальной цѣли; они сознаютъ умомъ и чувствомъ, что человѣчество движется впередъ широкимъ размахомъ, что не въ деревнѣ и спеціальной общинѣ находятся главныя силы этого движенія и поэтому, въ кругъ того, что составляетъ ихъ духовную пищу, входитъ все лучшее достояніе нашей цивилизаціи: религіозныя движенія, философія, науки, искусства, успѣхи человѣка въ борьбѣ его съ природою, политическая, экономическая и духовная жизнь народовъ..... Созерцая грандіозную картину постепеннаго развитія сознательнаго начала природы, они стремятся принять участіе въ этомъ развитіи, каждый въ своей сферѣ дѣйствія, сообразно своимъ силамъ и своему общественному положенію; каждый изъ нихъ желаетъ внести и свою лепту въ борьбѣ со зломъ во всѣхъ его видахъ.

Эту группу сравнительно счастливыхъ людей ограничиваютъ сверху общественный слой исключительнаго богатства и роскоши, въ которомъ атрофированы способности пользоваться истиннымъ счастьемъ, снизу масса пригнетенныхъ нуждою и тяжелымъ трудомъ, гдѣ невѣжество и крайняя бѣдность ставятъ непреоборимыя препятствія къ достиженію того, что даетъ лучшее содержаніе жизни. Задача будущаго сблизить эти крайнія группы, или вѣрнѣе, ввести ихъ въ сферу условій, гдѣ явно осуществилась наибольшая сумма соціальнаго и индивидуальнаго счастья. Сдѣлать это безъ потрясеній можетъ только одно правительство, но правительство сильное, независимое внутри государства и опирающееся на сочувствіе лучшихъ людей и низшихъ общественныхъ слоевъ.

Громадныя матеріальныя средства, долженствующія скопиться въ рукахъ такого правительства, дадутъ ему возможность сильно поднять матеріальное благосостояніе народныхъ массъ, развить и повысить ихъ культурный уровень и тѣмъ пріобщить ихъ къ пользованію тѣми духовными благами, которыя одни только и могутъ служить

основою наиболѣе прочнаго и цѣннаго счастья человѣка. Можно привести множество примѣровъ, съ очевидностью доказывающихъ, что наше предположеніе не утопія; мы знаемъ, что многіе гуманные заводчики и фабриканты, не смотря на препятствія, полагаемыя не сдерживаемою конкурренціею, доставляютъ своимъ рабочимъ не только обезпеченную, но и богатую внутреннимъ содержаніемъ жизнь.

Мы указали на прогрессивный налогъ на наслѣдство, какъ на одинъ изъ способовъ увеличенія матеріальныхъ средствъ правительства для удовлетворенія общенародныхъ нуждъ, показали, что этотъ способъ не только оправдывается, но и требуется чувствомъ справедливости; укажемъ теперь, что онъ будетъ только новымъ толчкомъ въ эволюціонномъ движеніи, явно обнаружившемся уже и помимо этого толчка въ исторической жизни человѣчества. Первобытный дикарь полагалъ всѣ свои заботы только на то, чтобы прокормить себя и своихъ дѣтей; въ немъ отсутствовала мысль оставить имъ наслѣдство, такъ какъ не было въ наличности имущества. По мѣрѣ развитія человѣчества и образованія государствъ, явились различные виды частной собственности. Чувство любви родителей къ своимъ дѣтямъ установило институтъ наслѣдства, который неослабно дѣйствуетъ и по сіе время. Но въ теченіи прогрессивной эволюціи человѣчества, мало-по-малу, начало выступать новое явленіе, стимуломъ котораго служитъ чувство болѣе высокое, чѣмъ любовь къ своимъ дѣтямъ, это чувство просвѣщеннаго патріотизма, преслѣдующаго истинное благо своего отечества. Проявляясь слабо въ древнихъ цивилизаціяхъ, оно въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ выразилось въ многочисленномъ рядѣ различныхъ богоугодныхъ, благотворительныхъ и культурныхъ учрежденій. Милліарды рублей были пожертвованы и ежегодно милліоны жертвуются на эти учрежденія и почти вся сумма этихъ богатствъ выдѣлена въ ущербъ наслѣдникамъ. Извѣстно воспитательное вліяніе учрежденій и законовъ на общество; установляя законъ прогрессивнаго налога на наслѣдство, правительство только дастъ новый толчекъ теченію, уже и безъ того явно проявляющему себя; оно станетъ тутъ наперекоръ только такимъ общественнымъ группамъ, существованіе и развитіе которыхъ вредно для государства.

Сложность и многообразіе функцій, совершающихся въ жизни современныхъ цивилизованныхъ государствъ, заставляетъ общественное сознаніе признать необходимость и полезность какъ главы правительства, такъ и болѣе или менѣе сложной цѣпи учрежденій, составляющихъ административный механизмъ государства. Характеръ вліянія на общество правительственнаго строя зависитъ отъ характера учрежденій и еще болѣе отъ подбора лицъ, выполняющихъ правительственныя функціи. Тамъ, гдѣ высокъ нравственный и интеллектуальный

уровень этихъ лицъ, благодѣтельное вліяніе подбора скажется въ увеличеніи благосостоянія народа, въ повышеніи его духовныхъ и матеріальныхъ богатствъ; гдѣ, наоборотъ, административный персоналъ нравственно низокъ, его вліяніе на общество скажется, въ деморализаціи послѣдняго. Лучшими примѣрами для сравненія могутъ служить Пруссія, до 70 годовъ прошлаго столѣтія, и С.-Американскіе Штаты.

Нѣмецкая нація по своей природѣ особенно склонна къ идеализаціи, что отчасти и выразилось въ преобладающемъ характерѣ ея философіи. Это свойство, для своего развитія, нашло въ высшей степени благопріятную почву въ образцово поставленныхъ университетахъ, съ ихъ полною свободою научнаго изслѣдованія. Университеты ежегодно выпускали цѣлые батальоны идеалистовъ, проникнутыхъ высшими стремленіями. Прусское правительство воспользовалось этими баталіонами, чтобы главнѣйше изъ нихъ комплектовать служебный персоналъ государственной администраціи. Въ результатѣ получился административный механизмъ, по общему признанію, образцовый: безукоризненная честность, трудолюбіе, аккуратность и, что особенно важно, цѣлесообразность мѣропріятій—вотъ характерныя свойства персонала этого механизма.

С.-Американскіе Штаты населены несомнѣнно даровитѣйшимъ народомъ. Не смотря на повидимому идеальный строй государственныхъ учрежденій, ихъ административный персоналъ, въ своей большей части, стоитъ очень низко въ нравственномъ отношеніи. Продажность ихъ высшихъ учрежденій, конгрессовъ, извѣстна всему міру; тѣмъ же отличаются и ихъ низшіе правительственные органы. Причиною этого грустнаго явленія служитъ то, что преобладающее вліяніе, какъ на выборахъ, такъ и на составъ высшей администраціи, принадлежитъ денежной аристократіи, т. е. той фракціи, которая обладаетъ качествами наиболѣе далекими отъ тѣхъ, какія характеризуютъ идеалиста. Это прежде всего люди наживы и ненасытимыхъ аппетитовъ. Кромѣ того, со второй половины прошлаго столѣтія, тамъ установился вредный обычай, съ выборомъ новаго президента мѣнять весь административный персоналъ побѣжденной партіи и замѣнять его людьми партіи побѣдившей, при этомъ явно провозглашается, какъ принципъ, что побѣдителю принадлежитъ добыча, понимая подъ добычею интересы государства. Большинство американцевъ съ презрѣніемъ относятся къ лицамъ своего административнаго персонала какъ къ нравственному отбросу, а людей, стремящихся составить себѣ карьеру на поприщѣ государственной службы, они окрестили словомъ политиканъ, имѣющимъ у насъ смыслъ какъ бы брани.

Политическая свобода, и крайняя децентрализація государственнаго строя, были главными причинами развитія тамъ индивидуализма и частной иниціативы, поэтому и стремленіе идеалистовъ нашло себѣ

выходъ въ общественной дѣятельности, мало, или совсѣмъ независящей отъ правительственныхъ учрежденій, и мы, европейцы, поражаемся грандіозностью и цѣлесообразностью того, что создала эта нація на благо своей страны; ея университеты, великолѣпныя школы и другія учрежденія, преслѣдующія общественное благо, въ большинствѣ, основаны частными лицами и мѣстными общественными группами, и ими же поддерживаются. Американскую націю можно сравнить съ очень сильнымъ отъ природы организмомъ, въ которомъ каждая фибра, каждая клѣточка полна кипучею жизнедѣятельностью, и на этомъ организмѣ открылась язва; но онъ настолько силенъ, что, не смотря на эту язву, живетъ полною жизнью. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ найдетъ средство радикально залечить эту язву.

Наложить правительственную руку на хищничество, легкую наживу и паразитизмъ, устранить противорѣчіе между нравственнымъ и юридическимъ правами, поднять нравственный уровень административнаго персонала на возможно большую высоту, развить индивидуализмъ и тѣ положительныя качества, какими отличается народъ С. Американскихъ штатовъ, вотъ высокая задача для ближайшаго будущаго современныхъ цивилизованныхъ народовъ, задача трудная, но разрѣшимая.

Въ теченіе всей жизни человѣка условія, опредѣляющія его счастье, сильно мѣняются въ зависимости отъ возраста человѣка. Беззаботное, жизнерадостное дѣтство требуетъ отъ жизни очень немногаго, чтобы быть счастливымъ: не въ корнѣ разстроенный организмъ, переданный по наслѣдству, простая пища, дешевая одежда, скромный домашній пріютъ и сколько-нибудь сердечное отношеніе родителей, или замѣняющихъ ихъ воспитателей,—вотъ все нужное для счастья этого возраста; также немного нужно для счастья юношескаго возраста; если тутъ и появляются заботы, вызванныя школьнымъ ученіемъ, то при сколько нибудь правильной постановкѣ послѣдняго, юношество такъ увлекается имъ, что мало чувствуетъ эти заботы, а жизнерадостное настроеніе и постепенно расширяющійся кругозоръ, вносятъ въ его жизнь такое свѣтлое содержаніе, что все тѣневое легко переносится имъ, и забывается. Въ слѣдующемъ за юностью возрастѣ, для человѣка наступаетъ періодъ молодости, періодъ расцвѣта его физическихъ и духовныхъ силъ, когда ощущеніе крѣпости организма и правильности его физіологическихъ функцій, доходятъ до сознанія въ формѣ радостнаго самочувствія. И въ этомъ возрастѣ невзгоды и огорченія переносятся легко, но живо воспринимается все свѣтлое и радостное; міръ открывается во всей своей яркости и полнотѣ, а въ душѣ, развитой образованіемъ, появляется рой высокихъ помысловъ, благородныхъ стремленій и яркихъ картинъ воображенія. Тогда же достигаетъ наивысшаго развитія и чувство

полового стремленія; въ грубыхъ, или развращенныхъ натурахъ, оно проявляется въ формѣ скотскаго влеченія, въ цѣломудренныхъ и всесторонне развитыхъ людяхъ, оно поэтизируется и принимаетъ тѣ разнообразные оттѣнки, которые лучшіе поэты всѣхъ временъ и народовъ тщетно стараются исчерпать въ своихъ произведеніяхъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ возрастѣ, зрѣломъ, выступаютъ на сцену свѣтлыя и темныя стороны семейной жизни съ ея заботами о семьѣ и воспитаніи дѣтей. Начиная съ этого возраста, и до послѣднихъ минутъ жизни, на счастье человѣка начинаетъ оказывать наиболѣе существенное вліяніе объективныя, а главное субъективныя условія, представленныя нами въ началѣ предыдущей главы въ видѣ контрастовъ. Когда одновременно съ неблагопріятными объективными условіями человѣку недоступны духовныя блага цивилизаціи, или если и были доступны, но по какимъ-либо причинамъ они не могли предохранить его душу отъ развитія въ ней отрицательныхъ свойствъ нашихъ контрастовъ, тогда жизнь человѣка дѣлается несчастною; она не будетъ счастливою и въ томъ случаѣ, когда при наличности благопріятныхъ объективныхъ условій, въ его душѣ преобладаютъ отрицательные элементы контрастовъ. Въ обоихъ случаяхъ, по мѣрѣ перехода отъ зрѣлаго возраста къ старости, въ человѣкѣ усиливается качества наиболѣе отравляющія его жизнь: разочарованіе, пессимизмъ, отрицаніе добраго въ человѣкѣ, и какъ послѣдствіе того, черствый эгоизмъ.

Наоборотъ, когда при благопріятныхъ объективныхъ условіяхъ, хотя бы и скромныхъ, вліяніе духовныхъ благъ цивилизаціи на душу человѣка выразится въ развитіи въ ней положительныхъ элементовъ нашихъ контрастовъ, тогда жизнь человѣка дѣлается счастливою. Гладстонъ, Гарибальди, Момзенъ, ... служатъ типичными представителями группы людей счастливаго душевнаго склада. Кипучая и полная высокимъ содержаніемъ жизнь этихъ людей, бьетъ неослабнымъ ключемъ до послѣднихъ минутъ ихъ земного существованія, такъ что сами они затруднились бы сказать, когда ихъ жизнь была полнѣе и содержательнѣе: въ періодѣ ли полнаго расцвѣта ихъ силъ или наканунѣ смерти. Благодаря счастливому складу своего духовнаго организма, они, не смотря на всѣ невзгоды и неудачи въ жизни, до гробовой доски сохраняютъ въ своей душѣ любовь къ человѣку и вѣру въ его хорошія стороны, довѣріе къ нему и свѣтлыя надежды на лучшее будущее человѣчества; кромѣ того, развитые умъ и вкусъ дѣлаютъ ихъ способными къ воспріятію всего лучшаго, что можетъ дать человѣку цивилизація, природа и жизнь.

Между крайними границами несчастныхъ и счастливыхъ лежатъ всѣ промежуточныя степени счастья, которыя и составляютъ удѣлъ большинства людей.

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ напомнить то, что въ началѣ предыдущей главы было сказано нами объ оцѣнкѣ степени и качества счастья

человѣка. Биржевикъ, удачно совершающій свои операціи и живущій въ роскоши въ своемъ дворцѣ, честолюбивый карьеристъ, достигшій положенія, о которомъ онъ мечталъ, матеріально обезпеченный буржуа, безпрепятственно удовлетворяющій свои мѣщанскія потребности, сытый крестьянинъ довольный своею семьею и положеніемъ, всѣ они, съ своей точки зрѣнія, могутъ считаться счастливыми и каждый изъ нихъ будетъ правъ въ субъективной оцѣнкѣ своего счастья. Но не имъ принадлежитъ его объективная оцѣнка, потому что имъ мало, или вполнѣ недоступны тѣ психическія состоянія и настроенія, которыя опредѣляютъ высшія формы счастья. Такая объективная оцѣнка принадлежитъ только той группѣ людей, которую мы назвали аристократіей ума, знанія и чувства; только этой группѣ доступны всѣ виды душевныхъ настроеній и внутреннихъ чувствъ, начиная съ низшихъ животныхъ и кончая высшими; поэтому только она и можетъ дѣлать сравненіе между этими настроеніями и чувствами и выбирать тѣ изъ нихъ, которыя опредѣляютъ наибольшую цѣнность жизни, а слѣдовательно и счастья. Эта-то способность дѣлать выборъ и дала возможность одному изъ аристократовъ сказать, съ полнымъ убѣжденіемъ правоты своихъ словъ, что: „лучше быть неудовлетвореннымъ человѣкомъ, чѣмъ довольною свиньею, неудовлетвореннымъ Сократомъ, чѣмъ довольнымъ глупцомъ“. И мы, во всемъ, что касается счастья человѣка, держимся тѣхъ понятій, какія установились на этотъ предметъ, въ кругу этой аристократіи. Она, эта аристократія, стремится осуществить наивысшія формы счастья не только въ своемъ кругу, но и расширить его дѣйствія на все человѣчество и такъ какъ она же обладаетъ и наибольшими духовными силами для достиженія своей высокой цѣли, то на ней и зиждутся лучшія надежды человѣчества.

Показавъ въ общихъ чертахъ условія, опредѣляющія различныя степени счастья человѣка, мы въ заключительныхъ строкахъ предыдущаго отдѣла этой главы указали и на программу задачи, которую въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ разрѣшить человѣчеству для достиженія возможно высокаго соціальнаго и индивидуальнаго счастья. Перейдемъ теперь къ группѣ нѣкоторыхъ соціальныхъ факторовъ, могущихъ наиболѣе повліять на счастье человѣка, когда эта задача разрѣшится въ своихъ существенныхъ частяхъ.

Удовлетвореніе присущаго человѣку стремленія къ физической и духовной дѣятельности есть одно изъ условій для его счастья и чѣмъ выше народъ или раса, тѣмъ сильнѣе проявляется и это стремленіе; поэтому трудъ входитъ въ жизнь человѣка какъ элементъ вполнѣ нормальный, соотвѣтствующій потребностямъ его организма; человѣкъ старается только облегчить тяжелыя формы труда, прибѣгая къ помощи безсловесныхъ животныхъ, или машинъ, приводимыхъ мертвыми силами природы. Но для счастья человѣка въ высшей степени

важно знать, насколько прочно онъ можетъ гарантировать трудомъ свою жизнь отъ всякихъ случайностей, невзгодъ и несчастій. Когда человѣкъ увѣренъ, что во всѣхъ такихъ случаяхъ онъ не будетъ выброшенъ съ своей семьей на улицу, тогда вся жизнь его освѣтится въ его сознаніи иначе, чѣмъ она освѣщается при отсутствіи такой увѣренности. Въ первомъ случаѣ заботы человѣка о судьбѣ своей и своей семьи не кладутъ сильной тѣни на его жизнь, во второмъ они принимаютъ характеръ тяжелый, угнетающій, особенно когда къ неувѣренности въ прочности матеріальныхъ средствъ присоединяется еще низкій заработокъ недостаточный для удовлетворенія необходимѣйшихъ нуждъ. Въ передовыхъ цивилизованныхъ государствахъ, Франціи, Германіи, правительства и общества употребляютъ большія усилія, чтобы повозможности избавить рабочій классъ отъ того, что удручающе дѣйствуетъ на его жизнь. Въ послѣднія десятилѣтія тамъ не проходитъ года, чтобы не было сдѣлано что-либо въ этомъ направленіи: страхованіе рабочаго на случай болѣзни или безработицы, всяческія кассы вспомоществованія, облегченіе рабочему средствъ пріобрѣтать въ собственность жилища, наконецъ установленіе государственной пенсіи для престарѣлыхъ.....; вотъ что уже сдѣлано или готовятся сдѣлать. Въ будущемъ, послѣ реформъ въ соціально экономическомъ строѣ, когда громадныя средства скопятся въ рукахъ правительствъ, для рабочихъ классовъ будетъ возможность сдѣлать несравненно больше.

Заботы родителей о воспитаніи своихъ дѣтей входятъ очень вѣскимъ элементомъ въ то, что мы назвали содержаніемъ жизни; для цѣлой половины человѣческаго рода, для женщинъ, этотъ элементъ есть доминирующій. Во многихъ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ настолько еще сильно барство, что физическій трудъ пользуется пренебреженіемъ. Съ измѣненіемъ экономическихъ отношеній въ направленіи, указанномъ нами, когда каждый принужденъ будетъ исполнять различные виды работъ, это пренебреженіе пропадетъ, какъ оно пропало въ С. Американскихъ Штатахъ, Австралязіи, Ново Зеландіи. Правительства, пользуясь громадными матеріальными средствами, значительную часть ихъ направятъ къ достиженію культурныхъ цѣлей, между которыми на первомъ планѣ станетъ народное образованіе вообще и въ особенности школьное; тогда главная забота родителей будетъ состоять въ томъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ физическое воспитаніе въ дѣтскомъ возрастѣ, школьное же они получатъ въ низшихъ школахъ, въ обиліи разсѣянныхъ по территоріямъ государствъ. Что же касается среднихъ и высшихъ школъ, то правительства примутъ на себя всецѣло воспитаніе въ нихъ молодыхъ людей, проявившихъ себя наиболѣе способными въ низшихъ школахъ и это будетъ тѣмъ возможнѣе, что разоруженіе освободитъ значитель-

ныя суммы. Такимъ образомъ общественное уваженіе всякаго честнаго труда, легкая достижимость, для способныхъ, всѣхъ степеней школьнаго образованія, снимутъ съ родителей наибольшую долю теперешнихъ заботъ о воспитаніи своихъ дѣтей, и сдѣлаетъ ненужнымъ насилованіе способностей и природныхъ склонностей молодыхъ людей для удовлетворенія ложнаго честолюбія ихъ родителей. Кромѣ того, съ души каждаго родителя спадетъ тогда гнетъ безпокойства за нравственность своихъ дѣтей, и это послѣдуетъ, во-первыхъ, отъ сильнаго подъема соціальнаго нравственнаго уровня, и потомъ, отъ уничтоженія общественныхъ слоевъ, въ настоящее время наиболѣе деморализованныхъ: высшихъ, живущихъ въ праздности, и придавленныхъ—низшихъ, не знающихъ другихъ утѣхъ, кромѣ тѣхъ, какія они находятъ въ кабакѣ и притонахъ разврата.

Множество фабрикъ и заводовъ тѣснятся теперь въ городахъ, что вообще представляется удобнымъ и выгоднымъ для капиталистовъ, но крайне вреднымъ для рабочихъ, принужденныхъ вслѣдствіе этого густо населять грязные кварталы, лишенные свѣта и чистаго воздуха, платя за помѣщенія высокія цѣны. Великое зло для народа, происходящее отъ такихъ порядковъ, достаточно хорошо извѣстно, чтобы здѣсь распространяться о немъ. Предположимъ, что фабрика, заводъ, или нѣкоторая группа ихъ вынесена за городъ, на деревенскій просторъ, а для рабочихъ построены или домики-особняки, или квартиры въ домахъ большой величины, но въ томъ и другомъ случаѣ, имъ даются помѣщенія, состоящія изъ 2 или 3 комнатъ, свѣтлыхъ, сухихъ, обильно вентилируемыхъ чистымъ деревенскимъ воздухомъ. Положимъ далѣе, что въ такомъ поселкѣ, содержащемъ одну или нѣсколько тысячъ жителей, построены храмъ, большой домъ для собраній и библіотеки и школы для дѣтей, и что работы на фабрикѣ ведутся только въ теченіи холодной половины года, а въ лѣтній періодъ, все взрослое населеніе занято полевыми работами; тогда поселокъ обратится въ рядъ сплошныхъ дачъ, окруженныхъ цвѣтниками, садами, огородами для выращиванія овощей и хорошо обработанными хлѣбными полями. Школа и библіотека возбудятъ потребность къ умственнымъ занятіямъ и эстетическимъ наслажденіямъ, доставляемымъ художественною литературою; тому же будетъ способствовать институтъ лекторовъ, періодически посѣщающихъ поселки для чтенія лекцій, спектакли мѣстныхъ любителей, или странствующихъ труппъ, инструментальные и пѣвческіе хоры, составленные изъ мѣстныхъ любителей, а больше всего, собранія, для обсужденія общегосударственныхъ и мѣстныхъ вопросовъ. Большой домъ поселка будетъ служить мѣстомъ для всѣхъ такихъ собраній; въ немъ же будетъ собираться и веселящаяся молодежь, а 8-ми часовой рабочій день на фабрикѣ оставитъ рабочему достаточно свободнаго времени, чтобы воспользо-

ваться тѣми духовными сокровищами, какія въ его положеніи можетъ доставить ему современная цивилизація.

Извѣстно благодѣтельное вліяніе на душу человѣка ожиданія чего-либо радостнаго, или пріятнаго. Какъ бы ни былъ утомителенъ и однообразенъ трудъ рабочаго на фабрикѣ, гнетъ труда будетъ значительно смягченъ, когда рабочій будетъ знать, что дома онъ найдетъ не измученную горемъ жену, не хилыхъ дѣтей въ гниломъ помѣщеніи, а здоровую и веселую семью; свободные же часы онъ проведетъ не въ кабакѣ, а тамъ, гдѣ его ожидаетъ здоровое развлеченіе и высокое духовное наслажденіе. Кромѣ того, онъ будетъ съ радостью ожидать наступленія времени, когда, оставивъ фабрику съ ея шумомъ и однообразнымъ трудомъ, онъ возобновитъ свои силы работою на чистомъ воздухѣ садовъ и полей.

Является вопросъ: можетъ-ли выдержать промышленность тѣ расходы, какіе нужны для устройства проектируемаго нами поселка? Вглядываясь въ подробности этого устройства, мы не находимъ въ немъ ничего, что требовало бы значительныхъ матеріальныхъ средствъ: можно привести не мало примѣровъ, отвѣчающихъ положительно на поставленный вопросъ. Кромѣ того, уже и въ настоящее время, не смотря на препятствія, полагаемыя свободною конкуренціею, есть не мало случаевъ постановки жизни рабочихъ въ условія, близкія къ тѣмъ, какія предполагаются въ нашемъ проектѣ.

Если предоставить осуществленіе нашихъ предполагаемыхъ поселковъ частнымъ предпринимателямъ, будутъ-ли то капиталисты или акціонерныя компаніи, то значитъ заранѣе обречь это дѣло на неудачу. Вслѣдствіе антагонизма между капиталомъ и трудомъ и стремленія перваго по возможности больше выдѣлить въ свою пользу изъ того, что производитъ второй, никакіе законы и предписанія правительства не въ состояніи будутъ достичь желаемаго; на эти законы и предписанія, со стороны капитала, будетъ представляться множество обстоятельствъ, якобы препятствующихъ осуществленію требуемаго. Только правительство, не отдѣляющее своихъ интересовъ отъ интересовъ наиболѣе многочисленныхъ общественныхъ группъ, можетъ осуществить желательную реформу въ промышленной жизни государства, и не стать при этомъ въ антагонизмъ съ интересами частныхъ лицъ. Такъ, въ примѣрѣ проектируемаго нами поселка, остановка фабрики на лѣтній періодъ отзовется на интересахъ частнаго предпринимателя убыткомъ, равнымъ полугодичному проценту на капиталъ, затраченный на устройство фабрики, со всѣми находящимися въ ней машинами; для правительства, въ общемъ балансѣ, этотъ убытокъ покроется всею суммою земледѣльческихъ продуктовъ, добытыхъ рабочими фабрики за этотъ періодъ. Далѣе, для капиталиста безразлично физическое вырожденіе рабочаго, со всѣми его

вредными послѣдствіями; для правительства сохраненіе здоровья рабочаго есть одна изъ главнѣйшихъ цѣлей политики, такъ какъ здоровая организація есть одно изъ главныхъ субъективныхъ условій для счастья, а достиженіе возможно широкаго распространенія соціальнаго счастья, правительство цивилизованнаго государства должно ставить на первый планъ.

Возьмемъ богача-милліонера и предположимъ, что соединенныя дѣйствія счастливыхъ природныхъ склонностей, хорошаго воспитанія и вліянія наилучшихъ людей, развили въ немъ преобладающее стремленіе наполнять свою жизнь облагораживающимъ духовнымъ содержаніемъ. Ко всему, что составляетъ лучшее содержаніе цивилизаціи, онъ относится съ величайшимъ интересомъ, а его сердце, согрѣтое религіею и любовью къ человѣку, понуждаетъ его принимать горячее и плодотворное участіе во всемъ, что доступно его дѣятельности. Такой человѣкъ отъ первыхъ лѣтъ молодости и до гробовой доски не будетъ знать ни пресыщенія, ни общаго разочарованія, ни разъѣдающаго пессимизма, почему не только толпа, большею частью судящая только по наружности, но и аристократія ума и чувства, признаютъ его за счастливѣйшаго изъ смертныхъ. Лишите его богатства, и оставьте ему скромныя средства для жизни,—онъ почувствуетъ себя менѣе счастливымъ, но незначительно, такъ какъ главное богатство, духовное, осталось при немъ; наоборотъ, оставьте за нимъ его матеріальное богатство и принизьте его психику и развратите его, сохранивъ въ немъ воспоминаніе о томъ, что онъ былъ ранѣе, и онъ почувствуетъ себя глубоко несчастнымъ.

Возьмемъ другого богача-милліонера съ стремленіями и душевными качествами болѣе низкаго характера. Дорогія удовольствія, удовлетвореніе тщеславія, скука, требующая постоянной смѣны впечатлѣній..... все это требуетъ большихъ денежныхъ затратъ, чтобы жизни такого богача доставить счастье очень не высокаго качества.

Если сильно вліяніе духовныхъ сокровищъ на счастье богача, то еще сильнѣе сказывается оно въ жизни работника, не избалованнаго ею. Многочисленные примѣры такого вліянія мы находимъ въ жизни современныхъ цивилизованныхъ народовъ; такіе же примѣры, хотя и рѣдко, встрѣчаются и у насъ въ Россіи Здѣсь были случаи удивительныхъ метаморфозъ; такъ напримѣръ, большое село, стоящее на бойкой большой дорогѣ, пропивалось, проворовывалось и развращалось до такой степени, что во всемъ округѣ получало репутацію воровского гнѣзда. Являлся человѣкъ съ небольшими денежными средствами, большею частью изъ мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, соединялся съ мѣстною интеллигенціею: священникомъ, школьнымъ учителемъ, фельдшеромъ... и общими силами принимались за благое дѣло. Они строили новую, хорошую школу, чайную съ 2 или

3 большими комнатами и библіотекою; при чайной разводили садикъ. Вскорѣ школа наполнялась учениками различныхъ возрастовъ, а чайная сначала посѣщалась неохотно и съ недовѣріемъ, но потомъ постепенно обращалась въ клубъ, не могшій вмѣстить въ себѣ всѣхъ желающихъ. Чтенія съ туманными картинами, чтенія безъ картинъ, бесѣда людей зрѣлаго возраста, собиравшихся въ отдѣльные кружки, слушаніе музыкальной машинки, смѣхъ и говоръ молодежи, танцы и пляски подъ музыку, наполняли время приходящихъ отдохнуть въ свободное время. Въ скоромъ времени довольно обширная библіотека не могла удовлетворять спросъ на книги; заводились пѣвческіе и музыкальные хоры. Храмъ Божій, до того времени мало посѣщавшійся, начиналъ замѣтно больше наполняться молящимися. Дѣвушки и молодыя женщины своими насмѣшками, презрѣніемъ и издѣвательствомъ не давали прохода посѣщавшимъ кабаки; кабатчики разорялись и кончалось тѣмъ, что составлялся общественный приговоръ о закрытіи кабаковъ.

Такимъ образомъ въ средѣ темной, пьяной, развращенной, скучной для всякаго, чувствующаго себя человѣкомъ, въ средѣ полной горя и страданій, появился свѣтъ и освѣтилъ все своими лучами. Природа, жилища, люди..... все осталось тѣмъ же, но въ душу человѣка проникла небольшая доля духовныхъ сокровищъ и содержаніе его жизни, а слѣдовательно и счастье, качественно поднялись на значительную высоту.

Резюме содержанія двухъ послѣднихъ главъ можно представить въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Въ теченіе всей прошлой исторіи передового человѣчества сильно поднялось содержаніе его жизни и уменьшились, въ среднемъ, страданія и несчастія, т. е. поднялось его счастье. Правильному развитію послѣдняго препятствовали главнѣйше хищничество и своекорыстіе. Наиболѣе опасныя формы, въ которыхъ проявлялись эти два стимула, уже побѣждены, остается побѣдить сравнительно меньшее. Побѣда будетъ состоять въ установленіи болѣе справедливаго отношенія между капиталомъ и трудомъ, а для этого необходимо, чтобы правительства сосредоточили въ своихъ рукахъ главныя экономическія силы своихъ народовъ. Затѣмъ, въ основу экономической политики долженъ быть положенъ девизъ: не народъ для промышленности, а промышленность для народа. Для успѣшнаго осуществленія этого девиза должно произвести выкупъ крупныхъ земельныхъ участковъ, находящихся въ рукахъ частныхъ лицъ и децентрализовать обрабатывающую промышленность въ указанномъ нами направленіи. Кромѣ того главнѣйшія усилія правительствъ и обществъ должны быть направлены на образованіе народныхъ массъ и на развитіе въ

нихъ духовныхъ потребностей, такъ же какъ и на правильное воспитаніе молодого поколѣнія.

Тогда человѣчество вступитъ въ новую фазу своей жизни, фазу во всѣхъ отношеніяхъ превосходящую ту, какую оно переживаетъ теперь. Взаимныя отношенія людей въ корнѣ измѣнятся; соціальное неравенство будетъ опредѣляться не случаемъ и господствомъ темныхъ силъ, а положительными качествами человѣка: талантомъ, знаніемъ, энергіею, трудомъ, нравственною высотою..... Тогда каждый, чувствуя полную равноправность съ другими, будетъ знать, что и для него и для его дѣтей шансы занять высшее общественное положеніе тѣ же, что и для всѣхъ другихъ людей; что право на такое положеніе должно быть прежде всего пріобрѣтено положительными качествами и заслугами. Поэтому будущее соціальное неравенство, какъ согласное съ чувствомъ справедливости, не будетъ возбуждать тѣхъ чувствъ, какія оно возбуждаетъ теперь: негодованія, злобы, ненависти..... а наоборотъ, дѣйствуя въ согласіи съ другими агентами, имѣющими цѣлью благо человѣчества, будетъ все больше и больше укрѣплять въ человѣкѣ сознаніе не только необходимости, но и благодѣтельности этого неравенства; поэтому оно, это сознаніе, будетъ укрѣплять авторитетъ власти и возбуждать къ людямъ, ее олицетворяющимъ, чувства симпатіи и уваженія, подобныя тѣмъ, какія теперь возбуждаются во всѣхъ общественныхъ слояхъ, корпораціею достойныхъ своего званія ученыхъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они своими заслугами, достигаютъ высшихъ общественныхъ положеній. Тогда изсякнетъ источникъ тѣхъ психическихъ настроеній, которыя въ своихъ крайнихъ формахъ выражаются въ анархизмѣ. Вслѣдствіе коренного измѣненія отношенія между людьми, тѣ положительныя психическія свойства, которыя въ началѣ предыдущей главы мы изложили въ формѣ контрастовъ, сдѣлаются не исключеніями, какъ теперь, а общимъ, широко развившимся явленіемъ. Тогда подготовится благодатная почва для воспріятія христіанскаго ученія не ушами только, но и сердцемъ.

Заканчивая эту главу, мы считаемъ нужнымъ остановиться на характерѣ и степени вліянія половой любви на счастье человѣка.

Въ животномъ царствѣ, стоящемъ ниже человѣка, въ половой любви преобладаетъ плотскій, животный элементъ; тотъ же элементъ преобладаетъ и въ человѣкѣ, стоящемъ на низкихъ ступеняхъ развитія. По мѣрѣ всесторонняго развитія человѣка, это чувство осложняется и повышается вмѣшательствомъ другихъ психическихъ настроеній и обыкновенно проходитъ двѣ фазы, рѣзко различныя между собою: одну—до плотскаго соединенія, другую—послѣ него. Въ душѣ развитого и нравственнаго юноши, первая фаза начинается съ цѣломудренныхъ мечтаній о предметѣ своей любви, и въ случаѣ

взаимности, его душевное состояніе доходитъ до высшихъ степеней земного блаженства: всѣ психическія функціи его души настраиваются на высшій и радостный тонъ; весь міръ кажется ему тогда окрашеннымъ въ особый, какъ бы розовый цвѣтъ, а въ центрѣ этого міра стоитъ предметъ его любви, окруженный ореоломъ поэтическаго свѣта; молодой человѣкъ вполнѣ счастливъ. Въ человѣкѣ, испытавшемъ эту фазу любви, она оставляетъ на всю жизнь такое свѣтлое воспоминаніе, что онъ нерѣдко принимаетъ только эту фазу за истинную любовь и говоритъ, что бракъ есть могила истинной любви. Чувство въ этой фазѣ такъ богато содержаніемъ, что поэты всѣхъ народовъ и временъ не могутъ исчерпать всей его полноты, а художники-писатели берутъ его для канвы, на которой такъ удобно изображать сложный комплексъ жизненныхъ явленій, развивать высшія отвлеченныя понятія и возбуждать въ читателѣ, или зрителѣ театральной піесы, чувства болѣе высокія, чѣмъ сама любовь, хотя и помимо этой канвы можно достигать той же степени художественнаго изображенія жизни, какъ это доказывается многими древне-классическими и новыми произведеніями литературы.

Во второй фазѣ поэтическій колоритъ любви уступаетъ мѣсто прозаическому; восторженное настроеніе смѣняется болѣе тихимъ, но также вносящимъ въ жизнь человѣка много радостнаго и свѣтлаго, а съ появленіемъ дѣтей являются новыя радости и чувства, часто настолько сильныя, что они оттѣсняютъ на второй планъ чувство половой любви.

Взявъ первую фазу для канвы, художники-писатели, вольно или невольно, обманываютъ человѣка, особенно молодого, обѣщая ему счастье всей жизни въ случаѣ достиженія имъ предмета своихъ желаній. Выводимые писателями герои и героини обыкновенно произносятъ фразы, подобныя слѣдующимъ: „дай мнѣ счастье жизни своимъ согласіемъ“ или „сдѣлай меня по гробъ счастливымъ“ и т. под. Писатели забываютъ, что природа одарила организмы половымъ стремленіемъ для достиженія своей главной цѣли,—это продолженія вида и рода, а въ человѣкѣ она осложнила это стремленіе поэтическимъ очарованіемъ; но когда цѣль достигнута, влюбленные соединились, природа снимаетъ съ нихъ туманъ очарованія и заставляетъ искать истиннаго счастья въ удовлетвореніи другихъ, болѣе высокихъ стремленій его души, а половымъ стремленіямъ даетъ другой видъ, хотя и болѣе прозаичный, но осложненный такими новыми чувствами, какія нужны для воспитанія семьи. И государства, учреждая бракъ, имѣютъ въ виду главнѣйше не личное счастье брачущихся, а интересы будущихъ поколѣній.

Тому, кто мечталъ, или мечтаетъ основать счастье своей жизни на половой любви, дѣйствительность не замедлитъ показать, насколько они обманывались въ своихъ мечтахъ. Нашъ великій художникъ прекрасно изобразилъ это въ лицѣ Левина, въ „Аннѣ Карениной“.

Левинъ-ли не былъ очарованъ своею Кити, онъ ли не мечталъ о прочномъ счастьѣ въ жизни, достигнувъ цѣли своихъ стремленій? И что же, прошло нѣсколько лѣтъ, и Левинъ, потерявшій почву для истиннаго счастья, былъ не разъ готовъ кончить свою жизнь самоубійствомъ.

Половая любовь составляетъ только одинъ изъ элементовъ, опредѣляющихъ счастье жизни человѣка. Полагающіе основать свое счастье на господствѣ этого элемента обыкновенно не только глубоко разочаровываются, но и вредятъ себѣ въ достиженіи высшихъ формъ счастья. Помня всю прелесть первой фазы любви, они пробуютъ повторять ее, что иногда и удастся имъ, но не болѣе одного раза и то въ болѣе слабой степени, а потомъ, при слѣдующихъ переходахъ отъ одного предмета любви къ другому, поэтическій колоритъ ихъ чувства быстро пропадаетъ, замѣняясь животнымъ, и они, мало-по-малу, спускаются до полового разврата, убивающаго въ ихъ душѣ всѣ высшія стремленія, такъ нужныя для истиннаго счастья. Это психическое паденіе замѣчается какъ въ высшихъ свѣтскихъ слояхъ европейскихъ обществъ, гдѣ главнымъ содержаніемъ жизни служатъ любовныя похожденія, такъ и въ мужчинахъ высшихъ слоевъ нехристіанскихъ народовъ, допускающихъ полигамію; по свидѣтельству компетентныхъ людей, тамъ почти неизвѣстна и первая, наиболѣе цѣнная, поэтическая фаза любви.

Человѣкъ, поднявшійся въ своемъ развитіи на нѣкоторую высоту, не можетъ основать счастья своей жизни исключительно на чувствѣ половой любви, п. ч. это чувство, какъ узко эгоистичное и ограниченное тѣсною сферою однородныхъ впечатлѣній и ощущеній, не удовлетворяетъ его и постоянно заставляетъ его стремиться расширить эту сферу введеніемъ въ нее другого, болѣе богатаго содержанія; кромѣ того, наиболѣе цѣнная фаза любви входитъ въ жизнь человѣка эпизодически и обыкновенно быстро тухнетъ, тогда какъ остальные интересы жизни, особенно высшія стремленія, возбуждаемыя религіею, наукою, искусствомъ, природою, общественною и политическою жизнью..... не только не понижаются съ ихъ удовлетвореніемъ, но повышаются и сопровождаютъ человѣка до послѣднихъ минутъ его жизни. Что же касается второй фазы, также тянущейся до конца жизни человѣка, то матеріальное обезпеченіе семьи входитъ тутъ вѣскимъ элементомъ въ его жизнь и тогда характеръ цивилизаціи и соціально-экономическаго строя народа оказываетъ существенное вліяніе на жизнь человѣка въ періодъ этой фавы, а слѣдовательно, и на его счастье. Вообще же о половой любви, какъ и о другихъ элементахъ содержанія жизни, можно высказать такое положеніе: съ развитіемъ потенцій сознательнаго начала, качественно поднимаются и обѣ фазы половой любви.

Глава XII.

Развитіе религіознаго чувства; Откровенная религія христіанства. Доказательство творенія вселенной на основаніи данныхъ и выводовъ современнаго естествознанія; возникновеніе жизни на землѣ. Кажущееся паденіе религіознаго чувства въ цивилизованныхъ народахъ.

Переходимъ теперь къ той группѣ проявленій сознательнаго начала природы, которыми опредѣляется религіозное чувство.

Во многихъ животныхъ, стоящихъ ниже человѣка, мы видимъ явныя проявленія ихъ интеллекта, эстетическаго и нравственнаго чувствъ, но не замѣчаемъ ничего такого, чтобы дало намъ право предполагать въ нихъ чувство, которое называемъ мы религіознымъ. Страхъ, возбуждаемый человѣкомъ въ большинствѣ дикихъ животныхъ, есть послѣдствіе болѣе или менѣе сознаваемаго ими превосходства надъ ними человѣка и ничѣмъ не отличается отъ опасенія, возбуждаемаго однимъ животнымъ въ другомъ. Подчиненіе домашнихъ животныхъ человѣку вытекаетъ изъ ихъ сознанія зависимости отъ послѣдняго; домашнее животное находитъ въ человѣкѣ и его жилищѣ защиту отъ опасностей, угрожающихъ жизни какъ самаго животнаго, такъ и его потомства, потомъ, у человѣка же оно привыкло находить пищевые матеріалы или постоянно, или въ періоды оскуденія ихъ въ окружающей природѣ. Но чувства страха, подчиненности, иногда сопровождаемый любовью, испытываемою животнымъ по отношенію къ человѣку, не составляютъ еще всего, что лежитъ въ основѣ религіознаго чувства человѣка.

Религіозное чувство появляется въ мыслящемъ существѣ только тогда, когда въ его душѣ рождается стремленіе найти скрытую причину необъяснимыхъ для него явленій, какъ въ немъ самомъ, такъ и въ окружающемъ его мірѣ. Безсловесное животное, получая впечатлѣнія отъ внѣшняго міра, располагаетъ ихъ въ своемъ сознаніи по психологическимъ законамъ смежности и послѣдовательности. Не испытывая потребности выяснить себѣ причинную связь явленій, оно пользуется ими въ томъ видѣ, въ какомъ они даны въ его сознаніи и не идетъ далѣе этого. Въ такомъ же, или близкомъ къ тому состояніи находились и прародичи того человѣка, признаки существованія которыхъ мы находимъ въ раннихъ пластахъ третичной эпохи Съ появленіемъ первыхъ зачатковъ языка и зависящаго отъ того подъема уровня психическихъ силъ человѣка, въ его душѣ начало, являться стремленіе выяснить причины окружающихъ его явленій. Тѣ явленія, которыя онъ могъ свести или объяснить чрезъ другія, кажущіяся ему настолько простыми, что они не требовали дальнѣйшихъ объясненій, вошли въ кругъ его положительныхъ знаній и дали начало научнымъ знаніямъ слѣдующихъ поколѣній; группа же необъяснимыхъ явленій была отнесена имъ къ дѣйствію невидимыхъ

существъ, обладающихъ свойствами антропоморфическаго характера, чѣмъ и положено было начало религіозныхъ вѣрованій.

Фетишизмъ, это первональная и наиболѣе грубая форма религіи, видитъ во всякомъ предметѣ особаго духа, обладающаго скрытою силою вліять на жизнь человѣка. Съ развитіемъ человѣчества и съ расширеніемъ его знаній, божескія свойства переносились постепенно съ предметовъ, непосредственно окружающихъ человѣка, на предметы болѣе отдаленные и на отвлеченныя понятія: на солнце, звѣзды, стихійныя силы, на существа, олицетворяющія добро, зло..... Такимъ образомъ у различныхъ народовъ, и въ различныя времена, создавался пантеонъ боговъ, а въ творческомъ воображеніи классическаго грека этотъ пантеонъ наполнялся многочисленнымъ персоналомъ художественно-прекрасныхъ существъ, олицетворяющихъ всѣ главныя явленія природы въ сферахъ матерьяльной и психической Въ этихъ пантеонахъ одному изъ боговъ давалось главенство надъ остальными, но оно было далеко еще отъ чистаго монотеизма. Только для нѣкоторыхъ народовъ семитическаго племени выпала счастливая доля усвоить понятіе чистаго монотеизма, а въ Откровенной религіи Христіанства вѣра въ Единаго, Всемогущаго Бога стала на незыблемую почву истинной религіи.

Чтобы отъ фетишизма подняться до вѣры въ Единое, Высшее и Абсолютно Совершенное Существо, человѣчеству нужно было пройти длинный путь развитія и сдѣлаться способнымъ усвоить идею Этого Существа, а по ученію Откровенной религіи, для этого необходимо было также и непосредственное воздѣйствіе Этого Существа на человѣчество. Такимъ образомъ развитіе сознательнаго начала, и въ отношеніи религіи, шло также по пути прогрессивной эволюціи, какъ оно шло въ проявленіи и другихъ своихъ потенцій, съ тою, однако, существенною разницею, что проявленіе и постепенное развитіе всѣхъ элементовъ человѣческаго духа, выражающихся въ его интеллектѣ, нравственномъ и эстетическомъ чувствахъ, мы можемъ подмѣтить и въ животныхъ, стоящихъ ниже человѣка, религія же и религіозное чувство составляютъ исключительную принадлежность только человѣческаго духа. Въ дальнѣйшемъ эволюціонномъ процессѣ мы можемъ предполагать безграничное развитіе всѣхъ элементовъ сознательнаго начала, по отношенію же религіи, разумъ и чувство человѣка категорически отрицаетъ возможность появленія въ будущемъ такого вѣроученія, которое могло бы превосходить совершенство Откровенной религіи Христіанства Въ будущемъ можно предполагать только измѣненіе формъ культа христіанской религіи и ритуала богослуженія, но ея основы останутся неизмѣнными на вѣчныя времена.

Религія въ послѣдовательныхъ фазисахъ своего развитія, по мѣрѣ перехода отъ формъ съ низшимъ содержаніемъ къ высшимъ, усиливаетъ свое дѣйствіе на душу человѣка, и въ христіанствѣ это дѣйствіе достигаетъ наибольшей силы. Въ дикарѣ фетишистѣ рели-

гіозное чувство такъ слабо и принижено, что онъ нерѣдко съ пренебреженіемъ относится къ своимъ богамъ и даже подвергаетъ ихъ различнымъ наказаніямъ, когда они не выполняютъ его просьбъ. На высшихъ ступеняхъ язычества религіозное чувство повышается, но тутъ въ большинствѣ случаевъ религіозный культъ входитъ въ связь съ обычаями, соціальнымъ и политическимъ строемъ народовъ и эта связь настолько интимна, что когда возникаетъ борьба языческаго религіознаго міровоззрѣнія съ его нарушителями, то трудно опредѣлить, насколько тутъ участвуетъ религіозное чувство или практическія соображенія. Такъ, въ борьбѣ классическаго язычества съ христіанствомъ, со стороны перваго, вступали въ борьбу не столько религіозное чувство, сколько соображенія соціально-политическаго характера. Въ высшихъ религіяхъ монотеизма, религіозное чувство проникаетъ въ душу человѣка съ силою, могущею побѣдить всѣ другія стремленія его духа, всѣ требованія его инстинкта и въ Откровенной религіи Христіанства это проникновеніе достигаетъ высшаго выраженія. Тутъ мы видимъ примѣры подвижничества, когда всѣ радости жизни, всѣ ея утѣхи приносятся въ жертву рали жизни, полной всяческихъ лишеній, но богатой содержаніемъ религіозно-созерцательнаго настроенія души; мы видимъ десятки, сотни тысячъ принявшихъ смерть въ страшныхъ мученіяхъ за исповѣданіе истинной вѣры; мы видимъ, наконецъ, что люди, проникнутые религіознымъ рвеніемъ, не останавливались ни передъ ужасами самыхъ истребительныхъ религіозныхъ войнъ, ни передъ жестокими гоненіями, поглотившими сотни тысячъ жертвъ, чтобы отстоять неприкосновенность высшаго блага своего духа, свою религію, или чтобы способствовать ея распространенію. Ни подвижничества, ни религіозныхъ войнъ, ни той степени жестокости религіознаго преслѣдованія, мы не видимъ ни у современныхъ намъ народовъ, исповѣдующихъ языческія религіи, ни въ прошлой исторіи человѣчества при взаимномъ столкновеніи низшихъ религіозныхъ міровоззрѣній, если только при этомъ не замѣшаны соціально-политическіе интересы.

Христіанская религія, обладая свойствомъ захватывать всю душу человѣка, рѣзко отличается и въ другихъ отношеніяхъ отъ остальныхъ религій. Въ своемъ чистомъ видѣ, не загрязненная своекорыстными цѣлями человѣка, не омраченная изувѣрствомъ и фанатизмомъ, она космополитична, полна милосердія и всепрощенія, и чуждая тенденцій освящать собою какіе-либо практическіе вопросы жизни, она относится безразлично ко всему, имѣющему связь съ политико-соціальнымъ строемъ обществъ; ея главная цѣль нравственное совершенствованіе человѣка и изрѣченіе „благословляйте ненавидящихъ васъ“ еще долго будетъ служить недосягаемымъ идеаломъ для человѣка и будущихъ существъ.

Христіанская религія служитъ для человѣка какъ бы фокусомъ, куда направляются всѣ наиболѣе свѣтлыя упованія его души, всѣ

его болѣе чистыя и возвышенныя стремленія, по крайней мѣрѣ, это справедливо для большинства людей, исповѣдующихъ христіанство. Въ соотвѣтствіи съ высокимъ содержаніемъ этой религіи, создался и ея культъ. Ея храмы стремятся ввысь, выражая тѣмъ стремленіе человѣческаго духа въ небесныя высоты. Художники, вдохновленные ею, наполнили эти храмы величайшими произведеніями искусства; вы не найдете тамъ ни чудовищно-страшнаго образа индѣйскаго божества, ни Молоха, требующаго человѣческихъ жертвъ, ни красивыхъ формъ Апполона и Венеры, а изображенія, говорящія вамъ о нравственномъ подвигѣ, недосягаемой святости жизни Христа, и все это вѣнчается изображеніемъ замученнаго и изможденнаго тѣла Богочеловѣка, пригвозденнаго къ кресту. И представте этотъ храмъ, наполненный вѣрующими: слышится тержественное, захватывающее душу пѣніе, провозглашаются изрѣченія, полныя глубокаго смысла и, продолжаемъ словами поэта *): „внемлютъ имъ и углубленный въ мысль мудрецъ, и мечтающая дѣва, и радостное дитя, и безутѣшная вдова, и обездоленный, придавленный непросвѣтнымъ горемъ труженикъ, и поселянинъ, и купецъ, и въ чуткой душѣ, словно рой пчелъ, толпятся мысли и чувства“ и весь этотъ рой сливается и поглощается однимъ чувствомъ благоговѣнія предъ Неизрѣченнымъ.

Въ мірѣ безсловесныхъ животныхъ мы не видимъ ничего, что бы можно было уподобить религіозному культу человѣка, не видимъ никакихъ проявленій чувства, опредѣляемаго словомъ благоговѣніе, не видимъ, наконецъ, ни подвижничества, ни готовности пожертвовать жизнью за вѣру. Животное нерѣдко жертвуетъ собою для спасенія жизни своего потомства, собака также иногда готова пожертвовать жизнью, защищая своего хозяина, къ которому она чувствуетъ особо сильную привязанность; но въ основѣ этихъ поступковъ лежитъ чувство любви и привязанности къ конкретному предмету. Это чувство знакомо и человѣку и также сильно проявляетъ себя, когда женщина-мать жертвуетъ собою для спасенія своего дѣтища, или когда человѣкъ, не задумываясь, бросается спасать жизнь не только своего друга, но и другого человѣка, совершенно незнакомаго ему. Но это чувство, конкретнаго характера, по своей сущности, далеко отъ того идейнаго чувства, которое заставляетъ человѣка жертвовать своею жизнью изъ сознанія истинности его религіознаго вѣрованія и такое то идейное чувство присуще душѣ только человѣка, поэтому мы были правы, когда сказали выше, что безсловеснымъ животнымъ не знакомо религіозное чувство.

Для прогрессивной эволюціи сознательнаго начала высшія религіи вообще, а христіанская въ особенности, имѣютъ очень важное значеніе. Возбуждая въ душѣ человѣка высшія стремленія и настроенія, она, вмѣстѣ съ другими возбудителями, хранящимися въ сокровищ-

*) Викторъ Гюго.

ницѣ цивилизаціи, постепенно измѣняетъ въ прогрессивномъ направленіи психическій строй духовнаго организма человѣка и это измѣненіе, накопляясь и передаваясь по наслѣдству, чрезъ сотни тысячъ и милліоны лѣтъ неизбѣжно поведетъ къ такимъ же поразительнымъ послѣдствіямъ, какія мы видимъ въ прошлой исторіи развитія сознательнаго начала на нашей планетѣ.

Но религія можетъ сдѣлаться орудіемъ застоя и даже дегресса. Изъ примѣровъ настоящаго времени, подтверждающихъ это, мы можемъ привести господствующую религію Китая и весь магометанскій міръ; въ одномъ—ученіе Конфуція, съ его культомъ поклоненія предкамъ, въ другомъ—фатализмъ и крайняя нетерпимость, сковали силы человѣческаго духа и довели ихъ до состоянія мертвенной неподвижности. И въ исторіи христіанскихъ народовъ мы видимъ грустные примѣры, когда фанатизмъ, властолюбіе и корыстныя побужденія составляли союзъ для подавленія всякаго проявленія свободной мысли, и при содѣйствіи свѣтской власти умерщвляли всѣхъ несогласныхъ съ вѣроученіемъ, представляющимъ явное и грубое искаженіе истинной религіи Христа. Такимъ образомъ происходилъ искусственный подборъ поколѣній, лишенныхъ высшихъ силъ человѣческаго духа, силъ, необходимыхъ для его прогрессивнаго развитія, и неизбѣжно приведшій эти поколѣнія въ состояніе мертвенной неподвижности. Испанія можетъ служить яркимъ примѣромъ паденія одной изъ даровитѣйшихъ націй, подъ гнетомъ темныхъ силъ, выступившихъ со знаменемъ яко бы истинной религіи. Во всякомъ случаѣ, этотъ гнетъ былъ одною изъ главныхъ причинъ, парализовавшихъ духовныя силы этой націи.

Естествознанію, какъ въ прежніе, такъ и еще въ сравнительно недавнія времена, отводилась опредѣленная область такихъ явленій, которыя обусловливаются свойствами мертваго вещества и физическихъ силъ природы; явленія же органическаго міра входили въ эту область постольку, поскольку они касались формъ и физическаго строенія организмовъ, также и совершающихся въ нихъ процессовъ доступныхъ внѣшнему наблюденію. Въ настоящее время область естествознанія разсширилась, захвативъ въ свой кругъ и явленія психическія; такъ, физіологія приходитъ все въ большую и большую связь съ психологіею, исторія развитія организмовъ неизбѣжно соприкасается съ исторіею развитія психическихъ силъ. Естествознаніе и въ прежнемъ, ограниченномъ объемѣ, оказывало вліяніе на философское міровоззрѣніе, въ настоящее же время это вліяніе сказывается съ такою внушительною силою, что съ нимъ необходимо считаться всякой философской системѣ, разсчитывающей на какую-либо долю вниманія. Въ основѣ нашего труда положена идея прогрессивной эволюціи, идея, зародившаяся въ сознаніи не естествоиспытателей по профессіи, и

значительно ранѣе того времени, когда она подтвердилась потомъ изслѣдованіями цѣлаго ряда натуралистовъ, закончившимися трудами Дарвина.

Въ нашемъ трудѣ мы старались, во-первыхъ, разграничить процессы, въ которыхъ нѣтъ признаковъ развитія, отъ тѣхъ, гдѣ оно явно выражено, и, во-вторыхъ, освѣтить перспективы будущаго въ міровой жизни, насколько то допускаютъ слабыя силы человѣка. Но обѣ группы процессовъ, какъ содержащихъ признаки развитія, такъ и не содержащихъ ихъ, приводятъ нашъ умъ къ вопросу: должны-ли мы признать необходимость творенія вселенной, или отрицать его, вопросу, обыкновенно входящему въ область спекулятивной философіи. Намъ кажется, что современное естествознаніе обладаетъ уже достаточными данными и выводами, чтобы, безъ посторонней помощи, прійти къ опредѣленному отвѣту на этотъ вопросъ. Попробуемъ рѣшить его, руководствуясь только разумомъ и наукою, и избѣгая вліянія какой либо-тенденціи.

Разрѣшеніе нашего главнаго вопроса сводится къ рѣшенію двухъ слѣдующихъ: 1) вопроса объ образованіи вселенной и 2) о происхожденіи и развитіи органическаго міра. Начнемъ съ перваго.

Умъ, отрицающій твореніе, всѣ космическія и теллурическія явленія можетъ представлять какъ непрерывный рядъ процессовъ, совершающихся въ веществѣ, предвѣчно существующемъ со всѣми его свойствами, рядъ, въ которомъ каждый предыдущій членъ обусловливаетъ существованіе послѣдующаго; и что поэтому нѣтъ надобности существованіе одного предмета, вещества, обусловливать дѣйствіемъ другого предмета, Творца, который долженъ быть также предвѣченъ. Кромѣ того, первый концептъ имѣетъ для нашего ума то преимущество, что требуетъ отъ него только одной непосильной для него функціи,—представленія предвѣчности, второй же, прибавляетъ къ этому требованію новое, еще болѣе непосильное,—представленіе творенія. Космогоническія понятія, установившіяся въ современной наукѣ, приводятъ однако къ другимъ взглядамъ.

По теоріи Канта-Лапласса вещество, изъ котораго образовались всѣ солнца и другія тѣла вселенной, нѣкогда находились въ крайне разрѣженномъ состояніи. Повинуясь дѣйствію силы тяготѣнія, это вещество начало обособляться въ отдѣльныя массы, которыя при послѣдовавшемъ затѣмъ сгущеніи и образовали солнечныя системы. Время, протекшее отъ начала процесса сгущенія, до настоящаго времени, приближенно вычислено для нашей солнечной системы и составляетъ около 20 милліоновъ лѣтъ, и во всякомъ случаѣ, есть величина конечная, потому что высокая температура внутри земного шара есть послѣдствіе процесса сгущенія и если бы начало этого процесса было безконечно отдалено отъ настоящей минуты, то земной шаръ успѣлъ бы охладиться до своего центра, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Но какъ бы ни было велико время, протекшее отъ

начала сгущенія, оно ничтожно мало сравнительно съ безконечнымъ временемъ, предшествовавшимъ этому сгущенію и тогда является вопросъ: какая же, или какія причины препятствовали раньше начаться этому сгущенію? Такъ какъ основное свойство вещества, обусловливающее сгущеніе, есть тяготѣніе, то разберемъ, какія причины могли бы препятствовать, до поры до времени, обнаружиться силѣ тяготѣнія. Если предположимъ, что причиною служила крайняя степень химической или механической разобщенности элементовъ вещества, то мы знаемъ, что химическіе элементы, во всѣхъ состояніяхъ, не выходятъ изъ сферы силъ тяготѣнія. атомъ водорода не измѣняетъ своего вѣса, будетъ ли онъ свободенъ, или въ соединеніи съ другими атомами. Извѣстно также, что и крайняя степень разрѣженія газа не препятствуетъ проявленію силы тяготѣнія. Вообще наука не знаетъ ни одного явленія, прямо или косвенно подтверждающаго отступленія отъ закона всемірнаго тяготѣнія вещества, при какой-либо степени разобщенности его частичекъ. Если считать причиною высокую температуру разрѣженнаго вещества, то опять-таки мы знаемъ, что температура тѣла не вліяетъ на силу его тяготѣнія; это подтверждается какъ прямыми изслѣдованіями, произведенными человѣкомъ, такъ и силою взаимнаго тяготѣнія между солнцемъ и планетами, между тѣмъ какъ температура солнца должна значительно превосходить температуру разрѣженной массы, п. ч. въ солнцѣ, кромѣ теплоты, находящейся въ этой массѣ, сконцентрировалось еще значительное количество теплоты, развившейся отъ процесса сгущенія. Если, наконецъ, за причину взять электрическое состояніе частицъ разрѣженной массы, то и тутъ научныя изслѣдованія и основанныя на нихъ вычисленія покажутъ, что въ неопредѣленной массѣ вещества не можетъ на вѣчныя времена установиться такая разность электрическихъ потенціаловъ, которая во всей этой массѣ парализовала бы силу тяготѣнія.

Можно приступить къ занимающему насъ вопросу съ другой стороны; можно, наприм., указать на существующія еще и теперь туманныя массы, разсѣянныя въ міровомъ пространствѣ, какъ на доказательство возможности пребыванія вещества въ неизмѣнномъ видѣ, въ теченіе безконечнаго прошлаго времени; но и тутъ остается въ силѣ вопросъ: почему же тѣ туманныя массы, въ которыхъ совершился процессъ сгущенія, образовавшій солнца, почему онѣ оставались безконечное время разрѣженными, а потомъ сгустились? На туманныя массы настоящаго времени надо смотрѣть какъ на запоздавшіе процессы сгущенія и такое запозданіе вполнѣ объясняется современною наукою. Для сгущенія разрѣженнаго вещества достаточно только силы тяготѣнія, но устройство нашей планетной системы показываетъ, что различныя части этого вещества обладали относительнымъ движеніемъ, которое и послужило причиною того, что все туманное вещество вселенной разбилось на обособившіяся

массы, различныя по величинѣ и формѣ. Тѣ массы, форма которыхъ была болѣе компактна, число и распредѣленіе частичекъ вызывало большую силу тяготѣнія къ центру тяжести массы, а скорости относительнаго движенія, и зависящія отъ того центробѣжныя силы, были сравнительно малы, эти массы, сгустились скорѣе; тѣ же, въ которыхъ сила тяготѣнія была слабѣе, вслѣдствіе особенностей ихъ формъ, распредѣленія составляющихъ ихъ частичекъ и сравнительно большихъ скоростей относительнаго движенія,—эти массы отстали въ процессѣ сгущенія и теперь еще находятся въ начальныхъ періодахъ этого сгущенія.

Наконецъ можно предположить, что во вселенной, принимаемой въ совокупности всѣхъ ея частей, совершались и впредь будутъ совершаться процессы циклическаго характера, т. е. по прошествіи нѣкотораго опредѣленнаго періода, вся вселенная, или отдѣльныя ея части, будутъ приходить въ то же состояніе, какое они имѣли въ началѣ этого періода, и что такіе періоды могутъ слѣдовать одинъ за другимъ безконечное число разъ. Мы можемъ представить себѣ систему, въ которой цикловый процессъ совершается безконечное время; такъ, два шара, вращающіеся въ пустомъ пространствѣ около ихъ общаго центра тяжести, будутъ совершать свое движеніе безконечное время. Въ молекулярной механикѣ, для объясненія различныхъ физическихъ состояній тѣлъ, предполагаютъ подобныя системы, элементами которыхъ служатъ атомы и молекулы. Но нельзя сказать, что въ такихъ системахъ совершается процессъ въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово; мы можемъ объ нихъ сказать только то, что они находятся въ состояніи динамическаго status quo. Дѣйствительно, мы можемъ представить твердое или жидкое тѣло, находящееся нѣкоторое время внѣ вліянія причинъ, могущихъ измѣнить его состояніе, и не смотря на предполагаемые въ немъ молекулярные циклы, едва-ли кто можетъ сказать, что въ этомъ тѣлѣ совершается процессъ. Процессъ, въ истинномъ значеніи этого слова, предполагаетъ, что въ системѣ, кромѣ перераспредѣленія ея частей, произошло измѣненіе скоростей и формъ ихъ движеній, а это возможно только при участіи одного изъ видовъ физической энергіи, которые, какъ извѣстно, понимаются сами только какъ различные виды движенія. Чтобы процессъ въ системѣ былъ строго циклическій, необходимо, чтобы внѣ системы, или въ ней самой, находился аккумуляторъ, который, въ началѣ процесса, могъ бы, наприм., передать энергію системѣ, а въ концѣ его, отнять все, что было имъ передано. При передачѣ энергіи волнообразнымъ движеніемъ, для каждой частицы передающей эту энергію, живая сила предшествующей частицы замѣняетъ аккумуляторъ, снабжающій энергіею, а инерція послѣдующей—играетъ роль аккумулятора, поглощающаго эту энергію, поэтому процессъ движенія каждой частички, въ волнообразномъ движеніи, есть строго циклическій. Для циклическихъ же процессовъ

вселенной во всей ея совокупности долженъ существовать аккумуляторъ того вида, какъ онъ понимается вообще, но такого аккумулятора наука не знаетъ во вселенной.

Эти общія соображенія мы можемъ выяснить на частномъ примѣрѣ. Есть предположеніе, что столкновеніе двухъ охладившихся солнцъ служитъ причиною появленія временныхъ звѣздъ, а нѣкоторые идутъ дальше, предполагая, что результатомъ столкновенія можетъ появиться туманная масса подобная той, изъ которой образовались солнца. Проанализируемъ это явленіе.

Извѣстно, что при ударѣ о плоскость водяной струи, направленной перпендикулярно этой плоскости, вода, послѣ ея отраженія, принимаетъ видъ тонкаго диска, параллельнаго плоскости, который постепенно переходитъ въ жидкую бахрому, а потомъ въ мелкія капли, окружающія дискъ въ видѣ ореола. Такимъ образомъ, при ударѣ струи нѣкоторая часть кинетической энергіи ея механическаго движенія переходитъ въ теплоту, а другая, и большая часть, сохраняетъ ту же форму энергіи механическаго движенія и только измѣняетъ направленіе движенія. Далѣе, кусокъ твердаго дерева, подъ ударомъ 50-тоннаго парового молота, разлетается во всѣ стороны въ видѣ мелкихъ частичекъ; значитъ, сила молекулярнаго сцѣпленія частичекъ куска настолько слаба передъ силою удара, что дерево, въ этомъ случаѣ, можетъ быть разсматриваемо какъ капельно-жидкое тѣло. Предположимъ, что два солнца, долженствующія столкнуться, охладились настолько, что получили твердость закаленной стали, но сила молекулярнаго сцѣпленія стали будетъ все-таки ничтожна передъ силою удара, такъ что оба солнца, въ моментъ удара, можно будетъ разсматривать какъ тѣла капельно-жидкія. Для простоты допустимъ, что столкнувшіяся солнца имѣютъ одинаковые объемы и массы, а ударъ централенъ, тогда одна часть кинетической энергіи механическаго движенія перейдетъ въ теплоту, а другая сохранитъ прежнюю форму, измѣнивъ только направленіе движенія: получится жидкій дискъ, плоскость котораго перпендикулярна прямой линіи, соединяющей центры солнцъ передъ началомъ удара. Какая часть энергіи перейдетъ въ теплоту и какая останется въ прежнемъ видѣ, мы едвали можемъ опредѣлить вычисленіемъ, за неимѣніемъ данныхъ, для тѣхъ необычныхъ для насъ условій, при какихъ совершается ударъ небесныхъ тѣлъ; во всякомъ случаѣ значительная часть массы ударившихся тѣлъ сохранитъ прежнюю форму энергіи механическаго движенія, п. ч. если мы предположимъ, что каждое изъ ударяющихся солнцъ имѣетъ діаметръ вдвое меньшій противъ діаметра нашего солнца, а скорости ихъ относительнаго движенія 400 верстъ въ секунду, то и тогда, отъ момента перваго прикосновенія ихъ поверхностей, до момента слитія ихъ центровъ, пройдетъ 12 минутъ, а этого времени вполнѣ достаточно для измѣненія направленія движенія частичекъ, тѣмъ болѣе, что относительная скорость движенія уда-

ряющихся тѣлъ, отъ первоначальной величины, 400 верстъ, будетъ постепенно понижаться до скорости, наприм., огнестрѣльнаго снаряда. Полученный отъ столкновенія дискъ будетъ имѣть діаметръ, въ нѣсколько тысячъ разъ превосходящій діаметръ солнцъ и состоять изъ частей, накаленныхъ до различныхъ, но вообще очень высокихъ температуръ. Вслѣдствіе большой поверхности охлажденія, этотъ дискъ будетъ испускать свѣтъ въ теченіи непродолжительнаго времени, что и объясняетъ непродолжительное свѣченіе временныхъ звѣздъ, если ихъ разсматривать какъ результатъ столкновеній небесныхъ тѣлъ, и такъ какъ иногда наблюдалось появленіе туманности на мѣстѣ потухшей временной звѣзды, то надо допустить, что, при столкновеніи, нѣкоторая часть вещества приходитъ въ состояніе туманности.

При сгущеніи туманныхъ массъ въ солнечныя системы и при столкновеніи небесныхъ тѣлъ, приводятся въ дѣйствіе самые могучіе запасы энергіи, о какихъ мы только можемъ составить себѣ понятіе. Въ обоихъ случахъ главнѣйшая часть этихъ запасовъ заключается вначалѣ въ потенціальной энергіи положенія, переходящей потомъ въ кинетическую энергію механическаго движенія, а затѣмъ, въ дальнѣйшемъ ходѣ преобразованій энергій, появляется различіе: при сгущеніи туманныхъ массъ,—энергія механическаго движенія почти всецѣло переходитъ въ теплоту; при столкновеніи—переходъ въ теплоту совершается только для одной, и, вѣроятно, незначительной части этой энергіи. Кромѣ того, при столкновеніи небесныхъ тѣлъ, мы не досчитаемся всей той энергіи, которая при охлажденіи этихъ тѣлъ разсѣялась неизвѣстно куда, слѣдовательно, система этихъ тѣлъ, послѣ столкновенія, уже не будетъ заключать въ себѣ всей той энергіи, какую она имѣла въ состояніи туманной массы. Чтобы процессъ могъ быть дѣйствительно циклическимъ, нужны два условія: 1) чтобы во вселенной находился аккумуляторъ, могущій принять въ себя всю необезцѣненную энергію, теряемую въ періодъ охлажденія туманной массы до температуры охладившихся солнцъ, и возвратить эту энергію послѣ столкновенія и 2) чтобы во всѣхъ процессахъ, какъ охлажденія, такъ и столкновенія не происходило обезцѣненія энергіи. Оставляя не выясненнымъ первое условіе, уже несоблюденія второго достаточно, чтобы отнять у процесса возможность быть циклическимъ.

Опредѣлена очень малая вѣроятность столкновенія земного шара съ кометами; еще меньшая вѣроятность столкновенія двухъ солнцъ. Когда два солнца приблизятся одно къ другому сравнительно, на небольшое разстояніе, они опишутъ параболическія или гиперболическія кривыя около общаго ихъ центра тяжести, и послѣ ихъ наибольшаго сближенія, въ перигеліяхъ, удалятся другъ отъ друга на неопредѣленно далекія разстоянія; но въ этомъ случаѣ явленіе будетъ имѣть характеръ не циклическаго процесса, а динамическаго status quo. Такимъ образомъ вселенная, какъ агрегатъ обособившихся, тѣлъ, и разсматриваемая съ точки зрѣнія энергіи механическаго дви-

женія и потенціальной энергіи положенія, въ общемъ, представляетъ систему динамическаго status quo, а не циклическаго процесса; въ этой системѣ могутъ совершаться и вѣроятно совершаются процессы въ истинномъ значеніи этого слова но и эти процессы, какъ сейчасъ указано нами, не циклическаго характера и сверхъ того имѣютъ мѣстное, эпизодическое значеніе и поэтому не могутъ существенно вліять на общій характеръ мірового процесса.

При настоящемъ состояніи нашихъ знаній, запасы энергіи во вселенной представляются въ трехъ формахъ: 1) въ формѣ цѣнной энергіи динамическаго status quo, могущей оставаться въ этомъ состояніи неопредѣленно долгое время; 2) въ формѣ цѣнной же потенціальной энергіи относительнаго положенія небесныхъ тѣлъ, также могущей оставаться неизрасходованною неопредѣленно долгое время, и 3) въ формѣ энергіи, полученной отъ сгущенія туманныхъ массъ. Послѣдняя то форма энергіи особенно важна для жизни вселенной. На ея исторію наука бросаетъ свѣтъ, рисуя намъ картину постепеннаго перехода, отъ начала сгущенія туманной массы, до настоящей фазы вселенной. Всѣ бывшіе процессы этого перехода неповторяемы; неповторяема и фаза современная намъ; конечный же исходъ всѣхъ процессовъ, зависящихъ отъ этого вида энергіи, есть наступленіе status quo обезцѣненной энергіи, долженствующее наступить въ будущемъ вѣроятно чрезъ практически безконечное время.... (См. гл. II).

Современное естествознаніе признаетъ существованіе невѣсомаго тѣла, называемаго эфиромъ. Одна часть эфира проникаетъ вѣсомыя тѣла и находится тамъ какъ бы въ связанномъ состояніи, другая, въ свободномъ видѣ, наполняетъ все пространство между солнцами, планетами и другими тѣлами вселенной. Свободный эфиръ служитъ для передачи нѣкоторыхъ видовъ физической энергіи, а связанный, повидимому, играетъ существенную роль въ процессахъ преобразованія однихъ формъ энергіи въ другія. Есть предположеніе, что и вѣсомое вещество есть только особый видъ эфира. Процессы, совершающіеся въ вѣсомой матеріи, и въ свободномъ эфирѣ, существенно различны между собою. Общій характеръ процесса перваго рода тотъ, что въ началѣ, и въ концѣ его, состояніи вещества различно: солнечная система 10 милліоновъ лѣтъ тому назадъ не та, что теперь, земной шаръ въ девонскую эпоху не тотъ, что теперь, вода въ видѣ пара не та, что въ видѣ льда и т. д. Процессы же, совершающіеся въ свободномъ эфирѣ, имѣютъ характеръ циклическій, т. е. въ концѣ каждаго процесса, совершающагося въ свободномъ эфирѣ, послѣдній приходитъ въ то же состояніе, въ какомъ онъ былъ въ началѣ этого процесса. И въ вѣсомомъ веществѣ совершаются процессы циклическаго характера, какъ наприм., распространеніе звуковыхъ волнъ, переходъ воды изъ парообразнаго состояніе въ жидкое

и затѣмъ, слѣдующій за нимъ, обратный переходъ; но на эти и подобные имъ процессы надо смотрѣть какъ на исключительные, общій же ходъ процессовъ въ вѣсомомъ веществѣ характеризуется ихъ неповторяемостью: капля воды не тожественна другой каплѣ, что было вчера, не повторится сегодня, все ново подъ луною. Самые точные способы изслѣдованія, какими обладаетъ современная наука, не показали, чтобы процессы, совершающіеся въ свободномъ эфирѣ, оставляли въ немъ какіе-либо слѣды прочныхъ измѣненій въ его состояніи; тѣ же временныя измѣненія, которыя онъ претерпѣваетъ отъ дѣйствія вѣсомыхъ тѣлъ, при передачѣ энергіи отъ однихъ тѣлъ къ другимъ, мысленно могутъ быть устранены, и тогда, въ свободномъ эфирѣ, мы имѣемъ примѣръ вещества, могущаго вѣчно оставаться въ неизмѣнномъ состояніи. Вѣчное существованіе этого вещества нѣтъ надобности обусловливать непрерывнымъ и безконечнымъ рядомъ процессовъ, вытекающихъ одинъ изъ другого, а достаточно признать только тождественность его бытія, т. е. бытіе настоящаго мгновенія обусловливать только тождественнымъ бытіемъ предшествующаго, и ничѣмъ другимъ.

Возвращаемся къ прерванному нами разбору причинъ, могущихъ задержать сгущеніе космическихъ туманныхъ массъ. Мы видѣли, что изъ извѣстныхъ наукѣ факторовъ, химическая реакція, теплота, электричество, ни одинъ не можетъ быть принятъ за такую причину; остается слѣдовательно допустить, что состоянію, въ которомъ находилось туманное вещество, предшествовали другія неизвѣстныя наукѣ состоянія, подготовительныя, чрезъ которыя и должно было пройти вещество, что бы образовать туманную массу, могущую сгущаться. Спектральный анализъ показалъ, что вещество туманной массы есть газъ. Но газъ есть такое состояніе вещества, проще котораго современная наука не знаетъ; предположимъ однако, что есть состоянія болѣе простыя; но каковы бы они не были, для перехода отъ нихъ къ газу должны совершиться процессы молекулярнаго характера, которые, какъ и всѣ процессы природы, требуютъ, каждый, конечнаго времени. Такимъ образомъ для ума натуралиста представляется для выбора двѣ альтернативы: первая — это признать, что образованію туманной массы предшествовалъ безконечный рядъ подготовительныхъ процессовъ; вторая—признать только нѣсколько подготовительныхъ процессовъ, если наука будущаго найдетъ то нужнымъ, а впереди ихъ по времени, неизмѣнное состояніе вещества, во все безконечное время, протекшее до начала перваго подготовительнаго процесса.

Остановимся на первой альтернативѣ. Разобьемъ все безконечное время, протекшее до настоящей минуты, на двѣ части: одну, конечную, отъ начала сгущенія вещества до настоящей минуты, и назовемъ ее космическими сутками, другую, безконечную, предшествовавшую сгущенію, и содержащую въ себѣ безконечное число косми-

ческихъ сутокъ. Въ теченіе однихъ сутокъ, ближайшихъ къ намъ, совершился весь сложный процессъ образованія изъ туманной массы солнцъ и планетныхъ системъ, совершились еще болѣе сложные и разнообразные процессы образованія земной коры, а на поверхности земного шара развился поражающій умъ міръ явленій. Въ теченіе же періода, содержащаго безконечное число космическихъ сутокъ, весь преобразовательный процессъ состоялъ въ переходѣ вещества изъ какого то неизвѣстнаго состоянія въ другое, давшее въ окончательномъ результатѣ газъ, самое простое по структурѣ вѣсомое тѣло, какое только знаетъ натуралистъ. Несоотвѣтствіе между количествомъ затраченнаго времени и полученными результатами, при сравненіи двухъ взятыхъ нами періодовъ времени, до того велико, что натуралистъ едва ли согласится признать естественнымъ ходъ изложеннаго процесса. Вторая же альтернатива требуетъ только признанія возможности безконечнаго существованія вещества въ неизмѣнномъ видѣ, что разумъ легко можетъ допустить не только a priori, но и a posteriori, такъ какъ имѣетъ предъ собою примѣръ такого существованія въ свободномъ эфирѣ вселенной.

Становясь же на точку зрѣнія второго концепта, мы приходимъ къ слѣдующей цѣпи соображеній и выводовъ.

Все безконечное время, протекшее до настоящей минуты, можно границею A разбить на двѣ части: въ первой части, безконечной, вещество находилось въ состояніи status quo, во второй, отъ границы A до настоящей минуты, совершился весь процессъ образованія вселенной и ея частей. Подъ веществомъ мы понимаемъ субстратъ его, со всѣми свойствами вещества. Въ первой части, до A, вещества не было, а если что и было такъ это только матеріалъ для вещества-п. ч., если бы это было дѣйствительно вещество, то въ силу присущихъ ему свойствъ, образовательный процессъ начался бы ранѣе границы A, что заставило бы насъ только перенести эту границу дальше отъ настоящей минуты. Какой же дѣятель вывелъ этотъ матеріалъ для вещества изъ состоянія status quo въ состояніе мірового процесса? Если этотъ дѣятель физическаго характера, т. е. вытекающій изъ свойствъ вещества, то ничто не препятствовало ему проявить себя ранѣе, что опять-таки заставило бы насъ перенести границу A далѣе отъ насъ; если предполагать, что этотъ дѣятель безконечно долгое время скрывался гдѣ-либо во вселенной, и потомъ, во всѣхъ ея точкахъ, началъ почти одновременно дѣйствовать, то мысль наша рѣшительно отказывается признать физическую природу такого дѣятеля, п. ч. вселенная безконечна въ пространствѣ. Ничего не остается, какъ признать, что дѣятель, дѣйствовавшій на границѣ A, имѣлъ не естественную, а сверхъ-естественную силу сообщить всѣ свойства вещества, матерьалу, находившемуся въ состояніи status quo. А такой актъ и есть ни что иное какъ твореніе.

Изученіе органическаго міра привело спеціалистовъ къ такому взгляду: элементомъ каждаго организма служитъ пузырекъ, большею частью микроскопически малый, такъ называемая клѣточка, неопредѣленной формы, съ эластичною оболочкою; клѣточка наполнена особымъ по химическому составу веществомъ, называемымъ протоплазмою или просто плазмою. Жизнь этого элементарнаго тѣльца проявляется въ амебоидномъ движеніи, кажущемся произвольнымъ, питаніи, т. е. усвоеніи полезныхъ для него элементовъ изъ окружающей среды и выдѣленіи элементовъ, сдѣлавшихся для него уже ненужными, и наконецъ, въ размноженіи. Химическій составъ плазмы очень сложенъ, не по числу входящихъ въ него химическихъ элементовъ, а по сложности паевыхъ отношеній. Микроскопическія изслѣдованія послѣдняго времени показали, что и структура плазмы очень сложна, т. е. плазма каждой клѣточки представляетъ сложный организмъ и разрушеніе его организаціи влечетъ за собою смерть плазмы, хотя бы при этомъ ея химическій составъ оставался неизмѣннымъ. Химическій анализъ показалъ, что плазма, главнѣйше, состоитъ изъ слѣдующихъ элементовъ: кислорода, водорода, азота и углерода. Разложить плазму на эти элементы легко, но сдѣлать обратное, т. е. составить изъ нихъ плазму до сихъ поръ не удалось. Но если бы наука и нашла средство совершить послѣднее, то получила бы только мертвую плазму, а за тѣмъ ей предстояла бы задача дать плазмѣ нужную организацію и, выражаясь образно, вдохнуть въ нее жизнь.

Была сдѣлана попытка если не объяснить, то сопоставить движеніе плазмы съ движеніемъ капли масла, плавающей на поверхности особо приготовленной жидкости, но болѣе обстоятельное изслѣдованіе причинъ второго явленія показало, что оба сравниваемыя явленія сходны только по формѣ, но не по существу, такъ какъ движеніе масляной капли происходитъ отъ поверхностнаго натяженія жидкости, т. е. отъ причины чисто механическаго характера. Подобное явленіе мы наблюдаемъ, когда соринка, или воздушный пузырекъ, плавающіе на поверхности воды въ стаканѣ, близъ его стѣнокъ, быстро приближаются къ нимъ подъ дѣйствіемъ силы поверхностнаго натяженія мениска, образовавшагося у стѣнокъ стакана.

Чѣмъ глубже натуралисты изслѣдуютъ плазму, тѣмъ сильнѣе укрѣпляется въ нихъ убѣжденіе, что процессы, совершающіеся въ ней, по своему характеру, относятся къ той же категоріи, какъ и жизненные процессы высшихъ организмовъ, и элементарная простота формъ и жизненныхъ проявленій плазмы ни на шагъ не подвинули натуралистовъ въ разрѣшеніи основныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ въ насъ таинственною областью жизни вообще. Одинаково непроходимая пропасть отдѣляетъ жизнь какъ высшаго животнаго, такъ и элементарнаго организма плазмы отъ физическихъ процессовъ мертвой природы и по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ изученіе природы, у натуралистовъ, повидимому, все болѣе и болѣе слабѣетъ на-

дежда вызвать жизнь плазмы комбинаціею только безсознательныхъ элементовъ природы; слабѣетъ не потому, что сложны химическій составъ и структура плазмы, и въ минеральномъ царствѣ встрѣчаются сложныя структуры, а потому, что во всѣхъ организмахъ, по крайней мѣрѣ въ мірѣ животныхъ, начиная съ protozoa, и кончая человѣкомъ, кромѣ другихъ явленій, характеризующихъ жизнь, замѣчаются несомнѣнныя проявленія психическихъ силъ, а связь ихъ съ мертвыми силами природы, для современнаго натуралиста, одинаково непостижима какъ въ клѣточкѣ плазмы, такъ и въ мозгу генія.

Къ числу обстоятельствъ, укрѣпляющихъ мысль о коренномъ различіи между процессами, обусловливающими жизнь плазмы и процессами мертвой природы, служитъ и способъ размноженія плазмы. До сихъ поръ наблюдался только одинъ способъ происхожденія новой клѣточки плазмы, это—путемъ размноженія старой клѣточки, процессомъ ея дѣленія, почкованія....., такъ что, въ современной наукѣ можно считать твердо установившимся положеніе, что живая плазма происходитъ только отъ живой же плазмы. Вопросъ же о размноженіи клѣточки плазмы, есть вопросъ первѣйшей важности, п. ч. всякій высшій организмъ, такъ же какъ и организмъ человѣка, есть аггрегатъ размножившихся клѣточекъ, построенный по предначертанному плану. Конечно, можно сдѣлать предположеніе, что наука будущаго найдетъ способъ получать живую плазму, комбинируя такъ или иначе физическіе процессы, но, повторяемъ, надежда достигнуть тутъ успѣха крайне слаба, вслѣдствіе неразрывной связи жизни плазмы съ психическими функціями.

Температура, при которой образовался земной шаръ изъ туманной массы, была такъ высока, что всякій организмъ, состоящій изъ плазмы, долженъ быть разрушенъ, поэтому является вопросъ: откуда же явилась на земномъ шарѣ живая плазма, послѣ того, какъ его поверхность настолько охладилась, что на ней сдѣлалать возможною жизнь организованныхъ существъ? Въ числѣ отвѣтовъ на этотъ вопросъ можно выставить предположеніе, что зародыши организмовъ попали на землю изъ мірового пространства вмѣстѣ съ аэролитами и болидами, падающими къ намъ и теперь изъ этого пространства. Всѣ метеоролиты, проникая въ земную атмосферу, нагрѣваются до температуры яркаго каленія; небольшіе по объему, нагрѣваются во всей своей массѣ, въ крупныхъ же накаляются только наружные слои, а внутри ихъ температура не всегда поднимается до точки, при которой разрушаются органическіе зародыши. Изслѣдованіе внутреннихъ частей такихъ болидовъ до сихъ поръ не открыло въ нихъ малѣйшаго слѣда зародышей, остается слѣдовательно предположить, что зародыши носятся въ міровомъ пространствѣ, независимо отъ метеоролитовъ. На вопросъ о происхожденіи такихъ зародышей можно отвѣчать двояко: или признать ихъ существованіе предвѣчнымъ, или допустить предвѣчное существованіе очага, изъ котораго распростра-

няются зародыши. Первое предположеніе опровергается изслѣдованіемъ хлѣбныхъ зеренъ, взятыхъ непосредственно изъ египетскихъ гробницъ, а не изъ рукъ фальсификаторовъ. Несмотря на очень благопріятныя условія для сохраненія ихъ жизнеспособности, оказалось, что ихъ плазма мертва, а структура измѣнилась въ своихъ главнѣйшихъ частяхъ *); тѣмъ менѣе можно допустить вѣчное существованіе зародышей въ міровомъ пространствѣ при тѣхъ измѣненіяхъ въ его состояніи, какія вызывались космическими процессами. Предположеніе очага, требуетъ допустить существованіе въ міровомъ пространствѣ такого, или такихъ тѣлъ, на которыхъ предвѣчно совершались бы органическіе процессы; слѣдовательно эти тѣла не могли пройти чрезъ фазу раскаленнаго состоянія, а потому и должны были стоять внѣ вліянія причинъ, произведшихъ сгущеніе туманныхъ массъ; но подобно земному шару, они должны быть окружены достаточно толстымъ и плотнымъ слоемъ атмосферы, защищающей ихъ поверхности отъ сильнаго охлажденія и получать достаточное количество теплоты извнѣ. Такихъ тѣлъ астрономія не находитъ въ нашей солнечной системѣ, такъ какъ всѣ ея планеты, вращаясь около солнца въ одномъ направленіи, показываютъ тѣмъ, что всѣ онѣ образовались въ періодъ общаго сгущенія туманной массы, а слѣдовательно, всѣ онѣ прошли чрезъ фазу раскаленнаго состоянія; надо слѣдовательно допустить ихъ существованіе въ другихъ солнечныхъ системахъ, гдѣ онѣ могли бы получать достаточное количество теплоты. Чтобы въ этомъ случаѣ зародышъ могъ попасть на землю, онъ долженъ пройти громадное разстояніе, отдѣляющее нашу солнечную систему отъ другихъ, ближайшихъ къ ней и на это потратить сотни тысячъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ его плазма должна оставаться живою, что невѣроятно; кромѣ того онъ долженъ выйти изъ сферы тяготѣнія своей планеты, а это возможно только при предположеніи, что на ней происходятъ сильнѣйшіе взрывы, производимые силами, источникъ которыхъ не внутри планеты, холодной до центра, а на ея поверхности, что также невѣроятно. Что касается кометъ, то строеніе ихъ, достаточно выясненное въ наукѣ, не оставляетъ малѣйшаго сомнѣнія о непригодности ихъ для органической жизни.

Итакъ, невозможность существованія живой плазмы при высокой температурѣ массы, изъ которой образовался з. шаръ и невѣроятность предположенія о поступленіи ея къ намъ откуда-либо изъ мірового пространства, заставляетъ насъ признать, что въ опредѣленный моментъ, когда поверхность з. шара достаточно охладилась, совершился процессъ образованія какихъ то живыхъ организмовъ, процессъ, послужившій началомъ всей послѣдующей жизни на землѣ. Прежде, чѣмъ идти дальше, мы считаемъ нужнымъ остановиться на нѣкоторыхъ философскихъ понятіяхъ.

*) Докладъ Э. Гэна парижской академіи въ 1900 г.

Все, что доходитъ до нашего сознанія, мы относимъ къ проявленію чего-то существующаго въ мірѣ. Это что-то философы означаютъ различными словами и выраженіями, называютъ сущностью, субстанціей, вещью въ себѣ, абсолютомъ.....

Творцовъ конструктивной философіи можно, въ общемъ, раздѣлить на двѣ группы. Къ одной—отнести признающихъ двѣ категорически различныхъ сущности, духъ и матерію; это дуалисты. Отдѣльное существованіе матеріальной сущности мы признаемъ, полагая ее въ основу всѣхъ физическихъ явленій; отдѣльное существованіе духовной сущности мы можемъ только предполагать, въ дѣйствительности же мы наблюдаемъ ее только въ соединеніи съ сущностью матеріальною. Такъ какъ изъ одной сущности нельзя вывести явленій, входящихъ въ сферу другой,—не насилуя при этомъ нашихъ категорическихъ понятій, то въ группѣ жизненныхъ явленій, гдѣ проявляютъ себя обѣ сущности, мы можемъ разсматривать послѣднія только какъ бы въ состояніи синтеза, подобнаго химическому синтезу, когда два или нѣсколько тѣлъ соединяются въ одно, но съ тою, однако, существенною разницею, что въ химическомъ синтезѣ соединяются предметы одной сущности, а въ живомъ организмѣ предметы различныхъ сущностей, поэтому одинъ синтезъ можетъ быть только уподобленъ, но не приравненъ другому

Къ другой группѣ относятся философы, признающіе только одну сущность, это монизмъ. Монизмъ можно также уподобить синтезу, но только не химическому, а логическому. Въ своемъ представленіи какого либо тѣла, мы умственно можемъ одновременно созерцать его цвѣтъ, твердость, движеніе..... изъ цвѣта тѣла мы не можемъ интуитивно вывести ни его твердости, ни движенія, изъ его движенія также не выводимъ ни цвѣта его, ни твердости..... тѣмъ не менѣе всѣ эти качества и состоянія тѣла мы, въ логическомъ синтезѣ, соединяемъ въ одно цѣлое.

Въ монизмѣ всѣ основныя свойства духовной и матеріальной сущностей соединяются въ одной, универсальной, которую и кладутъ въ основу всего существующаго въ мірѣ, будетъ-ли то человѣкъ, камень, воздухъ, вселенная. Всѣ монистическія философскія системы можно расположить въ рядъ; крайніе члены его составляютъ системы, въ которыхъ универсальной сущности приписываются исключительно свойства только одной изъ сущностей дуализма: таковы матеріализмъ и спиритуалистическій идеализмъ. Въ промежуточныхъ системахъ, свойства обѣихъ сущностей дуализма соединяются въ логическомъ синтезѣ, такъ или иначе построенномъ. Въ умахъ, дисциплинированныхъ въ строгой школѣ философскаго мышленія, крайнія системы ряда далеко не пользуются тѣмъ значеніемъ, какъ члены промежуточные.

Если во всемъ существующемъ монизмъ признаетъ только одну сущность, то какъ объяснить коренную разницу между чисто физи-

ческими явленіями и явленіями жизни, между явно безсознательнымъ существованіемъ камня и сознательнымъ существованіемъ животнаго? Является слѣдовательно необходимость общее понятіе монизма дополнить чѣмъ-либо вспомогательнымъ. По нашему мнѣнію, такимъ дополненіемъ можетъ служить понятіе координаціи. Выяснимъ нашу мысль на частномъ примѣрѣ. Пластинка закаленной стали, приготовленная съ особыми предосторожностями, не проявляетъ малѣйшихъ признаковъ магнетизма, между тѣмъ, въ извѣстной физической теоріи, она разсматривается какъ система молекулярныхъ магнитовъ, расположенныхъ такъ, что ихъ магнитныя силы взаимно нейтрализуются внутри пластинки, почему она и представляется намъ какъ бы лишенною магнитныхъ силъ, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Будучи подвергнута даже кратковременному дѣйствію магнита, пластинка дѣлается постояннымъ магнитомъ, что по той же теоріи объясняется тѣмъ, что молекулярные магниты располагаютъ свои оси въ другомъ направленіи по отношенію осей координатъ, сокращенно говоря, координуются. Такимъ образомъ, при переходѣ изъ нейтральнаго состоянія въ намагниченное, субстратъ пластинки не измѣняется и только вслѣдствіе координаціи, она получаетъ свойства притягивать одни тѣла, отталкивать другія, располагать магнитныя тѣла по направленію линій силъ Фарадея, возбуждать электрическій токъ, а когда имѣется неопредѣленное число удобоподвижныхъ магнитовъ, то они могутъ расположиться въ системы, въ которыхъ сила магнитизма или возрастаетъ, или ослабляется до полной нейтрализаціи.

Универсальная сущность монизма не можетъ быть принята какъ обладающая однимъ какимъ-либо свойствомъ, необходимо допустить въ ней нѣсколько свойствъ, минимумъ два, иначе пришлось бы отказаться отъ всякой попытки дать какую либо опору не только для объясненія, но и для происхожденія всѣхъ явленій, доступныхъ нашему сознанію, поэтому, въ дальнѣйшемъ, наши разсужденія будутъ относиться ко всѣмъ монистическимъ системамъ, за исключеніемъ двухъ крайнихъ, матеріализма и спиритуалистическаго идеализма.

Означимъ для краткости то свойство, или совокупность свойствъ универсальной сущности, которая лежитъ въ основѣ психическихъ явленій, буквою М. а совокупность свойствъ, опредѣляющихъ физическія явленія—Р; тогда вся сущность выразится формулою М+Р. Если Р координовано, а М нѣтъ, тогда сущность дѣлается способной проявляться только въ однихъ физическихъ явленіяхъ. Если координованы М и Р, тогда сущность проявляется въ явленіяхъ жизни. Если М и Р оба не координованы, тогда сущность остается въ природѣ, но никакимъ явленіемъ, ни физическимъ, ни психическимъ, не проявляетъ, себя; такое состояніе сущности можно допустить до творенія вселенной. Если, наконецъ, координовано только одно М, а Р—нѣтъ, то является существованіе чисто духовной природы, безъ какой-либо примѣси изъ области физическаго. Такое существованіе

возможно, и при дальнѣйшемъ развитіи сознательнаго начала, можетъ быть и реализовано, если наука будущаго покажетъ, что въ основѣ всего сущаго лежитъ только одна монистическая сущность. Для P можетъ быть взята одна изъ системъ координатъ, употребляемыхъ въ математикѣ, т. е. координаты въ пространствѣ; для M, какъ координаты, такъ и способъ координаціи должны быть другого, духовнаго характера и могутъ опредѣлиться впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи познавательныхъ силъ будущихъ существъ.

Возвращаемся къ явленіямъ жизни, и разсмотримъ ихъ съ точки зрѣнія философскаго дуализма. Жизнь наблюдается нами какъ непрерывный процессъ, переходящій отъ одного поколѣнія къ другому, за нимъ слѣдующему; передаточнымъ моментомъ служитъ размноженіе организмовъ. Каждый организмъ, во всѣхъ стадіяхъ своего развитія, всѣ элементарныя его части, т. е. клѣточки, содержащія живую плазму, его зародыши.. .. представляютъ уже выполненный синтезъ двухъ сущностей дуализма. Хотя явленія жизни представляются намъ вообще необъяснимыми, таинственными, но видя ихъ повторяемость, послѣдовательность во времени, мы связываемъ ихъ въ своемъ понятіи по закону причинности и такъ привыкаемъ къ нимъ, что называемъ ихъ естественными, придавая этому слову то значеніе, что каждое явленіе жизни, достигавшее нѣсколько разъ до нашего сознанія, уже не возбуждаетъ въ насъ удивленія по своей неожиданности, а наоборотъ, полагается долженствующимъ быть. Но въ томъ процессѣ, который впервые вызвалъ жизнь, мы, кромѣ таинственности, видимъ еще его неповторяемость и изолированность. Неповторяемость чего-либо, въ общемъ, еще не можетъ считаться обстоятельствомъ, имѣющимъ особое значеніе; такъ, процессъ образованія з. шара изъ туманной массы есть явленіе неповторяемое для нашей планеты, потому только, что исчерпанъ матеріалъ для процесса, но въ то же время это не есть процессъ изолированный, такъ какъ онъ объясняется силою тяготѣнія и въ настоящее время полагаемаго въ основу обширной группы явленій. Неповторяемость процесса или явленія только тогда получаетъ особое значеніе, когда существуетъ повидимому всѣ условія для ихъ повторенія. По теоріи дуализма, для жизни необходима наличность двухъ сущностей, духовной и матеріальной; обѣ эти сущности существуютъ и теперь, онѣ существовали и въ моментъ возникновенія жизни. Предполагать, что при этомъ возникновеніи духовная сущность имѣла особыя свойства, конечно можно, но такое предположеніе ничего не объясняетъ, если не указать хотя приблизительно, въ чемъ же состоитъ особенность этихъ свойствъ; поэтому, чтобы имѣть болѣе твердую точку опоры для заключеній, надо обратиться къ тому, что даютъ намъ положительныя знанія, т. е. къ возможному выясненію физическихъ условій, при которыхъ можно предполагать возникновеніе жизни на землѣ. Эти условія опредѣляются тѣми предметами и формами физической энергіи, которые

вошли въ сферу сознанія человѣка: атмосферою, ея составомъ и температурою, простыми и сложными тѣлами, извѣстными въ химіи, теплотою, электричествомъ, свѣтомъ, химическимъ сродствомъ..... Ученые различныхъ спеціальностей въ области естествознанія, въ своихъ лабораторіяхъ комбинируютъ всѣми возможными способами перечисленные предметы и формы энергіи и ни разу никто изъ нихъ не пришелъ къ результату, имѣющему хотя отдаленное отношеніе къ тому, что характеризуетъ жизнь: все, что они получали было мертво, безжизненно. Оказалось, однако, что въ живомъ организмѣ нѣкоторые физико-химическіе процессы совершаются не по тому плану, по какому они совершаются въ лабораторныхъ аппаратахъ, а иногда приводятъ и къ результатамъ, несогласнымъ съ тѣмъ, что получалось въ колбахъ и ретортахъ. Но эти какъ бы уклоненія отъ нормъ совершаются уже въ живомъ организмѣ и не проливаютъ ни малѣйшаго свѣта на процессъ возникновенія жизни на землѣ, когда существовали только мертвыя тѣла. Остается еще предположеніе, что въ будущемъ откроются новыя тѣла и формы энергіи, новыя явленія, которыя и дадутъ ключъ къ рѣшенію нашего вопроса, но прошлое такихъ открытій указываетъ на обманчивость подобныхъ предположеній при настоящемъ состояніи познавательныхъ силъ человѣка: все, что постепенно входило въ сферу его сознанія, будутъ ли то электрическія силы, лучи ли Рентгена или Крукса..... все имѣетъ свойства только безсознательнаго начала природы, далекія отъ того, что могло бы объяснить жизнь. Такимъ образомъ возникновеніе жизни на землѣ есть явленіе не только неповторяемое, но и изолированное, т. е. не могущее быть сопоставленнымъ ни съ чѣмъ, какъ предшествующимъ, такъ и послѣдующимъ; такое явленіе мы не можемъ поставить на ряду съ тѣми, которыя мы опредѣляемъ словомъ *„естественное“*.

Итакъ, на землѣ былъ нѣкогда періодъ, когда впервые совершилось явленіе такое же таинственное, какъ сама жизнь, явленіе неповторяющееся и изолированное; впервые совершался процессъ синтеза двухъ сущностей, духовной и матеріальной, или другими словами, впервые произошло одухотвореніе матеріи. Такой актъ мы не можемъ понимать иначе, какъ актъ творенія.

Если въ основу всѣхъ явленій мы положимъ только одну универсальную сущность монизма, то всѣ вышеприведенныя разсужденія, такъ же какъ и окончательный выводъ, останутся безъ измѣненія; слѣдуетъ только слово матерія замѣнить выраженіемъ координованное Р, а синтезъ духовной и матеріальной сущностей, замѣнить координованныя М+Р.

Въ исторіи положительныхъ знаній едва-ли можно привести другой примѣръ того сильнаго вліянія на философское міровоззрѣніе,

какое оказало на него теорія Дарвина о происхожденіи видовъ. Слѣдуя шагъ за шагомъ за каждымъ факторомъ, могущимъ вліять на эволюціонный процессъ организмовъ, Дарвинъ освѣтилъ такимъ яркимъ свѣтомъ всю сложную картину переплетающихся причинъ и слѣдствій, слѣпыхъ стихійныхъ силъ и планомѣрныхъ приспособленій организованныхъ существъ, что въ нашемъ представленіи, эта картина рисуется какъ нѣчто вполнѣ законченное, могущее удовлетворить даже самымъ крайнимъ требованіямъ, поэтому трудъ Дарвина и его предшественниковъ, какъ теперь, такъ и на будущія времена, займетъ самое почетное мѣсто въ исторіи естествознанія и будетъ имѣть для него значеніе эпохи. Но какъ бы ни былъ великъ шагъ, сдѣланный Дарвинымъ, для правильной оцѣнки его, необходимо точно опредѣлить, на какую группу факторовъ, дѣйствовавшихъ въ эволюціонномъ процессѣ, пролитъ свѣтъ теоріею Дарвина и какая группа осталась неосвѣщенною, и затѣмъ сдѣлать сравнительную оцѣнку каждой группы. Полагаемъ, что слѣдующій примѣръ можетъ съ достаточною ясностью представить ту мысль, которую мы имѣемъ въ виду развить здѣсь.

Представимъ себѣ человѣка-мастера, могущаго въ самое короткое время производить милліоны самыхъ разнообразныхъ предметовъ и инструментовъ. Его окружаютъ милліоны людей, лишенныхъ способности производить что-либо, но предъявляющихъ къ мастеру свои различныя требованія, которыя должны быть удовлетворены. Эти люди, назовемъ ихъ подборщиками, примѣняютъ къ различнымъ дѣламъ предметы, производимые мастеромъ, при чемъ свойства этихъ дѣлъ не зависятъ ни отъ мастера, ни отъ подборщиковъ. Одни подборщики удовлетворятся скоро, и продолжительное время не требуютъ отъ мастера новыхъ формъ, другіе же, и ихъ большинство, отбрасываютъ все негодное, или оказавшееся годнымъ только на нѣкоторое время, и требуютъ отъ мастера все новыхъ и новыхъ формъ, при чемъ не указываютъ ему на лучшія формы, да по своей природѣ они и не могутъ этого сдѣлать, а предоставляютъ тутъ полную свободу его творчеству; вся роль ихъ только попробовать предметъ и сказать мастеру: это годно, а это негодно, это выдержитъ борьбу за существованіе, а это нѣтъ. Что касается мастера, то онъ обладаетъ склонностью преимущественно производить формы, уже оказавшіяся на практикѣ наиболѣе годными, при чемъ постепенно измѣняетъ ихъ качества и свойства въ различныхъ направленіяхъ, а подборщики, сохраненіемъ наиболѣе годныхъ формъ укрѣпляютъ въ мастерѣ склонность къ такимъ формамъ. Оставлять лучшее и откидывать худшее заставляетъ подборщиковъ и то обстоятельство, что мастеръ, обладая сильнѣйшею производительностью, грозитъ въ короткое время переполнить каждымъ видомъ своихъ произведеній всю область, отведенную для этого вида. Ясно до очевидности, что самую лучшую, самую совершенную вещь, подборщики могутъ подобрать

только тогда, когда мастеръ въ состояніи произвести ее, т. е. созданіе этой вещи всецѣло зависитъ отъ мастера, а подборщики только устраняютъ препятствія для такого созданія, выкидывая менѣе годныя и давая мѣсто лучшимъ.

Въ теоріи Дарвина мастеръ есть тотъ дѣятель, который мы назвали сознательнымъ началомъ природы, подборщики,—это естественный, искусственный и половой подборы; дѣло, къ которому примѣняются инструменты, это стихійныя силы, обстановка жизни и физическія условія, къ которымъ должны приспособляться организмы; на обстановку и физическія условія одни организмы не оказываютъ никакого вліянія, другіе вліяютъ въ различной степени, человѣкъ въ наивысшей; сильная производительность мастера,—это способность организмовъ къ неограниченному размноженію, что служитъ одною изъ главныхъ причинъ къ борьбѣ за существованіе; наконецъ наклонность мастера преимущественно производить уже установившіяся формы есть наслѣдственность.

Первенствующее значеніе въ эволюціонномъ процессѣ принадлежитъ сознательному началу природы, мастеру нашего примѣра. Ему принадлежитъ иниціатива, почему онъ есть главный факторъ процесса, остальные играютъ роль только регуляторовъ. Значеніе главнаго фактора еще болѣе поднимется въ нашемъ мнѣніи, когда мы вспомнимъ, что, создавая организмы, обладающіе высокою степенью совершенства въ отправленіи всѣхъ жизненныхъ функцій, онъ одаряетъ ихъ и психическою силою, начиная съ едва замѣтныхъ проблесковъ у амебы и кончая поразительною мощью человѣческаго генія. Творческая сила сознательнаго начала и его способность измѣнять во всѣхъ направленіяхъ физическую организацію и психическій строй организмовъ, приняты въ теоріи Дарвина, какъ данныя, не поддающіяся еще объясненію; но въ ней ясными чертами нарисована картина того, какъ подъ вліяніемъ регулирующихъ факторовъ эти измѣненія послѣдовали, хотя и по крайне разнообразнымъ, но каждый разъ вполнѣ опредѣленнымъ направленіямъ, что и дало возможность объяснить все разнообразіе органическаго міра, какъ въ его прошломъ, такъ и въ настоящемъ.

Такимъ образомъ и въ эволюціонномъ процессѣ органическаго міра мы встрѣчаемся съ агентомъ, настолько же таинственнымъ, какъ и тотъ агентъ, дѣйствіе котораго мы неизбѣжно должны были признать въ двухъ актахъ творенія.

Твореніе вселенной и твореніе жизни на землѣ сближаются въ нашемъ понятіи какъ начала двухъ процессовъ, различныхъ по существу; съ другой стороны, начало жизни на землѣ и послѣдующее затѣмъ ея развитіе, также могутъ быть сближены по общему характеру тѣхъ присущихъ жизни силъ, которыя выдѣляютъ ихъ изъ группы безсознательныхъ процессовъ. Естествознаніе, слѣдовательно, заставляетъ насъ признать существованіе Творца и Устроителя вселенной,

свойства и силы Котораго неизмѣримо превышаютъ все, что мы можемъ составить себѣ въ нашемъ представленіи. Единственно, что доступно тутъ нашему разуму, это составлять слабое и далеко неполное сужденіе о причинѣ, по ея дѣйствію. Становясь на почву такого сужденія, нашъ разумъ видитъ въ созданіи вселенной подавляющую мощь Первопричины, по психическимъ силамъ души человѣка, заключаетъ о неисчерпаемомъ богатствѣ духовныхъ силъ Этой Первопричины, а въ эволюціонномъ процессѣ органической жизни на землѣ, видитъ черты широко и глубоко задуманнаго плана.

Въ наукахъ естествознанія нерѣдки случаи, когда между двумя или нѣсколькими необъяснимыми еще явленіями замѣчается нѣкоторая связь, заставляющая заключать или объ общности, или о сходствѣ причинъ, вызывающихъ эти явленія. Такъ, открытіе электромагнетизма заставило предполагать общность причины, вызывающей электрическія и магнитныя явленія. Между актомъ творенія вселенной и извѣстною намъ группою явленій, называемыхъ гипнотизмомъ, можно допустить если не сближеніе, то нѣкоторое сопоставленіе. Гипнозъ, или внушеніе, есть особый видъ дѣйствія психики одного субъекта на психику другого, при чемъ активный субъектъ долженъ имѣть нѣкоторыя психическія преимущества передъ пассивнымъ. Гипнозъ возможенъ не только между людьми, но и между человѣкомъ и животнымъ; укротители звѣрей и дрессировщики животныхъ для цирка, во многихъ случаяхъ, дѣйствуютъ на нихъ не столько страхомъ наказанія, сколько гипнозомъ. Извѣстны случаи гипнотическаго взаимодѣйствія и въ мірѣ безсловесныхъ животныхъ.

Если положить въ основу всего сущаго въ природѣ одну универсальную сущность монизма, то твореніе можно разсматривать какъ гипнотическое воздѣйствіе Творца на эту сущность, выразившееся въ координированіи ея аттрибутовъ. Такъ какъ эта сущность, до координированія, не могла проявлять себя ни въ какомъ дѣйствіи или явленіи, будутъ-ли они физическаго или психическаго характера, то нельзя разсматривать твореніе какъ актъ самовнушенія, потому что послѣднее предполагаетъ въ субъектѣ способность къ дѣйствію, а таковой универсальная сущность не обладала до координированія; слѣдовательно, и здѣсь твореніе надо разсматривать какъ дѣйствіе существа, обладающаго уже активною силою, противопоставляемою чему-то пассивному, что опять приводитъ насъ не къ пантеизму, а къ теизму.

То, что мы старались доказать, опираясь на данныя и выводы естествознанія, и дѣйствуя исключительно на интеллектъ читателя, то съ большей или меньшей ясностью сознается и современными народами, и чѣмъ выше народъ по своимъ психическимъ качествамъ и общему развитію, тѣмъ качественно выше и понятія его въ обла-

сти космогоническихъ идей. Благоговѣніе и другія чувства, выросшія на почвѣ этихъ идей, глубоко западаютъ въ душу человѣка и дѣйствуютъ на него съ силою, передъ которою уступаютъ всѣ другія идейныя чувства. Въ лучшихъ художественныхъ произведеніяхъ человѣческаго генія яркою чертою выступаетъ глубокое религіозное чувство тамъ, гдѣ оно вдохновляетъ художника; та же черта видна и въ большинствѣ научныхъ произведеній, поскольку они соприкасаются съ основами религіознаго міровоззрѣнія.

Народы новоевропейской цивилизаціи пережили періодъ подавляющаго господства религіозныхъ идей надъ всѣми другими,—періодъ аскетизма. Для всесторонняго развитія сознательнаго начала природы, аскетизмъ есть смертный приговоръ, и къ счастью человѣчества, для передовыхъ народовъ уже миновала опасность такого приговора. Ревнителямъ прежняго религіознаго настроенія человѣческихъ обществъ кажется, что у новоевропейскихъ народовъ религіозное чувство ослабѣло, что пошатнулись самые устои религіи. Такое мнѣніе есть заблужденіе, вытекающее изъ неправильной оцѣнки явленій текущей жизни народовъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Народы новоевропейской цивилизаціи сознали, что для всесторонняго развитія силъ человѣческаго духа необходима полная свобода научныхъ изслѣдованій. Результатомъ такой свободы было появленіе нѣсколькихъ философскихъ сочиненій, прямо или косвенно отвергавшихъ существованіе Бога-Творца. Въ оппозицію имъ появился цѣлый рядъ талантливыхъ произведеній философскаго характера, доказывающихъ научную несостоятельность антирелигіознаго міровоззрѣнія. Большая часть этихъ произведеній помѣщаются въ спеціальныхъ философскихъ журналахъ, почему и не доходятъ до большей читающей публики, тогда какъ болѣе легковѣсныя мысли отрицателей Божества значительно легче популяризуются, почему и легко усваиваются тою долею молодежи и взрослой публики, въ которой еще слабо развиты силы для вѣрной оцѣнки достоинства философскихъ мнѣній. Антирелигіозныя системы возбудили въ публицистической литературѣ и интеллигентномъ обществѣ различные толки и горячіе споры, въ которыхъ истинные двигатели науки, ученые, работающіе въ своихъ кабинетахъ и лабораторіяхъ, мало принимали участія, п. ч. большинство ихъ, по склонности своего ума заниматься только вполнѣ опредѣленными научными вопросами, крайне неохотно вступаютъ въ борьбу тамъ, гдѣ они не могутъ выставить строго обоснованныхъ научныхъ мнѣній ни за ни противъ, и гдѣ религіозное чувство опредѣляется не тѣмъ или другимъ научнымъ фактомъ, а духовнымъ созерцаніемъ міростроенія вообще.

Публицистическіе толки, поднятые антирелигіозными философскими системами, недоступность для большинства публики серьезныхъ философскихъ опроверженій этихъ системъ, и почти полное отсутствіе участія въ полемикѣ истинныхъ двигателей науки, и произво-

дятъ иллюзію, что религіозное чувство ослабѣло въ интеллигентныхъ слояхъ человѣческихъ обществъ. Между тѣмъ, если выдѣлить изъ этихъ слоевъ тѣ части, которыя представляютъ отрицательный продуктъ не цивилизаціи, а современныхъ соціально-экономическихъ отношеній, всю интеллигентную плѣсень, живущую интересами фланеровъ парижскихъ бульваровъ, интересами биржи, плутократіи, паразитизма..... и потерявшую не только вѣру въ Бога, но и высшія человѣческія чувства, а остановиться на той, значительно болѣе многочисленной части, не чуждой высшимъ духовнымъ интересамъ жизни, то въ ней живо религіозное чувство, но оно у многихъ, какъ неприкосновенная святыня, скрывается въ глубинѣ души и неохотно выставляется наружу.

Что касается народныхъ массъ, то философскій атеизмъ настолько имъ чуждъ, что не можетъ оказать на нихъ никакого вліянія; утвержденіе, что нѣтъ Бога, кажется народу такимъ же дикимъ и нелѣпымъ, какъ и утвержденіе, что въ человѣкѣ нѣтъ души. Попытка, сдѣланная во время первой французской революціи, установить культъ богини разума, какъ извѣстно, окончилась полною неудачею, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ ни народныхъ массъ, ни интеллигентныхъ слоевъ.

Жизнь современныхъ передовыхъ народовъ представляетъ могучій потокъ жизненныхъ явленій, въ которомъ взаимно переплетаются многочисленныя струи духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ человѣческихъ обществъ, и для поверхностнаго наблюденія кажется, что большая часть духовныхъ силъ человѣка поглощена этимъ потокомъ, что въ его душѣ уже не осталось мѣста для религіознаго чувства. Но это опять глубокое заблужденіе иллюзіи. Въ дѣйствительности, подъ верхними слоями потока, произведшими эту иллюзію, течетъ глубокая и широкая рѣка, питаемая религіознымъ чувствомъ и высшими религіозными стремленіями человѣческаго духа. Не желая утомлять вниманіе читателя приведеніемъ многочисленныхъ доказательствъ послѣдняго положенія, мы ограничимся ссылкою на одинъ, весьма характерный фактъ.

Если изъ всего, что составляетъ содержаніе новоевропейской цивилизаціи, выдѣлить тѣ ея стороны, которыми опредѣляется матеріальный прогрессъ человѣка, то С. Американскій народъ, по силѣ этого прогресса, долженъ быть поставленъ на первое мѣсто въ ряду другихъ націй. Нигдѣ трудъ и энергія человѣка не создали такой массы матеріальныхъ благъ, какими пользуется теперь этотъ народъ, нигдѣ безостановочно кипучая жизнь не направляетъ свои силы съ такою настойчивостью на все, что можетъ улучшить матеріальное положеніе человѣка. Въ то же время нѣтъ страны, содержащей въ себѣ такое обиліе различныхъ исповѣданій и сектъ: можно сказать, С. Америка кишитъ сектами. Такое религіозное броженіе не можетъ быть объяснено стремленіемъ С. Американца отыскать твердую основу

для религіи, п. ч. всѣ его исповѣданія и секты вытекаютъ изъ христіанства, считаемаго имъ безусловно истиннымъ, которое и служитъ для него этою основою. Но какова бы ни была причина этого явленія, самый фактъ его существованія доказываетъ, что даже въ такомъ народѣ, для котораго девизомъ житейской практики служитъ выраженіе „время деньги“, подъ верхнимъ слоемъ будничныхъ интересовъ течетъ могучая рѣка религіознаго чувства.

То же надо сказать и о христіанскихъ народахъ Стараго свѣта. Здѣсь возникающую нерѣдко антиклерикальную борьбу надо объяснять не паденіемъ религіи и религіознаго чувства, а причинами, не имѣющими непосредственнаго отношенія къ религіи и часто даже въ интересахъ самой религіи.

Бросимъ бѣглый взглядъ на развитіе сознательнаго начала природы. По даннымъ науки оно начало проявляться въ простѣйшихъ водныхъ организмахъ и выразилось въ формахъ низшихъ внѣшнихъ чувствъ: осязанія, вкуса, обонянія. Затѣмъ начали развиваться высшія чувства, слухъ и зрѣніе, достигшія наибольшей силы въ наземныхъ животныхъ. Внѣшнія чувства давали только матеріалъ для развитія высшихъ силъ сознательнаго начала, названныхъ нами потенціями сознательнаго начала. Въ цѣпи организмовъ, по мѣрѣ перехода ихъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ безсловеснымъ животнымъ, явно замѣчается постепенность развитія интеллектуальной потенціи и съ меньшею ясностью выступаетъ развитіе двухъ другихъ, главныхъ: эстетической и нравственной. Въ человѣческомъ родѣ всѣ три потенціи достигли наибольшаго развитія, но къ нимъ присоединилась новая, которую мы можемъ назвать потенціею религіознаго чувства.

Эта потенція, начавъ свои проявленія съ низшихъ, грубыхъ формъ, не избѣгла общаго закона развитія и въ Откровенной религіи христіанства достигла высшей точки, не только относительной, но и абсолютной; по крайней мѣрѣ, эта точка представляется наивысшею для ума и чувства современнаго, наиболѣе развитого человѣка.

Цѣль развитія первыхъ трехъ потенцій ясна: это повышеніе содержанія жизни какъ въ качественномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи богатства и разнообразія ея элементовъ, что увеличиваетъ цѣнность самой жизни. Творческая сила сознательнаго начала, дѣйствуя въ сферахъ интеллектуальной и эстетической потенцій, создала множество элементовъ, входящихъ въ составъ объективныхъ условій, поднимающихъ счастье человѣка въ качественномъ отношеніи; эта же сила, дѣйствуя въ сферѣ нравственной потенціи, стремилась установить лучшія формы соціальныхъ отношеній и тѣмъ также способствовала увеличенію объективныхъ условій для счастья. Въ развитіи же субъективныхъ условій для счастья, изъ трехъ взя-

тыхъ нами потенцій, преобладающее вліяніе принадлежитъ потенціи нравственнаго чувства, проявляющей себя въ томъ или другомъ складѣ психики человѣка; еще большее значеніе въ созданіи этихъ условій принадлежитъ религіямъ, особенно высшимъ. Въ истинной религіи христіанства, это значеніе достигло наивысшей степени.

Христіанство только недавно начало оказывать свое дѣйствіе на человѣчество; періодъ въ 1900 лѣтъ, протекшій отъ начала нашей эры, ничтожно малъ по сравненію съ періодомъ существованія человѣка въ видѣ, обособившемъ его отъ другихъ видовъ животнаго царства. Въ короткій періодъ своего существованія, христіанство не могло быстро побѣдить низшія психическія качества, развитыя въ человѣкѣ въ длинный предшествующій періодъ, что и подтверждается всею прошлою исторіею христіанскихъ народовъ, богатою фактами, противорѣчащими духу христіанства. Тѣмъ не менѣе, проникая на большую или меньшую глубину въ душу человѣка, въ зависимости отъ его индивидуальныхъ особенностей, христіанство, во всѣхъ общественныхъ слояхъ и у всѣхъ христіанскихъ народовъ, внесло въ жизнь самый цѣнный вкладъ, способствуя въ то же время установленію наиболѣе прочныхъ субъективныхъ основъ для счастья человѣка. Предъ духовнымъ взоромъ человѣка оно открыло Высшее Существо во всемъ Его величіи и возбудило въ душѣ человѣка безграничную любовь къ Нему, проникнутую самыми высокими стремленіями духа и упованіемъ на неизсякаемое милосердіе Творца; въ соотвѣтствіи съ этимъ, оно развило въ человѣкѣ и любовь къ ближнему, ту любовь, которою опредѣляется одно изъ главныхъ субъективныхъ условій для счастья человѣка.

Характеръ вліянія христіанской религіи на душу человѣка хотя и поддается описанію, но въ таковомъ нѣтъ здѣсь надобности, такъ какъ оно по личному ощущенію извѣстно каждому, имѣющему хотя какое-либо право назвать себя христіаниномъ. О силѣ же этого вліянія говорятъ намъ многочисленные факты, подобные тѣмъ, когда человѣкъ, повидимому, поставленный въ самыя счастливыя условія жизни, не удовлетворяется ими, а находитъ полное удовлетвореніе только въ религіи; то же мы видимъ и въ жизни тѣхъ, которые всѣми утѣхами и житейскими радостями жертвуютъ для религіозно-созерцательной жизни, иногда полной всяческихъ лишеній и физическихъ страданій.

Въ эволюціонномъ процессѣ сознательнаго начала, всѣ религіи, начиная съ низшихъ и кончая Откровенною религіею Христіанства, можно разсматривать какъ постепенное духовное приближеніе человѣка къ Богу-Творцу. Такъ какъ періодъ существованія христіанства ничтожно малъ передъ всѣмъ періодомъ существованія человѣка на землѣ, то современные намъ христіанскіе народы успѣли только еще вступить на первыя ступени этого приближенія; это справедливо какъ для цѣлыхъ народовъ, такъ и для отдѣльныхъ личностей. Въ будущихъ,

высшихъ существахъ это приближеніе будетъ совершаться ассимптотически до предѣловъ, положенныхъ Волею Творца. Условія для такого приближенія, это—продолженіе нравственнаго развитія высшихъ существъ и появленіе въ нихъ способности къ воспріятію высшихъ формъ воздѣйствія Бога на душу живого существа. Относительно нравственнаго развитія указанъ путь и различные его градаціи въ Евангеліи; второе условіе будетъ осуществляться по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія всѣхъ потенцій сознательнаго начала и проявленія новыхъ, если таковыя присущи его природѣ, подобно тому какъ для высшихъ понятій о природѣ и впечатлѣній, производимыхъ ею на человѣка, и недоступныхъ безсловеснымъ животнымъ, надобно было сознательному началу пройти весь путь развитія, отдѣляющій этихъ животныхъ отъ человѣка; слѣдовательно, будущія существа должны быть достойными и способными для воспріятія отъ Бога высшихъ формъ счастья, блаженства. Изъ людей, живущихъ теперь, и когда-либо жившихъ, только небольшая часть предвкушала ничтожную долю того, что впереди ожидаетъ болѣе совершенныя существа.

Глава XIII.

Безсловесныя животныя не сознаютъ неизбѣжной смерти. Страхъ смерти у человѣка. Воскресеніе и вѣчная жизнь. Заключеніе.

Цѣль прогрессивной эволюціи сознательнаго начала выступаетъ съ ясностью, не допускающею сомнѣнія,—это, постепенное осуществленіе высшихъ формъ жизни, т. е. обогащеніе ея новыми и качественно лучшими элементами, придающими ей все большую и большую цѣнность. Изъ всего длиннаго періода, въ который совершился эволюціонный процессъ, наибольшій подъемъ цѣнности жизни произошелъ въ періодъ развитія сознательнаго начала отъ психики высшаго безсловеснаго животнаго до психики современнаго человѣка. Но въ этотъ же періодъ появился и отрицательный элементъ, субъективнаго характера, это сознаніе неизбѣжности смерти.

Всѣ животныя, стоящія ниже человѣка, не сознаютъ неизбѣжности смерти; только душѣ человѣка присуще это сознаніе, п. ч. только человѣкъ, пользуясь словомъ, составляетъ себѣ представленіе о прошлой исторіи своего племени, или рода. У современныхъ, наиболѣе низко стоящихъ по развитію дикарей, семейная связь не прерывается въ теченіе всей жизни дикаря, поэтому каждый дикарь узнаетъ отъ своихъ родителей, что нѣкогда жили его дѣды и прадѣды и они умерли; то же онъ узнаетъ и отъ всѣхъ своихъ единоплеменниковъ, т. е. что ихъ дѣды и прадѣды также всѣ умерли. Такимъ образомъ человѣкъ, обобщая фактъ смерти, приходитъ къ заключенію о неизбѣжности ея.

Для всѣхъ животныхъ, стоящихъ ниже человѣка, недостаетъ главныхъ условій для подобнаго обобщенія; многія изъ нихъ, какъ напр., большинство насѣкомыхъ и рыбъ, никогда и не видятъ своихъ родителей, остальныя, достигнувъ зрѣлаго возраста, обыкновенно прерываютъ всякую связь съ своими родителями; потомъ они лишены главнаго орудія, слова, чтобы, опираясь на единогласныя свидѣтельства старшихъ, прійти къ заключенію о неизбѣжности смерти всего живущаго; поэтому всякое животное, на каждый случай смерти, совершившійся передъ его глазами, смотритъ какъ на единичный фактъ, не обобщая его. Подобный же взглядъ на смерть имѣетъ и человѣкъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Если бы взрослые не внушали дитятѣ о неизбѣжности смерти, и если бы въ случаѣ смерти кого-либо изъ окружающихъ, дитя не получало никакого отвѣта на вопросы, сдѣланные имъ по этому случаю, то оно неопредѣленно долго оставалось бы въ убѣжденіи, что смерть не есть неизбѣжный исходъ его жизни; оно такъ же, какъ и безсловесное животное, смотрѣло бы на всякій случай смерти какъ на единичный фактъ, не обобщая его, и психологическія наблюденія надъ дѣтскимъ возрастомъ подтверждаютъ это положеніе.

Безсловесныя животныя избѣгаютъ всякой опасности, угрожающей ихъ жизни, а въ случаѣ нужды и вступаютъ въ борьбу съ своими врагами; но всѣ ихъ дѣйствія тутъ внушаются не боязнью смерти, а инстинктивнымъ чувствомъ самосохраненія. Это чувство, не связанное съ мыслью о смерти, знакомо и человѣку; такъ, дитя, увидя что-либо страшное для него, бросается подъ защиту матери, при этомъ его охватываетъ только чувство страха или ужаса, мысль же о смерти, въ этотъ моментъ, можетъ совершенно отсутствовать въ немъ. Подобное же чувство испытываетъ иногда и взрослый человѣкъ, напр., когда нервная женщина съ ужасомъ сбрасываетъ съ себя взобравшуюся на ея платье лягушку или ящерицу; сильный страхъ, испытываемый ею въ этотъ моментъ, не имѣетъ никакой связи съ мыслью о смерти.

Хищному животному, ежедневно убивающему другихъ животныхъ для пищи, можетъ прійти мысль, что и само оно можетъ погибнуть отъ нападенія другого, болѣе сильнаго животнаго, но сознаніе возможности не эквивалентно сознанію неизбѣжности. Подобно этому и дитя можетъ употреблять въ пищу животныхъ, которыхъ онъ видѣлъ живыми: рыбъ, раковъ, домашнихъ птицъ.... и въ то же время быть очень далекимъ отъ мысли, что и его ожидаетъ неизбѣжная смерть, если только старшіе не внушатъ ея. Были случаи, что человѣкъ, посѣтивъ необитаемый островъ, встрѣчалъ тамъ животныхъ нисколько не боящихся его, а послѣ погрома, произведеннаго имъ, эти же животныя дѣлались осторожными и боязливыми. Тутъ несомнѣнно дѣйствовалъ подборъ, уничтожавшій небоязливыхъ животныхъ и сохранявшій болѣе осторожныхъ и боязливыхъ; кромѣ того животныя ви-

дѣли, что человѣкъ вноситъ въ ихъ жизнь что-то новое, вредящее ихъ существованію, что-то такое, отъ чего число живущихъ особей значительно убавлялось и такимъ образомъ, къ числу факторовъ, возбуждавшихъ въ животныхъ инстинктивное опасеніе, прибавлялся новый, олицетворяемый человѣкомъ.

Итакъ, безсловесныя животныя имѣютъ громадныя преимущества передъ человѣкомъ: они пользуются жизнью, всѣми ея свѣтлыми сторонами, не омрачая ее сознаніемъ неизбѣжности смерти.

Большинство современныхъ народовъ вѣрятъ въ вѣчную, загробную жизнь и религіи укрѣпляютъ эту вѣру. Является вопросъ: какъ долженъ относиться къ этой вѣрѣ разумъ, опирающійся только на науку, понимая послѣднюю въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. какъ сумму знаній, вытекающихъ изъ источниковъ, не имѣющихъ связи съ религіей? Единственнымъ отношеніемъ разума могло быть только полная неопредѣленность, п. ч. наука не обладала ни однимъ фактомъ, прямо или косвенно подтверждающимъ или отрицающимъ возможность вѣчной индивидуальной жизни. Въ настоящее время наука уже настолько богата научнымъ матеріаломъ, что на поставленный вопросъ разумъ можетъ дать рѣшительный отвѣтъ и этотъ отвѣтъ клонится въ сторону утвержденія, а не отрицанія вѣчной жизни. Стимуломъ, направляющимъ разумъ къ такому рѣшенію, должно быть все главное, что мы старались развить въ своемъ трудѣ. Повторимъ вкратцѣ это главное.

Все сущее въ мірѣ, по способу своего происхожденія, въ нашемъ понятіи, разбивается на двѣ категорически различныхъ сущности: одна сущность есть предвѣчный Богъ Творецъ, въ своемъ бытіи ни отъ кого и ни отъ чего не зависящій; другая—Его твореніе. Твореніе представляется нашему сознанію въ двухъ видахъ, также категорически различныхъ; эти два вида мы назвали сознательнымъ и безсознательнымъ началами природы, не рѣшая, что они дѣйствительно представляютъ двѣ различныя субстанціи. Если словомъ познаніе означать различную степень соотвѣтствія понятія съ дѣйствительностью, то полное познаніе Бога доступно только Богу же, т. е. только Богъ можетъ познать Самого Себя; твореніе же, какъ объектъ, можетъ быть познано и другими существами, именно тѣми, въ которыхъ олицетворилось сознательное начало природы. Слѣдя шагъ за шагомъ за развитіемъ познавательныхъ силъ этихъ существъ, мы поражаемся величіемъ пройденнаго ими пути. Въ современномъ человѣчествѣ познавательная сила достигла высшаго уровня, по сравненіи съ тѣми, какихъ она достигала раньше. Ея сила проявилась главнѣйше въ освѣщеніи явленій изъ области безсознательнаго начала природы, въ установленіи понятій, касающихся механическаго строя вселенной; относительно же сферы сознательнаго начала, передъ познавательною си-

лою, только въ послѣднія тысячелѣтія начали обрисовываться вопросы, подлежащіе рѣшенію. Въ выясненіи механизма вселенной познавательная сила достигла величайшихъ результатовъ; если она далека еще отъ постиженія конечныхъ причинъ, то ею опредѣленъ ходъ всѣхъ главныхъ процессовъ мертвой природы, прослѣженъ путь каждой частички вещества въ физическихъ явленіяхъ, найдены законы, по которымъ совершаются преобразованія однихъ формъ физической энергіи въ другія. Результатомъ развившагося знанія явились стройныя и грандіозныя теоритическія построенія и неисчислимыя практическія пріобрѣтенія.

Далеко не таковы успѣхи познавательной силы въ сферѣ явленій, опредѣляемыхъ сознательнымъ началомъ природы; здѣсь, помимо другихъ, менѣе важныхъ вопросовъ, не пролито даже малѣйшаго свѣта на слѣдующіе два, главные: гдѣ источникъ явленій, опредѣляемыхъ сознательнымъ началомъ и потомъ, куда скрывается агентъ психическихъ явленій послѣ смерти животнаго. Тѣ способы, какими теперь пользуется познавательная сила, въ сферѣ явленій мертвой природы, оказываются недостаточными для разрѣшенія вопросовъ, поставленныхъ передъ нею проявленіями сознательнаго начала, поэтому и науки, относящіяся къ сферѣ этого начала, по своему содержанію, не перешли еще границъ наукъ описательныхъ и классификаціонныхъ, и не содержатъ въ себѣ ничего, соотвѣтствующаго раціонализму наукъ естествознанія, съ ихъ вспомогательными вѣтвями: математикою и теоретическою механикою. Требуются, слѣдовательно, отъ познавательной силы новыя, высшія качества, что бы перейти границу, за которую скрываются тайны жизни. Есть ли надежда когда либо перейти эту границу? Опираясь на прошлое, мы должны отвѣтить: не надежда тутъ должна быть, а полная увѣренность.

Дѣйствительно, если бы человѣкъ, какимъ-либо чудомъ, могъ пройти всѣ стадіи сознанія, начиная отъ амебы и кончая моллюскомъ, отъ моллюска къ червяку, отъ червяка къ рыбѣ, отъ рыбы къ ящерицѣ, отъ ящерицы къ овцѣ, отъ овцы къ высшему млекопитающему и, наконецъ, отъ послѣдняго къ человѣку, то онъ поразился бы величиною пути, пройденнаго познавательною силою во всей цѣпи этихъ стадій. Самое сильное воображеніе недостаточно, чтобы дать человѣку хотя бы слабое представленіе о тѣхъ состояніяхъ сознанія, какія онъ долженъ бы былъ испытать въ этомъ длинномъ эволюціонномъ процессѣ; неодолимыми препятствіями къ тому были бы духовныя силы, присущія его душѣ и антропоморфизмъ вообще. Только временныя состоянія его сознанія въ первые моменты пробужденія отъ сна, тупое состояніе ума во время сильнѣйшаго физическаго утомленія, воспоминанія ранняго дѣтства, временныя паталогическія состоянія, приводящія духовный организмъ человѣка къ различнымъ степенямъ идіотизма.... могли бы служить отдаленными аналогіями какъ психическихъ состояній вообще, такъ и познавательныхъ силъ въ част-

ности, во время перехода человѣка по нашимъ воображаемымъ стадіямъ. Только о послѣднемъ переходѣ, отъ высшаго безсловеснаго животнаго къ человѣку, мы можемъ еще составить нѣкоторое представленіе и потому только, что психика такого животнаго уже во многомъ соприкасается съ психикою человѣка. Но и тутъ разстояніе такъ велико, что для большинства людей оно представляется непроходимою пропастью. Въ силу же присущаго сознательному началу стремленія проявлять свои потенціи все въ высшихъ и высшихъ формахъ, и приводитъ въ дѣйствіе новыя потенціи, бывшія ранѣе въ скрытомъ состояніи, эта пропасть пройдена, а главнымъ орудіемъ для перехода служило слово.

Картина эволюціоннаго процесса въ прошломъ должна поселять въ насъ не надежду только, а увѣренность, что сознательное начало и въ будущемъ пойдетъ по пути дальнѣйшаго развитія своихъ уже проявленныхъ потенцій и въ обнаруженіи новыхъ, не имѣющихъ въ нашемъ сознаніи даже малѣйшихъ проблесковъ. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи оно откроетъ новыя орудія, превосходящія слово по своимъ болѣе высокимъ качествамъ, какъ для всесторонняго проявленія своихъ потенцій вообще, такъ и для повышенія познавательныхъ силъ. Въ сферу духовной жизни будущихъ существъ войдутъ тѣ же элементы, какіе уже теперь доступны душѣ человѣка, но въ болѣе развитомъ видѣ и въ формахъ, о которыхъ мы не можемъ составить себѣ представленія; еще менѣе доступны намъ формы, въ которыхъ выразятся новыя потенціи сознательнаго начала. Развивающаяся познавательная сила будетъ постепенно проникать въ таинственную сферу жизни, вслѣдствіе чего появятся новыя знанія, основанныя не на раціонализмѣ только, а на соединеніи его съ другими, высшими познавательными элементами, что поведетъ какъ къ увеличенію господства будущихъ существъ въ сферѣ безсознательныхъ процессовъ вселенной, такъ и къ открытію новыхъ способовъ и путей для воздѣйствія на все, чѣмъ обусловливается жизнь. И теперь человѣкъ можетъ воздѣйствовать на жизнь, но его власть тутъ не заходитъ дальше границъ эмпиризма; познавательная сила будущихъ существъ дастъ имъ возможность дѣйствовать на основы жизни. Какъ теперь познаніе мертвой природы и власть надъ нею поднимаются по мѣрѣ усиленія раціонализма, направляющаго эмпиризмъ, такъ и для будущихъ существъ supra-раціонализмъ будетъ играть ту же роль въ управленіи явленіями жизни; какъ теперь власть человѣка надъ мертвою природою дала ему возможность достигнуть величайшихъ результатовъ, хотя знанія его въ этой области еще очень далеки отъ постиженія основъ этой природы, такъ и будущія существа могутъ достичь величайшихъ практическихъ результатовъ въ сферѣ жизненныхъ явленій, значительно ранѣе, чѣмъ знанія ихъ достигнутъ крайняго, возможнаго предѣла.

Человѣкъ чувствуетъ дисгармонію въ жизни, и съ силою инстинкта

стремится устранить эту дисгармонію; пользуясь техническими знаніями, онъ создаетъ громадныя средства къ жизни, а тяжелыя формы труда стремится замѣнить болѣе легкими; установленіемъ лучшихъ формъ соціальнаго строя и широкимъ развитіемъ культурныхъ учрежденій онъ старается поднять и развить положительныя качества своей души, а въ осуществленіи высшей справедливости видитъ одно изъ главныхъ условій для достиженія возможно высшихъ степеней индивидуальнаго и соціальнаго счастья. Тщетны ли эти стремленія? Нѣтъ: просвѣщенный человѣкъ увѣренъ, что будущія существа достигнутъ не только всего, что составляетъ предметъ его теперешнихъ стремленій, но и сами они будутъ ставить для себя все новыя и новыя высшія цѣли, недоступныя еще нашему сознанію, подобно тому, какъ троглодиту недоступны многіе духовные интересы, волнующіе современныя цивилизованныя общества.

Дисгармонія, вносимая въ жизнь человѣка сознаніемъ неизбѣжности смерти тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе его вѣра въ загробную жизнь; а такъ какъ эта вѣра не зависитъ отъ воли человѣка, то для многихъ смерть является роковымъ приговоромъ надъ индивидуальною жизнью со всѣмъ ея содержаніемъ. Чувство полнаго безсилія избѣжать этого приговора омрачаетъ самую свѣтлую и радостную жизнь.

Въ силу ясно выраженнаго стремленія сознательнаго начала осуществлять въ жизни все лучшее и свѣтлое, достигать высшихъ степеней счастья и вообще дать смыслъ жизни, будущія, высшія существа не будутъ относиться къ смертному приговору съ тою покорностью, съ какою относится къ нему современный человѣкъ, а пользуясь своею безпредѣльно увеличивающеюся властью надъ природою, въ сферахъ проявленій какъ сознательнаго, такъ и безсознательнаго началъ природы, они направятъ свои усилія на то, чтобы устранить изъ жизни высшихъ существъ одинъ изъ главнѣйшихъ дисгармонирующихъ элементовъ, смерть. Для того, кто подъ вліяніемъ современныхъ знаній, можетъ выбрать точку зрѣнія, съ которой развертывается все величіе развитія въ прошломъ сознательнаго начала природы, надежда на побѣду надъ смертью, можетъ обратиться въ увѣренность. Эта побѣда должна выразиться въ осуществленіи вѣчной индивидуальной жизни и въ воскресеніи мертвыхъ.

Отвѣтить на вопросъ, какъ осуществятся безсмертіе и воскресеніе мертвыхъ, современный человѣкъ не можетъ по двумъ причинамъ, уже не разъ приводимымъ нами ранѣе, это, во-первыхъ, по недостаточному еще развитію своихъ психическихъ силъ и, во-вторыхъ, по невозможности для него составить даже отдаленное представленіе о формахъ, въ которыхъ выразится жизнь будущихъ существъ. Въ силу первой причины, отвѣтъ для современнаго человѣка на предложенный вопросъ такъ же невозможенъ, какъ невозможенъ для собаки отвѣтъ на вопросъ: какимъ путемъ достигъ человѣкъ пріобрѣтенія всѣхъ тѣхъ научныхъ знаній, которыя подняли его такъ вы-

соко надъ міромъ безсловесныхъ животныхъ. Что касается второй причины, то, создавая представленія о будущемъ, человѣкъ не можетъ выйдти изъ сферы того, что уже теперь находится въ его сознаніи и въ своихъ построеніяхъ будущаго онъ только видоизмѣняетъ настоящее; между тѣмъ какъ исторія развитія знаній и вообще жизни показала, что отвѣты на частные вопросы, поставленные человѣкомъ, обыкновенно идутъ съ той стороны, откуда они меньше всего ожидались, и даются въ формахъ, не соотвѣтствующихъ ожидаемымъ; то же надо сказать и объ открытіи новыхъ явленій, расширяющихъ кругозоръ человѣка. Только въ вопросахъ индивидуальнаго и соціальнаго счастья человѣкъ намѣчаетъ для себя твердый путь, часто обманчивый, но и тутъ его стремленія и помыслы не заходятъ далѣе границъ, опредѣляемыхъ ближайшими цѣлями.

Итакъ, считая безплодною всякую попытку пролить хотя малѣйшій свѣтъ на способъ осуществленія въ будущемъ безсмертія и воскресенія мертвыхъ, мы ограничимся здѣсь только указаніемъ, что, опираясь на наши теперешнія знанія, мы не найдемъ въ нихъ ничего такого, что категорически отрицало бы возможность открытія такого способа въ будущемъ. Начнемъ съ безсмертія индивида.

Микроскопъ открылъ человѣку міръ явленій, ранѣе совершенно недоступныхъ внѣшнему наблюденію. Онъ показалъ, что организмъ человѣка наполненъ безчисленнымъ множествомъ микроорганизмовъ, изъ которыхъ одни вредны для него, другіе полезны. И тѣ и другіе ведутъ между собою непрерывную борьбу. Въ случаѣ особо благопріятныхъ условій, вредные микроорганизмы размножаются въ неограниченно большемъ числѣ, и могутъ повести организмъ человѣка къ погибели, тогда возникшая борьба между полезными и вредными микроорганизмами опредѣляетъ исходъ: побѣдятъ первые,—жизнь человѣка спасена, побѣдятъ вторые,—неизбѣжная смерть. Далѣе, тотъ же микроскопъ показалъ, что жизненный процессъ въ организмѣ человѣка, съ точки зрѣнія внѣшняго наблюденія, состоитъ въ размноженіи его элементарныхъ клѣточекъ, въ уничтоженіи отжившихъ и въ перерожденіи клѣточекъ изъ высшаго порядка въ низшій. Въ періодъ развитія организма, размноженіе клѣточекъ превышаетъ ихъ уничтоженіе, а процессъ перерожденія вообще слабъ; въ періодъ зрѣлаго возраста размноженіе клѣточекъ уравновѣшиваетъ ихъ уничтоженіе, перерожденіе же еще не достигаетъ значительной силы, и, наконецъ, въ періодъ приближенія къ старости, уничтоженіе клѣточекъ беретъ перевѣсъ надъ ихъ размноженіемъ, а перерожденіе, постепенно усиливаясь, приводитъ организмъ къ нормальной, безболѣзненной смерти отъ старческаго истощенія, если только онъ не погибнетъ ранѣе отъ мѣстнаго или общаго нарушенія нормальныхъ физіологическихъ процессовъ, вызваннаго какими-либо причинами.

Со многими болѣзненными процессами, вызываемыми чрезмѣрнымъ размноженіемъ вредныхъ микроорганизмовъ, человѣкъ нашелъ средство бороться; прививкою культуръ микроорганизмовъ, получаемыхъ искусственно, спасена жизнь милліоновъ людей. И тѣ процессы нашего организма, которые зависятъ отъ развитія и жизни элементарной клѣточки, не представляютъ въ себѣ ничего такого, что современемъ не могло бы поддаться вліянію человѣка, вооруженнаго знаніемъ; уже и теперь въ научномъ мірѣ пробивается слабый лучъ, освѣщающій путь, которому должно слѣдовать, чтобы искусственно задержать разрушительные процессы въ нашемъ организмѣ и тѣмъ увеличить продолжительность его жизни. Достаточно незначительнаго успѣха въ этомъ направленіи, чтобы поселить въ насъ надежду и даже увѣренность, что въ будущемъ откроются способы не только продолжить жизнь организма, но и сдѣлать ее вѣчною, безсмертною.

Перейдемъ въ область психологическихъ явленій. Человѣкъ съ первыхъ лѣтъ своего дѣтства, о которыхъ сохранилось въ немъ воспоминаніе, до послѣднихъ минутъ жизни, не смотря на всѣ измѣненія въ своемъ духовномъ организмѣ, на всѣ безчисленныя и разнообразныя вліянія на него внѣшняго міра, сознаетъ свое неизмѣнное „я“, около котораго, какъ около центра группируется все, доходящее до его сознанія. „Я“ ощущается какъ нѣчто недѣлимое, качественно мѣняющееся въ теченіе жизни, но остающееся тождественнымъ самому себѣ, какъ центръ для группировки всѣхъ ощущеній, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ. Эти свойства недѣлимости и тождественности „я“ и опредѣляютъ то, что мы называемъ единствомъ самосознанія, или, проще, единствомъ сознанія.

Сознательная жизнь человѣка ежедневно прерывается сномъ, такъ что, въ общемъ, она состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ сознательныхъ существованій. Не смотря на эту прерывчатость, человѣкъ всѣ эти отдѣльныя существованія связываетъ въ своемъ представленіи въ одно цѣлое, какъ бы непрерывное, что и вызываетъ въ его душѣ ощущеніе единства сознанія, тождественность своего „я“. Связующимъ элементомъ служитъ главнѣйше память. Просыпаясь, человѣкъ въ первое мгновеніе оріентируется среди окружающихъ его предметовъ, и память указываетъ ему, что тѣ же предметы окружали его передъ отходомъ ко сну; вслѣдъ затѣмъ память быстро возстановляетъ въ немъ представленія о всѣхъ главнѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни, поглощавшихъ его вниманіе наканунѣ, она же подсказываетъ ему, что всѣ его стремленія, желанія, внутреннія чувства, сила и характеръ мышленія остались въ немъ неизмѣнными, не смотря на перерывъ въ его сознательной жизни; при этомъ нѣтъ надобности, чтобы память возстановила всѣ подробности его прошлой жизни: достаточно возстановленія главныхъ частей рисунка на фонѣ этой жизни.

Если, во время сна, человѣкъ, какъ бы какимъ чудомъ, перенесется, наприм., изъ снѣговъ Сибири въ лоно роскошной природы Индіи и сохранитъ при этомъ свою память, то онъ удивится совершившемуся съ нимъ чуду, будетъ стараться объяснить его, но помня все главное, что передъ сномъ доходило до его сознанія, онъ свяжетъ въ одну непрерывную нить свои ощущенія до наступленія сна и послѣ пробужденія, и такимъ образомъ сохранитъ единство своего сознанія. Единство сознанія не нарушится и тогда, когда во время предполагаемаго переноса изъ одного мѣста въ другое, въ физическомъ организмѣ человѣка произойдутъ рѣзкія измѣненія; такъ, онъ можетъ изъ высокорослаго обратиться въ карлика, изъ блондина превратиться въ брюнета .....; могутъ быть, наконецъ, ампутированы у него руки и ноги и онъ обратится въ урода. Если всѣ эти метаморфозы совершаются неожиданно для него, въ то время, когда онъ находился въ безсознательномъ состояніи, то они увеличатъ только силу его удивленія и стремленіе объяснить совершившееся съ нимъ, на единство же сознанія не окажутъ вліянія.

Если бы во время сна человѣкъ потерялъ память, то пробудившись, онъ долженъ бы былъ начать новую жизнь, подобно младенцу съ первыхъ ступеней его развитія: онъ долженъ бы былъ учиться видѣть, слышать .....; въ немъ начали бы появляться стремленія, желанія, мыслительные процессы ничѣмъ не связанные съ тѣмъ, что онъ ощущалъ передъ сномъ; самая жизнь начала бы складываться для него по новому плану, независимо отъ плана, предшествовавшаго моменту засыпанія; произошло бы полное нарушеніе единства сознанія, явилось бы новое „я“, ничѣмъ не связанное съ предшествующимъ. Единственное преимущество потерявшаго память передъ только что родившимся младенцемъ состояло бы только въ лучшей подготовкѣ его органовъ къ воспріятію внѣшнихъ впечатлѣній и въ болѣе полномъ развитіи нервной системы съ центрами для простыхъ и сложныхъ рефлексовъ.

Нарушеніе единства сознанія можетъ произойти не только отъ потери памяти, но и отъ быстраго и сильнаго пониженія психики человѣка, наприм., до уровня психики собаки. Все, что доходитъ до сознанія собаки, будутъ ли то впечатлѣнія (а не ощущенія), получаемыя ею отъ внѣшняго міра, или ощущенія, опредѣляемыя чисто духовною дѣятельностью ея психики, такъ сильно отличается отъ того, что доходитъ до сознанія человѣка, что при предполагаемомъ пониженіи его психики, большая часть содержимаго въ его памяти должна будетъ отпасть, какъ матеріалъ недоступный сознанію собаки, а то, что сохранится, будетъ недостаточно, чтобы установить единство сознанія. Такое нарушеніе единства сознанія наблюдается, когда, вслѣдствіе какихъ-либо внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ, психика человѣка понижается до идіотизма, или, сильно разстроенная, принимаетъ формы остраго помѣшательства.

Итакъ, въ случаѣ прерыва въ сознательной жизни человѣка, лдя единства сознанія необходимо, что бы память сохранила все главное изъ содержанія его жизни, при чемъ его психика не должна претерпѣвать рѣзкихъ и быстрыхъ пониженій уровня своихъ духовныхъ силъ; всѣ же другія обстоятельства, зависящія отъ времени, мѣста, окружающей среды ..... не окажутъ тутъ никакого вліянія, также какъ и измѣненія въ физической организаціи человѣка, если только они не производятъ сильнаго понижающаго вліянія на его психику.

Мысль о смерти страшитъ человѣка и возбуждаетъ въ немъ тягостныя, отталкивающія чувства, хотя въ различныхъ людяхъ сила этихъ чувствъ крайне различна въ зависимости отъ множества обстоятельствъ, вліяющихъ на психику человѣка. Источникъ этихъ чувствъ, не боязнь предсмертныхъ мученій, часто непродолжительныхъ и легкихъ, и не увѣренность, что физическій организмъ человѣка, послѣ его смерти, совершенно разрушится, а опасеніе полнаго прекращенія его сознательной жизни, что все, что составляетъ содержаніе его жизни, навсегда потухнетъ и не будетъ доходить до его сознанія, которое само ораратится въ ничто. Въ мечтахъ о будущей жизни, человѣка занимаетъ не то только, что измѣнятся къ лучшему его жизненная обстановка, его физическая и духовная организація, а надежда, что его будущая жизнь свяжется съ настоящею единствомъ сознанія, что, воскресши, онъ будетъ твердо увѣренъ, что его новая жизнь есть продолженіе его теперешней жизни, прерванной смертью, и эта увѣренность будетъ не слабѣе той, какая является въ немъ теперь, послѣ прерыва сознательной жизни сномъ. Такъ какъ физическіе организмы разрушаютоя послѣ ихъ смерти, то воскресеніе какого либо человѣка должно состоять въ появленіи въ будущемъ новаго физическаго организма, сознательная жизнь котораго связалась бы съ теперешнею жизнью этого человѣка единствомъ сознанія.

Можно ли допустить, что будущія, высшія существа будутъ обладать такими знаніями, которыя дали бы имъ возможность осуществить воскресеніе человѣка? Полагаемъ, что можно, хотя по недостатку нашего теперешняго развитія мы не можемъ точно опредѣлить, какіе пути и способы будутъ выбраны для достиженія цѣли. Тѣмъ не менѣе, уже и при нашемъ настоящемъ развитіи, мы можемъ представить себѣ нѣсколько комбинацій, хотя и могущихъ сильно расходиться съ тѣмъ, что дѣйствительно осуществится въ будущемъ, но для насъ имѣющихъ то значеніе, что они по крайней мѣрѣ опредѣлятъ уровень знаній, необходимыхъ для реализаціи самыхъ комбинацій. Остановимся на одной изъ нихъ.

Предположимъ, что будущія, высшія существа, подобно всѣмъ теперь существующимъ организмамъ, будутъ рождаться, совершать жизненный циклъ и умирать и пусть предстоитъ задача воскресить кого либо, напр., Сократа. Если допустимъ, что въ опредѣленный моментъ, въ сознаніи одного изъ будущихъ существъ, внезапно родится убѣжденіе, что онъ нѣкогда жилъ въ Греціи при той обстановкѣ, какая окружала Сократа, что имъ пережито все, что пережилъ Сократъ, что все, составлявшее содержаніе жизни Сократа, нѣкогда прошло и предъ его сознаніемъ, тогда такое существо будетъ испытывать тоже психическое состояніе, въ какомъ находится проснувшійся человѣкъ: оно неизбѣжно будетъ разсматривать свою жизнь какъ продолженіе жизни Сократа, т. е. свяжетъ свою жизнь съ жизнью Сократа единствомъ сознанія, а установленіе такой связи будетъ для Сократа равносильно факту его воскресенія.

Но убѣжденіе будущаго существа, что онъ нѣкогда жило жизнью Сократа можетъ явиться не внезапно, а поселяться въ немъ постепенно, въ періодъ его развитія отъ дѣтскаго возраста до средняго, и поселяться не какъ чудное наитіе свыше, а какъ результатъ искусственнаго воздѣйствія на него окружающихъ его лицъ, такъ что по мѣрѣ психическаго развитія этого существа, въ его сознаніи, начнутъ выступать различныя стороны жизни Сократа, не только въ хронологической ихъ послѣдовательности, но сообразно и ихъ качеству, по мѣрѣ развитія психическихъ способностей этого существа къ воспріятію этихъ качествъ.

Могутъ возразить, что воскресеніе по представленной нами схемѣ не будетъ дѣйствительнымъ воскресеніемъ, а только какъ бы его поддѣлкою, фальсификаціей. Но это возраженіе сохранитъ силу только тогда, когда докажутъ существенное различіе въ результатахъ, достигаемыхъ воскресеніемъ по нашей схемѣ и всякимъ другимъ воскресеніемъ, могущимъ быть осуществленнымъ при всякомъ другомъ, ничѣмъ неограниченномъ предположеніи. Если воскресшій человѣкъ долженъ имѣть какую-либо организацію, соотвѣтствующую его прежней, физической, то въ этомъ отношеніи всѣ возможные способы воскресенія должны быть приравнены между собою, такъ какъ для всѣхъ нихъ ставится одно и то же требованіе: сдѣлать возможнымъ существованіе человѣка при новыхъ условіяхъ жизни, въ которыя онъ будетъ поставленъ послѣ своего воскресенія, а будущія существа и будутъ обладать такою организаціею; слѣдовательно достоинство того или другого способа воскресенія опредѣлится главнѣйше тѣмъ, насколько будетъ сильно убѣжденіе воскресшаго человѣка, что онъ нѣкогда жилъ, и чѣмъ это убѣжденіе ближе къ тому, какое является въ душѣ проснувшагося человѣка, тѣмъ будетъ совершеннѣе и самый способъ. Такимъ образомъ все сводится тутъ къ воздѣйствію на психику воскресшаго человѣка и раздѣленіе воскресенія на дѣйствительное, или поддѣльное, отпадаетъ само собою.

Воскресеніе человѣка по нашей схемѣ возможно лишь тогда, когда будущія существа достигнутъ такого высокаго уровня развитія и знаній, при которыхъ они могли бы: 1) знать содержаніе прошлой жизни того или другого человѣка, поскольку оно сохранилось въ его памяти въ послѣдніе годы его жизни; 2) обладать способомъ приводить развивающійся высшій организмъ къ убѣжденію, что онъ нѣкогда жилъ жизнью воскрешаемаго человѣка и 3) изъ милліардовъ, нѣкогда жившихъ организмовъ, выбирать по произволу тотъ, который предположено воскресить. За невозможностью составить себѣ даже отдаленнаго представленія объ относящихся сюда знаніяхъ и способахъ, мы ограничимся только приведеніемъ параллельныхъ примѣровъ, взятыхъ изъ того, что уже достигнуто знаніемъ современнаго человѣка.

Дикарь, получивъ книгу, содержащую біографію какого-либо человѣка, не будетъ знать ни ея назначенія, ни содержанія; такъ же отнесется онъ и къ случайно попавшимся въ его руки цилиндрику фонографа, или лентѣ кинематографа; онъ менѣе всего будетъ подозрѣвать, что помощью особыхъ приспособленій, первый можно заставить говорить, а вторую точно воспроизвести движеніе многочисленной группы живыхъ существъ. Человѣкъ средняго образованія, прогуливаясь, можетъ и не знать, что подъ его ногами скрывается отрывокъ лѣтописи изъ отдаленнаго прошлаго з. шара, или смотря ночью на небо, усѣянное звѣздами, онъ тщетно будетъ усиливаться понять, какимъ образомъ астрономы прочли самое отдаленное прошлое въ движеніяхъ тѣлъ нашей солнечной системы. Но умъ человѣка, какъ бы ни былъ низокъ уровень его знаній, въ теченіе нѣкотораго времени можетъ быть доведенъ до пониманія того, что скрыто отъ него во всѣхъ приведенныхъ нами примѣрахъ; не таково отношеніе къ нимъ безсловеснаго животнаго, напр., собаки: никакія усилія собственнаго ума, ни воздѣйствія человѣка, не направятъ ея познавательныя силы въ ту область, которая дастъ главное содержаніе научнымъ знаніямъ человѣка. Относительно поставленной задачи воскресенія мертвыхъ мы находимся въ положеніи не дикаря, а собаки: мы подобно ей проходимъ мимо многихъ фактовъ и явленій, не подозрѣвая, что за ними скрывается область, могущая быть освѣщенною знаніями существъ болѣе насъ развитыхъ, что психическая жизнь нѣкогда жившихъ существъ оставила по себѣ такіе же прочные слѣды, какіе мы находимъ въ книгѣ, цилиндрѣ фонографа, лентѣ кинематографа, осадочныхъ пластахъ земной коры..... Такъ, выходя изъ факта, что всякій, когда либо жившій человѣкъ, связанъ со всѣми современными намъ людьми родствомъ по восходящимъ, боковымъ или нисходящимъ линіямъ, мы можемъ допустить, что въ каждомъ изъ насъ сохранились болѣе или менѣе ясные слѣды жизни, или психическихъ силъ каждаго изъ нѣкогда жившихъ людей, что эти слѣды подобно тончайшимъ нитямъ соединяютъ жизнь каждаго изъ теперь живущихъ людей, съ жизнью жаждаго изъ

прежде жившихъ, и что для освѣщенія жизни одного изъ послѣднихъ, нужно только сконцентрировать въ достаточномъ числѣ пучекъ этихъ нитей, подобно тому, какъ помощью земного телескопа мы концентрируемъ въ его фокусѣ лучи отдаленныхъ предметовъ, и направляя его по произволу на тотъ или другой предметъ, дѣлаемъ ихъ доступными нашему зрѣнію.

Относительно второго пункта, т. е. возможности приводить мыслящій организмъ къ убѣжденію, что онъ нѣкогда жилъ жизнью другого существа, то извѣстные намъ гипнозъ, галлюцинаціи, обманы памяти..... представляютъ группу психическихъ явленій достаточно обширную, чтобы склонить насъ къ мысли, что будущія существа откроютъ болѣе сильные способы для воздѣйствія на психику развивающагося организма въ желаемомъ направленіи.

Наконецъ относительно третьяго пункта мы знаемъ, что человѣкъ и теперь обладаетъ во многихъ случаяхъ вѣрными способами для выдѣленія изъ милліардовъ предметовъ тѣхъ изъ нихъ, которые отвѣчаютъ опредѣленному назначенію. Чтобы показать на частномъ примѣрѣ значеніе способа, основаннаго на знаніяхъ, мы возьмемъ такой примѣръ. Предположимъ, что художнику живописцу, обладающему наивысшею техникою въ своемъ искусствѣ, предложено изобразить на картинѣ ландшфтъ съ точнымъ обозначеніемъ на ней всѣхъ предметовъ, видимыхъ какъ простымъ глазомъ, такъ и глазомъ, вооруженнымъ сильнымъ телескопомъ. Онъ съ первыхъ же шаговъ пробы откажется отъ выполненія задачи, такъ какъ мелкія отдаленныя части ландшафта на картинѣ должны принять микроскопически малые размѣры, почему они и не могутъ быть перенесены на картину при всемъ искусствѣ художника. Хорошій фотографическій приборъ, въ нѣсколько мгновеній, дастъ требуемое изображеніе на которомъ каждая, самая мельчайшая часть, можетъ быть открыта при помощи микроскопа и такимъ образомъ какъ бы выдѣлена изъ милліоновъ окружающихъ ее также мелкихъ изображеній. Высшія знанія будущихъ существъ наведутъ и ихъ на способы выдѣлять изъ милліардовъ нѣкогда жившихъ людей тѣхъ, кого предположено воскресить.

Сравнивая прерывъ сознательнаго существованія, производимый сномъ, съ тѣмъ, какой наступаетъ для человѣка въ періодъ, протекшій отъ его смерти до воскресенія, мы должны признать между ними нѣкоторое различіе. Въ первомъ случаѣ, вслѣдствіе кратковременности прерыва, въ психическомъ складѣ человѣка не происходитъ замѣтныхъ измѣненій, почему проснувшійся человѣкъ ощущаетъ полную неизмѣнность своего „я“. Во второмъ случаѣ, воскресшій человѣкъ, олицетворенный существомъ болѣе высокимъ въ психическомъ отношеніи, будетъ ощущать свое „я“ качественно повышеннымъ; то же ощущеніе будетъ испытывать и существо, олицетворившее воскресеніе. Такъ, если въ нашемъ предполагаемомъ случаѣ воскресенія

Сократа, мы означимъ буквою А высшее существо, олицетворившее это воскресеніе, то и А и Сократъ будутъ оба ощущать одинаковое чувство, состоящее въ томъ, что нѣкогда ихъ психическій складъ былъ качественно ниже противъ того, какой они ощущаютъ послѣ воскресенія; такимъ образомъ въ сложномъ существѣ Сократъ┼А произойдетъ какъ бы послѣдовательное соединеніе сознаній двухъ существъ. Если это сложное существо смертно, то оно можетъ быть воскрешено въ новомъ, еще болѣе высокомъ существѣ Б, соединяющемъ въ себѣ сознанія трехъ существъ: Сократа, А и Б и т. д. Наконецъ, что сдѣлано по отношенію къ А, то же можетъ быть совершено по отношенію воскресшаго Сократа, т. е. можно привести его къ убѣжденію, что онъ жилъ жизнью, напр., Гераклита и такое соединеніе сознаній нѣсколькихъ, нѣкогда жившихъ людей, въ сознаніи одного существа, можетъ быть произведено неопредѣленное число разъ. Такое существо можно назвать сложнымъ индивидуумомъ.

Вѣчную жизнь простого, или сложнаго индивидуума, можно, слѣдовательно, представить какъ безчисленный рядъ жизненныхъ цикловъ, подобныхъ тѣмъ, какіе переживаетъ теперь каждый изъ насъ, прерываемыхъ интервалами различной величины. Въ этой цѣпи цикловъ, каждое звѣно будетъ заканчиваться смертью индивида и начинаться послѣдующимъ за тѣмъ его воскресеніемъ. Конечно, знанія будущихъ существъ будутъ настолько развиты, что получится возможность устранять всѣ непріятные симптомы, предшествующіе наступленію смерти современнаго человѣка, а твердая увѣренность въ новомъ воскресеніи будетъ приводить психику умирающаго организма въ состояніе близкое къ тому, какое онъ испытываетъ при засыпаніи.

Въ представленной нами схемѣ воскресенія для насъ дѣлается мыслимымъ послѣдовательное соединеніе сознаній двухъ или нѣсколькихъ существъ, но мы не можемъ себѣ составить даже малѣйшаго представленія о параллельномъ соединеніи сознаній, т. е. о такомъ комплексѣ двухъ или нѣсколькихъ организмовъ, когда каждый изъ нихъ ощущаетъ въ отдѣльности свое „я“ и въ то же время съ тою же ясностью ощущаетъ „я“ всего комплекса. Въ группѣ высшихъ организмовъ мы не знаемъ ни одного случая, могущаго дать намъ какой либо намекъ на возможность такого комплекса. Извѣстны случаи рожденія уродовъ въ видѣ двухъ сросшихся младенцевъ, которые достигали потомъ зрѣлаго возраста; но психическая жизнь одной половины такого урода не зависила отъ психической жизни другой, такъ что раздѣльность „я“ тутъ настолько же полна, какъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ человѣческаго рода. Эта раздѣльность находится въ согласіи и съ анатомическимъ устройствомъ главныхъ частей нервной системы урода: каждая половина его имѣла отдѣльно свой головной мозгъ и свою отдѣльную нервную систему. Извѣстны также случаи раздвоенія сознанія, когда нормальная жизнь человѣка прерывается періодами, въ теченіе которыхъ онъ живетъ какъ бы жизнью

другого существа, имѣющаго свое „я“ отличное отъ „я“ нормальнаго; но и тутъ въ каждый моментъ жизни, человѣкъ ощущаетъ нераздѣльность „я“.

Въ психологіи нераздѣльность „я“ принята какъ основное положеніе, установленное самонаблюденіемъ. Но психическія явленія, открываемыя намъ самонаблюденіемъ, не исчерпываютъ всего, что можетъ проявить жизнь при другихъ условіяхъ и при другой организаціи; такъ, для нашего сознанія совершенно темна область какъ побужденій такъ и цѣлесообразныхъ дѣйствій, внушаемыхъ сложнымъ инстинктомъ. Въ главѣ III, на примѣрѣ человѣка, побуждаемаго инстинктомъ плести корзину, мы указали насколько его душевное состояніе недоступно нашему сознанію.

Нѣкоторые факты изъ жизни низшихъ организмовъ наводятъ на мысль, что нераздѣльность „я“ не составляетъ общаго закона. Для подтвержденія этого мы приведемъ опытъ, произведенный Вагнеромъ надъ многоножкою (Myriapoda) изъ вида Lipbobius fortificatus, описанный въ его зоопсихологіи. Разрѣзавъ, съ особыми предосторожностями, это насѣкомое пополамъ, Вагнеръ наблюдалъ движеніе каждой половины, какъ головной, такъ и хвостовой; оказывается, что каждая половина совершаетъ такія же дѣйствія какъ и цѣльное животное, самыя же дѣйствія были такого рода, что неуклонно вели наблюдателя къ заключенію, что каждая половина насѣкомаго пробуетъ, дѣлаетъ опыты, выбираетъ, размышляетъ, т. е. каждая половина имѣетъ отдѣльное сознаніе своего „я“. Если такъ, то „я“ цѣльной многоножки, можно разсматривать какъ параллельное соединеніе „я“ обѣихъ ея половинъ.

Основная часть нервной системы многоножки состоитъ изъ нервнаго ствола, идущаго вдоль ея продольной оси, и изъ ряда нервныхъ узловъ (гангліевыхъ), распредѣленныхъ вдоль этого ствола. Каждый узелъ служитъ частнымъ центромъ психическихъ функцій, не объединенныхъ общимъ центромъ, вслѣдствіе отсутствія во всей системѣ органа, соотвѣтствующаго головному мозгу высшаго животнаго; поэтому и механическое дѣленіе насѣкомаго на части, разщепляетъ на части и его сознаніе. Если бы въ вышеприведенномъ нами примѣрѣ уродства, выразившагося въ срощеніи двухъ младенцевъ, ихъ головные мозги были соединены между собою нервнымъ стволомъ достаточной сложности и силы, тогда оба младенца, съ первыхъ же проявленій сознательной жизни, вѣроятно, начали бы ощущать двойственность „я“ объединенную общимъ „я“; поперечный разрѣзъ ствола обратилъ бы каждаго изъ нихъ въ существо съ такимъ же нераздѣльнымъ „я“, какое ощущаетъ и нормальный человѣкъ.

Послѣднія соображенія приведены нами для указанія возможности воскресенія человѣка какъ составной части сложнаго организма, въ которомъ чувства коллективнаго самосознанія не устраняетъ само-

сознанія каждаго элементарнаго „я“, входящаго въ составъ „я“, сложнаго организма.

Воскресеніе человѣка, и его будущая, вѣчная жизнь, вѣроятно осуществятся способами далекими отъ всего, что представлено въ нашихъ схемахъ и онѣ приведены нами только какъ возможныя. Степень довѣрія какъ къ этимъ, такъ и имъ подобнымъ способамъ, зависитъ отъ субъективной оцѣнки величины подъема познавательной силы, въ ея развитіи при переходѣ отъ низшихъ организмовъ къ человѣку. Читатель, оцѣнивающій этотъ подъемъ высоко и допускающій дальнѣйшее, неограниченное развитіе этой силы, вмѣстѣ съ нами, можетъ прійти не къ надеждѣ только, а къ полной увѣренности, что познавательная сила будущихъ существъ поднимется до уровня, при которомъ сдѣлается для нихъ возможнымъ осуществить воскресеніе и вѣчную индивидуальную жизнь.

Какія побужденія могутъ заставить будущія существа воскрешать нѣкогда жившихъ людей? Въ числѣ этихъ побужденій, одни конечно недоступны еще нашему сознанію, другія представляются намъ съ полною ясностью; на послѣднихъ мы и остановимся.

Чѣмъ выше развиты въ человѣкѣ этическіе элементы его психики, тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ относится онъ ко всякому страданію ближняго, и когда эти страданія являются послѣдствіемъ нарушенной справедливости, господства неправды, тогда сочувствіе гуманнаго человѣка принимаетъ форму также страданія, настолько остраго и сильнаго, что для него личное счастье дѣлается уже рѣшительно невозможнымъ, во весь періодъ переживаемыхъ имъ страданій. Въ будущихъ существахъ, развитіе положительныхъ элементовъ нашей психики достигнетъ высшихъ степеней и вмѣстѣ съ ними разовьются и этическіе элементы, поэтому личное счастье каждаго изъ этихъ существъ сдѣлается еще менѣе возможнымъ при господствѣ несправедливости въ какой бы формѣ она не проявлялась. Обладая несравненно большими, противъ насъ, матеріальными средствами и духовными силами, они, эти существа, конечно устранятъ изъ своей соціальной жизни все, нарушающее справедливость, но ихъ счастье, какъ бы полно оно ни было, всетаки будетъ сильно омрачаться сознаніемъ, что нѣкогда жили люди, претерпѣвшія въ своей жизни всяческія несчастія и гоненія за то только, что они старались провести въ жизнь правду, вмѣсто существовавшей неправды, освѣтить жизнь человѣка лучами знанія и возбудить въ его душѣ высшія стремленія; что эти люди, съ милліардами другихъ ничѣмъ неповинныхъ людей, служили ступенями, попирая которыя, сознательное начало поднималось, чтобы осуществить высшее счастье только послѣдующихъ поколѣній. Чтобы успокоить возмущенное чувство и тѣмъ достичь полнаго личнаго счастья, будущимъ суще-

ствамъ остается одно средство: дать новую, лучшую жизнь сначала всѣмъ несправедливо пострадавшимъ и бойцамъ за истинное благо человѣчества, а потомъ и остальнымъ людямъ, поскольку они почтутся достойными этой награды.

Жизнедѣятельность организмовъ проявляется въ двухъ формахъ: физической и психической, и между ними трудно установить какое либо соотношеніе. Животныя, отличающіяся живостью физическихъ функцій, вообще не имѣютъ какихъ либо психическихъ преимуществъ, передъ животными съ болѣе вялымъ темпераментомъ. И въ человѣческомъ родѣ намъ извѣстны народы съ крайне живымъ темпераментомъ, но съ тупымъ и коснымъ психическимъ складомъ и наоборотъ. Прогрессивная эволюція сознательнаго начала зависитъ главнѣйше отъ развитія и живости психическихъ силъ организмовъ. По мѣрѣ развитія этихъ силъ въ передовыхъ народахъ, возрастала въ нихъ потребность наполнять свою жизнь духовнымъ содержаніемъ, а въ передовыхъ современныхъ народахъ эта потребность сдѣлалась настолько настоятельною, что едва ли существуетъ сила, могущая ее подавить. Нормальный, всестороннее развитой человѣкъ новоевропейской цивилизаціи не видитъ прелести ни въ созерцательной жизни факира, ни въ лѣнивомъ far niente, ни тѣмъ болѣе въ нирванѣ. Его идеалъ кипучая жизнедѣятельность, могущая дать богатый вкладъ въ содержаніе его жизни; онъ не ищетъ и не желаетъ жизни безъ труда и заботъ, а старается тяжелыя формы перваго замѣнить болѣе легкими, а вторую лишить ея угнетающаго характера.

Въ высшихъ существахъ будущаго, одновременно съ подъемомъ психическихъ силъ, будетъ возрастать и ихъ жизнедѣятельность, а эта въ свою очередь будетъ развивать въ нихъ потребность наполнять свою жизнь болѣе и болѣе богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ. Матеріальная и духовная обстановка ихъ жизни приметъ другой, высшій видъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ власть надъ природою, возрастая, можетъ принять такіе размѣры, о которыхъ мы теперь не смѣемъ и мечтать: возможно, что они сдѣлаются полными распорядителями теллурическихъ процессовъ, что въ ихъ власти будетъ вліять на распредѣленіе по земной поверхности теплоты, влаги..... что измѣняя рельефъ этой поверхности, они будутъ измѣнять и самый климатъ той или другой области, что, наконецъ, они откроютъ способы сноситься съ разумными существами, населяющими другіе мѣры и т. д. и т. д.....

Для поддержанія своего господства надъ природою и для созданія всѣхъ благъ цивилизаціи, современный человѣкъ долженъ затрачивать не мало жизненной энергіи; еще большей затраты энергіи потребуется отъ будущихъ существъ, поэтому всякая помощь будетъ имѣть для нихъ важное значеніе, а такую помощь они получатъ воскрешая тѣхъ людей, въ которыхъ съ особою силою проявилась воля въ благодѣтельномъ для человѣчества направленіи; увеличеніе

суммы психической энергіи для будущихъ существъ произойдетъ, каковъ бы не былъ способъ осуществленія воскресенія. Такимъ образомъ воскресеніе нѣкогда жившихъ людей совершится подъ вліяніемъ двухъ побужденій, изъ которыхъ одно этическаго характера, другое утилитарнаго. Всѣ пострадавшіе за правду, всѣ мученики за то, что они считали истиною, всѣ благодѣтели и бойцы за благо человѣчества, при воскресеніи будутъ поставлены въ первую очередь, за ними послѣдуютъ тѣ, несчастная и угнетенная жизнь которыхъ способствовала прогрессивной эволюціи сознательнаго начала природы; прожившіе же свою жизнь въ довольствѣ удовлетвореннаго животнаго эгоизма, или проявившіе свою волю въ направленіи явно враждебномъ благу человѣчества и его прогрессу, какъ безполезные и вредные элементы, будутъ обречены на вѣчную смерть.

Одна изъ цѣлей нашего труда—выставить контрастъ между сознательнымъ и безсознательнымъ началами природы; но для правильнаго опредѣленія отношенія между ними, человѣку много мѣшаетъ то обстоятельство, что для оцѣнки этого отношенія онъ не можетъ обратиться ни къ кому другому, какъ только къ самому себѣ, слѣдовательно, долженъ выбрать судью ту сторону, которая, не смотря на все свое желаніе, не можетъ относиться къ дѣлу съ полною объективностью. Философія, понимаемая въ обширномъ значеніи этого слова, ставитъ для себя главнѣйшею задачею установить для разума человѣка такую точку зрѣнія, съ которой оцѣнка міровыхъ явленій была бы по возможности дальше отъ внушеній субъективизма и вся исторія философіи показываетъ, что она достигла тутъ громадныхъ результатовъ, хотя до полнаго рѣшенія задачи ей такъ же далеко, какъ далеко познавательной силѣ до абсолютнаго знанія.

Есть цѣлый рядъ предметовъ и явленій, при оцѣнкѣ которыхъ человѣкъ находится постоянно въ колеблющемся настроеніи, смотря по точкѣ зрѣнія, выбранной имъ въ моментъ оцѣнки. Къ числу такихъ предметовъ принадлежитъ и организмъ самаго человѣка, разсматриваемый какъ аккумуляторъ физической и психической энергіи. Остановимся на немъ, какъ на высшей формѣ проявленія сознательнаго начала.

При сравненіи животныхъ одного и того же класса, понятіе о физической силѣ животнаго вяжется съ представленіемъ о его величинѣ. Если согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, что человѣкъ есть существо по величинѣ ничтожно малое и потому физически слабое, то спрашивается: какую величину человѣческаго тѣла надо считать достаточною, чтобы измѣнить это мнѣніе на обратное? Надо замѣтить, что понятіе о величинѣ какого либо тѣла не имѣетъ абсолютнаго значенія: оно только относительно; такъ, человѣкъ, по размѣрамъ своего тѣла, ничтоженъ передъ земнымъ шаромъ, но и земной

шаръ составляетъ очень малую часть солнечной системы, а послѣдняя ничтожна передъ звѣздною областью, открываемою намъ вооруженнымъ глазомъ; но и эта громадная область безконечно мала передъ всею безконечною вселенною. Далѣе, если мы представимъ себѣ, что тѣло человѣка увеличилось во сколько нибудь разъ и во столько же разъ увеличились бы и всѣ предметы природы: животныя, растенія, горы, земной шаръ, солнечная система ....., энергіи всѣхъ физическихъ силъ, тогда, субъективно, человѣкъ не замѣтилъ бы своего увеличенія, а объективно взаимодѣйствіе между человѣкомъ и внѣшнею природою осталось бы безъ измѣненія. Слѣдовательно, для произведенія нужнаго впечатлѣнія на человѣка, надо увеличить величину только его организма, оставивъ безъ измѣненія все остальное въ природѣ, что мы и сдѣлаемъ въ своемъ предположеніи, увеличивъ ростъ человѣка примѣрно въ 40 разъ, и посмотримъ, что выиграетъ онъ отъ такого увеличенія.

Полагая, что пропорціональность частей тѣла дѣйствительнаго человѣка сохранится и въ нашемъ великанѣ, мы найдемъ, что объемъ его тѣла въ 60000 разъ превыситъ объемъ тѣла обыкновеннаго человѣка, а на основаніи закона, что физическая энергія мышцы пропорціональна площади ея поперечнаго сѣченія и длинѣ линіи ея сокращенія, найдемъ, что и сила нашего великана также въ 60000 разъ превыситъ силу обыкновеннаго человѣка, т. е. достигнетъ энергіи 5000-сильной паровой машины.

Для питанія великана потребуется столько пищи, сколько нужно для продовольствія города въ 60000 обыкновенныхъ людей, что при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, повлечетъ за собою пропорціональное уменьшеніе числа разумныхъ существъ, могущихъ выжить на опредѣленной территоріи, да и добыча самой пищи представитъ для великана непреоборимыя трудности. Будучи ростомъ около 30 саженей, онъ не можетъ для устройства своего жилища пользоваться древеснымъ матеріаломъ такъ, какъ пользуемся имъ мы, п. ч. самыя высокіе стволы деревьевъ будутъ имѣть для него значеніе хвороста, а для возведенія каменныхъ построекъ, соотвѣтствующихъ его росту, ему придется, для добыванія строительнаго матеріала, взламывать цѣлыя горы. Такъ какъ почти всѣ его физическія потребности возрастутъ, противъ потребностей обыкновеннаго человѣка, пропорціонально его объему, то для него будетъ такъ же важно пользоваться силами животныхъ и природы, какъ ими пользуется человѣкъ; но самая сильная лошадь доставитъ ему относительно такъ же мало рабочей силы, какъ мала для насъ сила мыши. Наши вѣтряные, водяные и паровые двигатели, даже въ 1000 силъ, будутъ имѣть для него значеніе только игрушекъ, а не могучихъ помощниковъ въ индустріи; для постройки же двигателей, соотвѣтствующихъ его силѣ, онъ въ корѣ земной не найдетъ такихъ мощныхъ залежей желѣзныхъ рудъ и горючаго, которыя, при пропорціональной его силѣ затратѣ

труда, могли бы доставить нужный матеріалъ какъ для построенія самыхъ двигателей, такъ и для ихъ эксплоатаціи. Такимъ образомъ, нашъ великанъ, по сравненію съ обыкновеннымъ человѣкомъ, едва ли что выиграетъ, но, несомнѣнно, весьма много потеряетъ.

Вселенная содержитъ въ себѣ громадныя скопленія потенціальной и кинетической энергій, представляемыхъ ея безчисленными раскаленными и движущимися тѣлами, но человѣкъ входитъ въ непосредственное соприкосновеніе не съ этими космическими силами, а съ силами мѣстными, теллурическими, ничтожными по сравненію съ первыми. Сознательное начало, проявляя одну изъ своихъ потенцій въ архитектоникѣ организмомъ, подъ вліяніемъ всѣхъ факторовъ, опредѣляющихъ дарвинскій подборъ, привела организмъ высшаго существа, человѣка, къ такимъ размѣрамъ, при которыхъ онъ былъ бы не настолько малъ и слабъ, чтобы не выдержать борьбу съ большинствомъ другихъ организмовъ животнаго міра и не настолько великъ, чтобы не воспользоваться въ наибольшей мѣрѣ выгодами эксплоатаціи силъ окружающей его природы. Къ этому добавимъ сказанное нами въ главѣ IV, что при существующихъ размѣрахъ своего организма, и при физическихъ условіяхъ своего существованія, человѣкъ получаетъ отъ природы наибольшую сумму и наиболѣе цѣнныхъ впечатлѣній изъ ряда тѣхъ, какія доступны какимъ бы то ни было другимъ чувствующимъ организмамъ, населяющимъ теперь землю. Въ дальнѣйшей эволюціи, организмы высшихъ существъ, будутъ измѣнять свои формы и величину въ соотвѣтствіи съ послѣдующими измѣненіями въ окружающей природѣ и со степенью господства надъ нею этихъ существъ.

Итакъ, мощь человѣка не въ его физическомъ организмѣ, а въ его психикѣ, и дальнѣйшее возрастаніе этой мощи будетъ зависѣть, главнѣйше, отъ развитія психическихъ силъ будущихъ существъ.

Если все доходящее до нашего сознанія, мы представимъ себѣ какъ одно цѣлое, то въ этомъ цѣломъ нашъ разумъ поражается величіемъ двухъ сущностей: въ одной, матеріальной,—мы поражаемся величіемъ пространственныхъ размѣровъ, въ другой, духовной,—не меньшимъ величіемъ ея проявленій. Въ основѣ впечатлѣнія величія первой сущности лежитъ пространственный масштабъ и сравненіе ничтожности размѣровъ нашего физическаго организма съ міровыми тѣлами; впечатлѣніе величія второй,—опредѣляется категоріями несравненно болѣе сложными, глубокими и содержательными. Второе величіе такъ же реально, какъ и первое, поэтому не въ метафорическомъ смыслѣ мы понимаемъ это величіе въ индивидуальныхъ и коллективныхъ проявленіяхъ человѣческаго духа: мы дѣйствительно считаемъ великими нашихъ Аристотелей, Ньютоновъ, Шекспировъ, Галиллеевъ, всѣхъ борцовъ за высшія блага человѣчества, за его религію, свободу, просвѣщеніе, считаемъ великими умы и характеры, оказавшіе сильное вліяніе на судьбы человѣчества. А это творчество

человѣческаго духа, проявляющееся въ безчисленномъ множествѣ его произведеній, начиная съ наиболѣе глубокихъ и богатыхъ содержаніемъ произведеній искусства и кончая сложными и остроумными сооруженіями техники. Если только остановиться на послѣднихъ, то и въ нихъ однихъ сказывается творческая мощь человѣческаго духа. Наше воображеніе поражается величіемъ и стройностью солнечной системы; но отнимите отъ нея величіе пространственныхъ размѣровъ и останется очень простая, въ механическомъ отношеніи, система, не сложнѣе той, какую представляетъ движеніе жидкости въ сосудѣ, приведенной во вращательное движеніе вмѣстѣ съ взвѣшанными въ ней тѣлами. Какъ значительно сложнѣе многія созданія человѣческаго духа, наприм., телеграфъ Юза, броненосецъ со всѣми своими приспособленіями и аппаратами, фабрика для выработки сложныхъ фабрикатовъ..... только удивительные по цѣлесообразности и сложности организмы животнаго царства могутъ быть сопоставлены тутъ для сравненія, но и они суть продукты дѣятельности того же начала, которое явно проявляетъ себя въ душѣ человѣка.

Сознательное начало, для своихъ высшихъ функцій въ душѣ человѣка, нуждается въ ничтожной доли мозгового вещества и эта ничтожность не препятствуетъ ему мыслью и воображеніемъ охватить всю вселенную: оно стремится все освѣтить, все изслѣдовать и постичь; его не удерживаютъ ни безграничная обширность мірозданія, ни недоступная глубь земной массы, ни столько же недоступная его чувствамъ внутренняя структура предметовъ вещественнаго міра; съ не меньшею силою оно стремится постичь и таинственную область психическихъ явленій.

Различныя точки зрѣнія, съ которыхъ смотритъ человѣкъ на свои отношенія къ окружающему міру, опредѣляютъ и его различныя настроенія при оцѣнкѣ этихъ отношеній. Эти настроенія прекрасно выразилъ нашъ поэтъ, заставивъ человѣка сказать о себѣ:

„Я царь—я рабъ, я червь—я богъ“.

Когда человѣкъ чувствуетъ себя владыкою всего животнаго міра, стоящаго ниже его,—онъ царь; когда сознаетъ свое безсиліе бороться съ своими низкими побужденіями, или съ темными психическими силами, извнѣ давящими его,—онъ рабъ; когда видитъ ничтожность своего физическаго организма, по сравненію съ громадными предметами природы,—онъ червь; когда, наконецъ, онъ чувствуетъ въ своей душѣ творческія силы и независимость своей воли—онъ богъ.

Отъ степени развитія сознательнаго начала въ томъ или другомъ организмѣ и отъ условій, въ которыхъ поставлена его жизнь, зависитъ характеръ и содержаніе представленій его о внѣшнемъ мірѣ и вообще о всемъ мірозданіи. Въ каждый данный моментъ, для всего живущаго на землѣ, одинъ и тотъ же міръ представляется крайне различнымъ: для воднаго животнаго это представленіе одно, для насѣкомаго—другое, для травояднаго—третье и т. д., даже для чело-

вѣка представленіе о мірѣ мѣняется въ зависимости отъ степени его психическаго развитія. Только во всесторонне развитомъ, и богато одаренномъ современномъ человѣкѣ, представленіе о природѣ и мірѣ вообще достигаетъ наибольшаго содержанія и блеска. Это различіе зависитъ отъ степени развитія знаній и отъ способности души индивида предвносить отъ себя въ явленія природы такіе элементы, которымъ въ самой природѣ соотвѣтствуетъ нѣчто другое, какъ объ этомъ болѣе подробно было говорено нами въ гл. IV. Если уже и для современнаго человѣка умственное и эстетическое созерцаніе природы служитъ богатымъ источникомъ для высшихъ наслажденій, то для сознанія будущихъ, высшихъ существъ, та же природа раскроется въ несравненно большей полнотѣ и красотѣ; она, оставаясь тою же, будетъ мѣняться къ лучшему въ представленіи этихъ существъ, по мѣрѣ ихъ развитія, и такимъ образомъ постепенно достигать въ ихъ сознаніи того предѣла, когда можно будетъ сказать, что существующій міръ есть прекраснѣйшій изъ возможныхъ міровъ.

Мы называемъ великимъ человѣка, проявившаго свое величіе въ особой, исключительной силѣ своей психики; называемъ великимъ и народъ, заявившій себя въ исторіи коллективною дѣятельностью своего, исключительно сильнаго и творческаго духа. По частнымъ проявленіямъ въ отдѣльныхъ людяхъ и народахъ мы заключаемъ и о величіи начала, служащаго источникомъ такихъ проявленій, названнаго нами сознательнымъ началомъ природы. При сравненіи величія двухъ началъ, сознательнаго и безсознательнаго, нашъ разумъ тщетно старается отыскать такую точку зрѣнія, съ которой сравненіе было бы возможно и главнымъ препятствіемъ служитъ тутъ невозможность примѣнить общій масштабъ для измѣренія проявленій обоихъ началъ, такъ какъ эти проявленія категорически различны. Дѣйствительно, для измѣренія всѣхъ тѣлъ вселенной, начиная съ песчинки и кончая міровыми тѣлами, мы употребляемъ пространственный масштабъ: дюймъ, футъ, версту, милю....; тотъ же масштабъ мы примѣняемъ и къ различнымъ видамъ физической энергіи, такъ какъ каждая изъ нихъ есть особый видъ движенія чего-либо; но это что-либо, имѣющее признаки только безсознательнаго начала и ни одного признака сознательнаго, такъ же какъ и самое движеніе, измѣряются пространственнымъ же масштабомъ. Обратившись же къ проявленіямъ сознательнаго начала, мы замѣчаемъ, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть измѣрено тѣмъ же масштабомъ; такъ, взявъ, напр., низшую форму проявленія одной изъ потенцій сознательнаго начала, чувство голода или жажды, мы находимъ рѣшительно невозможнымъ, силу этихъ чувствъ, измѣрять дюймами, футами и т. п., еще менѣе возможно такое измѣреніе для высшихъ проявленій потенцій сознательнаго начала.

Сравненіе величій обоихъ началъ дѣлается возможнымъ только при помощи метафоры; но за то этотъ способъ будетъ имѣть всѣ недостатки метафорическихъ пріемовъ; за неимѣніемъ лучшихъ прибѣгнемъ къ нему.

Когда съ нѣкотораго разстоянія мы смотримъ на два уголька незажженаго электрическаго фонаря, размѣры ихъ кажутся незначительными; но когда чрезъ угли пройдетъ электрическій токъ, то свѣтовой эффектъ настолько сильно завладѣваетъ нашимъ вниманіемъ, что въ немъ остается очень мало мѣста для угольковъ, служащихъ источникомъ этого свѣта, т. е. ихъ физическіе размѣры покажутся ничтожными передъ обширною областью, освѣщенною свѣтомъ, при чемъ свѣтовое излученіе, по своему качеству, займетъ въ нашемъ представленіи гораздо болѣе высокое мѣсто, чѣмъ представленіе угольковъ. Мы говоримъ здѣсь о впечатлѣніи, произведенномъ не на того, кто относится къ явленію съ настроеніемъ ученаго изслѣдователя, а на обыкновеннаго человѣка, находящагося подъ вліяніемъ только зрительныхъ впечатлѣній.

Предположимъ, что психическій элементъ всякаго животнаго организма, между прочимъ, проявляетъ себя и въ формѣ особаго рода лучей, окружающихъ этотъ организмъ въ видѣ ореола и недоступныхъ нашему органу зрѣнія, подобно ультрафіолетовымъ лучамъ и лучамъ Рентгена, но доступныхъ особо устроенному органу; тогда для существа, обладающаго такимъ органомъ, какое-нибудь низшее животное, напр., моллюскъ, будетъ казаться окруженнымъ едва замѣтнымъ ореоломъ, а ореолъ, окружающій геніальнаго человѣка будетъ казаться, какъ въ качественномъ отношеніи, такъ и по своимъ размѣрамъ, настолько внушительнымъ, что передъ нимъ стушуется незначительный размѣръ человѣческаго тѣла, подобно тому, какъ размѣры угольковъ электрическаго фонаря стушевываются передъ его свѣтовымъ эффектомъ.

Если предположить, что воображаемое существо обладаетъ неопредѣленно большею долговѣчностью и помѣщено на значительномъ разстояніи отъ з. шара, тогда въ періодъ палеозойской группы (см. рисунокъ) онъ замѣтилъ бы сначала слабый психическій свѣтъ, происшедшій отъ сліянія ореоловъ первыхъ животныхъ, появившихся на з. шарѣ, и этотъ свѣтъ выходилъ бы только отъ частей, покрытыхъ водой; по мѣрѣ перехода отъ силурійской и девонской формацій къ позднѣйшимъ, свѣтъ, увеличиваясь на водной поверхности, перешелъ бы на материки и острова и въ періодъ мезозойской группы онъ достигъ бы уже значительной силы, при чемъ начали бы замѣтно выдѣляться лучи, соотвѣтствующіе интеллектуальной и эстетической потенціямъ. Въ слѣдующій періодъ кайнозойской группы, съ появленіемъ человѣка, свѣтъ сильно увеличивается и въ современную намъ эпоху достигаетъ великолѣпныхъ свѣтовыхъ столбовъ, выходящихъ изъ различныхъ частей поверхности земли.

Если нашъ воображаемый наблюдатель продолжитъ свои наблюденія и на будущія времена, то чрезъ сотни тысячъ и милліоны лѣтъ онъ увидѣлъ бы нашу планету окруженною безграничнымъ ореоломъ; увидѣлъ бы, что и отъ другихъ міровыхъ тѣлъ, населенныхъ разумными существами, распространятся во всѣ стороны подобные же ореолы, которые, сливаясь и взаимно переплетаясь, наполнятъ всю вселенную пожаромъ всевозможныхъ цвѣтовъ, волнующихся подобно лучамъ сѣвернаго сіянія. Тогда впечатлѣнія, полученныя имъ, привели бы его къ понятію о значеніи каждаго начала природы въ міровой жизни далекому отъ того, какое мы обычно составляемъ себѣ: онъ увидѣлъ бы, что пространственная безконечность вселенной дѣлаетъ ее достойною, чтобы служить ареною для начала живого, творческаго и также безконечнаго въ развитіи своихъ потенцій.

Творецъ вселенной не нуждается ни въ какихъ метафорахъ. Онъ обладаетъ абсолютнымъ масштабомъ для опредѣленія истиннаго значенія въ міровой жизни каждаго изъ двухъ началъ природы. Наука вообще, и въ частности исторія человѣчества, явно указываютъ на различія въ отношеніи Бога-Творца къ этимъ началамъ. Создавъ безсознательное начало, со всѣми его свойствами, Онъ предоставилъ матеріальные процессы дѣйствію ихъ естественныхъ силъ, которыя и привели вселенную къ предначертанному Имъ современному состоянію. Иначе отнесся Онъ къ сознательному началу: пока оно не переступало границъ, отдѣляющихъ безсловесное животное отъ человѣка, развитіе его предоставлялось свободному дѣйствію всѣхъ факторовъ дарвинскаго подбора и этого было достаточно для проявленія интеллектуальныхъ, эстетическихъ и нравственныхъ потенцій въ ихъ низшихъ формахъ. Со времени же выдѣленія человѣка изъ остальной группы живыхъ существъ, началось воздѣйствіе Бога-Творца на развитіе нравственныхъ и религіозныхъ потенцій человѣческаго духа. Это воздѣйствіе было необходимо, потому, что факторы дарвинскаго подбора не благопріятствовали развитію ни высшихъ формъ нравственной потенціи, ни, тѣмъ болѣе, появленію высшаго религіознаго міровоззрѣнія, основаннаго на монотеизмѣ.

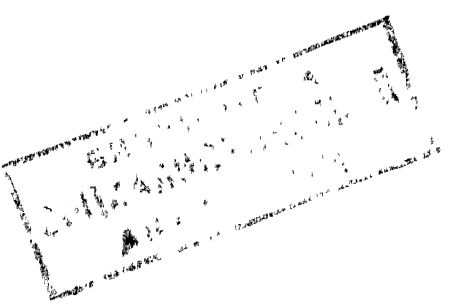
Помимо общаго вліянія на психику человѣка, воздѣйствіе Творца проявлялось и въ видѣ знаменій, явленій и чудесъ. Надо полагать, что всѣ народы въ большей или меньшей мѣрѣ испытали на себѣ оба вида такого воздѣйствія, но въ ихъ религіяхъ оно исказилось и замаскировалось различными миѳами и легендами. Только Откровенная религія христіанства, помимо высочайшаго ея внутренняго содержанія, имѣетъ передъ другими религіями то преимущество, что ея фактическая сторона не искажена легендами, а имѣетъ такую же достовѣрность, какъ и другія несомнѣнные факты исторіи *). Надо

*) См. Роу. Несомнѣнныя истины христіанства. Лекціи, читанныя въ Оксфордскомъ университетѣ.

полагать, что и въ другихъ безсчисленныхъ мірахъ Промыслъ Творца выражается въ способахъ, подобныхъ тѣмъ, въ какихъ Онъ выразился на нашей планетѣ.

Предъ современною наукою жизнь вселенной выступаетъ какъ величественный, поражающій своею грандіозностью, процессъ. Этотъ процессъ можно сравнить съ движеніемъ громаднаго корабля, наполненнаго міріадами живыхъ существъ. Мы, находясь въ каютахъ и трюмѣ этого корабля, и занятые будничными заботами, изрѣдка заглядываемъ въ окна каютъ и намъ кажется, что корабль неподвиженъ. Въ дѣйствительности же, онъ, повинуясь дѣйствію силъ сознательнаго начала, медленно движется изъ страны мрака, холода, низкихъ чувствъ и ощущеній въ страну свѣта, тепла, радости и высшихъ формъ жизни; изъ страны страданій и смерти въ страну полнаго счастья и безсмертія.

В. Малининъ.



Объясненіе терминовъ, употребленныхъ въ сочиненіи.

Аккумуляторъ. Естественный или искусственный предметъ, служащій для запаса физической энергіи.

Амеба. Простѣйшее микроскопическое животное, состоящее изъ протоплазмы.

Антиномія. Противорѣчіе, обнаруживающееся только послѣ анализа какого-либо понятія.

Антропоморфизмъ. Приписываніе какому-либо предмету свойствъ и качествъ человѣка.

Архитектоника. Строеніе предмета по явно выраженному плану.

Генезисъ. Рожденіе, происхожденіе чего-либо.

Гидатоморфизмъ. Измѣненіе состава горныхъ породъ, произведенное дѣйствіемъ воды, переносящей, въ видѣ растворовъ, различныя вещества изъ однихъ горныхъ породъ въ другія, послѣдствіемъ чего являются измѣненія въ объемахъ этихъ породъ.

Гносеологія. Часть философіи, разсматривающая законы и значеніе познанія.

Дискурсивное созерцаніе чего-либо чрезъ посредство ранѣе пріобрѣтенныхъ понятій.

Императивъ нравственный. Основа того, что вызываетъ въ нашей душѣ чувства нравственнаго долга и требованія совѣсти.

Интуитивное созерцаніе чего-либо чрезъ посредство внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ и апріорныхъ понятій.

Комплексъ. Совокупность предметовъ и явленій.

Концептъ, концепція. Сложное понятіе, образованное изъ понятій, болѣе простыхъ.

Координаты. Линіи и плоскости, по отношенію къ которымъ опредѣляютъ положеніе различныхъ точекъ какой-либо системы.

Космогонія. Строй понятій о происхожденіи вселенной.

II.

Менискъ. Изгибъ, близъ стѣнокъ сосуда, плоской поверхности жидкости, налитой въ него.

Морфологія. Наука о внѣшнемъ и внутреннемъ строеніи организмовъ.

Онтологія. Философское ученіе о бытіи, или началахъ.

Палеонтологія. Наука объ ископаемыхъ организмахъ.

Пертурбація. Измѣненія въ движеніи планетъ, вызванныя постоянно или временно дѣйствующими силами тяготѣнія, независимыми отъ солнца.

Потенція. Сила, свойство, качество, скрывающіяся въ предметѣ и при благопріятныхъ условіяхъ могущія проявить себя.

Protozoa. Простѣйшія животныя.

Румбъ. Всякая прямая линія, проведенная изъ глаза наблюдателя къ какой-либо точкѣ горизонта.

Субстратъ. Основа чего-либо.

Спекуляція философская. Умозрѣніе, основанное на понятіяхъ чистаго разума, безъ примѣси эмпиризма.

Эмбріонъ. Зачатокъ, зародышъ.